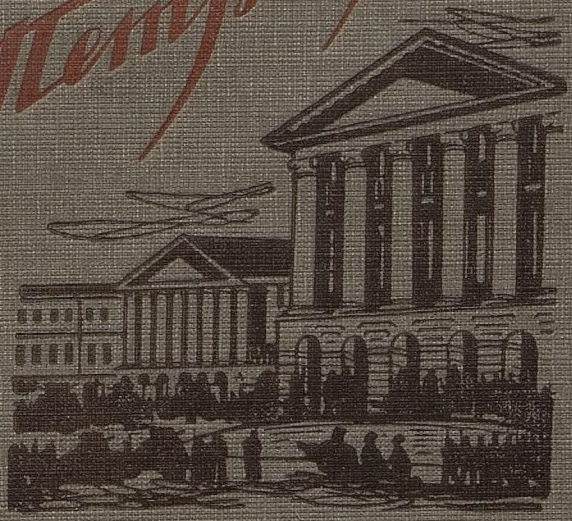
Октябрь в Петрограде



ИНСТИТУТ

ленпартиздат 1933

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ВКП(б)

ЕН363
0424

ОКТЯБРЬ В ПЕТРОГРАДЕ

Сборник статей

под редакцией О. А. ЛИДАК

ЛЕНИАРТИЗДАТ
ЛЕНИНГРАД • 1933

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ 2006

ЕН363
0424

БИБЛИОТЕКА ИНСТИТУТА ЛЕНИНА

7825

708882

Ответственная редакция *М. Пенчанская и А. Рубинштейн.* Технич. редактор *Э. Блейх*

Сдано в набор 9/X 1933 г. Подписано к печати 29/X 1933 г.
Партиздат № 1501/л. Тираж 15385 Ленгорлит № 25233. Зак. № 1145
Формат бумаги 62×94 см. 21¼ печ. л. (96.000 тип. знак. в 1 бум. л.) Бум. л. 10⅝

2-я типография „Печатный Двор" треста „Полиграфкнига", Ленинград, Гатчинская, 26

О. Лидак

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС ОТ ФЕВРАЛЯ ДО ИЮЛЬСКИХ ДНЕЙ

ЛЕНИНСКАЯ ОЦЕНКА ХАРАКТЕРА ФЕВРАЛЬСКОЙ (МАРТОВСКОЙ) РЕВОЛЮЦИИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ЕЕ РАЗВИТИЯ

После поражения революции 1905 года перед гегемоном революции — пролетариатом стояла та же задача, что и в 1905 г.: совершить буржуазно-демократическую революцию, чтобы *немедленно* переходить к революции пролетарской. В сжатой форме эта задача Лениным изложена следующими словами:

> «Полная победа теперешней революции будет концом демократического переворота и началом решительной борьбы за социалистический переворот. Осуществление требований современного крестьянства, полный разгром реакции, завоевание демократической республики будет полным концом революционности буржуазии и даже мелкой буржуазии, — будет началом настоящей борьбы пролетариата за социализм. Чем полнее будет демократический переворот, тем скорее, шире, решительнее развернется эта новая борьба... ибо от революции демократической *мы сейчас же начнем переходить* (курсив мой — *О. Л.*) и как раз в меру нашей силы, силы сознательного и организованного пролетариата, начнем переходить к социалистической революции. Мы стоим за непрерывную революцию. Мы не остановимся на полпути». [1]

Большевистская партия, верная традициям Маркса — Энгельса, с самого своего возникновения держала курс на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Владимир Ильич еще в своих первых теоретических работах в 90-х годах прошлого века («Что такое друзья народа» и др.) выдвинул положение о пролетариате как о гегемоне в эпоху буржуазно-демократической революции. Пролетариат должен возглавить буржуазно-демократическую революцию, свергнуть царизм и начать переход к революции социалистической как своей основной и главной цели.

> «На класс рабочих и обращают социал-демократы все свое внимание и всю свою деятельность. Когда передовые представители его усвоят идеи научного социализма, идею об исторической роли русского рабочего, когда эти идеи получат широкое распространение и среди рабочих создадутся прочные организации, преобразующие теперешнюю разрозненную экономическую войну рабочих в сознательную классовую борьбу, — тогда русский *рабочий*, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет *русский пролетариат* (рядом с пролетариатом *всех стран*) прямой дорогой открытой политической борьбы *к победоносной коммунистической революции*». [2]

---

[1] *Ленин.* Соч., т. VIII, стр. 118, 186.
[2] Курсив Ленина. Соч. т. I, стр. 194.

Не чем иным как чудовищной клеветой на партию большевиков является утверждение Троцкого в его книгах «1905 год», «Февральская революция» и др., будто большевики в 1905 г. были против перерастания, будто они ограничивали революцию только задачами буржуазного характера и будто только в 1917 г. они выставили лозунг перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Фальсификацией ленинизма является также утверждение троцкистских контрабандистов, выдвигающих теорию двух планов перерастания у Ленина и отрицающих возможность перерастания в эпоху революции 1905 г., мотивируя это тем, что страна в тот период экономически, якобы, не созрела еще для социализма. Все это льет воду на мельницу контрреволюционного троцкизма, политика которого в 1905 г., несмотря на революционную фразеологию: «без царя; а правительство рабочее», по сути дела означала бесперспективность, пассивность и выжидание европейской революции (без немедленной европейской революции гибель нашей революции неизбежна).

В годы мировой империалистической войны большевики вели решительную борьбу за превращение империалистической войны в гражданскую; Ленин на основе разработанной им теории империализма, на основе разработанного им закона неравномерного развития капитализма в эпоху империализма, выставил положение о возможности победы социализма в одной стране. Ведя решительную борьбу против социал-шовинизма и центризма, разоблачая всю гнусность и предательское отношение этих партий к интересам пролетариата, партия большевиков во главе с Лениным проделала большую работу по организации III Интернационала. Критикуя ошибки левых в германской и других с.-д. партиях, продолжая непримиримую борьбу за ортодоксальный марксизм, большевики облегчили этим левым группам процесс изживания центристских ошибок и облегчили тем самым возникновение нового коммунистического интернационала.

По отношению к задачам предстоящей революции в России большевики исходили из того положения, что пролетариат, как гегемон всех трудящихся, должен вести борьбу за превращение империалистической войны в войну гражданскую, которая на первом своем этапе должна привести к революционно-демократической диктатуре пролетариата и крестьянства, а затем, немедленно переходя в революцию социалистическую, поднять против буржуазии пролетариат Европы и угнетенные народы колоний.

> «На вопрос, что бы сделала партия пролетариата, если бы революция поставила ее у власти в теперешней войне, мы отвечаем: мы предложили бы мир всем воюющим на условии освобождения колоний и всех зависимых, угнетенных и неполноправных народов. Ни Германия, ни Англия с Францией не приняли бы (при теперешних правительствах их) этого условия. Тогда мы должны были бы подготовить и повести революционную войну, т. е. не только полностью провели бы самыми решительными мерами всю нашу программу-минимум, но и систематически стали бы поднимать на восстание все ныне угнетенные великороссами народы, все колонии и зависимые страны Азии (Индию, Китай, Персию и пр.), а также — и в первую голову — поднимали бы на восстание социалистический пролетариат Европы против его правительства и вопреки его со-

циал-шовинистам. Не подлежит никакому сомнению, что *победа пролетариата в России* (курсив мой — *О. Л.*) дала бы необыкновенно благоприятные условия для развития революции и в Азии и в Европе. [3]

Несмотря на то, что партия поставила ближайшей, первой задачей свержение самодержавия, все же главной задачей партия считала свержение буржуазии, установление диктатуры пролетариата. Только пролетарская революция может дать измученному войной человечеству избавление от ужасов капиталистического строя. Чудовищным извращением ленинизма и клеветой на партию является утверждение троцкистского контрабандиста Волосевича, будто партия в годы войны считала перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую вопросом не актуальным. Наоборот, Ленин со всей силой подчеркивал неизбежность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, в связи с перспективой надвигающейся революции.

После свержения самодержавия в стране создалось чрезвычайно сложное положение, заключающееся именно в *двоевластии* — в наличии существования рядом двух правительств: Временного правительства и Совета рабочих и солдатских депутатов.

Особенностью момента, наступившего с переходом власти в руки буржуазии, Ленин считал переход от первого этапа революции «ко второму ее этапу, который должен дать власть в руки пролетариата и беднейших слоев крестьянства». Некоторые большевики во главе с Каменевым придерживались взглядов, что нам предстоит еще особая полоса революционно-демократической диктатуры, и считали переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства преждевременным.

Ленин считал этот взгляд глубоко ошибочным; он объяснял т. Каменеву, что последний неправильно понимает лозунг революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. Ильич цитирует места из своих статей, написанных в 1905 г., где говорится, что этот лозунг, как и все на свете, имеет и прошлое и будущее: прошлое — это борьба пролетариата в союзе со всем крестьянством против феодализма, будущее этого же лозунга — борьба пролетариата в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации середняка против буржуазии города и деревни. Ленин считал недопустимым для марксиста останавливаться только на прошлом этого лозунга, когда на деле началось будущее; ведь сам факт двоевластия уже говорил о своеобразном осуществлении в России революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства; он говорил, что неправильно возводить китайскую стену между доведением до конца буржуазно-демократической революции и революцией пролетарской, что ближайшей задачей революции является переход от первого этапа революции, давшего власть буржуазии, ко второму ее этапу, который должен обеспечить переход власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства.

В первом письме издалека Ленин писал, что новое правительство империалистической буржуазии не может дать измученному народу

---

[3] *Ленин*. Соч., т. VIII, стр. 313, изд. 3-е.

мира, потому что оно само заинтересовано в продолжении войны с целью захвата чужих стран, что оно связано с англо-французским империализмом, который за продолжение войны до полного разгрома своего соперника — германского империализма. Он писал, что новое правительство не даст народу хлеба, потому что это правительство буржуазное. Оно не даст свободы, потому что оно боится народа.

«*Рабочие*, — писал Ленин, — *вы проявили чудеса пролетарского народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*» (курсив Ленина).

Основным вопросом момента он считал тогда вопрос организации пролетариата и пропаганду идей большевизма в массах.

При переходе от первого этапа революции ко второму Ленин подчеркивал, на ряду с важностью организации общекрестьянских советов, сугубую важность задачи

> «немедленной и особой организации в деревнях советов рабочих депутатов, т. е. советов сельскохозяйственных наемных рабочих, отдельно от советов остальных крестьянских депутатов...».

Кроме организации в деревнях общих советов депутатов, необходимо «выделение советов депутатов от беднейших крестьян» (апрельские тезисы).

Эта политика была необходима для того, чтобы обеспечить победу пролетариата и беднейшего крестьянства на новом этапе революции, когда станут неизбежными столкновения «между сельскохозяйственными наемными рабочими и примыкающими к ним беднейшим крестьянами и *зажиточными крестьянами*, которых усилила столыпинская (1907—1914 гг.) аграрная» «реформа». [4]

Против ленинского стратегического плана дальнейшего развития революции, в основном намеченного еще в эпоху революции 1905 г. и более конкретизированного в «Письмах издалека» и в знаменитых апрельских тезисах, выступили Каменев, Рыков, Ногин и др. Они считали, что у нас нет достаточных материальных предпосылок для социалистической революции и что мы должны еще пережить особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. В этом корни их колеблющейся правооппортунистической политики летом и в октябре 1917 г., а также участия Каменева в троцкистском блоке в 1926—27 гг. Ленин считал каменевскую постановку вопроса неправильной, недиалектической, говорил, что тот, кто так ставит вопрос,

> «тот отстал от жизни, тот в силу этого перешел на деле к мелкой буржуазии против пролетарской классовой борьбы, того надо сдать в архив «большевистских» дореволюционных редкостей (можно назвать: архив «старых большевиков»)». [5]

По определению Ленина, положение создалось более «оригинальное, своеобразное, пестрое», чем ожидали.

> «Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа»)

[4] *Ленин*. Соч. т. XX, стр. 69.
[5] *Ленин*. Соч., т. XX, стр. 101.

и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет собой «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» *само* уступило власть буржуазии, само привязало себя к буржуазному правительству». [6]

Правые накануне апрельской конференции и на самой партийной конференции попытались навязать партии мысль, будто Ленин, добиваясь признания пролетарского переворота, стремится к немедленному осуществлению социализма. На это извращение его точки зрения Ильич отвечал, что речь идет не о немедленном «введении» социализма, но что

«такие меры, как национализация земли, всех банков и синдикатов капиталистов или, по крайней мере, установление *немедленного контроля* за ними Советов рабочих депутатов и т. п., отнюдь не будучи «введением» социализма, должны быть безусловно отстаиваемы и, по мере возможности, революционным путем осуществляемы. Вне таких мер, которые являются лишь шагами к социализму и которые вполне осуществимы экономически, невозможно лечение ран, нанесенных войной, и предупреждение грозящего краха». [7]

На апрельской конференции один из лидеров правых — т. Рыков, защищая точку зрения о незрелости России для социалистической революции, говорил, что

«инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма»

На это Ленин ответил:

«Товарищ Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм».

По этому же вопросу, еще будучи за границей, в прощальном письме к швейцарским рабочим Ильич писал:

«Не особые качества, а лишь особенно сложившиеся исторические условия сделали пролетариат России на неизвестное, быть может очень короткое, время застрельщиком революционного пролетариата всего мира».

Владимир Ильич правильно определил тогда роль российского пролетариата как застрельщика мировой революции.

Ленин и вся партия, за исключением небольшой группы сторонников Каменева, считали, что ограничиться буржуазно-демократическими рамками, как полагали меньшевики, революция не может. Меньшевистская постановка вопроса — значит измена социализму. Вопрос стоял не об ограничении революции, а о том, чтобы двигать революцию дальше, бороться за диктатуру пролетариата, опирающуюся на беднейшее крестьянство.

Лозунг «Вся власть советам» тогда, в период доиюльских дней, не означал немедленного введения социализма, как об этом писали буржуазные газеты, а означал лишь

[6] *Ленин.* Соч. т. XX, стр. 105.
[7] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 124.

«разрыв блока меньшевиков и эсеров с буржуазией и образование советского правительства из этих мелкобуржуазных партий, право свободной агитации для большевиков и свободную борьбу внутри советов, в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства в порядке мирного развития революции. Этот план не означал, конечно, диктатуры пролетариата. Но он несомненно облегчал подготовку условий, необходимых для обеспечения диктатуры, ибо он, ставя у власти меньшевиков и эсеров и вынуждая их осуществить на деле свою антиреволюционную платформу, ускорял разоблачение подлинной природы этих партий, ускоряя их изоляцию, их отрыв от масс». [8]

Партия в период допюльских дней считала путь мирного развития революции возможным. Этот путь мог быть обеспечен, ибо фактическая власть на местах была в руках Советов рабочих депутатов.

В борьбе за дальнейшее развитие революции серьезным препятствием являлось существование мелкобуржуазных партий — меньшевиков и эсеров, за которыми в начале революции шли широкие трудящиеся массы, в том числе и часть менее сознательного пролетариата. Для того, чтобы двигать революцию дальше, надо было решительно отмежеваться от этих партий и отвоевать от них идущие за ними массы. Поэтому партия поставила своей главной задачей — немедленный и решительный разрыв с оборонцами и всеми колеблющимися, отделение пролетарских элементов от мелкобуржуазных, всемерную организацию и укрепление большевистской партии, которая должна была провести в массах усиленную агитационно-пропагандистскую и организационную работу по подготовке сил для нового штурма.

Эта тактика организации масс и углубления в них классового сознания — политика разоблачения меньшевиков и эсеров и изоляция их — правильно выражала интересы движения в обоих возможных случаях: и в случае, если Россия переживет еще особую полосу революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, и в случае, если мелкая буржуазия не сможет оторваться от буржуазных верхов и будет до социалистической революции колебаться между последними и пролетариатом. И в том и в другом случае для партии большевиков главной задачей было раскрыть перед широкими массами трудящихся предательскую политику мелкобуржуазных партий и перетянуть массы на свою сторону.

«В этот период, — пишет т. Сталин, — наиболее опасной социальной опорой империализма являлись мелкобуржуазные демократические партии, партии эсеров и меньшевиков. Почему? Потому, что эти партии были тогда партиями соглашательскими, партиями соглашения между империализмом и трудящимися массами. Естественно, что главные удары большевиков направлялись тогда против этих партий, ибо без изоляции этих партий нельзя было рассчитывать на разрыв трудящихся масс с империализмом, без обеспечения же этого разрыва нельзя было рассчитывать на победу советской революции. Многие не понимали тогда этой особенности большевистской тактики, обвиняя большевиков в «излишней ненависти» к эсерам и меньшевикам и в «забвении» ими главной цели. Но весь период подготовки Октября красноречиво говорит о том, что

[8] *Сталин.* «На путях к Октябрю», стр. XLIV.

только такой тактикой могли обеспечить большевики победу Октябрьской революции». [9]

Свергнуть власть империалистической буржуазии, вырвать страну из когтей войны партия конечно не могла без изоляции меньшевиков и эсеров и без завоевания большинства рабочих и беднейших крестьян. Поэтому она всегда предостерегала от преждевременного неорганизованного выступления на улицу с целью захвата власти до завоевания партией прочного большинства в наиважнейших пролетарских центрах.

Эта тактика отнюдь не означала, что партия собирается замыкаться в себе и сторониться нарастающего движения; напротив, партия, участвуя, организуя и направляя в соответствующее русло стихийное движение в дни 20—21 апреля, 10 июня, 18 июня и в дни 3—5 июля, как и организуя и руководя революционной обороной против контрреволюционного выступления генерала Корнилова, завоевала доверие рабочих и солдатских масс, связалась и спаялась с массами и создала такую боевую армию, которая в дни Октября свергла правительство буржуазии.

Этой большевистской тактики не мог понять Троцкий. Участие партии в стихийно возникших апрельской и июльской демонстрациях, преследовавшее цель придать им мирный организованный характер, он рассматривал, как сознательный вызов партией движения в целях разведки.

Утверждение Троцкого в книге «1917 год», ч. I, что его точка зрения в начале Февральской революции совпадала с точкой зрения Ленина и большевиков, которые, по его мнению, разбольшевичились, ничего общего не имеет с действительностью. На самом деле накануне Февральской революции и позднее по всем основным вопросам революции у Троцкого была своя особая точка зрения, не совпадающая с линией большевизма. Не большевики разбольшевичились и пришли к Троцкому, а наоборот, Троцкий приблизился, а затем и вступил в партию, спрятав в шкап, по выражению т. Сталина, теорию перманентной революции (правда временно). Только при условии подчинения большевизму он и его сторонники были приняты в партию.

По вопросу о характере и движущих силах революции в годы империалистической войны существовали коренные разногласия между большевиками и Троцким, который продолжал защищать свою теорию «перманентной революции», отрицавшей революционную роль крестьянства и считающей невозможным победу русской революции без прямой государственной помощи международного пролетариата. В защиту этой теории Троцкий в 1915 г. писал: «опыт русской революции, как и реакции, говорит нам, что сейчас менее, чем в 1905 г., можно надеяться на самостоятельность, а тем более решающую роль крестьянства в развитии революционных событий. Поскольку крестьянство осталось в тисках сословно-феодального рабства, оно в своей стихийной оппозиции старому ре-

[9] *Сталин*. «На путях к Октябрю», стр. XI.

жиму продолжает нести на себе все те же черты хозяйственной и идейной разобщенности и политической неразвитости, культурной отсталости и беспомощности, которые всегда и при всяком движении парализуют его социальную энергию и заставляют его останавливаться там, где начинается подлинно революционное действие». [10]

От этой меньшевистской теории после Февральской революции Троцкий не отказался; чтобы проверить, как было на деле, обратимся опять к документам. В газете «Новый мир» от 13 марта (27 февраля) напечатана статья Троцкого «Первый этап революции», в которой о классовых силах Февральской революции написано следующее:

> «Улицы Петрограда снова заговорили языком 1905 года. Как и тогда, во время русско-японской войны, рабочие требуют хлеба, мира, свободы. Как и тогда, не движутся трамваи и не выходят газеты. Рабочие выпускают пары из машин, покидают свои станки, выходят на улицу. Правительство выводит своих казаков. И опять, как в 1905 г., только эти *две силы* (курсив мой — *О. Л.*) и видны на улицах столицы: революционные рабочие и царские войска». [11]

По мнению Троцкого,

> «только революционное рабочее правительство будет обладать волей и способностью уже во время подготовки Учредительного собрания произвести радикальную демократическую чистку в стране, перестроить сверху донизу армию, превратить ее в революционную милицию и на деле доказать крестьянским низам, что их спасение только в поддержке революционного рабочего режима». [12]

Приведенных выдержек вполне достаточно для того, чтобы понять разницу взглядов между Троцким и большевиками. В революции 1905 г. и в годы войны большевики защищали лозунг революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, немедленное претворение в жизнь которого означало переход ко второму этапу революции, к социалистическому, а после Февральской революции они выставили новый лозунг диктатуры рабочего класса в союзе с беднейшим крестьянством, которым, на ряду с осуществлением социалистического переворота, попутно доводит до конца незавершенные задачи буржуазно-демократической революции; этим самым пролетариат в лице широчайших крестьянских масс приобретал сильнейшую поддержку в момент свержения буржуазно-помещичьего Временного правительства.

Ленин и после Февральской революции беспощадно продолжал критиковать троцкистскую теорию перепрыгивания через неизжитые этапы революции. Так в статье «Письма о тактике», возражая Каменеву, он в то же время бьет и по «левой» теории Троцкого.

> «Но не грозит ли нам, — пишет Ленин, — опасность впасть в субъективизм и желание «перепрыгнуть» через незавершенную, неизжившую еще крестьянского движения революцию буржуазно-демократического характера к революции социалистической?

[10] *Троцкий*. «Война и революция», т. I, стр. 248, статья «Русские отголоски».
[11] *Троцкий*. «1917 год», ч. I, стр. 3.
[12] Там же, стр. 13.

«Если бы я сказал:

«Без царя, а правительство рабочее» (лозунг Троцкого — *О. Л.*),— эта опасность мне бы грозила. Но я сказал не это, а сказал иное. Я сказал, что другого правительства в России, не считая буржуазного, не может быть помимо советов рабочих, батрацких, солдатских и крестьянских депутатов. Я сказал, что власть может перейти в России теперь от Гучкова и Львова только к этим советам, а в них как раз преобладает крестьянство, преобладают солдаты, преобладает мелкая буржуазия, выражаясь научным, марксистским термином, употребляя не житейскую, не обывательскую, не профессиональную, а классовую характеристику». [13]

Как известно, Троцкий не только после Октябрьской революции, но и до нее боролся против большевизма в вопросе о возможности построения социализма в одной стране. Эта проблема стоит в тесной связи с другой антибольшевистской установкой Троцкого вместе с меньшевиком Мартовым, отрицающим лозунг самоопределения наций и ревизующим марксизм в этом чрезвычайно важном вопросе.

Троцкий, допуская начало революции в отдельной стране, рассматривает ее только как сигнал революции международной.

«Не дожидаясь других, мы начнем и продолжаем борьбу на национальной почве в полной уверенности, что наша инициатива даст толчок борьбе в других странах; а если бы этого не произошло, то безнадежно думать, — так свидетельствуют и опыт истории и теоретические соображения,— что, например, революционная Россия могла бы устоять перед лицом консервативной Европы или социалистическая Германия могла бы остаться изолированной в капиталистическом мире». [14]

На этой же антиленинской точке зрения Троцкий и его сторонники стоят и по сей день. В послесловии к «Программе мира», написанной в 1922 г., он писал, что

«отстояв себя в политическом и военном смысле, как государство, мы к созданию социалистического общества не пришли и даже не подошли... что подлинный подъем социалистического хозяйства в России станет возможным только после победы пролетариата в важнейших странах Европы». [14]

Кроме вышеосвещенных антиленинских установок, отрицающих возможность победы социалистической революции в России, Троцкий занимал антимарксистскую позицию также и по вопросу о превращении империалистической войны в гражданскую и был против лозунга Ленина о поражении своего правительства в империалистической войне. Троцкий также решительно выступил против лозунга партии о праве наций на самоопределение.

В годы войны он самым решительным образом боролся против этих основных большевистских установок, противопоставляя лозунгу превращения империалистической войны в гражданскую пацифистский лозунг мира во что бы то ни стало и, клевеща на большевиков, заявлял, что большевики, выставляя лозунг поражения царской монархии, как наименьшего зла, тем самым хотят победы германского империализма. И после этого у Троцкого хватает наг-

[13] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 104.
[14] *Троцкий.* «Война и революция», т. II, стр. 481.

лости утверждать, что его (Троцкого) взгляды «вполне согласуются с тем анализом революции, которые даны Лениным в его «Письмах издалека» *(Троцкий)*.

Об антиленинских организационных взглядах Троцкого и о мотивах, побудивших его вступить в большевистскую партию, будет сказано в связи с вопросом вступления межрайонцев в партию.

Итак, Троцкий не признавал большевистской оценки характера переживаемой революции. Поддерживая большевистский лозунг «вся власть советам», он одновременно, совершенно не понимал проблемы перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую. Троцкий в 1917 г., так же как и в 1905 г., игнорировал крестьянство. Ему чужда была ленинская тактика использования в интересах социализма широчайших масс трудящегося крестьянства. Троцкий в 1917 г., так же как и раньше, продолжал критиковать установленный Лениным закон неравномерного развития капитализма и возможности победы социализма в одной стране. Он считал, что социализм может победить только одновременно в нескольких странах и что без прямой государственной поддержки международного пролетариата русская социалистическая революция обречена на гибель в виду неизбежности столкновения рабочего класса с широчайшими массами крестьянства. Попутно с отстаиванием своей немарксистской теории перманентной революции он продолжал клеветать на партию, которая, по словам Троцкого, разбольшевичилась и стала, якобы, на его позиции.

Громадное значение в истории партии имеют знаменитые апрельские тезисы Ленина, в которых в сжатой форме была дана оценка момента, дана перспектива дальнейшего развития революции и намечены очередные задачи партии на новом этапе революции. Эти же тезисы легли в основу решений Всероссийской апрельской конференции нашей партии.

Основной вопрос всякой революции — вопрос о власти ставится в этих тезисах следующим образом:

> «Не парламентарная республика — возвращение к ней от советов рабочих депутатов было бы шагом назад, — а республика советов рабочих, батрацких и крестьянских депутатов по всей стране, снизу доверху».

О советах как форме государственной власти нового класса — пролетариата — Ленин писал уже раньше, на основании опыта революции 1905 г. Но более подробно этот вопрос он развивал после Февральской революции, особенно в брошюре «Государство и революция».

В деле разрешения основной проблемы подготовки сил для предстоящей пролетарской революции очень важное значение имела далее правильная постановка и разрешение аграрного вопроса. Большевистская позиция в этом вопросе определялась так:

> «Конфискация всех помещичьих земель. Национализация всех земель в стране, распоряжение землею местными советами батрацких и крестьянских депутатов. Выделение советов депутатов от беднейших крестьян. Создание из каждого крупного имения (в размере от 100 де-

сятин до 300 по местным и прочим условиям и по определению местных учреждений) образцового хозяйства под контролем батрацких депутатов и на общественный счет». [15]

Идею создания образцового крупного сельского хозяйства Ильич подчеркивал также в статье «Задачи пролетариата в нашей революции», на апрельской партийной конференции, на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов и в других работах и выступлениях, причем разрешение аграрного вопроса ставилось им в разрезе перехода от буржуазно-демократической революции к социалистической.

Очень важным решением в этой связи были положения о национализации земли [16] и об организации советов батрацких депутатов и советов деревенской бедноты.

Большое значение в деле подготовки Октября имело правильное разрешение нашей партией национального вопроса. На апрельской конференции по этому вопросу с докладом выступил т. Сталин. После доклада и прений была принята резолюция, в которой сказано, что «за всеми нациями, входящими в состав России, должно быть признано право на свободное отделение и на образование самостоятельного государства».

Итак, свержением самодержавия и переходом власти в руки буржуазии *первый этап революции закончен. Особенность момента — переход ко второму этапу революции, который должен привести к переходу власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства. Оригинальность положения в двоевластии* — в существовании рядом с буржуазным временным правительством другого тоже правительства — Совета рабочих и солдатских депутатов, добровольно свою власть уступающего буржуазии; бессознательно-доверчивое отношение масс к меньшевикам и эсерам, на деле являвшимся худшими врагами народа.

Тактика пролетариата на этом этапе: *Никакой поддержки Временному правительству. Широкая организационно-пропагандистская работа партии за завоевание на свою сторону масс*, пропаганда в массах идеи перехода власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, изоляция меньшевиков и эсеров, завоевание большевиками большинства в советах и в других пролетарских организациях.

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Империалистическая война ярко обнаружила, что успешно воевать может только государство с сильной, мощной передовой индустрией и вообще экономически развитая страна.

Несмотря на громадные преимущества в смысле людской массы, неспособность России воевать вполне обнаружилась уже в 1915 г.

[15] *Ленин.* Собр. соч., т. XX, стр. 89. Апрельские тезисы, изд. 2-е.

[16] «Думать, что после отмены частной собственности на землю в России все останется по-старому, это просто нелепость» *(Ленин)*.

Правда, было бы неправильно неудачи на фронте свалить исключительно на слабость промышленности, известную роль в поражении царской армии играло также и неуменье правильного ведения войны как результат общего загнивания и распада самодержавия, но совершенно бесспорным является факт неудовлетворительного состояния работы промышленности и транспорта, что привело к всеобщей разрухе и подрыву боеспособности фронта.

Война, потребовавшая громадного напряжения всего хозяйства страны, особенно болезненно отразилась на состоянии транспорта, что подорвало всю народнохозяйственную систему в целом, и страна в начале 1917 г. была близка к катастрофе.

Транспортная разруха сильно повлияла на состояние остальных отраслей промышленности. Война и рост крупной металлообрабатывающей промышленности, работавшей главным образом для обороны, предъявили усиленный спрос на топливо, но топливная промышленность переживала глубокий кризис и не была в состоянии удовлетворить предъявлявшиеся к ней повышенные требования.

Добыча чугуна сократилась на 14,2%, производство железа и стали уменьшилось на 14,3%.

Страдали от войны не только промышленность и транспорт, но также и сельское хозяйство. Мобилизация 12 млн. мужского населения, мобилизация рабочих лошадей и уменьшение прироста, приведшее к сокращению на 5 млн. голов лошадей, потребных в сельском хозяйстве, убой около 18 млн. голов крупного рогатого скота, сокративший количество его на 40%, сокращение производства и ввоза сельскохозяйственных машин и удобрений — все это сильно подорвало и без того слабую экономику сельского хозяйства. По имеющимся данным, посевная площадь в общем сократилась приблизительно на 8,4%. Сокращение урожайности было выше, чем сокращение посевных площадей.

Расстройство транспорта, дороговизна и недостаток продовольственных продуктов создали к осени 1916 г. по всей стране большие продовольственные затруднения. В целях удовлетворения потребностей населения продовольствием правительство ввело принудительную разверстку, однако эта мера не спасла положения. Для удовлетворения всех категорий потребителей хлеба требовалось около 900 млн. пудов, а удалось заготовить к 1 апреля 1917 г. всего 365 млн. пудов, т. е. больше чем в два с половиной раза меньше того количества, которое требовалось для прокормления армии и населения. В то же время железные дороги переживали такой кризис, что не в состоянии были перевозить и эти скудные запасы, вследствие чего за январь-февраль 1917 гражданское население получило продовольствия около $^1/_4$ планового назначения, железные дороги около $^1/_3$. Даже армия получила всего около 50% необходимой нормы. Больше всего от продовольственной разрухи страдали крупные города, особенно Петроград и Москва, которые в ноябре-декабре 1916 г. получили всего около 15% продовольствия.

Транспортная разруха и расстройство товарооборота в стране, дезорганизация рынка привели к резкому расхождению цен в раз-

ных районах. В производящих губерниях, особенно в Сибири, хлеба было в изобилии, а состояние транспорта не позволяло подвезти его к голодающим промышленным центрам, в результате чего в Сибири пшеница стоила 18—25 коп. пуд, а в Московском промышленном районе рожь стоила 2 р. 64 коп. пуд; то же было и с ценами на другие продукты; даже в одной и той же области порайонные колебания цен были значительны, например цена на яйца колебалась на юго-востоке от 4 до 25 коп. за десяток. [17]

Разруха, дороговизна жизни, отсутствие товаров привели к значительному ухудшению материального положения рабочих. Несмотря на номинальный рост зарплаты, дороговизна росла быстрее, в результате чего реальная зарплата рабочих понизилась и к началу Февральской революции составляла лишь около $^2/_3$ довоенной.

Война вначале оборвала гигантский подъем рабочего движения 1914 г., проявлявший явную тенденцию к перерастанию в вооруженное восстание. Разгром большевистской партийной организации, мобилизация части пролетариата на разные фронты, усиление правительственного террора, усиление шовинизма в некоторых прослойках малосознательных рабочих, засорение мелкобуржуазными элементами рядов пролетариата — все это на время остановило стачечное движение; потребовался определенный промежуток времени для того, чтобы в новых условиях, в иной экономической и политической обстановке борьба передовых рабочих отрядов возобновилась.

Под ударом поражения на фронте, с нарастанием угрозы экономической катастрофы и полным крахом всей хозяйственно-политической системы царской монархии в стране росло сильное недовольство. Уже с 1915 г. стачечное движение начало снова возрастать, приняв в начале форму борьбы экономической, постепенно перераставшей в борьбу политическую.

Следующая таблица дает представление о развитии стачечного движения в годы войны. [18]

Годы	Забаст. эконом.		Забастовки политич.		Всего		
	Число забастовок	Число баст. раб. (в тыс.)	Число забастовок	Число бастовавших раб. (в тыс).	Число забаст.	Число бастовавших рабоч. (в тыс.)	Число потерянных рабоч. дней (в тыс.)
1914	969	278.3	2565	1059.0	3534	1037,5	5755.0
1915	715	383,6	213	156,0	928	559,5	1863,4
1916	1041	641.4	243	310,0	1284	951,7	4649.3
1917 . . . . (янв.-февр.)	190	101,5	1140	574,8	1330	676,3	3001,4

[17] *Я. Яковлев.* «Февральские дни 1917 г.» «Пролетарская революция», № 2—3, 1927 г.

[18] Очерки по истории Октябрьской революции, т. I, стр. 328.

Как видно из этой таблицы, в 1915 и 1916 гг. преобладала экономическая борьба, постепенно с развитием борьбы перераставшая в политическую. В первые месяцы 1917 г. борьба носила резко выраженный политический характер, в эти месяцы отношение между политическим и экономическим движением было как 6 : 1.

Характерно то обстоятельство, что стачечное движение росло, несмотря на противодействие социал-шовинистов, изо всех сил старавшихся мешать возникновению забастовок, дабы сохранить спокойствие на заводах, работавших главным образом по обслуживанию армии, с целью обеспечения победы царской армии над Германией.

Последнее являлось, по мнению социал-шовинистов, необходимым условием торжества демократии во всем мире.

Российские меньшевики в годы войны, так же как и их друзья за границей, не за страх, а за совесть служили буржуазии. Когда буржуазия, в целях улучшения снабжения армии, организовала так называемые военно-промышленные комитеты, меньшевики во главе с Гвоздевым старались втянуть в это дело и рабочих. Несмотря на то, что им в этом помогала и буржуазия и полиция, арестовывавшая, сажавшая в тюрьмы и высылавшая в Сибирь большевистских агитаторов, ведших агитацию против этих комитетов, сознательных рабочих все же не удалось сбить с правильных классовых позиций и заставить служить делу буржуазии.

Интересный аттестат о деятельности меньшевиков в ВПК выдал им вождь крупной буржуазии Гучков, в связи с арестом этой группы в конце 1916 г. заявивший:

> «Я отрицаю то обвинение, которое предъявлено нашей рабочей группе: их обвиняют в том, что они замышляли вооруженное восстание и переворот. (Это действительно было вздор.) Я считаю, что уголовно наказуемого за ними ничего нет». [19]

В другом месте своих показаний чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства Гучков говорит, что рабочая группа ВПК состояла из прекрасных ребят, что ничего антиправительственного они не делали, старались наладить промышленность и боролись против зловредных большевиков. Только глупостью правительства, по мнению Гучкова, можно было объяснить арест рабочей группы ВПК.

Репрессивные мероприятия, проводившиеся правительством против большевиков, — арест и высылка в Сибирь большевистской фракции Государственной думы, арест и высылка сотни большевистски настроенных рабочих и т. д., — встретили в то же время со стороны буржуазии полное одобрение.

Однако как бы ни старались оборонцы из лагеря меньшевиков и эсеров, как бы они ни доказывали, что царизм в борьбе против Германии защищает культуру и цивилизацию, рабочий класс далеко не склонен был признать бесправие, казацкую нагайку и мордобой признаком демократии и культуры. Все попытки меньшеви-

[19] Падение царского режима, т. VI, стр. 285.

ков и эсеров завоевать доверие рабочего класса потерпели полнейшее фиаско.

С самого начала войны одна только большевистская партия вела усиленную агитацию против войны, против царизма и империалистической буржуазии. Она руководила стачечным движением, организовывала демонстрации и митинги, выпускала листовки и воззвания и тем самым организовывала и политически воспитывала пролетариат к предстоящим битвам. Тяжелые условия — преследования, аресты и тюрьмы не могли остановить работы Петербургского комитета большевиков. Подпольные типографии проваливались одна за другой, но на их месте сейчас же возникали новые. Главными партийными работниками в то время были рабочие «правдисты», воспитанные политически газетой «Правда».

Рабочее движение резко поднялось уже с середины февраля на почве продовольственных затруднений. 21 февраля (6 марта) в Петрограде произошли сильные продовольственные волнения, закончившиеся разгромом булочных и молочных лавок на Петроградской стороне. Начавшаяся 18 февраля (3 марта) забастовка на Путиловском заводе подняла на ноги рабочее население столицы. Особенно революционно настроены были рабочие Выборгской стороны, выступившие в февральские дни во главе петербургского пролетариата.

Движение 23 февраля (8 марта), начавшееся в связи с Международным женским днем, охватило всего лишь 90 000 рабочих и не имело еще резко выраженного политического характера. Основным лозунгом этого дня было требование хлеба, и лишь кое-где выкидывали лозунг свержения самодержавия. Демонстрантам удалось на несколько часов остановить трамвайное движение, но в общем и полиция и политические партии смотрели в этот день на положение вещей спокойно. В этот день полиции еще удавалось самой, не прибегая к помощи войск, рассеивать толпы демонстрантов.

24 февраля (9 марта) положение значительно изменилось, и движение приняло уже резко выраженный политический характер. Вместо лозунга «хлеба» основными лозунгами в этот день уже были «долой самодержавие» и «долой войну». В этот день бастовало по официальным сведениям уже 158 683 рабочих. Демонстрации направлялись с окраин к центру, происходили столкновения с полицией. У Литейного проспекта была сделана попытка соорудить баррикады. На улицах появились казаки, между прочим особой активности не проявлявшие и явно симпатизировавшие толпе.

25 февраля (10 марта) стачка становится всеобщей, демонстрации принимают грандиозные размеры, разоружение полиции становится лозунгом толпы. Войска и казаки от применения огнестрельного оружия воздерживались, пуская в ход лишь холодное оружие. Войска в этот день, хотя без всякого воодушевления, все же действовали вместе с полицией. Правда, наблюдались уже грозные симптомы для царизма — отдельные случаи нежелания войск помогать городовым разгонять толпу. Но в общем в этот день полиции к вечеру удалось очистить город от демонстрантов, что дало повод генералу Хабалову сообщить царю, что демонстранты рассеяны, что

408882

у массы нет вожаков и поэтому с ней легко справиться. В этот же день вечером Хабалов получил по прямому проводу из ставки приказ Николая: «Повелеваю завтра же прекратить в столице беспорядки, недопустимые в тяжелое время войны с Германией и Австрией. Николай».

Правительство еще не потеряло веры в возможность расправиться с движением старым испытанным способом и готовилось дать на следующий день генеральный бой.

26 февраля (11 марта) — день воскресный. Рабочие позднее, чем в другие дни, начинают проникать из окраин в центр. Полиция и войска приведены в боевую готовность, войскам дан приказ расправиться с демонстрантами самым решительным образом — стрелять боевыми патронами; на улицах проволочные заграждения и пулеметы. Полиция и войска, главным образом учебные команды, по приказу начальства стреляют в народ, есть много жертв. По официальным сведениям на одной только Знаменской площади было подобрано 40 убитых и столько же раненых, но многих демонстранты унесли с собой. Внешне могло казаться, что царизм победил, и министром Протопоповым было составлено в боевом тоне донесение царю о победе над внутренним врагом. Множились, однако, и факты чрезвычайно опасные для правительства. Так, на Выборгской стороне уже с 25 февраля (10 марта) полиция была дезорганизована и там господствовали рабочие, а 26 февраля восстала 4-я рота Павловского полка и открыла стрельбу по городовым. Правда, эта рота была окружена другими частями и разоружена, 19 человек из нее было арестовано и направлено в Петропавловскую крепость.

Расстрел рабочих демонстраций, восстание павловцев и их разоружение произвели на рабочих и солдат большое впечатление. По свидетельству очевидцев нервное напряжение было так сильно, что в казармах солдаты в ночь с 26 на 27 февраля (с 11 на 12 марта) почти не спали. Все обсуждали события прошедшего дня и ждали чего-то важного назавтра.

Утром 27 февраля (12 марта) восстала учебная команда Волынского полка (та же команда, которая накануне стреляла в рабочих), убила своих начальников и увлекла за собой весь полк. Восставший Волынский полк увлек за собой другие полки.

Восставшие рабочие и солдаты победили в героической борьбе с царизмом. Правда, в одном только Петрограде насчитывалось около 2000 жертв. Это самым наглядным образом разоблачает пущенную буржуазией легенду о бескровности Февральской революции.

Если старая, веками существовавшая самодержавная монархия пала сравнительно так легко, то это вовсе не значит, что она не оказывала революции сопротивления. Наоборот, царизм чувствовал, что надвигается революция, и готовился дать ей сокрушительный удар. Уже в 1916 г. был разработан план подавления беспорядков, рассчитанный на использование, в случае нужды, казаков и войск.

Так как командующему Северным фронтом генералу Рузскому не вполне доверяли, то, для того, чтобы иметь полную свободу действий при подавлении движения, Петроградский военный округ

был выделен из состава Северного фронта в самостоятельную единицу. Командующему округом генералу Хабалову были даны самые широкие полномочия.

В начале революции полиция работала согласно выработанному плану: 23 и 24 февраля полиция действовала пока одна, 25 и 26 февраля были введены в действие войска, но это было началом крушения плана, ибо восстание солдат сразу свело их выработанный план на-нет.

27 февраля (11 марта), уже после восстания солдат, генерал Хабалов еще сопротивлялся. В целях усмирения восставших он сформировал отряд из 1000 человек под командой полковника Кутепова, но эта попытка была уже явно безнадежной и успеха не имела.

Вначале в ставке верховного главнокомандующего движению не придавали особенно серьезного значения, тем более что и информация была самая успокоительная. Протопопов и генерал Хабалов посылали в ставку сводки в самых победоносных выражениях и все обещали назавтра окончательно покончить с движением. Подобный же характер носила «информация», шедшая от царицы; 25 февраля (10 марта) она писала:

> «То хулиганское движение; мальчишки, девчонки бегут и кричат, что у них нет хлеба, просто для того, чтобы создать возбуждение, — и рабочие, которые мешают другим работать. Если бы погода была очень холодной, они все вероятно сидели бы по домам». [20]

Ясно, что после такой «информации» царь не особенно беспокоился, и вопль председателя Государственной думы Родзянко, умолявшего царя «даровать» в интересах спасения династии и во избежание революции ответственное министерство, не произвел на него особого впечатления.

Как только ставка уяснила себе серьезность положения, она немедленно развила энергичную деятельность по отправке войск с фронта для подавления восстания.

27 февраля (12 марта) генерал Алексеев отдал срочные распоряжения главнокомандующим Северным и Западным фронтами

> «отправить в Петроград с каждого фронта по два кавалерийских и по два пехотных полка с энергичными генералами во главе бригад и по одной пулеметной команде кольта для георгиевского батальона».

На следующий день посылается телеграмма об отправке еще «по одной пешей и одной конной батарее от каждого фронта». В тот же день Алексеевым посылается телеграмма главнокомандующему Южным фронтом о посылке в Петроград гвардейского Преображенского полка, третьего и четвертого стрелковых полков и одной батареи.

Приказом Николая генерал Хабалов за нерешительность был отстранен от должности, начальником карательной армии и командующим Петроградским военным округом был назначен генерал Иванов, в сопровождении георгиевского батальона срочно прибывший из ставки 27 февраля в Царское Село. 27 февраля из Двинска

[20] Переписка Романовых, т. V, стр. 218.

были уже отправлены 67-й и 68-й пехотные полки, остальные войска грузились и должны были быть отправлены утром 1 марта.

Иванов готовился подавить движение самым решительным образом; он сам в показаниях чрезвычайной следственной комиссии признался, что готов был уложить, если только понадобится, десятки тысяч человек. Но тут для усмирителей началось самое большое разочарование, ибо, как только войска карательных отрядов входили в соприкосновение с восставшими рабочими и солдатами, они немедленно переходили на сторону народа. Затея подавить восстание с помощью войск с фронта провалилась самым решительным образом.

Николай крепко держался за свою власть, он не хотел пойти ни на какие уступки и только после выяснения полной невозможности подавить революцию вооруженной силой начал сдаваться. Только 2 (15) марта он подписал акт отречения от престола в пользу брата Михаила, но такое решение было уже совершенно безнадежно, что сознавал и сам Михаил, в интересах самосохранения поспешивший на следующий же день «отречься» от короны, так неожиданно упавшей на его голову.

Каково было отношение буржуазии к происходящему перевороту?

Российская империалистическая буржуазия активно готовилась к войне. По существу своему вся внешняя политика царизма в годы реакции и подъема была направлена в сторону защиты интересов финансового капитала. Либеральная буржуазия во главе с партией кадетов полностью поддерживала внешнюю политику царизма. Если иной раз и раздавались недовольные голоса, то именно потому, что буржуазия считала деятельность министерства иностранных дел недостаточно решительной.

Войну 1914 г. буржуазия встретила с восторгом. Отдельные скептики, правда, высказывали сомнение в способности царизма защищать «вековые интересы русского народа» (фраза, не сходившая тогда со страниц продажной буржуазной прессы), но в общем братание буржуазных либералов и мелкобуржуазных демократов, в том числе и головки партии эсеров и меньшевиков, с царизмом получилось полное.

Но в связи с неудачами на фронте, с хозяйственной разрухой, с ростом недовольства широких народных масс и с перспективой новой революции блок буржуазии с царизмом дал трещины. Из лагеря буржуазии, правда в очень туманной, неопределенной форме, начали раздаваться голоса недовольства. Недовольство буржуазии усилилось, когда стало известно, что придворная клика при участии Распутина ведет секретные переговоры с Германией о заключении сепаратного мира.

Российская империалистическая буржуазия, поддержанная англо-французским империализмом, и слышать не хотела о заключении мира до полной победы над Германией, Австрией и Турцией, ибо эта победа сулила ей приобретение новых богатых территорий, новых областей для сбыта товаров, новых очень важных стратегических и торговых путей (Константинополь, Дарданеллы, часть турецкой Армении и Галиция).

Итак, неспособность царского правительства организовать на фронте победу над противником, полный паралич хозяйственной жизни в стране, голодные бунты, забастовки и демонстрации рабочих, опасность новой революции, которую, по мнению буржуазии, царизм своей неумелой политикой не в состоянии предотвратить, явная тенденция царизма заключить сепаратный мир с Германией — все это вместе взятое усилило недовольство буржуазии политикой царизма и привело к созданию в четвертой Государственной думе прогрессивного блока, стремившегося оказать давление на царизм и принудить последний назначить министерство из представителей прогрессивного блока.

Однако правительство ни на какие уступки буржуазии не пошло, а так как последняя из опасения вызвать революцию не была способна на более решительные шаги, то вся политика буржуазии к концу 1916 г. зашла в тупик.

Небольшая группа буржуазии во главе с Гучковым, правда, хотела выйти из затруднения путем дворцового переворота. Согласно выработанному в ее среде плану царский поезд должен был по дороге из Петрограда на фронт быть окружен преданными заговорщикам войсками; предполагалось принудить царя отречься от престола в пользу сына, а до совершеннолетия последнего регентом должен был стать брат царя Михаил, который утвердил бы новый строй конституционной монархии, при которой вся власть оказалась бы в руках буржуазии.

В заговор была втянута царская ставка, а также союзнические миссии. Однако заговорщики действовали так медленно и нерешительно (это произошло потому, что они боялись вызвать революцию), а революционные события нарастали с такой быстротой и с такой силой, что революционный взрыв опередил эту единственную попытку буржуазии вырвать власть из рук царизма.

Гучков впоследствии показал, что предполагалось

> «захватить по дороге между ставкой и Царским Селом императорский поезд, вынудить отречение, затем одновременно при посредстве воинских частей, на которые здесь в Петербурге можно было рассчитывать, арестовать существующее правительство и затем уже объявить как о перевороте, так и о лицах, которые возглавляют собой правительство. Таким образом, вы видите, дело пришлось бы иметь не со всей армией, а с небольшой ее частью». [21]

В этих словах Гучкова дается прекрасная характеристика всей русской буржуазии, с ее боязнью масс, боязнью революции.

Впрочем, они сами этого не скрывали. Один из русских капиталистов, Жуковский, говорил: «В борьбе с нашим врагом теперь не время совершать переворот, нужно подвигаться к власти путем эволюции, а не путем революционных переворотов». Это подтверждает и такой «благородный свидетель», как Родзянко. «Я уже раньше сказал, что умеренные партии не только не желали революции, но просто боялись ее». [22]

[21] Падение царского режима, т. VI, показания Гучкова, стр. 278.
[22] Архив русской революции, т. VI, статья Родзянки.

В самом трагическом положении очутилась российская буржуазия, видевшая и понимавшая, что политика царизма создает условия для революции. Буржуазия была недовольна политикой царизма, она хотела забрать власть в свои руки, но боялась революции, а потому вся политика буржуазии по отношению к царизму была полна мечтаний о соглашении с царизмом.

В начале массового движения, в февральские дни, буржуазия питала некоторую надежду использовать движение для того, чтобы принудить правительство к уступкам. Только когда движение развернулось во-всю 26 и 27 февраля (11 и 12 марта), буржуазию охватила паника. Родзянко посылал царю телеграммы, в которых умолял его пойти, в интересах сохранения династии, на уступки. Он же советовал военному министру Беляеву обливать толпу в целях рассеивания демонстраций холодной водой из пожарных кишок.

В дни массового движения буржуазия все время вела переговоры с правительством об уступках, в головах ее вождей рождались всякие планы подавления восстания, она хотела организовать военную диктатуру, задача которой — восстановить «порядок».

Только победа восставших рабочих и переход на их сторону солдат заставили буржуазию признать переворот, больше того, теперь она с целью захвата власти надела личину сочувствия революции, причем маневр этот при содействии меньшевиков и эсеров ей отчасти удался.

Когда 26 февраля (11 марта) был получен царский приказ о роспуске думы, трусливая буржуазия покорно этому подчинилась. Даже в день полного торжества революции — 27 февраля (12 марта) Родзянко не осмелился открыть заседание думы, а устроил в полуциркульном зале частное совещание. На этом частном совещании, после продолжительных прений, было решено создать Временный комитет Государственной думы, задача которого: «водворение порядка в Петрограде и для сношения с учреждениями и лицами». Это решение было принято после длительной дискуссии и после того, как выяснилось, что народ окончательно победил, а до этого Родзянко высказывался за выжидательную тактику, ибо, по его мнению, еще неизвестно, чья возьмет. Этой же точки зрения придерживался и Милюков. Некрасов предлагал организовать военную диктатуру. Некоторые депутаты предлагали разыскать министра-председателя только-что свергнутого правительства (князя Голицына) и совместно с ним организовать военную диктатуру для подавления «бунта».

Убедившись в невозможности спасти монархию, буржуазия решилась взять на себя функции исполнительной власти. Колебания вождей буржуазии живописно изображает Шульгин:

> «Родзянко долго не решался. Он все допытывался, что это будет — бунт или не бунт.
>
> — Я не желаю бунтоваться. Я не бунтовщик, никакой революции я не делал и не хочу делать. Если она сделалась, то именно потому, что нас не слушались... Но я не революционер. Против верховной власти я не пойду, не хочу итти. Но, с другой стороны, правительства нет... что делать? Как быть? Как же быть?

Я ответил совершенно неожиданно для самого себя, совершенно решительно:

— Берите, Михаил Владимирович. Никакого в этом нет бунта. Берите, как верноподанный... Берите потому, что держава Российская не может быть без власти... Положение ясно. Может быть два выхода: все обойдется — государь назначит новое правительство, мы ему и сдадим власть... А не обойдется, так если мы не подберем власть, то подберут другие, те, которые выбрали уже каких-то мерзавцев на заводах». [23]

Буржуазия брала власть в свои руки, надеясь сохранить старый аппарат; особенно сильно она цеплялась за монархию, считая, что при монархии легче будет загнать в свои берлоги, по выражению Шульгина, того страшного зверя, имя которому — русский народ.

Несмотря на переход власти в руки буржуазии, все же полного единовластия буржуазии не получилось. Раньше чем образовалось буржуазное правительство, создался Совет рабочих и солдатских депутатов, в руках которого находилась вся фактическая власть. Временное правительство имело власть лишь постольку, поскольку эту власть ей уступил Совет.

27 февраля (12 марта), в день падения самодержавия, образовался Временный исполнительный комитет Совета рабочих депутатов. Организаторами этого Исполнительного комитета были выпущенные из тюрьмы члены рабочей группы Военно-промышленного комитета, которые из тюрьмы прямо отправились в Таврический дворец и, встретившись там с левыми депутатами Государственной думы и некоторыми работниками легального рабочего движения, объявили себя Временным исполнительным комитетом СРД и назначили открытие первого заседания СРД в тот же день вечером.

Вечером 27 февраля (12 марта), около 9 часов, открылось первое заседание Совета. На этом заседании присутствовало 40—50 человек представителей от рабочих. Преобладали на нем главным образом деятели рабочей группы военно-промышленных комитетов и другие работники легального рабочего движения. Инициатива по организации Совета, таким образом, попала в руки меньшевиков.

Это произошло потому, что все наличные большевистские силы были заняты руководством массовым движением, они вопросы революции резрешали в уличной борьбе и не имели достаточно сил для того, чтобы охватить движение по организации Совета.

Захват меньшевиками Совета объясняется еще и тем, что большевистская организация сильно пострадала от репрессий, все видные руководители партии находились либо в тюрьме и ссылке, либо в эмиграции, а большевистская фракция Думы была сослана. Естественно, что все это облегчало меньшевикам возможность захватить инициативу созыва Совета в свои руки. Меньшевики от репрессии царизма почти не пострадали и имели налицо почти всех своих главных руководителей.

Составом Совета определялась его политика. Несмотря на громадный авторитет, которым пользовался Совет в глазах рабочих и солдат, несмотря на то, что в его руках была фактическая сила власти, он не хотел использовать этого положения и не взял власти в свои

---

[23] *Шульгин.* «Дни», стр. 111.

руки. Вопрос о власти на заседаниях Совета вплоть до 2 марта даже не ставился. Руководители Совета — меньшевики и эсеры считали происходящую революцию классической буржуазной революцией и добровольно уступили власть буржуазии.

В своих «записках о революции» Суханов сознается, что меньшевики больше всего опасались, как бы буржуазия не отказалась взять власть в свои руки. Поэтому, когда образовалось буржуазное «Временное правительство», соглашательские партии радостно и свободно вздохнули.

Вот как описывает этот момент сам Суханов:

> «В эту минуту из кабинета Родзянки в комнату вошел Милюков. Увидев нашу группу, он прямо направился к нашему столу. У него был торжественный вид и сдерживаемая улыбка на губах.
>
> — Состоялось решение, — сказал он, — мы берем власть...
>
> Я не спрашивал, кто это «мы». Я ничего больше не спрашивал. Но я, как говорится, всем существом почувствовал новое положение, новую благоприятную конъюнктуру революции и новые задачи демократии, встающие на-очередь с этой минуты. Я почувствовал, как корабль революции, брошенный в эти часы шквалом по полному произволу стихий, поставил паруса, приобрел устойчивость, закономерность в движениях среди страшной бури и качки и между мелями и рифами взял определенный курс на далекую, невидимую в тумане, но хорошо известную точку».

После мартовской победы в стране создалось чрезвычайно сложное положение. Власть из рук крепостнического самодержавия с согласия Совета перешла в руки империалистической буржуазии.

Оригинальность положения заключалась именно в двоевластии — в существовании рядом с официальным правительством другого правительства — Совета рабочих и солдатских депутатов.

Возникает вопрос: почему в первый период революции меньшевикам и эсерам удалось повести за собой часть рабочих и большинство солдат? Ответить на этот вопрос можно, лишь учитывая всю созданную войной обстановку. Во время войны самые лучшие и закаленные в политической борьбе рабочие кадры были рассеяны по многочисленным фронтам, часть из них погибла, а другая потонула в бесформенной солдатской массе. На производство хлынули новые, в фабричном котле невываренные, массы рабочих, довольно плохо разбиравшиеся в сложных политических вопросах, и естественно, что в февральско-мартовские дни всеобщего братания и опьянения революционной фразой значительная часть из них дала себя увлечь мелкобуржуазным партиям.

Большевики во время войны испытали на себе всю тяжесть репрессий умиравшего режима. Лучшие вожди и руководители партии, как мы уже упоминали, сидели в тюрьмах, находились в ссылке и эмигрировали. Концентрация в связи с войной в городах больших масс солдат также не могла не отразиться на составе советов. Правда, рабочие крупных городов имели воспитательное воздействие на солдат, но бесспорен также факт влияния крестьянской бесформенности на рабочих, в некоторых случаях просто подавлявшихся солдатским большинством.

Ленин, возражая Стеклову, объяснявшему передачу власти

буржуазии тем, что будто бы тогда опасались прихода войск с фронта и передачей власти буржуазии хотели спасти положение, писал:

> «Почему не взяли власть? Стеклов говорит: потому-то и потому-то. Это вздор. Дело в том, что пролетариат недостаточно сознателен и недостаточно организован. Это, надо признать, материальная сила в руках пролетариата, а буржуазия оказалась сознательной и подготовленной. Это — чудовищный факт, но его необходимо откровенно и прямо признать и заявить народу, что не взяли власть потому, что неорганизованы и бессознательны». [24]

Итак, *слабая организованность, недостаточная сознательность массы, засоренность рядов пролетариата мелкобуржуазными элементами обусловливали господство меньшевиков и эсеров в февральско-мартовские дни, что и привело к переходу власти в руки империалистической буржуазии.*

В февральские дни революцию начали рабочие, которые в упорной кровавой борьбе с царизмом увлекли за собою одетых в серые шинели крестьян. Роль пролетариата как гегемона в общедемократической революции проявилась во всей полноте, тем самым на деле было доказано и исторически проверено учение Ленина о гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической революции.

Авангард пролетариата — большевистская партия готовилась к революции; кроме революционной работы среди рабочего класса, она также вела революционную агитацию среди солдат. Но организационно охватить все воинские части у партии не хватало сил. Работу в войсках вели главным образом мобилизованные члены партии. Выпускавшиеся партией листовки для солдат широко распространялись и попадали даже в те части, с которыми не было организованных сношений.

Пролетариат в феврале не мог победить без союзника — без армии, это бесспорно, но из этого бесспорного положения меньшевики делали неправильные выводы, оценивая весь февральский переворот как дело солдат и буржуазии. На самом деле рабочий класс начал революцию. Его выступления и борьба определили дальнейший ход событий. Поддержка рабочего класса крестьянством (те же солдаты) была обусловлена всем ходом экономического и политического развития России. В борьбе против полукрепостнического самодержавия поддержка рабочего класса крестьянством была обеспечена, чего конечно не понимали меньшевики и троцкисты.

Теми массовыми агитаторами, которые вели работу среди солдат, были распропагандированы петроградские рабочие. Рабочие в февральско-мартовские дни проделали колоссальную работу по политическому воспитанию одетых в серые шинели крестьян. Они, группируясь вокруг казарм и ведя агитацию, политически воспитывали солдат. Без революционной агитации, без восстания рабочих немыслимо было восстание солдат. *Рабочие были во главе масс, являясь естественными руководителями движения.*

Рабочие не только вели агитацию среди солдат, но они были также первыми, кто организовал восставших солдат, внося в эту

[24] *Ленин*. Собр. соч., т. XX, стр. 78.

разбушевавшуюся стихию организованность и руководя ею в борьбе против полиции и жандармерии за окончательное уничтожение самодержавия.

Восстанием руководил сознательный пролетариат, который шел за большевистскими боевыми лозунгами о свержении царской монархии, о превращении империалистической войны в войну гражданскую и об организации революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства.

Отрицание Шляпниковым руководящей роли нашей партии и подчеркивание им стихийности Февральской революции являются самой грубой фальсификацией Февральской революции. Шляпников не понимает, что политическое направление дала нараставшему стихийному движению масс в годы империалистической войны, накануне Февраля и в дни Февраля большевистская партия, и что революция победила именно благодаря сознательному участию передовых рабочих столицы, которыми руководила наша партия.

Забастовка 23 февраля, в связи с международным женским днем, началась по призыву нашей партии. Начиная с 24-го, Бюро ЦК, ПК и районные комитеты развернули широкую деятельность по организации и руководству масс. На заседании Бюро ЦК 24 февраля решено было вовлекать в активную борьбу солдат. На следующий день, 25 февраля, Бюро ЦК выпустило воззвание, заканчивающееся следующими словами:

> «... Всех зовите к борьбе. Лучше погибнуть славной смертью, борясь за рабочее дело, чем сложить голову за барыши капитала на фронте или зачахнуть от голода и непосильной работы. Отдельное выступление может разрастись во всероссийскую революцию, которая даст толчок к революции в других странах. Впереди борьба, но нас ждет верная победа. Все под красные знамена революции! Долой царскую монархию! Да здравствует демократическая республика! Да здравствует 8-часовой рабочий день! Вся помещичья земля народу! Долой войну! Да здравствует братство рабочих всего мира! Да здравствует социалистический Интернационал!»

Листовки выпускались также и некоторыми районными комитетами и распространялись по заводам и казармам.

Партия большевиков в лице Бюро ЦК, Петербургского комитета и районных комитетов руководила восстанием, выпустила манифест, воззвания и т. д. Несмотря на то, что накануне восстания, в ночь с 25-го на 26-е, арестован был Петербургский комитет, настроение у оставшихся руководителей было боевое, приподнятое. Вместо арестованного ПК руководство перешло к Выборгскому районному комитету, члены которого совместно с Бюро ЦК 27 февраля выработали и на 28-е опубликовали следующий манифест:

> «Манифест Российской социал-демократической рабочей партии ко всем гражданам России.
>
> Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
>
> Граждане! Твердыни русского царизма пали. Благоденствие царской шайки, построенное на костях народа, рухнуло. Столица в руках восставшего народа. Части революционных войск стали на сторону восставших. Революционный пролетариат и революционная армия должны спасти страну от окончательной гибели и краха, который подготовило царское правительство.

Громадными усилиями, кровью и жизнями русский народ стряхнул с себя вековое рабство.

Задача рабочего класса и революционной армии — создать Временное революционное правительство, которое должно встать во главе нового нарождающегося республиканского строя.

Временное революционное правительство должно взять на себя создание временных законов, защищающих все права и вольности народа, конфискацию монастырских, помещичьих, кабинетских и удельных земель и передать их народу, введение 8-часового дня и созыв Учредительного собрания на основе всеобщего, прямого избирательного права с тайной подачей голосов.

Временное революционное правительство должно взять на себя задачу немедленного обеспечения продовольствием населения и армии, а для этого должны быть конфискованы все полные[25] запасы, заготовленные прежним правительством и городским самоуправлением.

Гидра реакции может еще поднять свою голову. Задача народа и его революционного правительства — подавить всякие противонародные контрреволюционные замыслы.

Немедленная и неотложная задача Временного революционного правительства войти в сношения с пролетариатом воюющих стран для революционной борьбы народов всех стран против своих угнетателей и поработителей, против царских правительств и капиталистических клик и для немедленного прекращения кровавой человеческой бойни, которая навязана порабощенным народам.

Рабочие фабрик и заводов, а также восставшие войска должны немедленно выбрать своих представителей во Временное революционное правительство, которое должно быть создано под охраной восставшего революционного народа и армии.

Граждане, солдаты, жены и матери! Все на борьбу! К открытой борьбе с царской властью и ее приспешниками!

По всей России поднимается красное знамя восстания! По всей России берите в свои руки дело свободы, свергайте царских холопов, зовите солдат на борьбу.

По всей России, по городам и селам создавайте правительство революционного народа.

Граждане! Братскими, дружными усилиями восставших мы закрепим нарождающийся новый строй свободы на развалинах самодержавия.

Вперед! Возврата нет! Беспощадная борьба!

Под красное знамя революции!

Да здравствует революционный рабочий класс!

Да здравствует революционный народ и восставшая армия!

Центральный комитет социал-демократической рабочей партии».

Клеветой на партию является утверждение Шляпникова, Троцкого и троцкистских контрабандистов, будто партия до приезда Ленина вела оппортунистическую политику, будто она была против перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую и т. д.

С самого начала возникновения Временного правительства партия правильно квалифицировала его как правительство империалистической буржуазии. За исключением единиц, партия стояла за передачу власти рабочему классу и крестьянству. Правда, обстановка была чрезвычайно сложная, надо было переходить от старого стратегического этапа свержения царизма к новому этапу подготовки сил и совершения социалистического переворота. В этот период некоторые организации, в том числе и Петроградский комитет,

[25] Здесь опечатка — вместо слов «полные» [составители манифеста хотели сказать «частные». *Ред.*

допустили отдельные ошибки (неправильная резолюция по вопросу об отношении к Временному правительству). Но Бюро ЦК (еще до приезда Ленина в Россию) приняло резолюцию, дающую правильный анализ сущности Временного правительства. Эта резолюция была опубликована в «Правде» от 10 (23) марта, и в ней сказано:

> «Продолжение войны новым Временным правительством ставит своей целью ту же захватническую империалистическую политику, по существу ничем не изменив грабительской политики низвергнутого царского правительства, с той только разницей, что новое правительство стремится для своих империалистических целей использовать движение революционной демократии, в частности революционной армии.
>
> Поэтому, подтверждая прежние партийные решения об отношении к захватно-империалистическим войнам, Бюро ЦК РСДРП заявляет, что основной задачей революционной социал-демократии попрежнему является борьба за превращение настоящей антинародной империалистической войны в гражданскую войну народов против своих угнетателей — господствующих классов».

Дальше резолюция указывает на важность братания на фронте и на необходимость поддержки революционного движения против господствующих классов во всех странах.

Клеветой на партию является утверждение Шляпникова об оборонческих и центристских тенденциях в руководящих организациях партии. Правда, Каменев и его немногие сторонники (я не говорю о небольшой группе лиц, возглавляемых Войтинским и Севруком, занимавших меньшевистскую позицию и за это немедленно изгнанных из партии) занимали полуменьшевистскую позицию по вопросам войны и отношению к Временному правительству и т. д. Но они встретили решительный отпор в партии еще до приезда Ленина.

Несмотря на отдельные ошибки тактического порядка в этот трудный переходный период и оппортунистические шатания (направо и налево) у отдельных руководящих работников (Каменев и Богдатьев), партия держала правильный курс на перерастание буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Приезд Ленина и опубликование апрельских тезисов были встречены всей партией с громадным подъемом. Партия дружно одобрила тезисы Ленина, ибо в них было сказано то, о чем каждый большевик думал и к чему стремился. Только такой враг партии, как Троцкий, может утверждать (в книге «Февральская революция»), что Ленин был встречен холодно, что нужен был якобы целый месяц для того, чтобы «перевооружить» партию.

КЛАССОВАЯ БОРЬБА В ПЕРИОД ПЕРВОГО ВРЕМЕННОГО ПРАВИТЕЛЬСТВА

(март — апрель)

В февральско-мартовские дни, в момент ликвидации старой власти и организации Советов рабочих и солдатских депутатов, вся фактическая власть, вся реальная сила в столице была в руках восставшего народа, создавшего свой революционный орган — Совет, который тогда имел полную возможность стать государственной

властью, но благодаря оппортунистической политике вождей Совета, меньшевиков и эсеров, идущих на поводу у крупной буржуазии, Совет от власти отказался, даже вообще вопрос о власти, этот важнейший вопрос всякой революции, Совет не обсуждал до 1 марта, когда принужден был взяться за эту проблему по предложению Временного комитета Государственной думы.

При обсуждении этого вопроса для соглашательских партий вопрос о составлении именно буржуазного правительства с принципиальной стороны был ясен, они колебались только на вопросе — послать ли представителей Совета в правительство или нет. После выступления Керенского с заявлением, что он войдет в правительство, вопрос был исчерпан. Совет одобрил состав нового правительства и обещал ему свою поддержку, опубликовав по этому вопросу специальное воззвание.

Владимир Ильич писал, что это воззвание

> «является замечательным документом, показывающим, что петербургский пролетариат, по крайней мере в момент выпуска этого воззвания, находился под преобладающим влиянием мелкобуржуазных политиков».[26]

Несмотря на то, что буржуазии так легко удалось захватить государственную власть в свои руки, все же всей полноты власти у нее не оказалось: Временное правительство силу имело лишь постольку, поскольку его поддерживал Совет, объединяющий действительную, реальную силу — рабочий класс и вооруженных солдат. Своеобразие момента заключалось в двоевластии, что конечно свидетельствовало о том, что такое положение может быть только временным и что борьба за полноту власти будет продолжаться между антагонистическими классами.

В этот первый период революции рабочая и солдатская масса после свержения старой власти проявила много энтузиазма в деле создания своих классовых организаций. Самым популярным органом в массах были советы, организация которых с поразительной быстротой завершена была в непродолжительном времени по всей стране.

Деятельность Петроградского совета служила образцом для провинциальных советов, всюду ему стали подражать и обращаться к нему за разрешением спорных и неясных вопросов. Самым ходом событий Петроградский совет выдвинулся во главу движения и стал общепризнанным центром советов рабочих и солдатских депутатов. К концу марта советы были уже почти повсюду организованы.

Если в центре революции — в Петрограде — в первые дни победили соглашатели, то в провинции положение было не лучше.

Усилению в советах оборонческого крыла способствовала и система выборов в советы — по положению рабочие выбирали 1 депутата на тысячу, а солдаты — 1 на роту, в результате чего в Петроградском совете 450 тыс. рабочих имели в два с половиной раза меньше представителей, чем 150 тыс. петроградского гарнизона. Такая же картина была и в провинции.

---

[26] *Ленин*. Соч., т. XX, стр. 28.

Советы в провинции, так же как и в Петрограде и в Москве, пользовались среди рабочих и солдат громадным авторитетом; очень часто массы смотрели на советы, как на единственные высшие органы власти на местах. Назначенные Временным правительством губернские комиссары (бывшие председатели городских и земских управ), в большинстве кадеты и октябристы, симпатиями масс не пользовались и власть имели лишь постольку, поскольку их поддерживал совет. Несмотря на то, что в советах господствовали соглашатели, считающие Временное правительство и его органы единственными представителями власти, советы, под давлением масс и неавторитетности Временного правительства, часто бывали вынуждены брать на себя функции государственных органов, чем, конечно, вызывали гнев и вопли об анархии как среди членов Временного правительства, так и среди вождей соглашательских партий — меньшевиков и эсеров.

Буржуазия, очнувшись от первого страха, вызванного Февральским переворотом, и с помощью меньшевиков и эсеров так легко пристроившаяся к власти, немедленно приступила к укреплению своих классовых позиций. Закрепив за собой правительственный аппарат как в центре, так и на местах, она развивает активную деятельность по созданию целого ряда экономических и политических организаций. Идет усиленная работа по объединению существующих разрозненных предпринимательских союзов в мощные местные и всероссийские предпринимательские организации.

Одновременно с укреплением своих классовых организаций, буржуазия оказывает энергичное противодействие рабочему классу. По этому вопросу интересно постановление Петроградского общества заводчиков и фабрикантов, категорически запрещающее всякое «сепаратное» удовлетворение требований рабочих отдельным предпринимателем без ведома общества. Были случаи исключения фабрикантов из союза за неподчинение этому постановлению.

Сознавая, что сопротивляться введению 8-часового рабочего дня невозможно, фабриканты пошли на уступки, и было заключено соглашение с Петроградским советом о введении 8-часового рабочего дня в Петрограде. Другие экономические требования рабочих, как-то: повышение зарплаты, улучшение условий труда и т. д., вызвали бешеное сопротивление.

Внимая голосу буржуазии, Временное правительство за все время своего существования не издало закона о 8-часовом рабочем дне. Против введения 8-часового рабочего дня законодательным порядком возражала не только буржуазия, но и меньшевики.

Последние рекомендовали голодным рабочим обождать с введением 8-часового рабочего дня до окончания войны.

На законные требования рабочих улучшить их жалкое материальное положение, нисколько не улучшившееся после революции, соглашательский совет 20 марта вынес «мудрое» решение предложить голодным рабочим *ждать*, пока будут выработаны общие положения.

В постановлении Совета сказано:

> «Признавая необходимым, в интересах стойкой защиты революции и сохранения добытых свобод, Совет рабочих депутатов напоминает первое свое постановление и призывает товарищей рабочих немедленно прекратить разрозненные экономические выступления, дезорганизующие ряды революции, и *спокойно ожидать выработки Советом рабочих депутатов минимальных заработных цен* (подчеркнуто мною — *О. Л.*), распространяющихся на все отрасли наемного труда, и регулирования всех остальных вопросов, связанных с рабочим бытом».[27]

Свержение царизма само по себе не создало новых условий труда и не улучшило положения рабочих, отсюда вытекала неизбежная борьба между рабочим классом и капиталистами.

Благодаря соглашательской политики меньшевиков и эсеров, превративших Совет в придаток буржуазному правительству и боявшихся повести решительную классовую политику против буржуазии, последняя настолько обнаглела, что без сильного нажима снизу не хотела выполнить никаких требований рабочих. Как известно, 8-часовой рабочий день был завоеван только благодаря настойчивой политики нашей партии, особенно Выборгскому районному комитету. Наша партия возглавила движение масс в борьбе за 8-часовой рабочий день и принудила заводчиков капитулировать, после чего согласился и Петроградский совет.

В процессе борьбы за улучшение своего материального и бытового положения на местах с первых дней революции создавались новые классовые организации: фабрично-заводские комитеты, которые с самого своего возникновения должны были уделить большое внимание налаживанию производства на тех заводах, которым угрожало закрытие; часто приходилось оказывать давление на администрацию при приеме и увольнении рабочих, снабжении предприятия сырьем, топливом и другими материалами. Завкомы постепенно втягивались в производственную жизнь предприятяи, правда, при бешеном сопротивлении со стороны заводчиков и фабрикантов. Однако, главное внимание и главные силы уделялись завкомами в этот первоначальный период вопросам экономического положения рабочих. На предприятиях происходили непрерывные волнения рабочих против администрации за увеличение зарплаты, за введение 8-часового рабочего дня, что встретило решительное противодействие предпринимателей. На заводские комитеты легла задача урегулировать все эти вопросы.

Идейным вдохновителем и руководителем организации фабзавкомов была наша большевистская партия, под руководством которой к концу мая организация фабзавкомов повсеместно была закончена, но не было единого центра, объединяющего все эти организации. К этому моменту для руководства разрозненными выступлениями потребность создания центра, объединяющего все фабзавкомы Петрограда, сильно ощущалась, и с этой целью 30 мая (12 июня) была созвана первая общегородская конференция фабзавкомов.

---

[27] «Правда», 1917 г., № 16.

Работа конференции проходила под большевистским руководством. Все резолюции большевиков были приняты громадным большинством голосов. Из 421 делегатов за большевистские резолюции голосовало 335 человек. В принятой резолюции по вопросу о борьбе с разрухой сказано:

> «Ни бюрократическим путем, т. е. созданием учреждений с преобладанием капиталистов и чиновников, ни при условии охраны прибылей капиталистов, ни при сохранении их всевластия в производстве, ни при господстве финансового капитала спасения от катастрофы найти нельзя... Путь к спасению лежит только в установлении действительного рабочего контроля над производством и распределением продуктов».

На конференции был избран Центральный совет фабрично-заводских комитетов, в большинстве состоящий из большевиков и примыкающих к ним беспартийных рабочих.

По инициативе большевиков началась также организация профсоюзов, так в газете «Правда» от 8 (21) марта было помещено объявление с призывом приступить немедленно к организации профсоюзов явочным порядком, не дожидаясь разрешения сверху.

Самоорганизация пролетариата быстро шла во всех направлениях. Организация Советов, фабзавкомов, профсоюзов, рабочих кооперативов, клубов и др. организаций продвигалась быстро вперед. В этом деле рабочий класс проявил огромную способность и энергию к организованности и общественно-политической зрелости. Правда, во многом он тогда еще шел за мелкобуржуазными социалистами — меньшевиками и эсерами, доверял им, но и тогда уже постоянно возникали недоразумения революционно-настроенных низов с оппортунистическими верхами; уже и тогда была ясна неизбежность отхода масс от соглашательских верхов и в связи с этим подъем революции на более высокую ступень.

В связи с ростом экономической разрухи и обострением классовой борьбы как между рабочими и капиталистами, так и между крестьянами и помещиками буржуазия и помещики завопили об анархии, о беспорядках.

Временное правительство обвиняется в мягкости и отсутствии энергии для усмирения «бунта».

Необходимо отметить, что все эти обвинения не имели основания. Временное правительство, выполняя волю класса буржуазии, всегда брало под свою защиту капиталистов и помещиков. Достаточно просмотреть список и содержание многочисленных приказов и циркуляров Временного правительства губернским комиссарам, чтобы убедиться в настойчивых попытках со стороны правительства установить «порядок». Если правительству это не удалось, то конечно не по вине самого Временного правительства или его агентов на местах, здесь были другие, более глубокие причины. Рабочие, солдаты и крестьяне, которые свергли царизм, вовсе не успокоились и с переходом власти из рук царя в руки буржуазии. Громкие фразы меньшевиков и эсеров о родине и о свободе, о необходимости жертв не могли остановить движения рабочих к власти, солдат — к миру и крестьян — к захвату помещичьих земель.

Начиная с марта месяца, крестьянское движение непрерывно растет. «Если в марте им было охвачено только 34 уезда, то в апреле им уже охвачено 174, в мае — 236, в июне — 280, в июле — 325 уездов». [28] С ростом аграрного движения на Временное правительство градом посыпались от помещиков и буржуазии жалобы, протесты и упреки в бездействии.

Жалобы помещиков и обвинения Временного правительства в бездеятельности, конечно, были несправедливы. Сам состав правительственных учреждений говорит, на чьей стороне были симпатии правительства. Например, во главе министерства внутренних дел стоял князь Львов, а помощниками его были — князь Урусов и князь Эристов. Необходимо упомянуть, что весь старый правительственный аппарат продолжал функционировать в прежнем составе.

В ответ на крики помещиков, начиная уже с марта месяца, из канцелярии министерства внутренних дел посыпались в провинцию самые строгие, срочные и обязательные распоряжения о прекращении «беспорядков» и об установлении «законности» и «порядка».

Несомненно, что основным вопросом для российской буржуазии в лето 1917 г. был вопрос о войне. Буржуазия, после февральского переворота оказавшись у власти, хотела использовать создавшуюся обстановку для успешного ведения войны. Министр иностранных дел первого Временного правительства — Милюков — считал,

> «что перемена, которая настала со времени изменения нашего внутреннего строя, сводилась к тому, что теперь мы с чистой совестью, открыто и свободно, от имени всей страны могли говорить то, что прежде говорили от имени оппозиции Государственной думы. Мы ведь сами постоянно говорили, что прежнее правительство не в состоянии организовать страну для победы. Именно это было ближайшей целью нашего участия в перевороте» (речь, произнесенная 4 мая на совещании членов Государственной думы). [29]

В течение девятимесячного существования буржуазного Временного правительства на всех съездах и конференциях кадетской партии, на совещаниях членов Государственной думы, на съездах промышленников и землевладельцев раздавались голоса и принимались резолюции о ненарушимости союза с англо-французскими империалистами и о доведении войны до победного конца, т. е. до завоевания Дарданелл, Галиции и пр. Временное правительство, несмотря на то, что в нем участвовали и «социалисты», ни разу не осмелилось ясно и четко заявить, что оно считает заключенные царем грабительские договоры аннулированными, что оно хочет заключения мира. Если под давлением масс оно вынуждено было сделать туманные заявления о стремлении к миру без аннексий и контрибуций, то в то же время посылались секретные ноты союзным правительствам, говорящие о том, что эти заявления к ним не относятся, а имеют лишь внутреннее хождение, *с целью усыпить массу*.

Меньшевики и эсеры, даже и те, которые называли себя интернационалистами, оказались горячими сторонниками продолжения

---

[28] «Крестьянское движение в 1917 году». Предисловие т. Яковлева, стр. III.
[29] «Буржуазия и помещики в 1917 г.», стр. 9.

империалистической войны и организации наступления на фронте. На этой почве назревал серьезный конфликт между руководителями Совета и солдатской массой.

Меньшевики и эсеры считали, что с падением самодержавия и организации демократического строя рабочий класс должен принести себя в жертву для защиты «родины и революции», причем ими отрицался империалистический характер войны со стороны России и ее союзников. Французские, английские, американские и другие капиталистические хищники объявлялись сторонниками и борцами за идеалы демократии.

Меньшевики в журнале «Дело» писали:

> «Самодержавие разрушено, в России установлен демократический строй, оборона страны находится в руках демократии, которая должна решить, чтобы рука об руку с французскими, бельгийскими и английскими демократиями продолжать дело обороны».

Бывшие «интернационалисты» после падения царизма и перехода власти в руки российской империалистической буржуазии считали, что теперь война носит империалистический характер только со стороны германской коалиции, и требовали сохранения военного союза с англо-французским империализмом. Тем самым исчезла всякая разница между откровенными оборонцами типа Плеханова и теми меньшевиками и ликвидаторами из Организационного комитета — Чхеидзе, Церетели и др., которые до революции считали себя интернационалистами, создался единый оборонческий блок — за продолжение войны и укрепление дисциплины в армии.

Разложение царской армии приняло большие размеры еще до февральского переворота, нередки были случаи открытого неповиновения частей командному составу, даже вспышки бунтов и восстаний во флоте и армии. Так в декабре 1916 г. на рижском фронте 17-й Сибирский полк отказался от наступления, а 55-й полк с оружием в руках препятствовал другим полкам наступать. Выставлены были требования «долой войну» и ответственного министерства. Полк разоружили, и 97 солдат было расстреляно. Солдатская масса была охвачена желанием мира, началось массовое дезертирство из действующей армии.

Революция на фронте солдатской массой встречена была с большим энтузиазмом. Солдаты надеялись, что революция избавит их от войны и от нечеловеческого обращения с ними со стороны офицерства. Первым шагом в этом направлении было опубликование Советом 1 марта, составленного при непосредственном участии самих солдат, приказа № 1, приравнявшего солдат вне службы в правах с остальными гражданами и отменившего унизительное отдавание чести вне службы.

Этот приказ вызвал бурю негодования в среде командного состава и буржуазии, которая появление приказа объявляла делом рук немцев и требовала его отмены. Раболепствующие перед буржуазией меньшевики и эсеры пошли на уступки буржуазии и следующими приказами №№ 2 и 3 действие приказа № 1 было ограничено только районом Петроградского военного округа, также было

разъяснено о недопустимости избрания командного состава самими солдатами.

Солдатская масса не хотела и не могла жить по-старому, она хотела новых порядков в армии, несмотря на неполноту и ограниченность прав. Все же приказ № 1 был крупным шагом по пути демократизации армии, несмотря на противодействие, все же этот приказ проникал в армию, там его явочным порядком стали применять, командный состав противодействовал, соглашатели поддерживали притязания старого генералитета и тем самым значительно подорвали свой авторитет в солдатской массе.

Только наша партия большевиков высказалась против продолжения империалистической войны.

Ленин в письме к Ганецкому от 17 марта писал:

> «Война не перестала быть империалистической со стороны России... Отсюда ясно, что лозунг: мы защищаем *теперь* республику в России, мы ведем *теперь* «оборонительную войну», мы будем воевать с *Вильгельмом*, мы воюем *за* свержение Вильгельма, есть величайший обман, величайшее предательство рабочих!!! Ибо Гучков—Львов — Милюков и К⁰ суть помещики и капиталисты, представители *класса* помещиков и капиталистов, *империалисты*, воюющие *за те же* грабительские цели, на основе тех же грабительских договоров царизма, в союзе с *той же* империалистической, грабительской буржуазией Англии, Франции и Италии....
>
> Свергать надо не только Вильгельма, но и королей английского и итальянского. Это во-первых. А второе и *главное* — свергать надо *буржуазные* правительства и *начать* с России, ибо иначе мира получить нельзя». [30]

Практическая деятельность нашей партии проводилась, исходя из этих теоретических предпосылок. Вели работу за самую широкую демократизацию армии, за братание на фронте, за выборность командного состава. Большевики защищали и расширяли завоеванные в революции свободы. Своей последовательно-революционной политикой и тактикой большевики проложили дорогу для большевизации армии.

Правда, большевизация армии и гарнизонов в городах в начале революции продолжалась медленными темпами. Преобладало тогда так называемое революционное оборончество, которое представляет

> «по своему классовому значению, с одной стороны, интересы и точку зрения мелкой буржуазии, мелких хозяев, зажиточных крестьян, которые, подобно капиталистам, извлекают прибыли из насилия над слабыми народами, — а с другой стороны, является результатом обмана народных масс капиталистами, не публикующими тайных договоров и отделывающимися посулами и краснобайством.
>
> Очень широкие массы «революционных оборонцев» необходимо признать добросовестными, т. е. *действительно* не желающими аннексий, захватов, насилия над слабыми народами, *действительно* стремящимися к демократическому, не насильническому миру между *всеми* воюющими странами. Это необходимо признать потому, что классовое положение пролетариев и полупролетариев города и деревни (т. е. людей, живущих целиком или отчасти продажей своей рабочей силы капиталистам) делает эти классы незаинтересованными в прибыли капиталистов». [31]

---

[30] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 54.
[31] Там же, стр. 187.

Тактика партии по отношению к этой массе должна заключаться в разъяснении и товарищеском убеждении,

> «что бессознательно-доверчивое отношение широких масс к правительству капиталистов, худших врагов мира и социализма, есть в данный момент в России главная помеха быстрому окончанию войны». [32]

Во всей своей политической деятельности, в советах рабочих и солдатских депутатов, в фабзавкомах, в профсоюзах, в печати и на массовых собраниях и митингах, партия большевиков проводила широкую антиимпериалистическую кампанию за мир через свержение буржуазных правительств и братание на фронте. Наша партия категорически высказывалась против поддержки войны материальными средствами, она решительно выступила против поддержки «Займа свободы», который в рабочей массе отклика не нашел. Несмотря на все красноречие социал-шовинистов, агитирующих за заем, в рабочей секции Петроградского совета выступление большевиков против займа нашло сочувствие; правда, на пленуме Совета голосами солдат было принято постановление о поддержке «Займа свободы». «Добросовестное оборончество» пока еще держало в своих тисках солдатскую массу и часть рабочих.

Введение явочным порядком 8-часового рабочего дня, создание фабрично-заводских комитетов и борьба за улучшение условий труда и за повышение зарплаты, поддержка рабочими требований солдат демократизировать армию, отказ передового отряда рабочего класса от поддержки войны — страшно обозлили буржуазию.

Со страниц буржуазных газет в марте начинается бешеная кампания против рабочих, начинается натравливание солдат на рабочих, которые якобы после революции поддались лени, отказываются работать, в то время когда солдаты на фронте нуждаются в продовольствии, в одежде, обуви и снарядах. Новые друзья солдат стали кричать, что если война затянется, то только по вине рабочих, которые, не желая работать, мешают переходить в наступление и разгромить немца и заключить мир.

Травля буржуазных газет вначале имела некоторый успех. Встревоженный фронт посылал одну делегацию за другой на фабрики и заводы с целью выяснить, действительно ли верно, что рабочие не хотят работать. Сами рабочие тоже приглашали солдат посетить рабочих и убедиться на месте, что это есть гнусная клевета на рабочих с целью посеять рознь между рабочими и солдатами. Посылались рабочие делегации на фронт, чтобы там рассказать о положении на заводах и разъяснить точку зрения рабочих на задачи революции. Этими взаимными делегациями провокационные планы буржуазии были разоблачены, единение рабочих с солдатами было восстановлено.

Против большевистской партии, как руководительницы рабочего класса и революционного крестьянства, была начата широкая кампания лжи и клеветы со стороны буржуазии и их лакеев — меньшевиков и эсеров. На собраниях и в печати говорилось и писалось, что большевики — это заговорщики, кучка людей, путем насилия желающих захватить власть против воли рабочих и крестьян, что

[32] *Ленин*. Соч., т. XX, стр. 188.

большевистская партия якобы работает на германские деньги, что она связана с провокаторами и жандармами и т. д. Сами провокаторы, жандармы и сторонники царской власти вдруг оказались сторонниками «свободы и братства», черные силы, мечтающие только о том, как бы восстановить старый режим, на страницах буржуазных газет выглядели, как невинные агнцы. «Социалисты», на деле поддерживающие империалистов, заседающие в империалистическом правительстве, обнаглели до того, что стали бросать обвинение нашей партии, которая якобы имеет связь с германским империализмом.

Русское правительство, сразу после переворота открывшее широко двери для возвращения в Россию оборонцев, ни за что не хотело впустить на родину интернационалистов. По соглашению с русским правительством, «великие демократии» — Англия, Франция и другие отказались пропустить через свою территорию интернационалистов, а пытающихся на свой риск пробраться хватали и сажали в тюрьму. Этим своим действием Временное правительство создало условия, при которых единственным путем для того, чтобы перебраться из Швейцарии в Россию, оказался путь через Германию. Не находя иного пути, эмигранты-интернационалисты, в том числе т. Ленин и другие большевики, зная, что этот шаг будет злостно использован буржуазией, все же решили отправиться через Германию на родину, для того чтобы принять непосредственное участие в великой освободительной борьбе пролетариата. Были приняты с их стороны все меры предосторожности, для того чтобы избавиться от обвинения в связях с германцами; во время проезда через Германию никто из вагона не выходил и никто в вагон извне тоже допущен не был.

Владимир Ильич приехал 3 апреля и на Финляндском вокзале был торжественно встречен петроградским пролетариатом.

Буржуазия с первого дня приезда Ленина подняла против него кампанию травли, ей вторили меньшевики и эсеры, особенно в этом изощрялся плехановский листок «Единство». Чего только они не выдумывали, какой только грязью не обливали нашу партию и ее вождя т. Ленина, но все это было напрасно: с помощью клеветы и лжи можно было в одном или другом месте обмануть менее сознательные прослойки рабочих и солдат, но нельзя было остановить движение революции. Грязной шваброй нельзя было остановить мощный поток революционных свежих вод.

Отношение Петроградского совета и РСД к проблеме войны и мира было выражено в известном обращении к народам мира от 14 марта. Смысл этого обращения заключался в том, что мы, мол, русские, свергли царя, теперь мы свободны и будем защищать эту свободу с оружием в руках от внешнего врага. В обращении был прямой призыв к германскому пролетариату сбросить власть германского кайзера.

Этот документ Ленин квалифицировал, как величайший обман и надувательство трудящихся. Критика этой политики поддержки русского и англо-французского империализма дана была Лениным в письме к Ганецкому и нами уже приводилась, поэтому еще раз на ней останавливаться нет нужды.

Несмотря на торжественные слова в манифесте Совета рабочих и солдатских депутатов от 14 марта, что

> «В сознании своей революционной силы, российская демократия заявляет, что она будет всеми мерами противодействовать захватной политике своих господствующих классов, и она призывает народы Европы к совместным решительным выступлениям в пользу мира»,

министр иностранных дел Милюков продолжал вести иностранную политику в традиционном духе царского самодержавия. Не обращая никакого внимания на болтовню соглашательских вождей Совета о мире без аннексий и контрибуций, он полагал, что под шумок громких фраз войну можно будет вести более успешно, чем до революции, и наконец добиться осуществления стремлений российского империализма к захвату Константинополя, Галиции, Турецкой Армении и т. д.

По свидетельству Набокова, «он (Милюков — *О. Л.*) не понимал, не хотел понимать и не мирился с тем, что трехлетняя война осталась чуждой русскому народу, что он ведет ее нехотя, из-под палки, не понимая ни значения ее, ни целей, что он ею утомлен и что в том восторженном сочувствии, с которым была встречена революция, сказалась надежда, что она приведет к скорому окончанию войны». [33]

Под давлением нарастающего недовольства масс империалистической внешней политикой Временное правительство 27 марта (9 апреля) опубликовало обращение к гражданам о целях войны. В этом документе, несмотря на искусство дипломатов за общими фразами,

> «что цель свободной России — не господство над другими народами, не отнятие у них национального их достояния, не насильственный захват чужих территорий, но утверждение полного мира на основе самоопределения народов»,

скрыть сущность империалистической политики полностью не удалось.

Тем не менее по поводу этого документа меньшевики в Совете подняли большой шум и объявили как свою крупную победу.

Союзники же по поводу этого документа стали нервничать. Для того чтобы успокоить союзников и отвести всякие хотя бы малейшие подозрения о верности России к заключенным договорам и незыблемости политики продолжения войны «до полной победы», Милюковым 18 апреля (1 мая) была разослана нота союзным правительствам о сохранении старых целей войны, о доведении войны

> «до решительной победы» и что «проникнутые одинаковыми стремлениями передовые демократии найдут способ добиться тех гарантий и санкции, которые необходимы для предупреждения новых кровавых столкновений в будущем».

Там же, в этой ноте, было сказано,

> «что высказанные Временным правительством общие положения вполне соответствуют тем высоким идеям, которые постоянно высказывались, вплоть до самого последнего времени, многими выдающимися государственными деятелями союзных стран».

---

[33] Архив русской революции, т. I, стр. 61.

Нота была послана союзным государствам 18 апреля (1 мая), в день, когда впервые в России пролетариат внушительной демонстрацией подчеркивал свою неуклонную волю к миру и братству народов.

Первомайская демонстрация 1917 года в Петрограде прошла с большим подъемом, при участии грандиозных масс демонстрантов революционной столицы. Самым распространенным лозунгом на знаменах и плакатах были лозунги: «Да здравствует социализм!», «Да здравствует братство народов!», «Да здравствует III Интернационал!», «Помещики в окопы!», «Война до победы над буржуазией!», «Опубликуйте тайные договоры!»

На митингах 1 мая главное внимание масс привлекали вопросы войны и мира и отношения к Временному правительству. Вокруг этих вопросов завязались ожесточенные споры, в результате которых многие и многие искренне заблудившиеся рабочие и солдаты прозрели и стали на сторону большевизма.

Нота Милюкова союзным державам была опубликована только 20 апреля (3 мая) и произвела громадное впечатление. Еще до опубликования ноты было сильное недовольство в массах политикой Временного правительства.

Назначение царского прислужника, генерала Алексеева, верховным главнокомандующим и явное намерение лишить солдат завоеванных свобод вызвало против Временного правительства сильное негодование рабочих и солдат. Чаша терпения революционных масс переполнилась с опубликованием 20 апреля (3 мая) ноты министра иностранных дел Милюкова иностранным державам с подтверждением верности Временного правительства союзным договорам, заключенным при царе.

В ответ на ноту Милюкова 20 апреля (3 мая) начались в Петрограде демонстрации против империалистической внешней политики Временного правительства. Первым выступил в полном составе Финляндский полк с лозунгами, требовавшими отставки Милюкова. Вслед за Финляндским полком на улицу выступили другие полки, всего до 25—30 тысяч человек. Движение было стихийным, ни одна политическая партия не брала на себя инициативы выступления. Демонстрация имела целью давление на Временное правительство, дабы принудить его изменить его внешнюю политику; по инициативе отдельных большевиков появились однако также плакаты с лозунгами, требовавшими передачи власти советам и свержения Временного правительства. [34]

На следующий день, 21 апреля, демонстрация продолжалась и носила более острый характер. На улице появились рабочие с заводов, во главе с вооруженными отрядами Красной гвардии. Демонстранты шли с лозунгами: «Долой Гучкова и Милюкова!», «Долой Временное правительство!», «Да здравствует Совет рабочих и солдатских депутатов!», «Да здравствует социализм!» Кадетская партия устроила контрдемонстрацию, вся буржуазная молодежь высыпала

[34] Последний лозунг шел в разрез с установкой Центрального комитета большевиков и подвергся жестокой критике со стороны т. Ленина.

на улицу. На улицах появились грузовики с вооруженными офицерами, юнкерами, студентами. Демонстрировали георгиевские кавалеры. Происходили столкновения между кадетскими и рабочими демонстрациями. Происходила непрерывная перестрелка, были жертвы.

В это же время командующим Петроградским военным округом, генералом Корниловым, был отдан приказ некоторым надежным частям выступить с артиллерией на Дворцовую площадь. Совершенно очевидно, что Корнилов хотел «подкрепить» кадетскую демонстрацию более вескими аргументами в виде пушек и пулеметов. У буржуазии и Корнилова были явные намерения учинить революционным рабочим и солдатам кровопускание. Однако этот план не удался, так как Советом был отдан приказ без санкции и призыва Совета солдатам из казарм не выходить, что и было выполнено.

До апрельской демонстрации большевистская партия по отношению к Временному правительству выдвигала лозунги: «Никакой поддержки Временному правительству!», «Да здравствует власть советов!» Однако, выставляя эти лозунги, партия отнюдь не призывала массы итти на улицу и немедленно свергать правительство. Так просто это дело поняли только Богдатьев и некоторые другие товарищи из Петроградского комитета, взявшие «чуточку левее» ЦК и выбросившие в апрельские дни лозунг: «Долой Временное правительство!» Ленин эту политику «леваков» квалифицировал как «чрезвычайное преступление». Он на апрельской партийной конференции говорил, что Временное правительство безусловно надо свергнуть, но его нельзя свергнуть обычным способом. Для того чтобы свергнуть Временное правительство, которое поддерживается советами, необходимо завоевать большинство в советах, оторвать массы от меньшевиков и эсеров, без этого призыв к немедленному свержению правительства есть бланкизм, есть авантюризм, могущий иметь самые гибельные последствия для революции.

Апрельская демонстрация сильно ударила по соглашательской политике меньшевиков и эсеров. Движение 20—21 апреля было взрывом возмущения добросовестных оборонцев империалистической политикой буржуазии.

> «Массовые представители оборончества, — писал Ленин, — рассуждают просто: мы не хотим аннексий, мы требуем демократического мира, мы не хотим воевать из-за Константинополя, из-за удушения Персии, из-за ограбления Турции и пр., мы «требуем», чтобы Временное правительство отказалось от аннексий.
>
> ...Но массовые «добросовестные» представители оборончества были удивлены, возмущены, исполнены негодования. Они *почувствовали*,— они не поняли еще этого вполне ясно, но они почувствовали, — что они оказались обмануты.
>
> Вот в чем *суть* кризиса, который надо строго отличать от мнений, ожиданий, предположений отдельных лиц и партий». [35]

Апрельская демонстрация была первым открытым столкновением в уличной борьбе двух боровшихся классов — рабочих и буржуазии. В результате этого столкновения начался правительственный кри-

[35] «Правда», 1917 год, № 38, от 22 апреля.

зис. Существовавший до апрельской демонстрации порядок согласования деятельности Временного правительства с Советом посредством контактной комиссии окончательно провалился. Вместо контактной комиссии была выдвинута идея образования коалиционного правительства.

Масса рабочих и солдат не нашла убедительного ответа от меньшевиков и эсеров на вопрос — каковы дальнейшие перспективы русской революции. Четкий, ясный ответ был дан только большевиками, которые заявляли: «Причины кризиса не устранены, и повторение подобных кризисов неизбежно».

22 апреля (5 мая) в «Правде» Владимир Ильич писал:

> «Разруха, кризис, ужасы войны, безвыходность положения — вот куда завели капиталисты *все* народы.
>
> Выхода, действительно, нет, *кроме* перехода власти к революционному классу, к революционному пролетариату, который один только, при условии поддержки его большинством населения, способен помочь успеху революции во *всех* воюющих странах и повести человечество к прочному миру, к освобождению от ига капитала».

Лозунг «Долой Временное правительство!» не верен, потому что сторонники большевистской политики в советах пока в меньшинстве, и сам Совет власти брать не хочет.

В резолюции ЦК РСДРП(б), принятой 22 апреля, выдвинуты следующие задачи момента:

«Организация нашей партии, сплочение пролетарских сил оказались явно недостаточны в дни кризиса».

Лозунги момента:

> «1) Разъяснение пролетарской линии и пролетарского пути к окончанию войны; 2) критика мелкобуржуазной политики доверия и соглашательства с правительством капиталистов; 3) пропаганда и агитация от группы к группе среди каждого полка, на каждом заводе, особенно среди самой отсталой массы — прислуги, чернорабочих и т. п., ибо особенно на них пыталась в дни кризиса опереться буржуазия; 4) *организация*, *организация* и еще раз *организация* пролетариата: на каждом заводе, в каждом районе, в каждом квартале». [36]

Итак, не захват власти как ближайшая задача, а кропотливая организационная и пропагандистская работа среди масс с целью изживания массой мелкобуржуазных иллюзий, отрыв этой массы от политики соглашения с буржуазией, всесторонняя подготовка сил, в том числе и Красной гвардии, для более высокого этапа революции, когда действительно созреют условия для перехода власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства.

ПЕТРОГРАДСКАЯ ОБЩЕГОРОДСКАЯ И ВСЕРОССИЙСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ РСДРП(б) В АПРЕЛЕ

Петроградская общегородская конференция большевиков

После приезда Владимира Ильича из-за границы и опубликования им знаменитых апрельских тезисов, в которых в сжатой форме

[36] «Правда», 1917 г., № 39, от 23 апреля.

была дана оценка момента и намечены задачи партии на новом этапе революции, во всех партийных организациях началось обсуждение тезисов и принятие резолюции.

Против тезисов т. Ленина выступил в «Правде» Каменев, считающий, что буржуазно-демократическая революция не закончена, что нельзя ставить вопрос о переходе к диктатуре пролетариата и беднейшего крестьянства, что нет объективных предпосылок для новой ориентировки партии, что и после Февральской революции в силе остается установка партии на борьбу за чистую рев.-дем. диктатуру пролетариата и крестьянства.

Петроградский комитет партии тезисы Ленина обсуждал на заседании 8 (21) апреля.

Докладчиком по этому вопросу был т. Сергей Богдатьев, который в своем докладе рассматривал статью Каменева и тезисы т. Ленина, причем по основным вопросам, как-то: по вопросу о характере переживаемой революции, об отношении к Учредительному собранию и т. д., занимал неправильную позицию.

В конце докладчик говорил: «Тезисы Ленина правильны в основе, но практически они не подходят». [37]

С содокладом выступил т. Владимир Залежский, который защищал тезисы Ленина.

Выступающие в прениях тт. Людмила Сталь, Анатолий (Антипов) и Рахья высказались за тезисы Ленина. Решено было вопросы, затронутые в тезисах, широко обсудить на предстоящей общегородской конференции. В виду заявления докладчика т. Богдатьева, что тезисы Ленина «в общем и целом правильны», на конференцию по текущему моменту выставляется только один докладчик (Ленин).

Несмотря на заявление Богдатьева, что он в общем и целом считает тезисы Ленина правильными, все же, как об этом можно судить из его выступлений на конференции, он, несмотря на свою «левую» позицию по вопросу о перерастании, стоял тогда на точке зрения Каменева. Также и для большинства членов ПК Лениным выдвинутые новые задачи революции оказались недостаточно продуманными, поэтому и никакой резолюции по этому вопросу не было принято. В связи с этим на общегородскую конференцию легла большая задача подробного обсуждения поставленных в тезисах Лениным задач революции, выяснить все возникающие недоразумения и найти общий язык для дальнейшей успешной работы петроградской парторганизации в направлении, указанном т. Лениным. С этой задачей конференция справилась успешно.

В период от свержения самодержавия до апрельской конференции петроградская партийная организация значительно окрепла и выросла. Если к моменту свержения старой власти в организации насчитывалось всего около 2000 подпольных членов, то ко времени открытия конференции в петроградской большевистской организации насчитывалось уже 16 000 членов партии. В связи с быстрым ростом организации в последней ощущалась большая нехватка

[37] Первый легальный ПК, стр. 85.

квалифицированных партийных работников: организаторов, пропагандистов, агитаторов и литераторов. В смысле организационной налаженности партаппарата как в ПК, так же и в районах были большие недостатки. Это впервые более четко обнаружилось в дни апрельской демонстрации, когда отдельные организации и члены партии проводили свою тактику, противоречащую генеральной линии партии.

Петроградская общегородская конференция была открыта 14 (27) апреля. В президиум конференции были избраны: Ленин (почетный председатель), Молотов, Глебов и др. По данным мандатной комиссии в конференции участвовало 57 делегатов.

В порядке дня конференции были намечены следующие вопросы: 1) Текущий момент, 2) Об отношении к Совету рабочих депутатов, 3) Построение нашей организации, 4) Наше отношение к с.-д. других толков, 5) Городские выборы, 6) О травле против «Правды».

Докладчиком по текущему моменту выступил т. Ленин, подробно развивавший свою точку зрения, уже раньше высказанную в письмах издалека, апрельских тезисах и статьях в «Правде». Так как мы должны будем еще раз вернуться к изложению ленинской точки зрения на Всероссийской конференции, то целесообразнее при анализе текущего момента на общегородской конференции ограничиться только разбором точек зрения товарищей, отличающихся от ленинской линии.

Большинство делегатов, выступавших в прениях, высказывались за линию Ленина, но были также и выступления против.

Выступавших против партийно-ленинской линии можно разбить на две группы: правооппортунистическую—каменевскую и «левую»—богдатьевскую.

Т. Богдатьев говорил:

> «Предположим, что С. Р. и С. Д. стал у власти, — что бы они стали делать? Социальный переворот? Очевидно, нет. Очевидно, они стали бы осуществлять нашу программу-минимум. Но это логически невозможно без социалистического переворота в Западной Европе. Там на очереди социалистическая революция, а это, в свою очередь, поведет нас действительно к диктатуре пролетариата и крестьянства».

Таким образом «левый» Богдатьев считал, что не только социалистическая, но и буржуазно-демократическая революция без помощи социалистической революции на Западе невозможна.

В этом вопросе он нашел союзника в лице т. Сафарова, который, считая возможным переход к социалистической революции, не мыслил ее без революции на Западе, полагая, что и национализация земли невозможна без поддержки европейского пролетариата.

Главным оппонентом Ленину несомненно был Каменев, которого поддерживали тт. Слуцкий, Петриковский, Писецкий и Михаил (Томский). Каменев, критикуя тезисы Ленина, заявлял: «В мотивировочной части резолюции нет перспективы для перехода власти в руки рабочих, т. е. нет того, что нужно как раз для наших агитаторов, которые должны проводить ее в жизнь». Резолюцию т. Ленина Каменев предлагает дополнить следующим пунктом:

> «Конференция призывает революционную демократию осуществить самый бдительный контроль над действиями Временного правительства

как в центре, так и на местах, побуждая его к самой решительной ликвидации старого режима». [38]

В заключительной речи т. Ленин отмечал, что обмен мнений показал разноголосицу и что «больше всего *обнаружился уклон к тактике мелкой буржуазии*» (курсив мой — *О. Л.*).

Говорят, надо «занять» пролетариат. Это делают Чхеидзе, Временное правительство и другие, говоря звонкие слова о революционной демократии. Большевик должен разделять: пролетариат и мелкая буржуазия, а слова: «революционная демократия» и «революционный народ» отдавать Керенскому. Демократия в России империалистична...

Настоящее дело — проведение отмены постоянной армии, чиновничества и полиции и поголовное вооружение.

Троцкизм —

> «без царя, а правительство рабочих». Это неверно. Мелкая буржуазия есть, ее выкинуть нельзя. Но у нее две части. Беднейшая ее часть идет с рабочим классом.
>
> Война. Кончить войну пацифистски — утопия. Кончить ее можно империалистическим миром. Не этого мира хотят массы. Война есть продолжение политики класса, изменить характер войны — изменить класс». [39]

Возражая Каменеву, он его точку зрения квалифицировал, как переход

> «на политику Чхеидзе и Стеклова... Контроль в революционное время есть обман... Искать правды в контактном комитете нет возможности. Контролировать без власти нельзя. Контролировать резолюциями и пр.— чистейшая ерунда. Контроль — изживание мелкобуржуазной иллюзии, туман».

Все поправки Каменева были отклонены, резолюция Ленина была принята большинством голосов.

Интересно отметить совпадение взглядов по вопросам характера и движущих сил революции у «левого» Богдатьева с правым Каменевым. Как тот, так и другой считали невозможным переходить к социалистической революции, правда, тактика у них была разная: в отличие от Каменева, выступающего с решительным возражением против лозунга свержения Временного правительства и выставившего тезис контроля и давления на Временное правительство, Богдатьев, как известно, был в дни апрельской демонстрации инициатором выставления неправильного, авантюристского лозунга «Долой Временное правительство!» В данном случае т. Богдатьев выражал лишь точку зрения отчаявшегося мелкого буржуа, недовольного империалистической политикой правительства и желающего власть захватить в свои руки.

Неправильна была также точка зрения Каменева, категорически заявившего о недопустимости свержения Временного правительства. Ленин и наша партия выставление этого лозунга тогда считали лишь преждевременным.

---

[38] Протоколы общегородской конференции, стр. 28.
[39] Там же, стр. 17.

В своём докладе, касаясь этого вопроса, Владимир Ильич говорил:

«Правительство должно быть свергнуто, но не все правильно это понимают. Если власть Временного правительства опирается на Совет рабочих депутатов, то свергнуть его «просто» нельзя. Его можно и должно свергнуть, завоевывая большинство в Советах. Или вперед, к всевластию Рабочих и Солдатских Депутатов, — или назад, к империалистической войне, — другого пути нет».

Обсуждение вопроса «Об отношении к Совету рабочих и солдатских депутатов и об его реорганизации» происходило накануне апрельского выступления петроградского пролетариата и солдат и протекало в напряженной нервной атмосфере.

Докладчик т. Федоров подчеркивал необходимость организационно-пропагандистской работы для завоевания большинства в советах путем перевыборов. После доклада начались прения, в которых в речах некоторых товарищей слышались нотки перейти к немедленным действиям и вырвать власть из рук Временного правительства. Т. Молотовым было внесено предложение принять следующую коротенькую резолюцию:

«Общегородская конференция в Петрограде признает, что главными задачами в настоящий момент является призвать рабочих и солдат к организованному выражению своей солидарности с основными положениями резолюции ПК и ЦК, к сплочению сил вокруг с.-д. организаций. Поэтому необходимы:

1) Самая широкая организация митингов.

2) Организация давления рабочих и солдат на политику Совета Р и СД в смысле отказа Совета от политики соглашения с Временным правительством».

Эта резолюция была предложена 19 апреля, т. е. накануне демонстрации. Никаких призывов к немедленному выступлению на улицу эта резолюция не содержит, напротив, там есть прямая директива поддержать ЦК и ПК и ограничиться митингами и мирной демонстрацией, в целях давления на Совет. Если при этом учесть слова Ленина, сказанные несколькими днями раньше, что свергать Временное правительство можно только завоеванием большинства в советах, то станет ясна неправота Каменева, желающего ошибки отдельных членов ПК, выставивших лозунг «Долой Временное правительство!», приписать руководству ЦК.

По вопросу «Городские выборы» доклад делал т. Михайлов, защищавший небольшевистскую точку зрения о необходимости при муниципальных выборах блокироваться с социал-шовинистами, при этом он неправильно изложил точку зрения районов, которые будто стоят за объединение.

Точка зрения т. Михайлова встретила дружный отпор со стороны делегатов. Выступивший в прениях т. Ленин говорил:

«Раз у нас пропорциональные выборы, то, следовательно, к чему блок: меньшинство обеспечено. Я резко восстаю против т. Калинина, ибо блок с мелкой буржуазией, с шовинистами немыслим. Малейшая мысль о блоке с мелкой буржуазией, поддерживаемой капиталистами, это — предательство социализма... С кем мы будем блокироваться, с издателями «Интернационала»? Но ведь эта газета не издана, следовательно, мы их

не знаем. Чхеидзе есть худшее прикрытие оборончества. Троцкий, издавая газету в Париже, не договорил, за он или против Чхеидзе: мы всегда говорили против Чхеидзе, так как он является тонким прикрытием шовинизма. Троцкий до конца не договорил. Почему же мы знаем, что Ларин (изд. «Интернационала») не такой же тактики? Мы должны выступить с определенной программой. Теперь существует борьба трех партий: первая — это партия грабителей, убийц; вторая — это те, кто прикрывает этих грабителей красивыми словами, и, наконец, третья партия — никакой поддержки, разъяснение ошибок всего, включая ошибки Исполнительного комитета Совета рабочих и солдатских депутатов».

После прений резолюция докладчика т. Михайлова получила всего 1 голос, была принята резолюция т. Ленина единогласно при двух воздержавшихся.

В принятой резолюции сказано:

«Коммунальная платформа никоим образом не может сводиться, особенно в настоящее революционное время, как только к коммунальным вопросам». Она должна дать определенный ответ на все коренные политические и хозяйственные вопросы.

«По всем этим причинам необходимо итти на выборы без блоков под флагом принципиальной программы пролетарской партии, разъясняя народу коренное отличие трех главных групп партии: 1) кадеты и правее их; 2) партии мелкой буржуазии (народники) и части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих (меньшевики-оборонцы), и 3) партии революционного пролетариата (большевики)... С меньшевиками, на деле рвущими с революционным оборончеством и поддержкой Временного правительства, допускается составление общих списков, при условии достаточной солидарности в основном».

После обсуждения вопроса «Об отношении к социалистическим партиям других толков» была единогласно принята резолюция, квалифицирующая меньшевиков и эсеров, поддерживающих войну и Временное правительство, как партии, занявшие контрреволюционную позицию и защищающие интересы буржуазии. Исходя из этого, конференция постановляет:

«Признать голосование за заем, как и защиту позиции революционного оборончества вообще полной безусловной изменой социализму, пролетарской классовой борьбе и принципам интернационализма, т. е. братского союза рабочих всех стран против капиталистов всех стран.

2) Признать вышеназванные партии проводящими интересы и точку зрения мелкой буржуазии и развращающими пролетариат буржуазным влиянием.

3) Признать объединение с партиями, как целыми, проводящими политику поддержки Временного правительства, революционного оборончества и пр., в виду того, что эти партии перешли с классовой пролетарской позиции на мелкобуржуазную, — безусловно невозможным.

4) По отношению к отдельным местным группам рабочих, примыкающим к меньшевикам и т. п., но стремящимся отстоять позицию интернационализма против «революционного оборончества», против голосования за заем и т. п., политика нашей партии должна состоять в поддержке таких рабочих и групп, в сближении с ними, в поддержке объединения с ними на началах безусловного разрыва с мелкобуржуазной изменой социализму».

В конце конференции выплыл еще вопрос о взаимоотношениях ЦК и ПК.

По этому вопросу была принята следующая резолюция:

«Конференция находит, что необходимо поставить лучше технический аппарат организации и в особенности работу Исполнительной комиссии, и признает, что главнейшие шаги, имеющие общеполитическое значение, должны быть предпринимаемы с согласия ЦК и под его руководством».

По всем вопросам конференция петроградских большевиков твердо стала на точку зрения т. Ленина. С этого момента в Петрограде период новой ориентации был закончен и организация дружно приступила к выполнению намеченных задач.

Всероссийская апрельская конференция большевиков

Через два дня после закрытия Общегородской конференции, 24 апреля (7 мая) начала свою работу Всероссийская партийная конференция.

В президиум конференции избираются тт. Ленин, Свердлов и др.

На конференции участвовали 131 делегат с решающим голосом, представляющих 76 577 организованных членов партии, и 18 делегатов с совещательным голосом, представляющих 2627 членов. Всего представлено таким образом 79 204 членов партии.

В центре внимания всей работы конференции был доклад т. Ленина о текущем моменте, который охватил все важнейшие проблемы переживаемого этапа революции.

Ленин исходил из положения, что в результате Февральской революции и перехода государственной власти из рук царского самодержавия, выражающего интересы полукрепостников-помещиков, в руки империалистической буржуазии, буржуазная революция обычного типа закончена. В стране создалось положение двоевластия: наличие рядом в буржуазным Временным правительством другого правительства — Совета рабочих и солдатских депутатов, добровольно уступившего власть буржуазии и поддерживающего эту власть. В этом факте выражено частичное, своеобразное осуществление революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства. В силу этого не марксистски теперь ждать осуществления в чистом виде революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, а надо признать, что первый этап революции закончен и мы должны перейти ко второму этапу революции, *который должен привести к диктатуре рабочего класса.*

Не парламентская республика как форма господства буржуазии, а республика по типу Парижской коммуны — Республика советов рабочих и солдатских депутатов.

«Советы, — говорил на конференции т. Ленин, — такая форма государства, которой ни в одном государстве нет и не было. Это такая форма, которая представляет первые шаги к социализму и неизбежна в начале социалистического общества. Это факт решающий. Русская революция создала Советы. Ни в одной буржуазной стране мира таких государственных учреждений нет и быть не может, и не одна социалистическая рево-

люция не может оперировать ни с какой властью, кроме этой. СР и СД должны взять власть не для создания обычной буржуазной республики или непосредственного перехода к социализму. Этого быть не может. Для чего же? Они должны взять власть для того, чтобы сделать первые конкретные шаги к этому переходу, которые можно и должно делать». [40]

Каковы эти конкретные шаги к социализму? Национализация земли, слияние всех банков в один общенациональный и установление над ним государственного контроля, национализация мощных синдикатов (Ленин приводит пример синдиката сахарозаводчиков), установление контроля со стороны советов за общественным производством и распределением продуктов. Вот те конкретные меры к социализму, которые, по мнению Ленина, вполне осуществимы и без принятия которых нет выхода из разрухи и кризиса.

По вопросу о войне т. Ленин подчеркнул, что и после Февральской революции война не потеряла своего империалистического характера.

«Мы попрежнему против поддержки этой войны. Нелепо требовать от империалистического правительства кончать войну «без аннексий и контрибуций» — это пацифистские иллюзии. Для того, чтобы война могла быть окончена, власть должна перейти в руки революционного класса» *(Ленин)*.

Тактика наша — не втыкание штыков в землю, а организация братания на фронте, подготовка сил для свержения буржуазии как российской, так же и германской, французской и т. д.

Империалистическую войну в России поддерживают широкие слои мелкой буржуазии, так называемые «революционные оборонцы», люди по своему классовому положению не получающие никаких выгод от войны и добросовестно заблуждающиеся. В этом больше трудностей. Вооруженный свободный народ добровольно поддерживает империалистическую политику буржуазии, отсюда главная задача — кропотливая работа по разъяснению массе ошибочности поддержки империалистической войны, в систематической подготовке масс к отрыву от буржуазии и подготовки гражданской войны на новом этапе революции.

«У некоторых является мысль, — говорил Ленин, — не отреклись ли мы от себя: ведь мы пропагандировали превращение империалистической войны в гражданскую, а теперь мы говорим против нас самих. Но в России первая гражданская война кончилась, мы теперь переходим ко второй войне — между империализмом и вооруженным народом, и в этот переходный период, пока вооруженная сила у солдат, пока Милюков и Гучков еще не применяли насилия, эта гражданская война превращается для нас в мирную, длительную и терпеливую классовую пропаганду. Если мы говорим о гражданской войне прежде, чем люди поняли ее необходимость, тогда мы несомненно впадаем в бланкизм. Мы за гражданскую войну, но только тогда, когда она ведется сознательным классом... Мы пока отказываемся от этого лозунга, но только пока». [41]

Тактика партии: никакой поддержки Временного правительства. Разоблачение меньшевиков и эсеров как пособников буржуазии.

---

[40] Всероссийская апрельская конференция, протоколы, стр. 50.
[41] Там же, стр. 47.

Длительная работа по прояснению классового сознания и сплочению пролетариев города и деревни против колебания мелкой буржуазии. Организация и вооружение пролетариата. Укрепление советов и других пролетарских организаций.

Вот в сжатом виде ленинская линия о текущем политическом моменте, о задачах пролетариата.

Против Ленина с контрдокладом выступил Каменев, который развернул иную, по сути дела очень близкую к меньшевикам концепцию характера и движущих сил революции.

Главным аргументом у Каменева был тезис о том, что у нас буржуазно-демократическая революция не закончена, что помещичьи земли не конфискованы, буржуазная демократия не исчерпала всех своих возможностей. Война, по мнению Каменева, правда, приблизила задачи социализма.

> «Но было бы величайшим заблуждением выводить из этого преждевременное заключение, что эта революция не буржуазно-демократическая, что она приближается к социалистической». [42]

Говоря о советах р. и с. д. как центрах революции, представляющих собой блок мелкобуржуазных и пролетарских сил, перед которыми стоят еще не законченные буржуазно-демократические задачи, Каменев этим подчеркивал незаконченность буржуазно-демократической революции. Причем, по его мнению, если считать буржуазную революцию законченной, то надо этот блок разрывать, ибо в таком случае «перед пролетариатом стоят задачи, которые могут быть осуществлены только пролетариатом, и ни одна из общественных групп ему помочь не может».

Далее Каменев развернул мысль, что столкновение мелкобуржуазного блока с Временным правительством неизбежно, что приведет к дальнейшему развитию буржуазно-демократической революции.

В ожидании этого момента тактика пролетариата, по Каменеву, должна заключаться в давлении на Временное правительство и контроль над ним со стороны Совета.

Насквозь оппортунистическую платформу Каменева на конференции поддерживали тт. Ангарский, Богдатьев, Ногин и Рыков. Часть московских товарищей в смысле оценки характера переживаемой революции стояли близко к Ленину, но по вопросам тактики защищали особую точку зрения контроля массовыми действиями над Временным правительством.

Дополняя содоклад Каменева, Ногин говорил, что в перспективе дальнейшего развития революции

> «будет созвано Учредительное собрание, а за ним парламент. Естественно, что в нем будут представлены интересы пролетариата и крестьянства, именно они будут представлять собой российскую демократию, они будут тем центром, который будет решать очередные вопросы. Таким образом, выходит, что постепенно наиболее важные функции советов отмирают; однако, это не значит, что советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции». [43]

---

[42] Протоколы Всероссийской апрельской конференции, стр. 53.
[43] Там же, тр. 69.

О том, что революция пойдет другим путем мимо советов, говорил также и т. Смидович.

На поддержку Каменева выступил еще Рыков, говоривший, что Россия самая мелкобуржуазная страна в Европе, в ней еще буржуазная революция не закончилась. Партия должна бороться за осуществление программы минимума.

> «Откуда взойдет солнце социалистического переворота? — спрашивал Рыков. — Я думаю, что по всем условиям, обывательскому уровню, инициатива социалистического переворота принадлежит не нам. У нас нет сил, объективных условий для этого. А на Западе этот вопрос ставится приблизительно так же, как у нас вопрос о свержении царизма». [44]

«Левый» Богдатьев по вопросу о характере революции также как и на Петроградской конференции солидаризовался с Каменевым.

В оправдание своей авантюристской тактики во время демонстрации 20—21 апреля он очень путанно стал объяснять, что лозунг «Долой Временное правительство» можно по-разному понять, например: «мы низвергаем Временное правительство частично». Это есть, по мнению Богдатьева, гражданская война, но без выстрелов и т. п.

Что это за гражданская война без выстрелов, это наверное только один т. Богдатьев знает.

В прениях с защитой ленинской линии выступил т. Сталин, решительно критиковавший каменевскую тактику контроля над Временным правительством.

Тов. Ленин в заключительном слове, возражая товарищам, упрекающим его в том, что ленинская политика приводит к изоляции большевиков, заявлял:

> «Да, мы в меньшинстве. Ну что же. В это время угара шовинизма быть социалистом — быть в меньшинстве, а быть в большинстве — значит быть шовинистом».

Возражая Рыкову, Владимир Ильич говорил:

> «Тов. Рыков говорит, что социализм должен прийти из других стран с более развитой промышленностью. Но это не так. Нельзя сказать, кто начнет и кто кончит. Это не марксизм, а пародия на марксизм».

В ответ на статью Каменева, писавшего, что преждевременно переходить к социалистической революции, потому что буржуазно-демократическая революция не закончена, что нет еще в чистом виде революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, т. Ленин в статье «Письма о тактике» писал:

> «Здесь две большие ошибки.
>
> Первая. Вопрос о «законченности» буржуазно-демократической революции *поставлен* неверно. Этому вопросу придана та абстрактная, простая, одноцветная, если можно так выразиться, постановка, которая *не* соответствует объективной действительности. Кто ставит так вопрос, кто спрашивает теперь: «закончена ли буржуазно-демократическая революция» и *только*, тот лишает себя возможности понять чрезвычайно

[44] Протоколы Всероссийской апрельской конференции, стр. 72.

сложную, по меньшей мере «двухцветную» действительность. Это в теории. А на практике — тот сдается беспомощно *мелкобуржуазной революционности*.

В самом деле. Действительность показывает нам и переход власти к буржуазии («законченная» буржуазно-демократическая революция обычного типа), и существование рядом с настоящим правительством побочного, которое представляет из себя «революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства». Это последнее «тоже правительство» *само* уступило власть буржуазии, *само* привязало себя к буржуазному правительству...

Второе. Вопрос практический. Неизвестно, может ли теперь быть еще в России *особая* «революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства», *оторванная* от буржуазного правительства. На неизвестном базировать марксистскую тактику нельзя». [45]

Возможность осуществления «революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства» в чистом виде, по мнению Ленина, затрудняет поворот мелкой буржуазии к социал-шовинизму, к поддержке буржуазии.

Основной ошибкой товарищей, выступавших против доклада Ленина, была их немарксистская, не диалектическая постановка вопроса, — метод оперирования законченными процессами: либо буржуазная, либо пролетарская революция. У них получилось абсолютное непонимание перерастания одной революции в другую, непонимание, что после Февральской революции уже нельзя ограничить задачу революции осуществлением революционно-демократической диктатуры рабочего класса и крестьянства, а надо держать курс на диктатуру рабочего класса, которая попутно, мимоходом должна закончить неразрешенные задачи буржуазно-демократической революции.

Непонимание ленинской стратегической линии и отсутствие марксовой диалектики поставило Каменева и его сторонников на меньшевистско-троцкистские позиции, считавшие невозможным победу социализма без социалистической революции на Западе.

Несмотря на решительную оппозицию со стороны небольшой группы делегатов, конференция дружно поддерживала точку зрения Ленина: резолюции о текущем моменте, о войне и о Временном правительстве были приняты громадным большинством голосов.

По второму вопросу порядка дня — мирная конференция (предложение Боргбьерга). Опять обнаружились разногласия между Лениным и правыми уклонистами.

На предложение датского социал-демократа Боргбьерга, приехавшего в Петроград с целью агитировать за созыв в Стокгольме социалистической конференции и через нее повлиять на свои правительства и ускорить заключение мира, социал-шовинисты англо-французской коалиции отказались участвовать в этой конференции. Российские, наоборот, решили туда послать своих представителей. Докладчик по этому вопросу т. Ногин высказался за участие социал-шовинистов в этой конференции, созванной по инициативе германского империализма.

---

[45] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 105.

Против Ногина выступил Ленин, решительно высказавшийся против участия в этой комедии, созданной германским империализмом через своих социал-шовинистов. Ленин говорил:

«Немецкие представители «центра» — Каутский, Газе, Ледебур — пошли на эту конференцию. Это факт чрезвычайно позорный для них. Английские и французские социалисты на эту конференцию не идут. Это указывает на то, что англо-французские шовинисты, являющиеся якобы социалистами, на деле буржуазные агенты, потому что они способствуют продолжению империалистической войны... Несомненно, что, когда английские и французские социал-шовинисты сказали, что они не идут на конференцию, они уже все знали. Они пошли в свое министерство иностранных дел и им там сказали: вот вам подоплека — и мы не хотим, чтобы вы туда шли. Так и только так обстояло дело.

Вот почему, товарищи, я думаю, что нам эту комедию социалистического съезда надо разоблачать, разоблачать все эти съезды, как комедии, прикрывающие сделки дипломатов за спиной народных масс. Надо раз навсегда сказать правду так, чтобы ее услышали на фронте солдаты и рабочие всех стран. И наша кампания по поводу таких предложений и будет с одной стороны разъяснением нашей пролетарской линии, а с другой — такими массовыми выступлениями, каких еще не было. Вот почему я вас просил бы по возможности принять этот манифест (написанный Лениным — *О. Л.*), доставить в Исполнительный комитет, перевести на иностранные языки и завтра напечатать в «Правде». [46]

На конференции была принята резолюция, составленная в духе выступления Ленина.

С докладом по аграрному вопросу выступил т. Ленин. Он указывал на необходимость борьбы за конфискацию помещичьей, удельной, кабинетской, церковной и пр. и пр. земли, за национализацию земли, за немедленный переход всей земли к крестьянам с максимальной организованностью, не дожидаясь Учредительного собрания.

В докладе т. Ленин подчеркнул важность сохранения помещичьего инвентаря и перехода к коллективным формам ведения хозяйства.

После небольших прений была принята резолюция, предложенная т. Лениным.

В мотивировочной части резолюции, кроме очень важных положений об окончательном уничтожении крепостнических отношений в деревне и национализации всей земли, записано одно чрезвычайно важное политическое положение, определяющее важность аграрной революции для успеха пролетарского переворота. В этой резолюции сказано:

«В зависимости от того, удастся ли городскому пролетариату повести за собой сельский пролетариат и присоединить к нему массу полупролетариев деревни, или эта масса пойдет за крестьянской буржуазией, тяготеющей к союзу с Гучковым, Милюковым, капиталистами и помещиками и к контрреволюции вообще, — в зависимости *от этого определится судьба и исход русской революции* (подчеркнуто нами — *О. Л.*), поскольку начинающаяся пролетарская революция в Европе не окажет на нашу страну своего непосредственного, могучего влияния!» [47]

В резолюции, кроме выше указанных нами по докладу положений, указывалось еще на необходимость

«немедленно и повсеместно приступить к отдельной и самостоятельной организации сельско-хозяйственного пролетариата, как в виде Сове-

[46] Протоколы Всероссийской апрельской конференции, стр. 80.
[47] Там же, стр. 159.

тов депутатов от сельскохозяйственных рабочих (а также особых Советов депутатов от полупролетарского крестьянства)».

В резолюции подчеркивается важность образования из каждого помещичьего имения достаточно крупного образцового хозяйства, которое бы велось на общественный счет советами депутатов от сельхозяйственных рабочих.

Само собой разумеется, что осуществление этих мероприятий партией мыслилось только при условии перехода государственной власти в руки рабочего класса.

Горячие прения развернулись по докладу т. Сталина о национальном вопросе.

Обрисовав великодержавническую угнетательскую политику царизма и буржуазии, докладчик говорил, что Временное правительство продолжает вести великодержавническую угнетательскую политику по отношению к национальностям, что это уже привело его в столкновение с финляндским народом. Наша партия, говорил докладчик, должна признать за нациями право самоопределения вплоть до отделения.

Докладчик решительно высказался против оппортунистической мелкобуржуазной теории австрийцев и Бунда о культурно-национальной автономии.

В конце доклада т. Сталин сделал следующие выводы:

«Итак, наша точка зрения на национальный вопрос сводится к следующим положениям: а) признание за народами права на отделение; б) для народов, остающихся в пределах данного государства, — областная автономия; в) для национальных меньшинств — особые законы, гарантирующие им свободное развитие; г) для пролетариев всех национальностей данного государства — единый нераздельный пролетарский коллектив, единая партия». [48]

Против выставленных т. Сталиным положений выступили тт. Пятаков, Дзержинский и Махарадзе, решительно возражавшие против тезиса о праве наций на отделение, причем т. Пятаков исходил из люксембургианской неправильной характеристики эпохи империализма, а также неправильной точки зрения польской социал-демократической партии, которая во главе с Розой Люксембург занимала ошибочную позицию, отрицающую право наций на самоопределение.

Главным аргументом против выдвинутых т. Сталиным ленинских положений в содокладе Пятакова были соображения, что империализм создал единое мировое хозяйство, установившее единую непрерывную связь между всеми нациями. Отсюда самостоятельное существование наций невозможно при господстве империализма.

С точки зрения пролетарской революции «социалистически организованное хозяйство должно охватить весь мир, — должно неизбежно охватить целый ряд наций. Поэтому с чисто хозяйственно-экономической точки зрения независимость наций является моментом устарелым, невозможным, отжившим. Требования независимости взято из другой исторической эпохи, оно реакционно, ибо хочет повернуть историю вспять».

«В настоящее время национальное государство является уже превзойденным моментом, и борьба за него является в настоящее

[48] Всероссийская апрельская конференция РСДРП (большевиков) в 1917 г., стр. 132.

время реакционной борьбой, ибо под этим флагом будет вестись борьба против социализма. Так что в предыдущую эпоху борьба национального государства против феодализма является прогрессивным фактором, теперь она реакционный фактор, направленный против социализма». [49]

Исходя из вышеизложенных положений, Пятаков сделал следующий вывод:

> «Исходя из анализа новой эпохи империализма, мы говорим, что иной борьбы за социализм как борьбы под лозунгом «прочь границы», борьбы за уничтожение всяких границ мы и представить себе в данный момент не можем».

Против антипартийной точки зрения Пятакова со всей решительностью выступил т. Ленин, заявивший, что, начиная с 1903 года, наша партия ведет непрерывную борьбу против этой неправильной позиции польской с.-д., которая и тогда и теперь «остается странной, чудовищной ошибкой: эти люди желают свести позицию нашей партии на позицию шовинистов».

Разбирая тезис «прочь границы», Владимир Ильич говорил:

> «Что это значит — «метод» социалистической революции под лозунгом «долой границы»? Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы. Государство может, конечно, вмещать буржуазное правительство, а нам нужны советы. Но и для них стоит вопрос о границах. Что значит «прочь границы»? Здесь начинается анархия... «Метод» социалистической революции под лозунгом «прочь границы», — это просто каша». [50]
>
> «Мы говорим, — продолжал Ленин, — что границы определяются волей населения. Россия не смеет воевать из-за Курляндии! Германия, долой войска из Курляндии! Вот так мы решаем вопрос об отделении!!»

Товарищи Ленин и Сталин, защищающие право наций на отделение, подчеркивали не смешивать вопрос о праве на самоопределение с вопросом об обязательности отделения нации, что признание права на отделение не следует смешивать с целесообразностью отделения. Причем

> «надо в России налегать на свободу отделения угнетенных наций, а в Польше подчеркивать свободу соединения. Свобода соединения предполагает свободу отделения. Мы, русские, должны подчеркивать свободу отделения, а в Польше — свободу соединения». [51]

В заключительном слове т. Сталин говорил, что идет борьба между Временным правительством и Финляндией, и мы должны дать ясный ответ, за кого мы:

> «Либо мы за политику Временного правительства, за насильственное удержание Финляндии и доведения ее прав до минимума, и тогда мы аннексионисты, ибо мы льем воду на мельницу Временного правительства, либо мы за независимость Финляндии».

В заключительных словах т. Сталина во весь рост поставлена национальная проблема, с точки зрения учета национально-освободительной борьбы угнетенных народов колоний и создания широкого

[49] Всероссийская апрельская конференция, стр. 132, 133.
[50] Там же, стр. 136.
[51] Там же, стр. 135.

резерва в борьбе пролетариата против империализма за социализм. Вот что говорил т. Сталин:

> «Мы говорим: социал-демократия, поскольку она держит курс на социалистическую революцию, должна поддерживать революционное движение народов, направленное против империализма. Либо мы считаем, что нам необходимо создать тыл для авангарда социалистической революции в лице народов, поднимающихся против национального угнетения, — и тогда мы прокладываем мост между Западом и Востоком, — и тогда мы действительно держим курс на мировую социалистическую революцию; либо мы этого не делаем, и тогда мы оказываемся изолированными, тогда мы отказываемся от тактики использования в целях уничтожения империализма всяких революционных движений в недрах угнетенных национальностей. Мы должны поддерживать всякое движение, направленное против империализма». [52]

Резолюция, предложенная т. Сталиным, принимается абсолютным большинством голосов.

На апрельской конференции обсуждался также вопрос о положении в Интернационале и о задачах партии. Докладчиком по этому вопросу выступил Зиновьев, который при освещении вопросов допустил ошибку по вопросу о немедленном выходе нашей партии из циммервальдского объединения. По мнению докладчика, условия для выхода еще не созрели.

Против этой неправильной установки выступил Ленин, писавший еще до конференции в статье «Задачи пролетариата в нашей революции»: «Нельзя терпеть далее циммервальдское болото. Нельзя из-за циммервальдских «каутскианцев» оставаться дальше в полусвязи с шовинистским Интернационалом Плехановых и Шейдеманов. Надо порвать с этим Интернационалом немедленно. Надо остаться в Циммервальде *только* для информации. Надо основать именно там, именно теперь, без промедления новый революционный пролетарский интернационал, или вернее не бояться признать во всеуслышание, что он уже основан и действует». [53]

Циммервальдское большинство Ленин квалифицировал как каутскианское, центристское. Большевики должны были, по мнению Ленина, немедленно порвать с этим большинством и немедленно организовать III Интернационал, присоединяя к себе действительных интернационалистов из циммервальдской левой.

Поправка Ленина к резолюции Зиновьева конференцией не была принята, что конечно было ошибкой, которую пришлось потом в практической работе выправлять.

Вопрос об объединении интернационалистов на пленумах конференции не обсуждался, но рассматривался в секции.

После Февральской революции, создавшей обстановку широких гражданских свобод и легальных возможностей, можно было опасаться возникновения объединенческих тенденций, особенно в организациях со слабой пролетарской прослойкой. В целях предупреждения возникновения этой возможной ошибки Ленин сразу же после Февральской революции в письме к Коллонтай от 16 марта 1917 г. указывал:

---

[52] Всероссийская апрельская конференция, стр. 142.
[53] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 130.

«Величайшим несчастием было бы... если бы наши пошли на «единство» с Чхеидзе и К°!! Но этому не бывать... *Ни за что* снова по типу второго Интернационала! Ни за что с Каутским!! Непременно *более революционная* программа и тактика». [54]

В другом письме Ленин пишет:

«По-моему главное теперь не дать себя запутать в глупые «объединительные» попытки с социал-патриотами (или, еще опаснее, колеблющимися вроде Организационного комитета, Троцкого и К°) и продолжать работу своей партии в последовательно *интернациональном* духе». [55]

Ленин считал возможным и желательным объединение только с действительными интернационалистами, которые решительно порвали с социал-предателями.

Всероссийская апрельская конференция встала на точку зрения Ленина и в этом важнейшем вопросе.

В виду того, что троцкистские контрабандисты в ряде печатных работ распространяли клевету о якобы имеющем место «объединительном угаре» в нашей партии, мы считаем необходимым привести эту резолюцию апрельской конференции.

Вот она:

«Принимая во внимание: 1) что партии — с.-р., с.-д., меньшевики и т. п. перешли в громадном большинстве случаев на позицию «революционного оборончества», т. е. поддержки империалистической войны (голосование за заем и поддержка Временного правительства, представляющего интересы капитала);

2) что эти партии всей своей политикой проводят интересы и точку зрения мелкой буржуазии и развращают пролетариат буржуазным влиянием, внушая ему, будто можно изменить империалистическую политику правительства и совлечь с пути контрреволюционных посягательств на свободу посредством соглашений, «контроля», вступления в министерство и т. д.;

3) что эта политика питает и усиливает доверчиво-бессознательное отношение масс к капиталистам, между тем такое отношение является главным препятствием к дальнейшему развитию революции и создает возможность ее поражения силами помещичьей и буржуазной контрреволюции, — конференция *постановляет*:

1) *признать объединение с партиями и группами, проводящими эту политику, безусловно невозможным*;

2) признать сближение и объединение с группами и течениями, на деле стоящими на почве интернационализма, необходимым на основе разрыва с политикой мелкобуржуазной измены социализму». [56]

Эта резолюция апрельской конференции как нельзя лучше разоблачает легенды троцкистских и иных клеветников.

В порядке дня конференции стоял еще вопрос о пересмотре программы партии. После обмена мнений по этому вопросу было принято решение поручить ЦК в двухмесячный срок составить проект программы партии для представления партийному съезду.

Пересмотр программы необходим в следующем направлении:

1. Оценка империализма и империалистических войн; 2) исправление параграфов о государстве в духе требования не буржуазно-

[54] *Ленин*. Соч., т. XX, стр. 5, изд. 2-е.
[55] Там же, стр. 7.
[56] Всероссийская апрельская конференция, стр. 164.

парламентарной республики, а демократической пролетарско-крестьянской республики; 3) удаление или исправление устаревших частей политической программы; 4) переделка ряда пунктов политической программы-минимум; 5) полная переделка экономической части программы-минимум; 6) переделка аграрной программы; 7) вставка требований национализации ряда наиболее к тому подготовленных синдикатов; 8) добавление характеристики основных течений современного социализма.

На конференции был избран новый ЦК.

Всероссийская апрельская партийная конференция по своему значению играла роль партийного съезда. Эта конференция показала, что партия непоколебимо стоит на последовательных позициях марксизма-ленинизма.

Небольшая группа правых оппортунистов, устами Каменева накануне конференции заявившая, что они надеются в широкой дискуссии убедить партию в своей правоте, на конференции потерпела жестокое поражение. Почти все резолюции были приняты единодушно при количестве воздержавшихся от 3-х до 11-и человек.

На апрельской конференции период новой ориентировки партии был закончен. Партией взят был твердый курс на подготовку сил и условий для перехода всей власти в руки рабочего класса и беднейшего крестьянства.

ПОЛОЖЕНИЕ В СТРАНЕ НАКАНУНЕ ИЮЛЬСКИХ СОБЫТИЙ

Демонстрацией 20 — 21 апреля (3 — 4 мая) в Петрограде и других городах пролетариат добился ухода из правительства военного министра Гучкова и министра иностранных дел Милюкова. Возникший в связи с этим правительственный кризис был разрешен образованием коалиционного правительства. От так называемых «социалистических» партий в правительство вошли три эсера, два меньшевика и один народный социалист, ничем не отличавшийся от кадетов. Керенский в новом правительстве занял пост военного министра.

Инициатива образования коалиционного правительства исходила от партии эсеров, развивших и в Петрограде и в провинции усиленную агитацию за коалицию. Меньшевики вначале возражали против коалиции, ибо они опасались этим нарушить единовластие буржуазии, но, видя беспомощность буржуазии, вошли в правительство с целью укрепления буржуазной революции против нарастающей социалистической. На заседании Петроградского совета 5/18 мая обсуждался вопрос об образовании коалиционного правительства. Весь мелкобуржуазный блок яростно защищал идею коалиции; возражали против коалиции и предлагали взять Совету всю власть в свои руки одни большевики, но они оказались в меньшинстве (собрали всего 100 голосов). Соглашательские иллюзии были еще очень сильны в массе; она освобождалась от них лишь постепенно, по мере развертывания революционных событий.

Истинный смысл коалиции заключался в усилении блока и в подчинении мелкобуржуазных партий политике империалистической буржуазии, которой надо было во что бы то ни стало укрепить пошатнувшийся авторитет власти, дабы погнать армию в наступление и заставить рабочих отказаться от намерения улучшить свое жалкое экономическое положение. Широкая масса добросовестных оборонцев, обманутая меньшевиками и эсерами, шла на коалицию с прекраснодушными надеждами на скорое заключение демократического мира и на организацию буржуазной парламентской республики с широкими демократическими свободами.

Эта масса нуждалась еще в дополнительных уроках, чтобы убедиться в том, что от буржуазного Временного правительства, хотя бы и коалиционного, напрасно ждать политики мира и демократических преобразований, что это может дать только победивший пролетариат.

Ленин считал, что с образованием коалиционного правительства никаких изменений в соотношении классов не произошло, двоевластие как было, так и осталось; однако такое положение он считал крайне неустойчивым и кратковременным, полагая, что в ближайшем будущем проблема власти встанет во всей широте.

Буржуазия встретила образование коалиционного правительства сочувственно. На VIII съезде партии кадетов, по докладу Милюкова, была принята резолюция, приветствовавшая коалиционное правительство, поскольку оно обещает сохранить верность союзникам, подготовляет наступление на фронте и устраняет двоевластие как в центре, так и на местах. В речи, произнесенной на съезде, Милюков говорил: «Я считаю, что в общем появление этого кабинета есть акт положительный. Оно, во всяком случае, даст возможность надеяться на достижение двух главнейших целей настоящего момента — *усиления власти и перелома настроения в армии*» (курсив мой — *О. Л.*). Образование коалиционного правительства сочувственно было встречено также представителями англо-французского империализма. Английский посол Бьюкенен телеграфировал своему правительству следующее:

> «Новое коалиционное правительство... представляет для нас последнюю и почти единственную надежду на спасение военного положения на этом фронте. Керенский, принявший на себя обязанности военного и морского министра, не есть идеальный военный министр, но он надеется, что, отправившись на фронт и обратившись с страстным призывом к патриотизму солдат, он сможет гальванизировать армию и вдохнуть в нее новую жизнь. Это — единственный человек, который может сделать это, если это вообще возможно». [57]

Так оценила буржуазия как российская, так и союзническая возникновение первого коалиционного правительства.

Коалиционное правительство приложило максимум энергии, чтобы выполнить взятые на себя обязательства и начать на фронте наступление. С целью поднятия настроения армии на фронт отправились Керенский и другие вожди мелкой буржуазии, произносились зажигательные речи о необходимости защиты родины, революции,

---

[57] *Дж. Бьюкенен.* «Мемуары дипломата», стр. 233.

свободы и т. д. В течение мая все уже было готово к наступлению. Генерал Брусилов обратился к Керенскому с предложением немедленно начать наступление. Вопрос о наступлении обсуждался в Исполнительном комитете Петроградского совета, который однако решил от наступления воздержаться до съезда советов.

Первый Всероссийский съезд советов собрался 3 (16) июня. Состав съезда был архиоборонческим, интернационалистическое крыло съезда составляло всего 19%; этим определялась и вся деятельность съезда, который прошел под знаменем наступления на фронте и прямых угроз по адресу революционного Петрограда и Кронштадта. Съезд отказался декретировать 8-часовой рабочий день; на ряду с этим он отклонил предложение о роспуске Государственной думы и Государственного совета. Зато съезд много занимался вопросами усмирения революционного Кронштадта (Кронштадтский совет взял власть в свои руки), выселением анархистов и рабочих организаций из дачи Дурново и запрещением рабочих демонстраций, ведя попутно бешеную агитацию против большевиков.

Много внимания съезд уделил обсуждению вопроса о войне, вернее о наступлении, и решил этот вопрос в положительном смысле. Когда на съезде были получены первые сведения о начавшемся наступлении, то это вызвало в рядах его неописуемый восторг и ликование. Церетели, например, заявлял, что успехи русской армии «должны приветствоваться не только русской демократией, но и всеми теми, кто стоит под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом. Открывается новая эра нашей революции...»

Неприятным моментом для лакеев буржуазии, меньшевиков и эсеров, были выступления большевиков. Тов. Позерн от имени большевистской фракции огласил заявление, в котором говорилось, что вся ответственность за последствия начатого наступления ляжет на Временное правительство и на меньшевиков и эсеров, поддерживающих его.

Одновременно с съездом советов, далеко не выражавшим подлинных настроений рабочих и солдат, заседала Всероссийская конференция военных организаций большевиков, вокруг которой концентрировались действительно революционные представители армии.

Задаче создания вооруженных сил революции большевики всегда уделяли большое внимание.

Непосредственно после Февральской революции Ильич с большим вниманием следил за созданием боевых сил пролетариата, за вооружением и обучением рабочей Красной гвардии. Еще в первом «Письме издалека» он подчеркивал, что единственной гарантией свободы является вооружение пролетариата. 17 марта в письме к Коллонтай Ленин пишет: «*Ни тени* доверия и поддержки новому правительству (ни тени доверия Керенскому, Гвоздеву, Чхенкели, Чхеидзе и К°) и *вооруженное выжидание*, *вооруженная подготовка более широкой базы для более высокого этапа*... доказать, что *мир* даст лишь вооруженный совет рабочих депутатов, если он возьмет власть».[58]

[58] *Ленин*. Соч., т. XX, стр. 8, изд. 2-е.

В эпоху революции 1905 г. большевики развернули очень широкую работу среди армии и накопили большой опыт в этой работе. После поражения революции и спада революционной волны ослабла также работа в армии. Немножко оживилась она в годы империалистической войны, но во всю ширь военная работа развернулась только после Февральской революции. В марте при ПК была создана Военная комиссия, которая в скором времени развернула широкую работу по организации партийных ячеек в частях гарнизона.

В виду того, что работа переросла пределы Петроградского гарнизона уже в конце мая, военная комиссия была реорганизована и стала военной организацией не только ПК, но и ЦК партии. Работа ВО развернулась по линии организационной, агитационной и издательской. 15 (28) апреля вышел первый номер газеты «Солдатская правда», распространявшейся в количестве 50 000 экземпляров. Так как газета распространялась среди солдат, в подавляющем большинстве происходивших из крестьян, то она уделяла аграрному вопросу и вообще положению крестьянства большое внимание и проделала большую работу по распространению большевистских идей в деревне. Кроме «Солдатской правды», крупные местные ВО также имели свои печатные органы, как, например, газета «Окопная правда», выходившая в районе 12-й армии, и т. д.

16 (29) июня открылась Всероссийская конференция ВО. На конференцию съехались делегаты 43 фронтовых и 17 тыловых организаций. Всего присутствовало 160 делегатов, представлявших около 26 000 организованных в коммунистические ячейки солдат. На конференции после доклада Ленина и др. были приняты резолюции, полностью соответствовавшие политическому курсу партии.

Деятельность конференции протекала в страшно накаленной атмосфере. Некоторые представители солдат даже склонны были видеть в военной организации именно тот центр, который взял бы на себя руководство по организации немедленного выступления против Временного правительства. Руководителям военной организации с трудом удавалось сдерживать напор солдатских масс, рвавшихся на улицу.

С проблемой оздоровления экономической жизни коалиционное правительство не справилось, и разруха изо дня в день усиливалась. Расстройство транспорта, продовольственная разруха, безработица вследствие закрытия фабрик и заводов, рост дороговизны — все это к концу июня приняло угрожающие размеры.

Закрытие заводов прогрессировало из месяца в месяц: [59]

В марте	было закрыто	74	завода	с	6 446	раб.
» апреле	» »	55	»	»	2 816	»
» мае	» »	108	»	»	8 701	»
» июне	» »	125	»	»	38 455	»
» июле	» »	216	»	»	47 754	»

Основной причиной закрытия предприятий, конечно, было отсутствие сырья и топлива, но несомненно и то, что буржуазия поль-

[59] «Торгово-промышленная газета» № 213. Цитировано по статье З. Лозинского, «Пролетарская революция», № 10, 1927 г.

зовалась своими предприятиями как политическим орудием, закрывая их в целях борьбы с рабочими. С разных концов страны поступали сведения о том, что промышленники под предлогом неумеренных требований рабочих закрывают предприятия.

Транспорт был расстроен до последней степени. По всем дорогам образовались заторы. Число больных паровозов местами доходило до 50%. Нехватка продуктов из-за недопроизводства обострялась развалом транспорта. Вместе с тем усиливалась и без того невыносимая дороговизна. Отношение роста заработной платы металлистов Москвы и роста цен на продукты питания было, например, следующее:

Периоды	Цена на продовольствие	Заработная плата		
		Чернораб. металлисты	Квалифиц. металлисты	Средние
Июнь 1916 г.	100,0	100,0	100,0	100,0
Январь 1917 г.	163.5	130,0	1 2,0	151,0
Июнь 1917 г.	262,9	218,0	190,0	203,0 [60]

Рост зарплаты безнадежно отставал от роста цен на продукты питания. В связи с закрытием предприятий росла безработица.

Рабочий класс лихорадочно искалв выхода из тяжелого положения. *Большевистский лозунг о рабочем контроле становился среди рабочих самым популярным и жизненным лозунгом.*

С ростом экономической разрухи, числа локаутов предприятий и с усилением рабочих организаций стачечное движение приобрело тенденцию повышаться из месяца в месяц. Параллельно с ростом стачечного движения шел рост влияния партии большевиков. Даже те рабочие, которые себя большевиками не считали, в области классовой борьбы действовали почти как большевики, и таким образом установился единый фронт снизу между большевиками и рабочими, шедшими пока за меньшевиками и эсерами. Окончательный разрыв этих рабочих с мелкобуржуазными партиями был вопросом ближайшего будущего.

В июне стачечное движение приняло широкие размеры. В начале июня шесть московских заводов приняли резолюцию с требованием перехода власти к Советам и установления контроля над производством. «Правда» от 8 июня сообщала, что Механический завод и Шлиссельбургский пороховой завод фактически управляются фабрично-заводскими комитетами. В Донбассе происходили непрерывные конфликты между рабочими и предпринимателями. В Москве 21 июня (4 июля) забастовали 8 тысяч рабочих биржевых артелей. В Нижнем Новгороде забастовали 20 000 рабочих Сормовских заводов (22 июня), 5 июля союз кожевников предъявил Обществу заводчиков и фабрикантов проект нового тарифного договора; фабриканты

[60] «Статистика труда» № 1, 1918 г., стр. 12.

отказались принять проект, и дело перешло в примирительную камеру; 10 (23) июля состоялось первое заседание примирительной камеры, не давшее никаких положительных результатов; конфликт затянулся, и союз вынужден был объявить на 16 (29) августа забастовку.

Московский союз металлистов 21 июня (4 июля) предъявил предпринимателям требования о повышении заработной платы. Предприниматели отказались уступить рабочим, и 5 (18) июля на всех металлообрабатывающих заводах Москвы и ее окрестностей была объявлена забастовка. Всего бастовало 80 — 85 тыс. рабочих. В забастовку вмешался Московский совет, и она кончилась соглашением.

Борьба за 8-часовой рабочий день встречала противодействие предпринимателей и Временного правительства. Циркуляр министра путей сообщения Некрасова от 27 июня, отменяющий явочным порядком введенный 8-часовой рабочий день на ст. Москва-товарная, Николаевской ж. д., вызвал среди рабочих и служащих волнение.

Министр Церетели на съезде советов 6 июня говорил, что Временное правительство в принципе признает 8-часовой рабочий день, но только при нормальных условиях; теперь, по мнению Церетели, говорить о 8-часовом рабочем дне нельзя, и, воображая, что он выражает мнение рабочего класса, заявил: «Никто (? — *О. Л.*) из рабочих при настоящих условиях не говорит: осуществляйте 8-часовой рабочий день. Все понимают, что — тревожная пора, опасная пора. Надо спасать страну, и они готовы работать свыше 8 часов». [61] Ясно, что после таких речей министра, в то же время представителя «революционной демократии», капиталисты и не думали в этом вопросе уступать рабочим.

Экономическая и политическая борьба в Петрограде с начала июня принимает резкий характер. О размахе стачечного движения в июне мы можем судить по сведениям, напечатанным в газете «Правда». Например: 1 июня стачка прачек и красильщиков; 3-го стачка бондарей и торгово-промышленных служащих; 4-го конфликт у строительных рабочих, стачка рабочих золотосеребряников и бронзовщиков; 6-го забастовка маляров, стачка чернорабочих завода Парвиайнен; 8-го забастовка мануфактуристов; 9-го забастовка на Охтенской бумагопрядильной мануфактуре; 13-го в мастерской обуви Маркевич объявлена забастовка; 14-го забастовка картонажников, стачка 34 колбасных мастерских; 16-го забастовка на постройке районной электростанции; 18-го забастовка приказчиков мебельных, кроватных и зеркальных магазинов; 25-го железные дороги Петроградского узла накануне остановки; 27-го забастовала Финляндская железная дорога.

О революционном настроении петроградского пролетариата говорят следующие данные: [62]) 2 июня общее собрание рабочих фабрики «Скороход» вынесло резолюцию с требованием перехода власти в руки советов рабочих, солдатских и батрацких депутатов; 10-го —

---

[61] *Церетели.* Речи, стр. 113.
[62] Из газеты «Правда».

завод Старый Парвиайнен в количестве 2000 человек постановил считать единственным выходом из кризиса переход власти в руки советов; петроградский трамвайный парк протестует против политики правительства (расформирование воинских частей, нападение на дачу Дурново и т. д.); общее собрание фабрики механической обуви высказывает солидарность революционному Кронштадту; 11-го — обувная фабрика Вейса протестует против «Рабочей газеты» за статью «Преступная провокация», направленную против большевиков; Обуховский сталелитейный завод на общем собрании 8 июня выносит постановление, гласящее, что выход из тяжелого положения экономической разрухи заключается в регулировании контроля всего производства государственной властью, находящейся в руках СР и СД; 13-го — резолюция 19 представителей заводских коллективов и 3 войсковых частей, одобряющих деятельность большевиков по вопросу о демонстрации 10 июня; 17-го — завод Эриксона на собрании рабочих (2750 человек), обсуждая вопрос о перевыборах делегатов в совет, стал на точку зрения большевиков; общее собрание рабочих завода П. Б. Барановского утвердило выдвинутые большевиками лозунги к предстоящей демонстрации 18 июня; 18-го — на общем собрании рабочих завода Старый Парвиайнен единогласно принята резолюция, требующая передачи всей власти в руки советов; 22-го — завод Новый Лесспер на общем собрании принимает резолюцию, одобряющую политику большевиков и осуждающую анархистов с дачи Дурново; 23-го — на общем собрании рабочих завода Эриксон выносится резолюция против наступления на фронте и за передачу власти советам; 24-го — общее собрание рабочих завода «Айваз» протестует против наступления на фронте и против бездеятельности правительства; 29-го — общее собрание рабочих завода «Русский Рено» принимает большевистскую резолюцию; 30-го — рабочие завода «Вулкан» на просьбу меньшевиков-интернационалистов поддерживать их газету «Искру» решили: отказать и предложить им порвать с оборонцами; 2 июля — Охтенский пороховой завод постановил бойкотировать буржуазные газеты из-за травли т. Ленина и других большевиков.

На Путиловском заводе в течение всего июня месяца шла борьба рабочих с правлением завода за повышение зарплаты, эта борьба к концу июня крайне обострилась. 23-го июня на заводе было устроено совещание с участием представителей от 7 заводов и ряда рабочих организаций (Центр. совет фабр.-заводских комитетов, Центр. бюро профсоюзов и т. д.). На этом совещании была принята резолюция, в которой говорится:

«1) что дело путиловских рабочих считается делом всего петроградского пролетариата;

2) что однородные требования предъявлены всеми рабочими металлистами через свой профессиональный союз к союзу заводчиков и фабрикантов, а также ведомствам;

3) что частичное экономическое выступление при данных условиях может повести за собой неорганизованную политическую борьбу петроградских рабочих, а потому предлагает путиловским рабочим сдержать свое законное негодование против поведения министров всеми мерами силы для скорого общего выступления».

«Причем совещание фабрично-заводских комитетов Петрограда и цеховых комитетов Путиловского завода полагает, что если бы даже добились повышения заработной платы, то беспрерывный рост цен на продукты и квартиры сейчас же свел бы на-нет это завоевание, потому необходима решительная борьба за установление рабочего контроля над производством и распределением, что в свою очередь требует перехода власти в руки советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». [63]

Начатые союзом металлистов переговоры с обществом заводчиков и фабрикантов были прерваны. На заседании делегатского совета союза металлистов была принята резолюция, в которой говорилось,

«что предприниматели в явно контрреволюционных целях ведут прямой саботаж производства... и что необходимым условием правильного хода производства является переход власти в стране в руки советов». [64]

Надвигалась всеобщая стачка металлистов Петрограда. 1 июля было созвано совещание всех районных правлений, а также представителей совета, ВЦИК и политических партий. Вопрос о всеобщей стачке был решен отрицательно; против стачки в данный момент высказывались и представители РСДРП (большевиков).

Руководящие органы партии (ЦК и ПК) считали всеобщую стачку металлистов за экономические требования в условиях того времени слишком сильным средством и предлагали беречь силы для общей борьбы за власть.

Из вышеприведенных данных, далеко не полных, мы видим, что стачки в мелких предприятиях, например у колбасников, приказчиков, маляров и т. д., в большинстве случаев носили экономический характер; напротив, на крупных предприятиях преобладали политические стачки, что вполне понятно, ибо передовым, наиболее сознательным слоем пролетариата являются рабочие крупной машинной индустрии, они задают тон революции, а за ними тянутся более отсталые слои пролетариата, которые, проходя полосу экономической борьбы, получают необходимую классовую закладку для того, чтобы стать в ряды авангарда.

«Только экономическая борьба, только борьба за немедленное, непосредственное улучшение своего положения способна встряхнуть отсталые слои эксплоатируемой массы, дает им действительное воспитание и превращает их — в революционную эпоху — в течение немногих месяцев в армию политических борцов». [65]

Все эти классовые бои происходили под руководством большевиков. Меньшевики и эсеры, правда в замаскированной форме, тянули сторону капиталистов, уговаривая рабочих обождать до выработки общих положений и доказывая, что революция требует от рабочих жертв и т. д. Единственно партия большевиков беззаветно боролась за улучшение материального положения рабочих, что вызвало против них страшное озлобление в рядах буржуазии, но зато они получили в своей работе всеобщее признание со стороны рабочего класса.

В конце июня на почве недовольства рабочих политикой Временного правительства, на почве острой борьбы рабочих с предпринима-

[63] «Пролетарская революция» № 4, 1926 г., стр. 64.
[64] Там же, стр. 65.
[65] *Ленин*. «Ленинский сборник», V, стр. 29.

телями создалось крайне повышенное политическое настроение, и были опасения, что партии не удастся овладеть стихийно нарастающим движением. В заявлении большевистской фракции ЦИК настроение рабочих характеризовалось следующими словами:

«Сорокатысячная масса Путиловского завода, пользующаяся огромным влиянием среди рабочих и солдат, отказом правительства удовлетворить ее законные экономические требования доведена до отчаяния. Она может каждый день забастовать и выступить на улицу. Она уже выступила бы, если бы ее не сдерживала наша партия, причем нет гарантий, что и впредь удастся ее удержать. А выступление путиловцев — в этом не может быть сомнений — неизбежно повлечет за собой выступление большинства рабочих и солдат» (из заявления фракции большевиков в ЦИК 22 июня).

Партия большевиков уже в начале июня имела большинство в фабрично-заводских комитетах и профсоюзах Петрограда, но в рабочей секции совета —только $^1/_3$. В июне происходили перевыборы представителей в совет, рабочие почти всех крупных предприятий вместо меньшевиков и эсеров посылали в совет большевиков, таким образом в конце июня в рабочей секции Петроградского совета большевики уже имели большинство.

Подготовка наступления на фронте, начало активной деятельности кадетов и думцев, восстановление знаменитой 129 статьи царского уголовного уложения, направленной против свободы печати и собраний, выселение анархистов и других рабочих организаций из дачи Дурново [6] — все это уже в начале июня сильно нервировало рабочую и солдатскую массу, готовую выйти на улицу. Чтоб ввести это нарастающее движение в организованные рамки, ЦК партии большевиков назначил на 7 июня совещание из представителей районов, фабрик, заводов, полков. На совещании выяснилось, что массу удержать нет возможности, и совещание громадным большинством голосов решило вопрос в пользу выступления. Тогда ЦК большевиков постановил назначить мирную демонстрацию на 10 июня. ЦК партии высказывался за мирную невооруженную демонстрацию, хотя представители солдат возражали, против этого.

Съезд советов в ночь с 9 на 10 июня запретил демонстрацию, назначенную на следующий день. ЦК постановил демонстрацию отменить, и Ленин следующим образом докладывал об этом в ПК:

«Недовольство большинства товарищей отменой демонстрации весьма законно, но поступить иначе ЦК не мог по двум основаниям: во-первых, мы получили формальное запрещение демонстрировать со стороны полуоргана

[6] Седьмого июня министр юстиции распорядился о выселении анархистов коммунистов из дачи Дурново. Срок был дан — 24 часа. С утра 8-го на Выборгской стороне забастовало 28 заводов, и к даче Дурново потянулись толпы манифестации, вооруженные отряды рабочих. Собрался огромный митинг, отправили делегатов в Исполнительный комитет с просьбой принять меры против выселения и закрепить дачу за трудовым народом. В Исполнительном комитете депутацию встретили совсем недружелюбно и выпроводили ни с чем» (*Н. Суханов.* «Записки о революции», кн. IV, стр. 286).

После того была послана вторая делегация, которая заявила, что в случае выселения будет оказано вооруженное сопротивление. В виду того, что кроме анархистов на даче находились: профессиональный союз булочников, секция народных лекций, организация народной милиции и др. организации, выселение которых могло иметь большие осложнения, министерство юстиции уступило, и дача осталась за рабочими организациями.

власти: во-вторых, это запрещение было мотивировано: «нам известно, что вашим выступлением хотят воспользоваться притаившиеся силы контрреволюции». В подкрепление мотивировки нам назвали имена, например, одного генерала, которого обещали через три дня арестовать, и другие, заявили, что на 10 июня назначена и демонстрация черносотенцев, которые должны были вмешаться в нашу демонстрацию и сделать из нее побоище». (*Ленин.* Соч., т. XX, стр. 526).

Для оповещения рабочих и солдат ЦК послал по заводам и казармам агитаторов. В целях агитации и съезд советов послал своих делегатов по заводам и казармам. В результате этой ночной поверки выяснилось, что съезд советов в массах пролетариата и солдат никаким авторитетом не пользуется. Утром 10 июня вернулись делегаты съезда и докладывали о настроении рабочей и солдатской массы.

> «И все они говорили приблизительно одно и то же: делегатов повсюду встречали крайне недружелюбно и пропускали после долгих пререканий. На Выборгской стороне — сплошь большевики и анархисты. Ни съезд, ни Петербургский совет не пользуются ни малейшим авторитетом. О них говорят так же, как и о Временном правительстве: меньшевистско-эсеровское большинство продалось буржуям и империалистам; Временное правительство — контрреволюционная шайка... «Выступление» среди рабочих крайне популярно. С ним связываются самые реальные надежды на изменение конъюнктуры... В полках — Пулеметном, Московском, 180-м объявили съезд сборищем помещиков и капиталистов или подкупленных ими людей; ликвидация коалиционного правительства считается неотложной. Верят только большевикам... Сведений противоположного характера почти не было в докладах. Одно-два исключения подтверждали правило». [66]

Несмотря на очевидный, самим съездом установленный факт революционного настроения рабочих и солдатских масс столицы, вожди меньшевиков Дан и Церетели обрушились на партию большевиков, обвиняя последнюю в заговоре, восстании и т. д., угрожая исключить из среды «революционной демократии», угрожая разоружить революционных рабочих и солдат. «Пусть же извинят нас большевики, — говорил Церетели, — теперь мы перейдем к другим мерам борьбы... Большевиков надо обезоружить».

На большевиков сыпались обвинения, что они якобы желают победы германцам, предлагают бросить фронт и разойтись и т. д. Участились случаи нападения юнкеров и озверелых контрреволюционеров на революционных демонстрантов.

Особенно ненавидели буржуазия и ее лакеи — социал-шовинисты вождя пролетариата Ленина. Его не хотели впустить в Россию, но когда он прорвался через все препятствия, то немедленно против него поднялась бешеная травля. Инициатива в этом деле исходила из канцелярий дипломатических представительств англо-французских империалистов. Как известно из мемуаров, английский посол Бьюкенен настаивал перед Временным правительством на немедленном аресте Ленина. Сперва Милюков, а затем Терещенко все успокаивали Бьюкенена, что Ленин будет арестован при первом удобном случае. Французский посол Палеолог был возмущен приездом Ленина и считал, что этот факт — самое опасное испытание для Временного правительства, потому что Ленин, по его мнению, самый опасный враг буржуазии.

---

[66] *Н. Суханов*, «Записки о революции», кн. IV, стр. 300.

На обвинение, брошенное большевикам, что они хотят очистить фронт и желают победы германцев, Ленин в «Правде» ответил, что большевики призывают кончать войну не втыканьем штыков в землю, а братанием на фронте и захватом власти рабочим классом, что пролетариату в одинаковой степени ненавистны империалисты всех стран, будь то Вильгельм или английский король, что не большевики хотят победы империалистов, а Временное правительство, состоящее из меньшевиков, эсеров и кадетов, заключившее союз с русским и союзническим империализмом.

Выступление мелкой буржуазии в лице Церетели, обвинение большевиков в заговоре против Временного правительства, по мнению Ленина, только предлог для того, чтобы выполнить волю хозяев—союзных империалистов, расправиться с нашей партией и разоружить революционный пролетариат.

Задача партии, по мнению Ленина, сохранить спокойствие и выдержку.

> «Пусть грядущие каверьяки начинают первыми. А об их приходе наша партия предупредила на своей конференции. Пролетариат Петрограда не даст им возможности сложить с себя ответственность. Он будет выжидать, копя свои силы и готовясь к отпору, когда эти господа решатся перейти от слов к делу». [67]

Партии с большим трудом удалось остановить назначенную на 10 (23) июня демонстрацию. Положение все время оставалось напряженным. На даче Дурново из представителей заводов Выборгской стороны образовался самочинный «Временный революционный комитет», руководимый анархистами.

Петроградский комитет РСДРП (большевиков) 14 (27) июня выпустил обращение к рабочим, где он предлагал воздержаться от выступления до воскресенья 18 июня (1 июля) и вместе с тем указал рабочим, членам партии и сочувствующим, что необходимо покинуть так называемый «Временный революционный комитет». Кроме того в тот же день ЦК опубликовал следующее постановление:

> «Петербургский комитет призывает всех членов партии, все районные коллективы приложить все усилия, чтобы ни один завод ни под каким предлогом, ни в какой форме не выступал без призыва ЦК, ПК и ВО».

Несмотря на призыв нашей партии воздержаться от преждевременных выступлений, напряженность положения усиливается с наступлением 18 июня. Наступление началось под сильным давлением союзников, которые, для того чтобы отвлечь силы германцев от Западного фронта, из кожи лезли вон, чтобы заставить русскую армию перейти в наступление. Английский посол Дж. Бьюкенен в своих мемуарах пишет о коллективной угрозе прекратить доставку снаряжения, чтобы заставить русских перейти в наступление. Имелся также план японской интервенции на случай самостоятельных шагов русского правительства. О влиянии англо-французских империалистов говорит и Деникин в своих «Очерках русской смуты». Там, на стр. 178 I тома, Деникин пишет, что союзники настаивали начать наступление и что

[67] *Ленин*. Собр. соч., т. XX, стр. 530, изд. 2-е.

даже одно только решение о наступлении оказало союзникам большую услугу, приковывая немецкие силы к восточному фронту. Получилась интересная картина братания мелко-буржуазных социалистов, как наших, так и заграничных, с империалистами. Союзные генералы орудовали в ставке, «социалисты» Тома, Гендерсон и Вандервельде совместно с Керенским и Станкевичем обрабатывали солдат.

В этом наступлении контрреволюционная буржуазия и генералитет имели свои определенные цели. Военные круги надеялись использовать наступление для восстановления смертной казни и старой дисциплины в армии. Деникин в вышеуказанной книге пишет, что после удачного наступления создалось бы такое настроение, «при котором могли бы разрушить интернациональные догмы и заразить страну взрывом патриотизма». [68]

Для буржуазии было крайне важно нарушить с начала войны создавшееся на фронтах фактическое перемирие, которое, продолжаясь дальше, могло привести к сепаратному миру; она рассчитывала выиграть на оба случая: и на случай успехов и на случай поражения. В первом случае она надеялась возбудить шовинизм и подчинить разбушевавшуюся стихию военной силе, на случай поражения — она думала всю вину свалить на большевиков, направить против них малосознательные массы и, объявив военную диктатуру, расправиться не только с большевиками, но и вообще со всеми левыми элементами в стране. Милюков настаивал:

> «Надо продолжать воевать, наступательные действия не исключаются... Для данного момента это самое важное, чего мы можем достигнуть; если армия останется бездеятельной, это будет фактической изменой нашему обязательству». [69]

Что наступление является чистейшей авантюрой и может кончиться очень плохо, кажется, не понимали лишь одни соглашатели. У армии не было достаточных ни психологических, ни организационных, ни технических возможностей успешно наступать, об этом напоминала партия большевиков еще до наступления. В заявлении на съезде советов 4 июля, подписанном бюро фракции большевиков и бюро объединенных интернационалистов, говорится:

«... По существу всех условий переживаемого момента наступление на фронте продиктовано магнатами союзного империализма.

«Поставив народ и армию, которая не знает, во имя каких международных целей она в данных условиях призвана проливать свою кровь, пред фактом наступления со всеми его последствиями, контрреволюционные круги России рассчитывают и на то, что наступление вызовет сосредоточение власти в руках военно-дипломатических и капиталистических групп, связанных с английским, французским и американским империализмом...

«Закулисные контрреволюционные инициаторы наступления, не останавливающиеся... перед военной авантюрой, сознательно пытаются сыграть на разложении армии, вызываемом всем внутренним и международным положением страны, и в этих целях внушают отчаявшимся элементам демократии ту в корне ошибочную мысль,

[68] *Деникин*. «Очерки русской смуты», т. I, ч. II, стр. 178.
[69] *Милюков*. «Россия в плену у Циммервальда», стр. 10.

будто самый факт наступления способен «возродить» армию и таким механическим путем возместить отсутствие определенной действенной программы ликвидации войны. Между тем ясно, что такое наступление может лишь окончательно дезорганизовать армию, противопоставляя одни части другим». [70]

Об оздоровлении армии посредством наступления очень много распространялся Церетели. Он считал, что состояние спокойствия на фронте и братание есть не только измена союзным империалистам, которых он называет «союзной демократией», но и международному социализму. Он считает, что наступление русской армии должно «приветствоваться не только в союзных с нами странах, но и в странах, воюющих с нами, всеми теми, кто стоит действительно под знаменем международной демократии, кто действительно стремится бороться с империализмом». [71]

Итак, наступление, начатое по указке англо-французских империалистов, против воли русских рабочих и солдат, вождь мелкобуржуазных социалистов Церетели квалифицировал как борьбу против империализма, как борьбу за демократизм. Такое чудовищное извращение интернационализма показывало лишь, как глубоко пали вожди мелкобуржуазной массы, защищая не за страх, а за совесть дело империализма.

С наступлением на фронте неизбежно было связано усиление шовинизма, переход власти в руки военной шайки и применение насилия над массами. На глазах происходила перегруппировка сил, усилились крайние фланги — большевики и кадеты. Фронт наводнялся черносотенной литературой, пресса большевиков и интернационалистов на фронт не допускалась, на фронте происходили стычки при расформировании отказавшихся итти в наступление частей войск.

В тылу начинали усиленно действовать разные контрреволюционные организации. В Петрограде были созданы следующие контрреволюционные союзы: Военная лига, Республиканский центр, Союз георгиевских кавалеров, Союз воинского долга, Союз чести родины, Союз добровольцев народной обороны, Добровольческая дивизия, Батальон свободы, Союз спасения родины, Общество 1914 года, Организация духа, Общество государственной карты, Экономический клуб и другие. Некоторые из этих обществ получили правительственную субсидию. [72]

Буржуазные революционные круги, видя, что влияние мелкобуржуазных социалистов в массах падает, начали помышлять о перевороте. Некоторые из вышеупомянутых обществ тайно готовили переворот, искали диктатора, вождя; в начале июня они облюбовали Колчака, черносотенные и кадетские газеты начали писать, что только такой человек, как Колчак, может твердой рукой подавить анархию и восстановить порядок. Но Керенский пронюхал про кадетские интриги и отправил Колчака с военной миссией в Америку.

---

[70] *В. Владимирова.* «Революция 1917 г.», т. III, стр. 258.
[71] *Церетели.* «Речи», стр. 137.
[72] *В. Владимирова.* «Корниловщина», стр. 38.

В связи с наступлением на фронте началось усиленное отправление рот на фронт, что вызывало большое озлобление в тыловых частях. Особенно сильно волновались 40-летние и белобилетники. 40-летние приказом Гучкова были отпущены на полевые работы, а Керенский отдал приказ о возвращении их обратно в армию. В целом ряде городов происходили бунты 40-летних и маршевых рот, отправляемых на фронт. Офицерство и военные школы в честь наступления устраивали патриотические манифестации, солдаты устраивали контрдемонстрации, происходили столкновения, в результате которых бывали жертвы.

В Гельсингфорсском совете было сильное влияние большевиков, несмотря на эсеровское-меньшевистское большинство, так, например, по вопросу о коалиционном правительстве 5 мая была принята резолюция, в которой говорится, что правительство должно быть создано из рядов революционной демократии, что на языке тех времен означало правительство без буржуазии, из представителей советских партий. Когда вся контрреволюционная пресса подняла кампанию против Кронштадта, принявшего 17 мая резолюцию о том, что вся власть в Кронштадте переходит в руки совета, гельсингфорсский исполком совета принял резолюцию, в которой признает действия Кронштадта правильными и обещает ему свою поддержку. Центральный комитет Балтийского флота был на стороне большевиков, и почти на всех крупных кораблях флота было настроение большевистское; меньшевики и эсеры имели влияние только на мелких судах.

В Кронштадтском совете формально большевики не имели большинства, но влияние их было огромно. Кронштадская беспартийная рабочая и матросская масса была настроена очень революционно. 17 мая без инициативы партии совет принял постановление о переходе всей власти в руки совета.

Таково было положение в Балтийском флоте и в Кронштадте накануне июльских событий.

Вместо отмененной большевистской демонстрации совет назначил демонстрацию на 18 июня, которая показала, что коалиционное правительство не пользуется никаким авторитетом среди рабочих и солдатских масс. 500-тысячная масса демонстрантов шла под лозунгом большевиков. В этот день, когда по приказу Керенского началось наступление на фронте, рабочие и солдаты громогласно заявили:

«Долой десять министров-капиталистов!»

«Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов!»

«Долой анархию в промышленности и локаутчиков-капиталистов!»

«Да здравствует контроль и организация производства и распределения!»

«Против политики наступления!»

«Пора кончать войну! Пусть совет депутатов объявляет справедливые условия мира!»

Массы требовали контроля над производством, а Временное правительство поддерживало и субсидировало капиталистов-локаутчиков. Массы требовали скорейшего прекращения войны, а Времен-

ное правительство, начиная наступление, затягивало войну. Массы требовали разрыва союза с капиталистами, а мелкобуржуазные вожди совета считали абсолютно невозможным обойтись без союза с буржуазией. Демонстрация 19 июня ясно показала, что вожди мелкобуржуазных партий по всем важнейшим вопросам экономической и политической жизни находятся в союзе не с трудящимися, а с их врагами, и что полнейший крах существующей политики меньшевиков и эсеров есть вопрос ближайшего будущего.

Во время демонстрации 18 июня анархисты из Выборгской тюрьмы освободили арестованных. В связи с этим ночью власти сделали налет на дачу Дурново; анархисты сопротивлялись, произошла стрельба, в результате которой был убит анархист Аснин, и дача была разгромлена. По этому поводу на следующий день, 19 июня, поднялась тревога в рабочих кварталах. На Выборгской стороне остановились 4 завода, стали поступать тревожные сведения с Петроградской стороны и из-за Нарвской заставы.

Демонстрация 18 июня наглядно показала, что доверием рабочей и солдатской массы пользуется только партия большевиков.

Значение этой демонстрации т. Ленин выразил следующими словами:

«18 июня так или иначе войдет в историю русской революции, как один из дней перелома... Демонстрация развеяла в несколько часов, как горстку пыли, пустые речи о большевиках-заговорщиках и показала с непререкаемой наглядностью, что авангард трудящихся масс России, промышленный пролетариат столицы и ее войска в подавляющем большинстве стоят за лозунги, всегда защищавшиеся нашей партией... 18 июня было первой политической демонстрацией *действия*, разъяснением — не в книжке или в газете, а на улице, не через вождей, а через массы — разъяснением того, как разные классы действуют, хотят и будут действовать, чтобы вести революцию дальше... Кризис неслыханных размеров надвинулся на Россию и на все человечество. Выход только в доверии самому организованному передовому отряду трудящихся и эксплоатируемых, в поддержании его политики. Скоро ли будет понят народом этот урок и как он осуществлен, мы не знаем. Но мы твердо знаем, что вне этого урока выхода из тупика нет, что возможные колебания или зверства контрреволюционеров ничего не дадут. Вне полного доверия народных масс своему руководителю пролетариату выхода нет». [73]

В связи с создавшимся напряженным положением в Петрограде и возможным стихийным выступлением на улицу с целью захвата власти, к чему не было еще необходимых предпосылок, в целях предупреждения несвоевременных демонстраций т. Ленин в статье, помещенной в «Правде» от 21 июня (4 июля), писал:

«С неустанной энергией будем мы продолжать разоблачать политику правительства, решительно предостерегая попрежнему рабочих и солдат против нелепых надежд на разрозненные, дезорганизованные выступления.

«Дело в этапе общенародной революции. Церетели и Черновы,

[73] *Ленин.* Соч., т. XX, стр. 548 — 549.

попав в зависимость от империализма, проводят этап мелкобуржуазных иллюзий, мелкобуржуазных фраз, прикрывающих тот же самый циничный империализм.

«Этот этап надо изжить. Поможем скорее и безболезненнее изжить его. Он приведет к избавлению народа от *последних* мелкобуржуазных иллюзий, к переходу власти в руки революционного класса».

Временное правительство хотело использовать создавшуюся с наступлением ситуацию и разделаться с наиболее революционными полками. С этой целью давались усиленные наряды для отправки на фронт маршевых рот. Особенно усиленные требования на отправку поступали в 1-й пулеметный полк, настроенный наиболее революционно. Можно полагать, что правительство именно этим способом хотело избавиться от неприятного ему полка.

21 июня полк устроил собрание, на котором обсуждалось создавшееся положение. На этом собрании была принята резолюция, в которой говорится, что вместо 30 команд, согласно требованиям, на фронт посылается только 10 команд, и «что в дальнейшем мы будем посылать команды на фронт только тогда, когда война будет носить революционный характер...

«Если СР и СД будет угрожать нашему и другим революционным полкам раскассированием, т. е. расформированием, даже путем применения вооруженной силы, то в ответ на это мы не остановимся также перед раскассированием вооруженной силой Временного правительства и других организаций, его поддерживающих». [74]

Настроение пулеметчиков было в пользу немедленного выступления против Временного правительства, с этой целью они уже разослали делегатов в другие полки. Не только у солдат, но даже среди некоторых слоев рабочих настроение было таково, что они были готовы немедленно выйти на улицу. Об этом свидетельствует также и т. Лацис, который в своем дневнике записал: «Тревожный день (20 июня). Рабочие завода Розенкранца обходят Московский и Пулеметный полки и приглашают к выступлению. Приходится приложить много усилий, чтобы унять разбушевавшиеся страсти. Создается такое впечатление, что не удастся удержать ни рабочих, ни солдат». [75]

К концу июня усиленную деятельность развернули анархисты, встречавшие сочувствие у некоторой части разгоряченных нервной атмосферой рабочих и солдат. Среди некоторых кругов менее сознательных рабочих и солдат не было полного понимания политики партии; думали, что наша партия недостаточно революционна. Об этом свидетельствует поддержка некоторыми заводами с Выборгской стороны анархистов на даче Дурново, а также образование рабочими совместно с анархистами известного временного Революционного комитета. О недовольстве отдельных менее дисциплинированных членов партии «умеренностью» политики ЦК свидетельствует т. Лацис, который, касаясь отмененной 10 (23) июня демонстрации, писал:

> «Все негодуют по поводу постановления ЦК. Не знаю, чем это кончится. В старом «Парвиайнене» некоторые члены в возмущении разорвали

[74] «Пролетарская революция» № 4, стр. 60.

[75] *Лацис.* «Из дневника агитатора». «Пролетарская революция, № 5, 1923 г., стр. 110.

свои членские билеты. Старый «Промет» вынес резолюцию, порицающую деятельность ЦК». [76]

Подобными настроениями были охвачены не только отдельные рядовые члены партии, но и некоторые члены ЦК, в том числе и Лацис, как это видно из протокола заседания ЦК 11 (24) июня. [77]

О революционном настроении солдат во второй половине июня свидетельствует также один из руководителей военной организации т. Подвойский; на июльской Петроградской конференции он говорил, что конференция ВО, начавшаяся 16 (29) июня, протекала в страшно тяжелой атмосфере, потому что в связи с событиями на фронте назревало выступление в Гренадерском и Пулеметном полках.

Чтобы парализовать агитацию анархистов и идущих за ними беспартийных рабочих и солдат, часто выдававших себя за большевиков и агитировавших за немедленное выступление, ВО издала обращение, напечатанное в «Солдатской правде» от 22 июня (5 июля), в котором рабочие и солдаты призывались не верить призыву к немедленному выступлению на улицу.

На следующий день в «Солдатской правде» была помещена статья с заголовком: «Организация прежде всего». В этой статье, так же как и в обращении ВО, говорилось, чтобы солдаты и рабочие не слушали лиц, призывающих немедленно с оружием в руках выйти на улицу, что такой шаг в данных условиях был бы лишь на пользу нашим врагам.

Итак, к концу июня мы имеем следующую политическую обстановку: по всей стране идут стачки за повышение зарплаты и за сокращение рабочего дня; в более передовых слоях пролетариата созревает уверенность, что выходом из экономического кризиса может явиться лишь установление рабочего контроля над производством и распределением и принятие действительных мер к скорейшему прекращению войны, что в свою очередь связано с разрывом блока с буржуазией и передачей всей власти в руки советов. На основе этих положений повсеместно происходит отрыв широких рабочих масс от партии меньшевиков и эсеров и переход их к большевикам. По всей стране идут аграрные волнения, к концу июня охватывающие 43 губернии. Коалиционное правительство с эсеровским министром земледелия Черновым защищает интересы помещиков; происходит усиленная продажа помещичьих земель, главным образом иностранцам.

В союзе с англо-французским империализмом коалиционное правительство погнало армию в наступление и таким образом нарушило создавшееся с начала революции фактическое перемирие на фронте. С началом наступления зашевелились все контрреволюционные элементы. Казачий, офицерский и др. контрреволюционные съезды кричали об анархии, раздавалась руготня по адресу советов и других массовых организаций, указывалось, что для спасения страны нужен диктатор и т. д. Оживилась и заговорила загробным голосом царская 4-я Государственная дума, возникло множество

[76] *Лацис*. «Из дневника агитатора». «Пролетарская революция» № 5, 1923 г.
[77] Первый легальный ЦК большевиков в 1917 г., стр. 164, 173, 176.

контрреволюционных организаций, ведущих подготовку контрреволюционного переворота. Происходили патриотические контрреволюционные манифестации с избиениями и убийствами левых элементов. Правительство не принимало никаких мер против таких явлений и против этих организаций, наоборот, оно оказывало некоторым из них материальную помощь и разрешало им формировать ударные добровольческие войсковые части. В то же время правительство всю силу государственной власти направило против революционных солдат; началась усиленная отправка их на фронт, расформирование непокорных полков на фронте и в тылу.

Совокупность всех вышеизложенных условий создала крайне революционную обстановку, вся страна накануне июльских дней была охвачена революционным порывом, который так или иначе должен был вырваться наружу.

О. Лидак

ИЮЛЬСКИЕ СОБЫТИЯ [1]

На заседании Временного правительства 2 (15) июля при обсуждении украинского вопроса [2] кадеты вышли из правительства, вызвав тем самым правительственный кризис.

Разногласия кадетов с соглашательским блоком меньшевиков и эсеров не ограничивались, впрочем, одним украинским вопросом; кадеты считали политику правительства вообще слишком мягкой и нерешительной по отношению к требованиям революционных масс и, зная настроения меньшевиков и эсеров, цеплявшихся во что бы то ни стало за коалицию, придрались к украинскому вопросу и вышли из правительства с целью принудить соглашателей к еще большим уступкам буржуазии. Кроме того кадеты безусловно уже имели сведения о начале провала наступления на фронте. Вызывая правительственный кризис, они хотели развязать себе руки и ответственность за провал наступления свалить на меньшевиков и эсеров.

Уход кадетов только подчеркнул факт недовольства буржуазии политикой Временного правительства. Если в начале мая буржуазия встретила образование коалиционного правительства с надеждой, что оно восстановит «порядок» в армии и в тылу, то после двухмесячной его работы у буржуазии этих надежд уже не было. Буржуазия ясно видела, что правительство топчется на месте, страна левеет, недовольство растет, и что возможны только два выхода: или уступить требованиям трудовых масс, или путем репрессий и военной диктатуры заставить рабочих, крестьян и солдат молча исполнять волю буржуазии.

Для буржуазии коалиционное правительство было вынужденной необходимостью. Соглашательским советам, желающим посредством бумажных резолюций и красивых речей заставить массу служить интересам капиталистов, буржуазия тоже верила до поры до времени. Касаясь кризиса правительства, Милюков писал:

> «Повод, по которому этот кризис наконец разрешается, является уже в сущности второстепенным обстоятельством сравнительно с основной причиной—фактическим переходом власти от министерства к совету-

[1] В эту главу вошла часть моей работы под названием «Июльские события 1917 г.», помещенной в сборнике «Очерки по истории Октябрьской революции», т. II, под ред. М. Н. Покровского. *Автор.*

[2] Министры Керенский и Церетели заключили в Киеве с Украинской радой соглашение, в силу которого рада получила некоторые права, против чего решительно возражали кадеты.

причем в то же время *совет оказывается бессильным применять свою власть к единственной грозящей ему серьезной опасности слева».* [3]

Вместе с ростом революционного движения в стране растет и недовольство буржуазии коалиционным правительством. Мы уже раньше упомянули о поисках диктатора; таковым был намечен Колчак, потом взоры были обращены на Керенского; он сам в показаниях по делу Корнилова признался, что к нему поступило много проектов об объявлении диктатуры Керенского, о том же свидетельствует и Станкевич. Как видно, разгон коалиционного правительства и провозглашение личной диктатуры ни Керенский, ни Станкевич заговором не считали, этих лиц не арестовали, а вели с ними приятные беседы, между тем агитацию за мирный переход власти к большинству народа — к советам — они считали заговором, требовавшим самых суровых репрессивных мер.

О недовольстве буржуазии свидетельствуют речи на совещаниях к.-д. партии, на совещаниях членов Государственной думы, на съездах промышленников и землевладельцев и т. д. В этом отношении характерна резолюция Московского общества фабрикантов и заводчиков, опубликованная 27 июня. За неимением самой резолюции приводим сущность ее в изложении И. Т.:

«В резолюции указывается, что Временное правительство не имело почти никакого влияния на ход жизни, который мало-по-малу стал направляться исключительно невежественными массами населения. Временное правительство в области международной сделало уступку германофильским течениям безответственных или подкупленных элементов». [4]

Выход кадетов из Временного правительства был ускорен также тревожными сведениями, поступавшими с фронта, о провале начатого наступления. Содержание сводки штаба верховного главнокомандующего ген. Брусилова за время с 25 июня по 1 июля, рисующей развал армии, безусловно было известно членам Временного правительства; провал на фронте создал в стране чрезвычайно нервное настроение и большие трудности для правительства. Кадеты этот момент хотели использовать в своих интересах и из правительства ушли.

Чего хотели добиться кадеты, выходя из правительства? Они, чувствуя за своей спиной силу российской буржуазии и международного капитала, ставили мелкобуржуазному блоку меньшевиков и эсеров ультиматум: порвать с существующей политикой колебаний и твердо стать на точку зрения буржуазии, порвать с политикой обещаний и уговариваний, стать на платформу решительных действий против «анархии» слева. Кадеты верно рассчитывали, что мелкобуржуазные вожди не в состоянии будут порвать с буржуазией и стать на сторону пролетариата. Они уже заранее рассчитывали, что, пугая отнятием финансовой поддержки и разрывом с союзниками, они заставят мелкобуржуазных вождей капитулировать. Игра была начата обдуманно, а потому наверняка: кадеты поставили соглашателей на колени и заставили их принять свои условия.

---

[3] *Милюков.* История второй русской революции», т. I, стр. 203 (подчеркнуто мною — *О. Л.*).

[4] *И. Т.* «Пролетарская революция» № 10, 1926 г., стр. 231.

В начале правительственного кризиса Ленин был не в Петрограде, а в Финляндии, в деревне Нейвола, около станции Мустамяки, Финляндской ж. д. Сведения о кризисе правительства он раньше 3 июля не мог получить, и в тот же день он написал статью, которая тогда не была напечатана. В этой статье с поразительной проницательностью т. Ленин разоблачает все «ходы» кадетов; он пишет:

> «Уход кадетов может быть понят лишь как результат расчета. В чем суть этого расчета? В том, что для управления страной, совершившей большую революцию и не могущей успокоиться, притом во время империалистической войны всемирных размеров, необходим гигантско смелый, исторически великий, полный беззаветного энтузиазма почин и размах действительно-революционного класса. Либо подавлять так й класс насилием — это кадеты давно проповедуют, с самого 6 мая, либо довериться его руководству. Либо в союзе с империалистским капиталом — тогда надо наступать, надо быть послушным слугой капитала, надо итти в кабалу к нему... — либо против империалистического капитала...
>
> И кадеты рассчитывают, с точки зрения своего класса, с точки зрения класса империалистов-эксплоататоров, правильно: уходя мы, де, ставим ультиматум. Мы знаем, что Церетели и Черновы сейчас не доверяют истинно-революционному классу, сейчас не хотят вести истинно-революционной политики. Мы-де их попугаем. Без кадетов это, де, значит без «помощи» всемирного англо-американского капитала, это значит итти революцией и на него. Не пойдут-де Церетели и Черновы, не решатся. Они-де нам уступят.
>
> А если нет, то-де революция против капитала, буде даже она начнется, не удастся, и мы вернемся». [5]

Мы выше уже говорили, как нервировали солдат сведения о расформировании полков и другие репрессивные меры правительства и командования. В запасный батальон гвардейского Гренадерского полка 25 июня прибыли делегаты этого же полка с фронта и на батальонном собрании доложили, что на фронте к полку применяют насилия, что позади полка поставили вооруженных пленных чехов и погнали полк в наступление. Далее делегаты говорили, что полк на фронте считает, что министры-социалисты перешли на сторону буржуазии.

30 июня 2-й пулеметный полк вынес резолюцию против наступления и за передачу власти советам, в то же время полковой совет 3-го пехотного полка принял резолюцию, в которой полк отказывается выделить 14 маршевых рот.

1-й пулеметный полк устроил в воскресенье 2 (15) июля в Народном доме прощальный митинг-концерт отправляемой им на фронт маршевой роте. На митинге выступили Луначарский и другие ораторы от большевиков, которые доказывали в своих речах, что единственный выход из войны есть переход власти к Совету рабочих и солдатских депутатов. После них выступили от имени полка тт. Жилин и Лашевич и заявили, что в наступление полк не пойдет, а если сложит свои головы, то только за дело революции. На митинге выступил солдат расформированного гренадерского полка т. Рутковский и рассказал о насилиях, творимых над полком на фронте. В конце митинга была принята резкая резолюция против Временного правительства.

[5] *Ленин.* «Ленинский сборник», IV, стр. 316.

После этого бурного митинга солдаты в сильно возбужденном состоянии разошлись по казармам, а на утро начался исторический день 3 (16) июля.

Из материалов, имеющихся в деле об июльских днях и хранящихся в архиве Октябрьской революции в Москве (теперь частично опубликованных в «Красном архиве» и «Красной летописи»), видно, что события развернулись следующим образом. 3 (16) июля утром в 1-м пулеметном полку было назначено собрание ротных и полковых комитетов по текущим вопросам. Допрошенный следователем солдат Головин показал, что на собрании должен был обсуждаться вопрос о посылке делегатов в Исполнительный комитет Совета рабочих и солдатских депутатов, но во время собрания было получено извещение от Исполкома о том, что посылка делегатов откладывается до 5 июля, вследствие чего председатель полкового комитета предложил указать, что именно необходимо поставить на повестку дня. Раздались голоса, что надо обсудить вопрос о вооруженном выступлении. Настроение было очень возбужденное; раздавались голоса: «Надо выступать». Вопрос был поставлен на голосование, и большинством голосов было решено выступить в 5 час. дня. Для связи с другими полками было решено выбрать по два человека от каждой роты. Выборы производились поротно. Потом были избраны представители от рот в Революционный комитет для руководства движением.

Другой допрошенный солдат 9-й роты, Ильинский, показал, что в числе других ораторов с призывом к немедленному выступлению выступили какие-то неизвестные, заявившие, что они представители федерации анархистов; эти ораторы произносили зажигательные речи, указывая, что выступать надо немедленно; когда их запрашивали о цели выступления, то получили ответ, что «улица укажет цель». Ильинский (большевик) согласно директиве партии высказался против выступления, но солдаты его не слушали.

В докладе на Петроградской конференции большевиков т. Подвойский говорил, что 3 июля, в 10 час. утра, в ВО стало известно, что Пулеметный полк решил выступить:

> «До 5 час. в Пулеметном полку побывали 23 товарища, командированные Военной организацией для умиротворения полка. За каждой делегацией пулеметчиков в полки мы по пятам посылали своих товарищей, всюду старались ликвидировать начавшееся выступление. Во всех полках, кроме Павловского, наши товарищи имели успех, и к 5 часам выяснилось, что только Павловский полк ненадежен и что даже пулеметчики заколебались... Через $1^1/_2$ часа после ухода наших товарищей из Пулеметного полка мы получили уведомление, что Пулеметный полк выступил и идет по направлению к дворцу Кшесинской.
>
> Все усилия ВО оказались тщетными, повидимому, были какие-то другие силы». [6]

У дворца Кшесинской была сделана еще одна попытка остановить выступление, но безрезультатно. Говоривших против выступления тт. Свердлова, Невского, Кураева, Ильинского, Лашевича и других пулеметчики встретили недружелюбно.

Вскоре стало известно, что выступили также Гренадерский, Мос-

[6] «Красная летопись» № 7, 1923 г., стр. 100.

ковский и 180-й полки. Во всех полках картина выступления была почти одинакова. Сначала появлялся автомобиль с пулеметами, а в автомобиле кроме солдат находились также штатские люди. В полку начинался митинг. Несмотря на агитацию против выступления, полк все-таки выступает. Кроме петроградских полков, 4 (17) июля прибыли еще кронштадтцы, 3-й пехотный запасный полк из Нового Петергофа, 175-й пехотный запасный полк из Красного Села, команда форта Красная Горка и другие части из окрестностей Петрограда.

Необходимо отметить, что инициатива выступления исходила от полков, расположенных на пролетарской Выборгской стороне (1-й пулеметный, Гренадерский, Московский, 180-й пехотный и др.). Здесь безусловно чувствовалось революционное влияние рабочих и одетых в солдатский мундир крестьян.

Выступление рабочих Путиловского завода произошло при следующих обстоятельствах. 3 (16) июля в 4 часа дня появилось несколько солдат 1-го пулеметного полка, заявивших, что в 5 час. предполагается демонстрация с лозунгами 1 июля (18 июня). Было собрано общее собрание, на котором говорили многие ораторы с призывом к выступлению. Когда секретарь завкома т. Богдатьев (большевик) предложил не выносить скоропалительных решений, а сперва запросить партийные организации, то рабочие запротестовали, послышались крики: «Долой! Опять желаете затянуть дело, дальше так жить невозможно». Председатель завкома сходил на конференцию большевиков и, вернувшись, сказал, что партия о предстоящем выступлении не осведомлена. Часам к 6 на завод прибыли представители ВЦИК Саакиян, Каплан и др., они возражали против неорганизованных выступлений, но убедить массу им не удалось. Потом на завод прибыла делегация с Выборгской стороны, которая заявила, что рабочие Выборгской стороны уже двинулись к Таврическому дворцу, после чего решено было выступить.

Выступление Кронштадта рисуется в следующем виде:

3 июля около 2 час. дня в Кронштадт приехала группа анархистов и делегатов 1-го пулеметного полка. Они заявили, что приехали с целью организовать несколько публичных лекций, и обещали не бросать в массы никаких конкретных призывов и уверили т. Раскольникова, что они далеки от желания внести дезорганизацию в жизнь красного Кронштадта. Тов. Раскольников позвонил по телефону в Питер, откуда получил предупреждение, что от прибывших анархистов можно ожидать провокации, что выступил 1-й пулеметный полк, разъезжают по городу вооруженные автомобили и что партия этот безответственный шаг не поддерживает.

Но приезжие анархисты не думали держать обещание, данное т. Раскольникову. Они самочинно, без ведома местного совета, созвали митинг на Якорной площади. Первым говорил один из вновь приехавших. Истеричным голосом он описывал преследования анархистов Временным правительством. Но центральным моментом его выступления был призыв к выступлению.

«Товарищи, — со слезливым подъемом говорил анархист, — сейчас в Петрограде, может быть, уже льется братская кровь. Неужели же вы откажетесь поддержать своих товарищей, неужели вы не выступите на

защиту революции?» На впечатлительную, по преимуществу морскую аудиторию, такие речи оказывали сильнейшее впечатление». [7]

Последним выступил лучший, любимый матросами оратор, т. Рошаль, но когда он стал возражать против выступления, поднялись такой шум и крики «долой!», что ему пришлось оставить трибуну, даже не закончив своей речи. Такая же участь постигла и оратора левых эсеров — Брушвита. После него выступил целый ряд ораторов с горячим призывом поехать в Петроград для поддержки своих товарищей, кровь которых, по мнению выступающих, сию минуту проливается на улицах Петрограда.

После них выступил т. Раскольников и в осторожных выражениях старался разъяснить массе, что под впечатлением горячих речей, не выяснив обстановки, нельзя принимать ответственных решений; даже если и будет необходимость выступить, это надо сделать организованно. В конце митинга было решено: 1) избрать комиссию, поручить ей выяснение петроградских событий, учет оружия и плавучих средств; 2) обязать комиссию в кратчайший срок телефонограммой сообщить ее решение по частям. В комиссию были избраны Раскольников, Рошаль и еще несколько человек.

По окончании митинга т. Раскольников связался с Петроградом и

«информировал о кронштадтских настроениях и подчеркнул, что вопрос стоит не так: выступать или нет, а в другой плоскости: будет ли выступление проведено под нашим руководством, или оно разыграется без участия нашей партии — стихийно и неорганизованно... Через несколько минут ему ответили, что ЦК решил принять участие в завтрашнем выступлении и превратить его в мирную и организованную вооруженную демонстрацию». [8]

Ночью на заседании Кронштадтского исполкома было единогласно решено выступить 4 июля. Ночью были сделаны нужные распоряжения, и наутро погрузились на пароходы и отправились в Петроград. В Кронштадт ночью из Биорке и Транзунда были вызваны учебные суда.

Таково было положение 3 (16) июля. Что же делала тогда большевистская партия, какова была позиция ЦК, ПК и ВО? Об усилиях ВО 3 июля удержать пулеметчиков и другие полки от выступления мы уже упоминали. Теперь вкратце рассмотрим позицию ЦК и ПК большевиков.

3 июля происходило заседание 2-й общегородской конференции большевиков. На конференции, после доклада т. Володарского по муниципальному вопросу, с сообщением выступил т. Томский, который довел до сведения делегатов о правительственном кризисе и передал директивы ЦК.

«Наш ЦК приглашает, — говорит т. Томский, — членов и сочувствующих *удержать массу от дальнейших выступлений*...; выступившие полки поступили не по-товарищески, не пригласив на обсуждение вопроса о выступлении комитет нашей партии, и потому партия не может брать на себя ответственность за это выступление. ЦК предлагает конференции: 1) выпустить воззвание, чтобы удержать массу; 2) выработать обращение к

[7] *Раскольников*, «Прол. рев.» № 5, 1923 г., стр. 55.
[8] Там же, стр. 58.

ЦИК взять власть в свои руки. Говорить сейчас о выступлении без желания новой революции нельзя. Всех «если» настоящего положения мы учесть не можем. Брать почин в свои руки рискованно. Как выльется движение, мы увидим. Мы должны подчиниться решению ЦК, но не нужно бросаться по заводам и тушить пожар, так как пожар зажжен не нами, и за всеми тушить мы не можем. Мы должны выразить наше отношение к событиям и ждать их развития». [9]

Заключительные слова Томского явно не соответствуют постановлению ЦК. Они оппортунистически искажают директиву ЦК.

После сообщения т. Томского с сообщениями выступили тт. Женя, Бокий, Скрябин (Молотов), Вейнберг, Медведев. Все выступавшие товарищи сообщали, что настроение на заводах и в воинских частях напряженное, все готовятся к выступлению. Говорили, что в Московском полку нашему товарищу не дали выступить, называли его ликвидатором. Заслушав информацию из районов, конференция вынесла следующее постановление: 1) одной части разойтись по районам с целью удержать массу от выступления, а другой — остаться и, подчиняясь решению Центрального комитета, созвать для выяснения отношения к событиям представителей заводов и воинских частей; 2) организовать делегацию в ЦИК с требованием взять власть в свои руки; 3) немедленно войти в сношение с межрайонцами и интернационалистами и пригласить их на совещание; 4) пригласить на совещание Центральное бюро петроградских профсоюзов и Центральный совет петроградских фабзавкомов.

Эти решения конференции были приняты до выступления путиловцев и до получения сообщения из Кронштадта о том, что матросскую массу удержать от выступления невозможно. Около десяти часов вечера во дворце Кшесинской собрались на заседание делегаты общегородской конференции и представители от заводов и воинских частей, и в 11 ч. 40 м. была принята следующая резолюция:

«Обсудив происходящие сейчас в Петербурге события, заседание находит: создавшийся кризис власти не будет разрешен в интересах народа, если революционный пролетариат и гарнизон твердо и определенно немедленно не заявят о том, что они за переход власти к Совету рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. С этой целью рекомендуется немедленное выступление рабочих и солдат на улицу, для того чтобы продемонстрировать выявление своей воли». [10]

Поздно ночью в Таврическом дворце происходило совещание членов ЦК, ПК, ВО и Международного комитета. Обсуждался вопрос, как отнестись к происходящим событиям. Об этом совещании пишет т. Флеровский:

«Тов. Каменев выступал за то, чтобы «избежать повторения демонстрации». Он предлагал ограничить выступление митингами в районах. Предложение это не получило ни малейшей поддержки... Троцкий защищал свое предложение «настаивать на том, чтобы массы выходили без оружия». [11]

Когда в результате прений выяснилось, что удержать массу от выступления нельзя и что она выйдет обязательно вооруженной,

[9] «Вторая и третья петроградские общегородские конференции большевиков», ГИЗ, 1927 г., стр. 50.

[10] АОР. «Июльское дело», т. III, л. 63.

[11] *И. Флеровский.* «Пролетарская революция» № 7, 1926 г., стр. 76.

тогда партия решила вмешаться в движение с целью придать ему мирный организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти. Таким образом было отменено дневное решение ЦК против выступления, и совещание выработало и опубликовало на утро отдельной листовкой следующее воззвание: [12]

«Товарищи, рабочие и солдаты Петрограда! После того как контрреволюционная буржуазия явно выступила против революции, пусть Всероссийский совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов возьмет всю власть в свои руки.

Такова воля революционного населения Петрограда, который имеет право довести эту свою волю путем мирной и организованной демонстрации до сведения заседающих сейчас исполнительных комитетов Всероссийского совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

...Вчера революционный гарнизон Петрограда и рабочие выступили, чтобы провозгласить этот лозунг: вся власть Совету. Это движение, вспыхнувшее в полках и на заводах, мы зовем превратить в мирное организованное выявление воли всего рабочего, солдатского и крестьянского Петрограда». [13]

Итак, стихийно вспыхнувшее движение было возглавлено партией. Начался второй период июльской демонстрации при активном руководстве партии. События 3 (16) июля совершенно ясно показали, что, во избежание кровопролития и с целью парализовать провокаторские выходки штаба и попрятавшихся на крышах и чердаках контрреволюционеров, нужно принять целый ряд мер. Этим делом занялась Военная организация, при которой был составлен штаб из 7 отделов под руководством т. Подвойского.

ВО была разослана по всем воинским частям следующая «Инструкция»:

«1. Организовать руководящий комитет для командования батальоном.

2. В каждой роте должны быть руководители.

3. Устроить ротные собрания и на них прочесть наше объявление.

4. Установить связь с ВО, назначив для этого немедленно двух товарищей к ней.

5. Поддерживать связь с соседними частями.

6. Проверять, куда и кто отправляет команды из частей. Командам давать наши инструкции.

7. Быть наготове и не выходить из казарм без приказа ВО». [14]

В целях охраны демонстрантов были выставлены броневые машины около Николаевского вокзала, Литейного проспекта, Главного штаба и т. д. В Петропавловскую крепость и Арсенал были даны соответствующие директивы. Директивы ВО были посланы также в окрестные гарнизоны: Ораниенбаум, Петергоф, Красное Село и др. ВО имела живую связь почти со всеми полками гарнизонов Петрограда и окрестностей.

Вечером 3 (16) июля происходило заседание рабочей секции Петроградского совета. На этом заседании выяснилось, что большевики вследствие систематически проводившейся на заводах кампании за

[12] Листовка за поздним временем не могла попасть в «Правду». Прежняя заметка о невыступлении вырезывается, и «Правда» на 4 июля выходит с белой полоской на первой странице.

[13] «Пролетарская революция» № 4, 1926 г., стр. 72.

[14] АОР. «Июльское дело», т. III, л. 64.

отзыв из Совета депутатов соглашателей оказались в большинстве; на заседании, вопреки меньшевикам, была принята предложенная большевиками повестка заседания. На заседании произошли горячие прения по вопросу об отношении к начавшемуся выступлению. Меньшевики и эсеры, видя, что они в меньшинстве, в количестве 90 — 100 человек покинули заседание. Оставшиеся приняли резолюцию о передаче власти в руки советов и избрали комиссию из 15 человек, которой поручили ввести начавшееся движение в организованное мировое русло.

Соглашательский ЦИК реагировал на выступление рабочих и солдат 3 (16) июля принятым в ночь с 3 на 4 июля на совместном заседании бюро ВИК и Исполнительного комитета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и вслед затем опубликованным постановлением:

> ...«Выступление в защиту расформированных полков есть выступление против наших братьев, проливающих свою кровь на фронте. Напоминаем товарищам солдатам: ни одна воинская часть не имеет права выходить с оружием без призыва главнокомандующего, действующего в полном согласии с нами. Всех, кто нарушит это постановление в тревожные дни, переживаемые Россией, мы объявим изменниками и врагами революции».

Несмотря на категорическое запрещение ЦИК и грозный приказ генерала Половцева, демонстрация 4 (17) июля имела грандиозный характер. В ней участвовало около 500 000 человек.

О настроении петроградских рабочих в июльские дни есть масса воспоминаний, всех их использовать не позволяют размеры нашей работы, поэтому в целях иллюстрации ограничимся лишь приведением нескольких отдельных, наиболее характерных моментов.

Тов. Борисов, рабочий Франко-русского завода, пишет: когда началось выступление 3 июля, ему удалось уговорить рабочих не выступать, но 4-го, несмотря ни на какие усилия, удержать рабочих не удалось. Утром 4-го он распустил рабочих по домам до 11 часов и сам пошел домой, но в 10 ч. 30 м., выйдя из дому, он уже застал рабочих самочинно организовавшихся и уже демонстрировавших на Мясной улице. Тогда он с целью задержать демонстрацию на Покровской площади устроил митинг. Несмотря на все эти ухищрения, рабочие все-таки пошли к Таврическому дворцу». [15]

Рабочий Балтийского завода рассказывает, как, несмотря на меньшевистско-эсеровское засилье, рабочие решили выступить, и из 5300 рабочих вышли на улицу 4300 человек. [16]

Работница фабрики «Скороход» пишет, что 3 июля удалось ограничиться митингом против Временного правительства, а 4-го массы уже не слушали их и вышли на улицу вопреки агитации большевиков. [17]

Тов. И. Мойсеев пишет, что настроение на заводе Лесснер было очень революционное, и как только рабочие узнали, что выступили

---

[15] Архив Ленинградского истпарта, папка «Воспоминания рабочего о революции 1917 г.».

[16] Там же.

[17] «Ленинградская правда», 16 июля 1925 г.

пулеметчики, «рабочих больше удержать не удалось, рабочие сами достали 3—4 грузовика, вооружились и поехали по городу». [18]

Тов. Ю. Кокко — завод «Айваз»: «4 июля на заводе никто за работу не принимался, и все настойчиво требовали выступления». Рабочие забрали имеющееся оружие и выступили. [19]

Тов. Николаев — Трубочный завод:

> «Несмотря на принятые нами меры и агитацию меньшевиков и эсеров, 3 июля массы удержать не удалось; рабочие, дневная смена, пошли сами с плакатами на улицу, ночная же смена приступила частью к работе. В 4 часа дня кучка рабочих, человек в 20, ворвалась в заводский комитет и силой заставила дежурного члена комитета давать гудок для прекращения работ». [20]

А. Озолин — Сестрорецкий оружейный завод: 4 июля рабочие, все как один человек, вышли на улицу с лозунгами: «Вся власть советам». Была послана делегация в Петроград с наказом в Совет рабочих и крестьянских депутатов разогнать коалиционное правительство и взять власть в свои руки. «Характерно для Сестрорецка то, что в движении 4 — 5 июля активное участие принимали рабочие рядовые члены местных организаций партий социал-революционеров и меньшевиков». [21]

Тов. Коротков — завод «Галерный островок»:

> «Утром 4 июля рабочие заявили, что они сегодня работать не будут». Ему совместно с т. Пахомовым удается уговорить рабочих приступить к работе, объясняя рабочим, что партия большевиков против выступления. Вдруг «в 10 часов влетает несколько рабочих в заводский комитет за знаменами. Говорят, что кронштадтские моряки приехали». «На улицу».
>
> «Мы тронулись с Покровской площади, за нами «Треугольник». Дошли до Сенной. Тут с колокольни нас стал поливать пулемет. Нам здесь опять попало:
>
> «Зачем пошли без оружия — не знали, что в нас будут стрелять?» Здесь отряд красногвардейцев заставил замолчать пулемет». [22]

Тов. Свиленко — завод «Русский Рено»: 3 июля в завод пришли пулеметчики и попросили дать грузовиков. Несмотря на протесты коллектива большевиков, грузовики были даны.

> «Мы считали выступление преждевременным, удерживали своих, а когда пришли пулеметчики, удержать рабочих стало невозможно. Все, в чем работали, прямо в передниках, от станков, вышли на двор. Состоялось собрание, и сразу все направились ко дворцу Кшесинской». [23]

Тов. Бурсин — завод «Эриксон»:

> «Эриксоновцы одни из первых примкнули к восставшим воинским частям, и на другой день, 4 июля, было условлено дружно выступить заводской ячейке с пулеметчиками и самокатчиками против Временного правительства». [24]

[18] «Ленинградская правда», 16 июля 1925 г.
[19] «Ленинградские рабочие в борьбе за власть советов 1917 г.», стр. 68.
[20] Там же, стр. 70.
[21] Там же, стр. 63.
[22] Там же, стр. 61.
[23] Там же, стр. 55.
[24] Там же, стр. 61.

Путиловский завод: 4 июля к путиловцам присоединился 2-й пулеметный полк,

«несколько пулеметов было установлено на грузовике. Из домов на углу Садовой и Апраксина переулка производилась по демонстрантам стрельба, мы из грузовика отвечали на стрельбу. Стрельба началась после сигнала с колокольни церкви Спаса на Сенной». [25]

Тов. Ефимов с воих воспоминаниях подтверждает факт обстрела демонстрации на Садовой и пишет, что у Гостиного двора на демонстрантов налетела компания юнкеров и студентов и отняла у рабочих плакат. Рабочие сопротивлялись, получилась давка.

Утром 4 июля по всем заводам и фабрикам по распоряжению ЦК большевиков было разослано обращение выбрать от каждой тысячи (500 — 1000) по одному делегату, с целью явиться в ЦИК и предъявить требования о взятии власти в свои руки.

На заседание ЦИК явилось 90 представителей от 54 заводов. Для заявления слово дается 4 представителям Петрограда и 1 представителю Петергофского совета. Все эти 5 представителей заявляют, что 1) странно читать воззвание ЦИК, где рабочие и солдаты называются контрреволюционерами, 2) наше требование: власть советам, 3) земля должна перейти немедленно к крестьянам, 4) нужна действительная борьба с локаутчиками, 5) необходимо установить контроль над производством, 6) рабочие считают, пока соглашательская политика будет продолжаться, не может быть успокоения в стране.

После оглашения заявлений делегация, по предложению председателя ЦИК, покинула заседание.

Эти воспоминания можно продолжать дальше, но мы полагаем, что из приведенных фактов уже можно судить о той накаленной революционной атмосфере, которая существовала среди петроградского пролетариата и войска. Почти все участники говорят о том, что, несмотря на агитацию против выступления и большевиков и соглашателей, рабочие все-таки на улицу вышли. Таким образом является неопровержимо доказанным факт сильного недовольства рабочих политикой Временного правительства и стихийности движения 3 июля.

Необходимо отметить, что рабоче-солдатская масса накануне июльских дней горела нетерпением выйти на улицу и продемонстрировать в пользу перехода власти к советам. Партии, которая, учитывая общеполитическое положение в стране, считала такое выступление преждевременным, все время приходилось сдерживать напор масс, вследствие чего в некоторых менее сознательных кругах рабочих и солдат нарождалось недовольство партийным курсом. Эти настроения революционно-настроенных, но менее выдержанных рабочих и солдат нашли отражение и среди некоторых руководителей. Нашлись члены ПК, которые чисто анархическим путем, минуя официальные партийные учреждения и ВО, мыслили захват власти. Подобные настроения среди ответственных партийных работников были в общем случайны.

Есть данные, говорящие о том, что целый ряд заводских партий-

[25] АОР. «Июльское дело», т. XIX, л. 27.

ных коллективов, увидя, что массы удержать нельзя, без санкций руководящих органов вышел вместе с массой на улицу.

Однако к характеристике «левых» необходимо отметить, что они были проникнуты верой в легкость взятия власти, им казалось, что стоит лишь с оружием в руках выйти на улицу продемонстрировать, и власть окажется в руках совета.

Как это всегда бывает, крайне «левые» были лишь авантюристами, считающими возможным посредством звонких фраз, хлестких резолюций и несвоевременных выступлений преодолеть все трудности, стоящие на пути революции.

Деятельность штаба Петроградского военного округа в дни 3 — 4 июля носила явно провокационный характер. В самом Петрограде у Временного правительства сил было мало, но штаб надеялся на вызванные с фронта войска. «ВЦИК прежде всего позаботился уже 3 июля послать телеграмму на фронт в действующую армию с просьбой выслать в Петроград дивизию кавалерии, бригаду пехоты и броневики». [26]

В ожидании прибытия свежих войск ген. Половцев хочет создать обстановку «мятежа и анархии», которую он с помощью пришедших войск собирался «усмирить». С этой целью посылались небольшие отряды казаков и юнкеров, которые нападали на демонстрантов, отнимали оружие, срывали знамена, рассеивали демонстрации и т. д. Эта политика 4 июля привела к кровавому столкновению казаков с 1-м запасным полком на Литейной улице.

Для характеристики этой провокационной деятельности штаба приведем один эпизод в описании участника событий В. М. Аверина, хорунжего 1-го Донского полка. Он показывает:

> «4 числа утром... было приказано разоружать проходящие мимо небольшие группы людей, из кого бы они ни состояли, а также вооруженные автомобили. Исполняя это приказание, мы время от времени выбегали в пешем строю у дворца (Зимнего дворца) и занимались разоружением, причем нам пришлось разоружить исключительно солдат и рабочих, вооруженных винтовками... В восьмом часу вечера мы получили приказание от ген. Половцева выступить в составе двух сотен при двух скорострельных орудиях к Таврическому дворцу... Дозор шел впереди на сто шагов; так мы проследовали до Марсова поля, разоружая по дороге встречные автомобили и отдельных вооруженных матросов, которых попадалось в общем довольно много... На Марсовом поле мы увидели большую толпу, состоявшую частью из вооруженных, частью невооруженных солдат, матросов и рабочих... я приказал командуемому мною головному отряду разогнать толпу, что и было исполнено, причем многие из толпы побросали винтовки... Так мы дошли до Литейного моста, на котором я увидел вооруженных рабочих, солдат и матросов, запрудивших мост. Со своим головным отрядом я подъехал к ним и попросил отдать оружие, но просьба моя исполнена не была, и вся эта банда бросилась бежать по мосту на Выборгскую сторону. Не успел я последовать за ними, как какой-то небольшого роста солдат без погон повернулся лицом ко мне и выстрелил в меня, но промахнулся. Этот выстрел послужил как бы сигналом, и отовсюду по нас был открыт беспорядочный ружейный огонь». [27]

Со стороны толпы раздались крики: «Казаки по нас стреляют». В действительности так и было, казаки слезли с лошадей и начали

[26] «Пролетарская революция» № 5, 1923 г., стр. 12.
[27] АОР. «Июльское дело», т. V, л. 22.

стрелять, были даже попытки открыть огонь из орудий, но солдаты открыли такой ураганный огонь, что казаки принуждены были отступить и рассеялись по городу.

Газета «Известия» немного иначе передает этот инцидент. Там определенно говорится, что казаки, не доезжая Литейного моста, были обстреляны пулеметным огнем из одного каменного дома. Потом казаки «выстроились и бросились на Литейный проспект с шашками наголо с целью разогнать толпу». [28]

В этой же статье «Известий» говорится о том, что казаки дали три залпа из орудий. О стрельбе из орудий пишет в своих воспоминаниях также т. Метелев, он подтверждает сообщение «Известий» о том, что по казакам стреляли из какого-то дома, и указывает, что потом, когда солдаты обыскали этот дом, в квартире генерала нашли два пулемета с патронами и запасы огнестрельного оружия.

Днем 4 июля провокаторски были обстреляны прибывшие и мирно демонстрировавшие в количестве около 10 000 человек кронштадтские матросы. В газете «Известия» от 7 июля меньшевик Канторович поместил статью, в которой обстрел рабочей демонстрации описывает следующими словами: «На Садовой улице шла 60-тысячная толпа рабочих многих заводов. Во время того, как они проходили мимо церкви, раздался звон с колокольни, и как бы по сигналу с крыш домов началась стрельба оружейная и пулеметная. Когда толпа рабочих бросилась на другую сторону улицы, то с крыши противоположной стороны также раздались выстрелы.

О провокационной стрельбе по демонстрантам и по войскам с чердаков и крыш домов пишут также газеты «Новая жизнь», «Рабочая газета» и другие. Таким образом факт обстрела демонстрации можно считать установленным. Возникает только вопрос, в чьих интересах и кто стрелял?

Что штаб действовал провокаторски, в этом не может быть ни малейшего сомнения. Мы уже видели деятельность казачьего отряда, которую иначе как провокаторской назвать нельзя, ибо послать две сотни казаков с двумя орудиями разогнать и обезоружить вооруженные войска, это чистейшая провокация, на деле приведшая к кровавым результатам. На чердаках и крышах с пулеметами действовали не кто иные как члены многочисленных контрреволюционных офицерских организаций, которые усиленно организовались, были хорошо вооружены и готовились произвести государственный переворот с целью установления военной диктатуры.

При обнаружении и при обысках домов, из которых стреляли, находили виновных только в лице офицеров, генералов и студентов. Вот эти контрреволюционные круги, начав провокаторский обстрел демонстрации, а также прибывающих частей с фронта, хотели создать в столице хаос, сумятицу, еще больше подлить масла в уже и так ярко горевший костер, хотели вызвать кровавую бойню и с помощью вызванных с фронта войск потопить в крови революционных рабочих и солдат. Малейшая невыдержанность и оплошность со стороны руководителей демонстрации могла иметь роковые последствия.

---

[28] «Известия», 7 июля 1917 г

Тактика ЦК и ВО в июльские дни была правильна. Охрана рабочих демонстраций вооруженными отрядами Красной гвардии. Демонстрация двух полков пулеметчиков с запасом патронов, в полном боевом порядке, занятие Петропавловской крепости и выставление броневых машин в некоторых стратегических пунктах, выступление вооруженных кронштадтцев имели положительное значение с двух сторон: с одной стороны, для того чтобы показать массам, что путем демонстрации, хотя бы и вооруженной, власть получить нельзя; необходимо было вооруженную демонстрацию довести до крайнего предела; с другой стороны, для того, чтобы отбить охоту на погромы и нападения отдельных контрреволюционных групп и казаков, нужно было им показать нашу силу, с которой шутить нельзя и открытый конфликт с которой может кончиться очень печально для тех, кто начал нападение (случай с казаками). Именно потому, что ВО приняла ряд мер, контрреволюционным генералам не удалось окончательно разгромить большевиков, которые из архитрудного положения вышли с сравнительно небольшими потерями.

4 июля совещание активных работников партии большевиков решает демонстрацию считать законченной, солдатам рекомендуется вернуться в свои казармы, а кронштадтцев временно, на всякий случай, оставить в Петрограде. Кронштадтцев размещают в доме Кшесинской, в Петропавловской крепости, в Морском корпусе и в Дерябинских казармах.

Ночью с 4-го на 5-е были разгромлены газета «Правда» и типография «Труд». Утром 5 июля по городу разъезжали казачьи патрули и арестовывали отдельных рабочих и матросов; по городу циркулировали тревожные слухи о готовящемся нападении на большевиков. В рабочих кварталах настроение тревожное, фабрики и заводы не работают. На Выборгской стороне рабочие готовятся к обороне района от нападений казаков. Газета «Новая жизнь» 7 июля писала, что прибывшие с фронта войска были так зверски настроены, что рвались броситься на заводы и фабрики с целью расправиться с бунтовщиками.

В целях самообороны были приняты меры по укреплению дворца Кшесинской; комендантом дворца был назначен т. Раскольников, который при осмотре дома нашел средства обороны недостаточными и послал в Морской полигон и в Кронштадт требования о присылке орудий. Днем 5 июля ВО готовилась в случае нападения на партию дать вооруженный отпор, с этой же целью т. Раскольников послал бумажку в Гельсингфорс о присылке в устье Невы небольшого военного корабля.

Этот свой шаг т. Раскольников объясняет следующим образом:

> «Конечно, с моей стороны были сделаны военные приготовления, но только на случай самообороны, так как в воздухе пахло не только порохом, но и патронами...
>
> Я, полагаю не без основания, считал, что достаточно ввести в устье Невы один хороший корабль, чтобы решимость Временного правительства значительно пала. Конечно, в боевом отношении это было ничто, но здесь шла игра на «психологию». [29]

[29] «Пролетарская революция», 1923 г., стр. 78.

К вечеру ЦК издал постановление, объявлявшее демонстрацию законченною и призывавшее всех участников к ее прекращению. Кронштадтцев отправили домой. Тов. Раскольников пишет, что это вызвало среди кронштадтцев большое недоумение: «Как это можно вернуться в Кронштадт, не утвердив в Петрограде советскую власть?» В конце концов кронштадтцы согласились вернуться обратно в Кронштадт при условии освобождения арестованных товарищей и при оружии.

Днем 5 июля на совещании во дворце Кшесинской, состоявшемся при участии присланных от ЦИК членов президиума во главе с Либером и членов ЦК партии большевиков и ВО, произошло соглашение: ВЦИК и правительство обязались: 1) не допускать каких бы то ни было погромов и репрессий по отношению к партии большевиков, 2) выпустить всех арестованных, за исключением совершивших уголовное деяние. ЦК партии большевиков в свою очередь обязался: 1) увезти матросов в Кронштадт, 2) снять роту пулеметчиков, поставленную для усиления гарнизона в Петропавловской крепости, 3) снять с постов броневики и караулы. Мосты, разведенные штабом еще 3 июля, немедленно свести вновь [30].

Но к вечеру в связи с прибытием войск с фронта положение изменилось. Делегация кронштадтцев по нескольку раз под-ряд вызывалась в Военную комиссию ЦИК, которая каждый раз увеличивала требования и, наконец, предъявила ультиматум: дать немедленное согласие на разоружение кронштадтцев. Делегация ультиматума не приняла и уехала. «Быстро менявшиеся решения, — говорит т. Раскольников, — производили такое впечатление, словно приговоры выносились под диктовку каких-то закулисных комбинаций». Позднее Либер писал об этом эпизоде, что действительно они имели связь с штабом, и ультиматум они предъявили после того, как узнали,

> «что через несколько часов дом Кшесинской будет окружен войсками, и, не считая себя в праве их об этом предупредить, так как у нас были опасения, что и это может привести к кровавым столкновениям, мы заявили им, что всякие дальнейшие переговоры мы считаем невозможными». [31]

Когда днем 5 июля ВО принимала целый ряд военных мероприятий, тогда, наверное, кроме соображений самозащиты и самообороны, были еще и другие соображения. Мы склонны полагать, что ВО тогда в полной мере не уясняла себе изменившейся политической ситуации, она вероятно полагала, что удастся сохранить существовавшее до 3 июля соотношение сил.

Ряд партийных архивов и других документов ВО после занятия самокатчиками дома Кшесинской частью были уничтожены, частью попали в руки контрразведки.

Подготовка к разгрому дворца Кшесинской и разоружение революционных полков по распоряжению Временного правительства начаты были уже 4 июля. К выполнению этих директив Половцев не приступил лишь потому, что до прихода войск с фронта у него не было достаточного количества войск, поэтому он в дни 3—5 июля

[30] «Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 81.
[31] АОР. «Июльское дело», т. XII, ч. I, л. 121.

ограничился лишь партизанским выступлением, генеральный план наступления откладывался до момента прихода с фронта вызванных войск.

С прибытием фронтовых частей начинается полоса контрреволюции. Разгромлены редакция «Правды», типография «Труд». 6-го утром самокатчики занимают дворец Кшесинской и Петропавловскую крепость. Несмотря на заключенное соглашение, а также и на то, что по директивам Военной организации ни дворец Кшесинской, ни Петропавловская крепость никакого сопротивления не оказали, все же кронштадтцы были разоружены. 6 июля Временным правительством был издан приказ об аресте тт. Ленина и др. Происходит разгром партийных помещений не только большевиков, но и меньшевиков. 6 июля происходит позорная сцена разоружения пулеметчиков. На Невском требуют ареста не только Ленина, но и Чернова и Церетели. 12 июля восстанавливается смертная казнь на фронте. В связи с поражением на фронте и наступающей реакцией лидеры меньшевиков и эсеров совершенно растерялись и вручили власть авантюристу Керенскому, объявив эту власть «правительством спасения революции».

В этот период чрезвычайно острой и напряженной классовой борьбы, когда столичный пролетариат и гарнизон готовы были брать власть, но вся остальная Россия и фронт к этому еще не доросли, партии пришлось проявить изумительную стойкость и выдержанность не поддаваться заманчивым перспективам захвата власти, что тогда было преждевременным.

В партии в этот период имелся «левый» уклон, представители которого, подпав под влияние чисто местных условий, не согласны были с генеральной линией ЦК, они считали возможным уже тогда захват власти. Разногласия начались в связи с отмененной 10 июля демонстрацией.

Тов. Лацис в своем «Дневнике» пишет о том, что нужно было подготовиться на случай вооруженного выступления, но товарищи на это закрывали глаза.

> «Только один лишь товарищ предложил не отказываться от захвата почты, телеграфа и арсенала, если события развернутся до столкновения. Но это правильное предложение отклонили. Какое легкомыслие! Чего только не может случиться! Я с этим примириться не могу. Должен же я иметь ответ на всякий исход. Ну, так я буду действовать. Сговорюсь с тт. Семашко и Рахья, чтобы в случае необходимости быть во всеоружии и захватить вокзалы, арсенал, банки, почту и телеграф, опираясь на Пулеметный полк». [32]

Таким образом, член ЦК чисто анархическим способом, минуя официальные, партийные учреждения и ВО, мыслил захватить власть. Правда, подобные настроения среди ответственных партийных работников были единичны.

Эти «левые» элементы отражали нетерпеливое отношение солдатской массы, проникнутой верою в легкость взятия власти; им

[32] *Лацис.* «Из дневника агитатора». «Пролетарская революция» № 5, 1923 г., стр. 105.

казалось, что стоит лишь с оружием в руках выйти на улицу, продемонстрировать свое желание — и власть окажется в руках Совета. Июльские события дали этой массе политический урок, раскрыли перед ней предательское лицо соглашателей. Авторитету меньшевиков и эсеров был нанесен решительный удар, от которого они уже не оправились до самой своей гибели.

Кроме «левых», в партии безусловно были также и правые элементы во главе с Каменевым. Хотя ЦК днем 3 (16) июля высказался против движения, но не случайно, что именно Каменев и Зиновьев написали соответствующее воззвание против выступления и отослали его в «Правду». Даже поздно вечером, когда для всех было совершенно очевидным, что массу удержать невозможно, Каменев еще раз высказался против участия партии в демонстрации. Если бы тогда партия согласилась с Каменевым, то сделала бы крупную ошибку, которая помогла бы штабу осуществить его провокационный план. Без руководства нашей партии движение 4 (17) июля приняло бы анархический характер; вооруженные столкновения приняли бы громадные размеры, и таким образом была бы создана почва для «усмирения» со стороны Временного правительства.

Тактика партии в июльские дни была безусловно правильна. В начале июльских событий Ленина в Петрограде не было, он отдыхал в Финляндии на даче т. Бонч-Бруевича. Как только Ленин узнал о начавшемся движении, он немедленно собрался в город и прибыл туда утром 4-го июля.

Принятые ЦК решения об участии в демонстрации в целях руководства ею он полностью одобрил.

Конечно, в дни 3—5 июля ВО могла бы захватить власть в Петрограде, но Ленин считал, что это было бы ошибкой. Он писал: [33]

> «3 — 4 июля восстание было бы ошибкой, мы не удержали бы власти ни физически, ни политически. Физически — несмотря на то, что Питер был моментами в наших руках, ибо драться, умирать за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским и к Церетели — Черновым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков. Политически мы не удержали бы власти 3 — 4 июля, ибо армия и провинция... могли пойти и пошли бы на Питер».

Давая оценку «июльским дням», т. Сталин писал:

> «Нас можно упрекать, что мы не стремились взять власть. Взять власть 3 и 4 июля мы могли, мы могли обязать ЦИК санкционировать нашу власть. Но вопрос в том, могли ли мы удержать эту власть. На нас поднялись бы фронт, провинция, советы. Власть, не опирающаяся на провинцию, оказалась бы без рук и без ног. Взятием власти при таких условиях мы бы осканда лились». [34]

Целый ряд данных свидетельствует, что заводские партийные коллективы, увидя, что массу удержать от выступления нельзя, и не дожидаясь директив выше стоящих комитетов, чтобы не отрываться

---

[33] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 196, изд. 2-е.
[34] *И. Сталин.* «На путях к Октябрю», стр. 95.

от массы и придать движению организованный характер, становились во главе рабочих колонн, организуя и направляя их по руслу мирной организованной демонстрации. Все это свидетельствует о высокой сознательности и правильном политическом чутье у низовых партийных работников, законно опасавшихся, что неорганизованное анархическое движение может принести пользу контрреволюции. Но этот факт свидетельствует также и о том, что партийная дисциплина в отдельных звеньях аппарата не была еще на должной высоте, в организации еще чувствовался тот недостаток партийного аппарата, о котором говорил Ленин на апрельской конференции. Надо было еще поработать над усилением партийного аппарата.

Были ли ошибки у партии в июльские дни? Нет. Никаких тактических ошибок у партии в июльские дни не было. Была допущена только ошибка в оценке возможности мирного перехода власти в руки СР и СД, когда на самом деле, в связи с наступлением на фронте, Совет под руководством меньшевиков и эсеров полностью перешел в лагерь империалистической буржуазии и разложился. Начиная с 10 июня, начала бешеной травли большевиков в связи с назначенной мирной демонстрацией, уже было невозможно мирное развитие революции, мирный переход власти в руки советов. Была также некоторая недооценка революционного настроения масс, правда не имеющая никаких отрицательных последствий на тактику партии, которая была единственно правильна. Другой тактики накануне июльских дней и в июльские дни быть не могло. По этому вопросу т. Ленин писал следующее:

«Действительной ошибкой нашей партии в дни 3—4 июля, обнаруженной теперь событиями, было только то, что партия считала общенародное положение менее революционным, чем оно оказалось, что партия считала еще возможным мирное развитие политических преобразований путем перемены политики — советами, тогда как на самом деле меньшевики и эсеры настолько уже запутали и связали себя соглашательством с буржуазией, а буржуазия настолько стала контрреволюционна, что ни о каком мирном развитии не могло уже быть и речи. Но этого ошибочного взгляда, который подкреплялся только надеждой на то, что события не будут развиваться слишком быстро, этого ошибочного взгляда партия не могла изжить иначе как участием в народном движении 3—4 июля с лозунгом «Вся власть советам» и с задачей придать движению мирный и организованный характер». [35]

Движение 3—5 (16—18) июля вызвало бешеную ненависть к революционной массе в лагере меньшевиков и эсеров, ибо это движение нарушило спокойный ход закулисных министерских комбинаций по составлению нового кабинета. Первою их мыслью было стянуть верные им войска к Таврическому дворцу. Весь день 3 (16) июля был потрачен на концентрацию войск. За подписью Чхеидзе посылались приказы во многие войсковые части о присылке частей, всякого рода оружия вплоть до артиллерии и броневиков. [36]

---

[35] *Ленин.* Соч., т. XXI. стр. 138, изд. 2-е.

[36] Подробно об этом см. «Красный архив» № 18, стр. 16 — 18.

Как известно, эти призывы, за небольшим исключением, успеха не имели. Настроение войск в дни 3—4 (16—17) июля Войтинский обрисовал следующими словами:

«Мы разослали комиссаров по всем полкам с просьбой дать нам солдат для несения караула, чтобы охранять нас от нападения со стороны манифестантов и дать возможность спокойно вести заседание. Но каждый полк озирался на другой полк, как тот поступит. Первая часть, которая смело пришла к нам, был броневой дивизион». [37]

«Мы вызвали их, — продолжает Войтинский, — не демонстрировать броневики, а как боевую силу. У нас было твердое решение в случае насилия со стороны вооруженной банды открыть огонь. К вечеру к нам стали приходить вести от фронтовых армий. Они предлагали свою помощь. Мы колебались их вызвать, боясь рисковать ослаблением фронта, но видя всю опасность, грозящую революции, *мы дали приказ* (курсив мой — *О. Л.*) некоторым частям грузиться и направляться сюда».

В первый день выступления 3 (16) июля в Гельсингфорс был послан знаменитый приказ о потоплении революционных кораблей в том случае, если они двинутся по направлению к Петрограду. Все эти действия военных властей были согласованы с представителями ЦИК Авксентьевым и Гоцем, и на заседании 5 (18) июля пленум их полностью одобрил.

Для подавления «мятежа» и водворения порядка, для руководства разоружением революционных полков и отобранием оружия у рабочих постановлением Временного правительства от 6 (19) июля при командующем Петроградским военным округом была создана комиссия в составе: Авксентьева и Гоца от ЦИК, Скобелева и Чернова от Временного правительства и есаула А. И. Аникиева от Совета союза казачьих войск.

Таким образом за деятельность войск, за разгром газеты «Правда», за разгром типографии «Труд» и дома Кшесинской, за разоружение кронштадтцев, пулеметчиков, гренадер, Петропавловской крепости и другие бесчинства полную стопроцентную ответственность несут меньшевики и эсеры. Больше того, они не только одобряли, но и непосредственно руководили всеми этими действиями, и таким образом контрреволюция так умело повела дело и так использовала соглашателей, что они собственными руками, на радость буржуазии, душили революцию.

Меньшевики и эсеры всячески помогали Керенскому и буржуазии в их травле и борьбе с большевиками. На заседании ЦИК после июльских дней Дан заявил:

«То, к чему призывал нас т. Керенский, нами уже исполнено. Мы не только готовы поддержать Временное правительство, мы не только передали ему всю полноту власти, мы требуем, чтобы этой властью правительство пользовалось». [38]

Злорадству взбесившихся мелких буржуа после прекращения демонстраций не было конца. В соглашательских газетах писались прямо погромные статьи. В официальных партийных воззваниях смешивали большевиков и революционных рабочих с провокато-

---

[37] «Известия» от 11 июля 1917 г.

[38] Цитировано по газете «Новая жизнь» № 74.

рами, контрреволюционерами и германскими шпионами. Демонстрация 3—4 (16—17) июля перед зданием заседаний ЦИК изображалась как вооруженное нападение контрреволюционных банд на революционную демократию.

Для иллюстрации вышесказанного приведем несколько отрывков из произведений меньшевиков и эсеров в июльские и послеиюльские дни.

В прокламации от ЦИК Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов говорится:

«... вооруженные толпы взбунтовавшихся солдат вместе с тайными черносотенцами и изменниками в течение нескольких дней расстреливали безоружных мужчин, женщин и детей. Они оскорбляли министров-социалистов, производили вооруженное нападение за заседание Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов и силою оружия пытались навязать свою волю избранным вами представителям».

В центральном органе партии меньшевиков «Рабочей газете» 4 (17) июля была помещена погромная статья против партии пролетариата — большевиков. Нежелание солдат на фронте проливать свою кровь ради интересов империалистов названная газета шельмовала следующими словами:

«преступные личности, освобожденные уголовные, бывшие городовые и жандармы, немецкие шпионы и т. д. Эта преступная банда прикрывается «Правдой» и «Солдатской правдой», которые тоже изо-дня-в-день натравливают солдат против правительства и советов, против социалистических партий, против всех выборных органов демократии. Опираясь на «Правду», новоявленные «большевики» из агентов контрреволюции делают свое темное предательское дело».

Итак, начало полосы контрреволюции, разгрома рабочих газет и организаций, убийство, избиение и аресты революционных рабочих и солдат соглашательские «Известия» провозгласили как победу революции. А демонстрацию рабочих и солдат за власть советов квалифицировали как контрреволюцию, направленную против этих же советов. Таким образом, июльские дни ярко подчеркнули, что меньшевики и эсеры говорят на разных языках с рабочими и что на фронте гражданской войны они стоят на одной стороне баррикады с капиталистами против рабочих.

Кроме такой откровенной контрреволюционной работы, соглашатели вели также и другую скрытую работу по обработке общественного мнения в пользу контрреволюции. Известно, какое сильное впечатление произвело на политически мало развитую солдатскую массу состряпанное Временным правительством в штабе и опубликованное в желтой прессе Алексинским и Панкратовым известное гнусное, клеветническое обвинение большевиков и Ленина, будто бы они являются германскими шпионами.

Один из инициаторов этого гнусного обвинения, Бессарабов, объясняет, чем было вызвано опубликование этого «документа». Когда выяснилось, что у Временного правительства нет вооруженной силы в Петрограде, по его словам, было решено создать в полках психологический перелом, опубликовав «документ».

«Представителям Преображенского полка, ближайшего к штабу, была сообщена сущность документа: присутствующие убедились, какое

потрясающее впечатление произвело это сообщение. С этого момента стало ясно, каким могучим орудием располагает правительство».

Убедившись, что клевета действует, инициаторы взялись за работу. В результате ночной совместной «работы» социалистов с сотрудниками Щегловитова и с царскими генералами на утро 5 (18) июля в маленькой желтой газете «Живое слово» появился весьма странный документ, в котором говорилось, что

«... Офицеры германского генерального штаба Шидлицкий и Люберс ему (Ермоленко) сообщили, что агитацию в пользу скорейшего заключения мира в России ведут агенты германского штаба Скоропись-Иолтуховский и Ленин. Ленину германским штабом поручено стремиться всеми силами к подорванию престижа Временного правительства в народе. Деньги на агитацию получаются через Свентсона, служащего в Стокгольме при германском посольстве. Деньги и инструкции пересылаются через доверенных лиц. Согласно только-что поступившим сведениям, таковыми доверенными лицами являются в Стокгольме большевик Яков Фюрстенберг, известный более под фамилией Ганецкого, Парвус, доктор Гольдберг; присяжный поверенный большевик Козловский является главным получателем немецких денег, переводимых из Берлина через Газельмана на Стокгольм «Виа-Бага», а оттуда на Сибирский банк в Петрограде. Военной цензурой установлен непрерывный обмен телеграммами политического и денежного характера между германскими агентами и большевистскими лидерами». [39]

Нелепость и чудовищность этого «документа» была так очевидна, что даже буржуазные министры Некрасов и Терещенко протестовали против его опубликования. Некоторые буржуазные министры оказались «честнее» эсеров, непосредственно участвовавших в составлении «документа», и меньшевиков, которые хотя и не верили (заявление Дана и Либера) этому документу, но ради спасения коалиции и дискредитирования зловредных большевиков не принимали никаких мер против распространения этой чудовищной клеветы.

Можно считать документально установленным участие в этом чудовищном деле клеветы на партию большевиков следующих членов партии социалистов-революционеров: Керенского, Переверзева, Чернова, Лебедева, Гоца и Авксентьева. Меньшевики в этом деле играли роль пособников.

Весь этот «документ» построен на «показаниях» некоего прапорщика Ермоленко, будто бы «переброшенного» германцами 25 апреля через фронт с целью агитации в пользу заключения сепаратного мира с Германией. О личности этого героя необходимо сказать несколько слов. В «Июльском деле» помещен послужной список Ермоленко, из которого видно, что он в период от Японской войны до 1913 г. служил в контрразведке. В 1914 г. Ермоленко поступил на военную службу и, находясь в плену, вел полицейскую слежку за военнопленными в концентрационных лагерях. Потом этот субъект «по настоянию товарищей» поступил якобы на службу к германцам. Этот интернациональный шпион был главным свидетелем против партии большевиков.

Для юстиции Временного правительства было ясно, что на основе малограмотных показаний Ермоленко никакого дела против боль-

[39] Цитировано по «Красной летописи» № 6, 1923 г.

шевиков состряпать не удастся. Поэтому отправились на поиски за другими свидетелями. Было допрошено много лиц: офицеров, генералов, охранников, коммерсантов, черносотенцев, кадетов, меньшевиков, эсеров и других. Но никто ничего подтверждающего связь Ленина с германским штабом показать не мог.

Когда оказалось, что непосредственно против Ленина нет никаких компрометирующих материалов, тогда юристы керенщины решили как-нибудь связать Ленина с германским штабом через третьих лиц. Была создана версия, что Ганецкий поддерживает связь с германским агентом Парвусом, а большевики поддерживают связь с Ганецким и его торговым представителем Козловским. Были арестованы т. Козловский и г-ка Суменсон (Суменсон совместно с Ганецким вели торговлю, при них юрисконсультом состоял Козловский); были взяты все документы и торговые книги у Суменсон и Козловского; из этих документов было видно, что Суменсон вела успешные торговые операции, но не больше. Несмотря на старание юристов Керенского найти измену, ничего компрометирующего обнаружено не было, и в виду отсутствия улик гр-ка Суменсон и т. Козловский были выпущены из тюрьмы под залог. Оказалось, что все дело шито белыми нитками. В глазах истории оно осталось памятником, иллюстрирующим лишний раз ложь о независимости и справедливости буржуазного суда.

Необходимо отметить, что, несмотря на отсутствие факта, если бы только буржуазии удалось победить, она не побрезговала бы судить большевиков на основании тех «фактов», на которых был построен обвинительный акт.

Ярким примером к подтверждению сказанного является состряпанный фашистами в Германии процесс о поджоге рейхстага. Там, так же как и в России в 1917 г., нашелся своей Ермоленко—провокатор Ван-дер-люббе, с помощью которого фашисты и хотят разгромить компартию.

Если судебное следствие за отсутствием других материалов должно было все обвинение построить на показаниях Ермоленко, Алексинского, которого как клеветника и бесчестного человека даже меньшевики и эсеры не допустили в Исполком Совета, которого Дан называл «бесчестным клеветником», и на показаниях Бурштейна, о котором даже контрразведка писала как о темном субъекте, то говорить о правильном судебном ведении дела могли лишь тупоумные лицемеры или люди, насквозь до глупости пропитанные конституционными иллюзиями.

К суду требовала Ленина вся буржуазная свора, в том числе меньшевики и эсеры, а за ними и левейший из них новожизненец Суханов. В своих записках последний пишет, что имелись все гарантии для беспристрастного разбирательства, что он по крайней мере считал, что жизнь и здоровье Ленина в случае явки к следователю Александрову находились в абсолютной безопасности. «Ни о самосуде, ни о каторге не могло быть и речи».[40]

К сожалению, подобные настроения нашли место и среди некото-

[40] *Н. Суханов.* «Записки», т. IV, стр. 481.

рых членов большевистской партии. Тов. Орджоникидзе пишет, что т. Ногин и другие московские товарищи высказывались за явку Ленина на суд. Решительно против явки выступил т. Сталин, который считал, что «юнкера до тюрьмы не доведут, убьют по дороге».[41] Благодаря настойчивости т. Сталина был спасен Ленин.

По вопросу о явке на суд велись переговоры с членом президиума ЦИК Анисимовым, от которого потребовали гарантии безопасности для Ленина, но Анисимов никаких гарантий дать не мог, потому что не было известно, в чьих руках назавтра будет он сам, ибо контрреволюционное офицерство действовало во-всю. После выяснения всех обстоятельств дела т. Ногин согласился с тем, что Ленину невозможно в данных условиях явиться на суд.

Необходимо отметить, что даже на VI съезде партии некоторые товарищи требовали явки Ленина на суд Временного правительства. Они развивали мысль, что мы на этом процессе, на этом «деле Дрейфуса» сможем развернуть такую кампанию, что на скамью подсудимых посадим самих обвинителей. Но эти взгляды на съезде поддержки не встретили, и съездом единогласно была принята предложенная резолюция, признавшая невозможной явку Ленина на суд правительства, восстанавливающего нравы щегловитовской юстиции.

На какой точке зрения по вопросу о явке в суд стоял Ленин? Тов. Орджоникидзе пишет, что Ильич был против явки на суд, но его, как человека кристальнейшей нравственной чистоты, смущали суждения т. Ногина и пущенный провокаторами слух о причастности Ленина к охранке. Вследствие всех этих обстоятельств Ленин одно время против своей воли был готов явиться к властям и только по настоянию т. Сталина от этого шага отказался. Правильность слов т. Орджоникидзе подтверждает статья самого Ленина. В этой статье Ленин пишет:

> «Суд есть орган власти. Это забывают иногда либералы. Марксисту грех забывать это.
>
> А где власть? Кто власть?
>
> Правительства нет. Оно меняется ежедневно. Оно бездействует.
>
> Действует военная диктатура. О «суде» тут смешно и говорить. Дело не в «суде», а *в эпизоде гражданской войны*. Вот него напрасно не хотят видеть сторонники явки...
>
> Я не сделал ничего противозаконного. Суд справедлив. Суд разберет. Суд будет гласный. Народ поймет. Я явлюсь».
>
> Это рассуждение наивно до ребячества. Не суд, а травля интернационалистов, вот что *нужно власти*. Засадить их и держать — вот что надо гг. Керенскому и К-о. Так было (в Англии и Франции), так будет (в России).[42]

Ясность мысли Ленина по этому вопросу так поразительна, что в комментариях не нуждается. Последние слова Ленина «так будет (в России)» сбылись полностью. После ареста ряда партийных работников Временное правительство засадило в тюрьму Луначарского и Коллонтай. Если бы не нараставшая революционная волна и Октябрьская революция, то всех арестованных Временное правительство наверное сослало бы на каторгу и в ссылку.

---

[41] *С. Орджоникидзе*. «Сб. о Ленине», стр. 101.
[42] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 24, изд. 2-е.

В борьбе с большевистской партией меньшевики и эсеры не брезговали никакими средствами. Сторонников пролетарской революции они готовы были стереть в порошок и в борьбе против них допускали всякую гнусность.

Связавшись с буржуазией, они не видели никакого другого выхода как поддерживать буржуазию решительно по всем важнейшим вопросам революции. По вопросу о войне и взятии власти советами Дан говорил:

> «У нас нет чудодейственного средства окончить войну... Для нас в данный момент война неизбежна в той или иной комбинации, мы не можем, не в силах заключить мир. Дав такое обещание, мы обманули бы страну. Раз война продолжается, то мы не можем обещать чудодейственных рецептов и в области экономической жизни: мы немногим больше можем дать, чем то, что в этой области дано коалиционным правительством... Если штыки, стоящие вокруг нас, привели к взгляду, что пришел час, когда Совету рабочих и солдатских депутатов пора брать власть в свои руки, то мы, ответственные представители, власти этой взять не можем и ответственность с себя снимаем». [43]

Вожди советского большинства меньшевики и эсеры считали, что разрыв с англо-французским империализмом недопустим, что разрыв есть измена и предательство. После июльских дней, под давлением союзных империалистов, они от имени Временного правительства издали постановление, в котором говорилось, что агитация против наступления на фронте карается как государственная измена. По вопросам о власти, о земле, о контроле над производством — по всем этим коренным вопросам революции — они были против решения их в интересах трудящихся; они хотели все эти вопросы решить по соглашению с буржуазией и помещиками.

> «Партии эсеров и меньшевиков могли бы дать России не мало реформ по соглашению с буржуазией. Но объективное положение в мировой политике революционно, из него реформами *не выйдешь*». [44]

Вожди мелкобуржуазных партий меньшевики и эсеры в июльские дни окончательно и бесповоротно перешли в лагерь буржуазии. Меньшевики-интернационалисты продолжали колебаться. Мартов на заседании ЦИК 4 июля требовал передачи власти советам, конечно вкладывая в понятие власть советов совершенно другое содержание, чем большевики. Немного позже на Петроградской конференции меньшевиков (вкупе с Даном и Церетели) он уже примирился с коалицией, *но только с теми буржуазными группами, которые готовы проводить программу советов*(?!). Новожизненцы считали выступление рабочих и солдат возмутительным легкомыслием, Суханов считал разоружение солдат и разгром большевиков вполне справедливым. Он требовал явки Ленина на суд и т. д. Одни только левые эсеры в июльские дни были недовольны политикой эсеровского ЦИК и по некоторым вопросам приблизились к большевикам, но организационно они с эсерами не порвали. После июльских дней начался распад партии эсеров.

[3] «Пролетарская революция» № 5, 1926 г., стр. 14.
[44] *Ленин.* Соч., т. XIV, ч. I, стр. 295.

Мы уже видели, что не только столица, но и вся провинция к концу июня была охвачена стихийными бунтами. Недовольство масс политикой коалиционного правительства было сильно во всей стране. В Гельсингфорсе в связи с телеграммой помощника военного министра капитана Дудорова, предписывавшего подводным лодкам потопить те корабли, которые осмелятся оказать поддержку питерскому пролетариату, возмущению и негодованию матросской массы не было предела. На собрании общественных и партийных организаций была принята резолюция, требовавшая перехода всей власти в руки ЦК.

После подавления петроградской демонстрации и ареста делегации Балтфлота, посланной в Петроград с вышеуказанной резолюцией, гельсингфорсские меньшевики и эсеры забыли только-что принятую резолюцию и начали проводить свою прежнюю контрреволюционную политику. В Гельсингфорсе наступила новая полоса реакции, продолжавшаяся, правда, недолго.

Одновременно с демонстрацией в Петрограде произошли демонстрации и беспорядки в Нижнем Новгороде, Иваново-Вознесенске, Киеве, Астрахани и других городах. Только там движение, за исключением Москвы и Иваново-Вознесенска, где движение приняло характер восстания рабочих, носило своеобразный характер солдатских бунтов и не имело такой силы, как в Петрограде. События 3—5 июля в Петрограде эхом прокатились по всей стране и имели, смотря по соотношению классовых сил в том или ином городе, то революционный, то контрреволюционный характер.

Как только в Москве стало известно о событиях в Петрограде, немедленно было созвано объединенное заседание президиумов совета рабочих депутатов и совета солдатских депутатов, на котором было принято решение, запрещавшее всякие уличные митинги и демонстрации.

После заседания президиумов было созвано экстренное пленарное заседание советов рабочих и солдатских депутатов. После нескольких часов горячих прений пленум утвердил постановление президиумов о воспрещении демонстрации. Несмотря на эти запрещения, по инициативе партии большевиков демонстрация состоялась.

В этот же день были попытки со стороны контрреволюционеров избить демонстрантов и разгромить большевистскую газету «Социал-демократ».

После июльских дней в Москве началась полоса бешеной травли большевиков, в которой принимали участие меньшевики и эсеры. Но рабочие Москвы держались стойко, и партия большевиков в борьбе против керенщины твердо опиралась на московских рабочих.

В Московской области в крестьянских районах после июльских дней большевистская работа заметно приостановилась.

Более интересны, чем в Москве, события 4—6 (17—19) июля в Иваново-Вознесенске. Там напор рабочей массы был так силен, что власть в эти дни фактически оказалась в руках советов, был установлен контроль на телеграфе, состоялась мощная демонстрация.

Июльские события в провинции имели разное отражение. Где

большевистское влияние было сильно, там эти события носили более организованный характер. Яркий пример этого дают события в Иваново-Вознесенске, где власть фактически перешла в руки совета.

После июльских событий волна репрессий и контрреволюционных выступлений против большевиков прокатилась по всей стране. В тех местах, где большевистские организации были сильны, противобольшевистская агитация успеха не имела, где влияние партии было слабо, там на время торжествовали меньшевики и эсеры. Клевета, пущенная о связи Ленина с германским штабом, кое-где имела успех, но не среди рабочих, а среди мелкой буржуазии.

Попытки устроить большевистские погромы имели место в Грозном, Таганроге и других местах. Тов. Анисимов на VI съезде партии большевиков говорил, что в Грозном была организована тайная лига — «Общество борьбы с большевиками». Тов. Кавтарадзе на том же съезде говорил, что большевистское влияние было сильно среди войск тифлисского гарнизона. Но меньшевики совместно с командованием вывели эти войска из города и заменили совсем иными полками. Рабочие массы Тифлиса были настроены оппортунистически. Травлю против большевиков начал Тифлисский исполнительный комитет советов, который не допускал распространения «Правды» и на каждом своем заседании ставил вопрос о закрытии «Кавказского рабочего».

В Поволжье после июльских событий первое время господствовали растерянность и даже некоторый отлив рабочих из наших организаций.

Для усмирения красного Царицына из Саратова была отправлена школа прапорщиков, которая по прибытии в Царицын закрыла большевистскую газету и арестовала местных большевистских лидеров.

На Урале события 3—5 (16—18) июля отрицательного действия не имели. По сведениям газеты «Новая жизнь» № 70, в Екатеринбурге 8 (21) июля на экстренном заседании Совета рабочих и солдатских депутатов была вынесена резолюции о передаче власти советам.

Рабочие и солдаты всюду принимали известия о выступлении Петрограда с энтузиазмом, а если кое-где соглашателям удавалось обманным путем среди менее сознательных рабочих проводить резолюции, формально осуждавшие большевиков, то по существу эти резолюции были направлены против всей политики соглашателей.

Итак, июльские события в Петрограде вызывали живой отклик решительно во всех слоях населения. Симпатии большинства рабочих и солдат были на стороне петроградцев. Кое-где произошли попытки с оружием в руках поддержать Петроград. Мелкобуржуазные партии — меньшевики и эсеры — совместно с буржуазией и командным составом всюду выступали против рабочих и солдат, усмиряли и разоружали их и распространяли гнусную клевету про партию большевиков. За свою деятельность они получали благословение духовенства, которое считало, что политика Временного правительства «соответствует евангельскому учению о любви к ближнему». [45]

---

[45] Телеграмма из города Верного.

Только партия большевиков, несмотря на бешеную травлю и грязь, которой обливали ее вождей, продолжала стойко защищать интересы рабочих и солдат, выступивших против ее воли. Поэтому она и заслужила безграничное доверие трудящихся масс страны.

Июльская демонстрация была последней попыткой принудить Советы мирно взять государственную власть в свои руки. Но руководящие советские партии — меньшевики и эсеры — от этого отказались. Демонстрантов за советскую власть они объявили врагами Советов и находившуюся уже в их руках фактическую власть мирно уступили контрреволюционному генералитету.

Июльские дни подвели итог мирному этапу революции, начался новый период революции, период острой классовой борьбы, переходящий в гражданскую войну; в соответствии с изменившимися условиями должна была измениться и тактика большевистской партии. Вопросы тактики в новом периоде революции стали предметом обсуждения на возобновлявшейся Второй общегородской петроградской партийной конференции и были решены на VI съезде партии.

Б. Прокофьев

VI СЪЕЗД ПАРТИИ И КУРС НА ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Каждый съезд нашей партии является событием большого исторического значения не только для русского рабочего движения, но и для мирового.

Если III съезд нашей партии был первым большевистским съездом подготовки буржуазно-демократической революции, в меру успехов перерастающей в пролетарскую, то VI съезд был первым большевистским съездом подготовки социалистической революции, попутно, мимоходом решающей вопросы буржуазно-демократической революции. VI большевистский съезд [8 — 16 августа (26 июля — 3 августа) 1917 г.] наметил конкретную программу и тактику захвата власти пролетариатом в союзе с беднейшим крестьянством при нейтрализации середняка и этим обеспечил победу Октября. Совершенно очевидна интернациональная значимость изучения, освещения и популяризации этого съезда.

Однако наша историческая литература не может похвастаться богатством работ о VI съезде партии. Враждебные же нам «историки» прямо замалчивают, игнорируют большевистский съезд. У Троцкого ни в его брошюре «Октябрьская революция», ни в его «Уроках Октября» нет ни слова о VI съезде. Троцкистская теория перевооружения большевизма в 1917 г. в свете работ и решений VI съезда выглядит как жалкая клевета обанкротившегося политикана. Поэтому Троцкий обходит VI съезд, как вор место своей последней кражи. VI съезд разоблачает легенду об особой роли Троцкого в Октябрьской революции и показывает во весь гигантский рост партию большевиков и ЦК во главе с тт. Лениным и Сталиным.

Старая большевистская гвардия была основным костяком VI съезда партии. Из 157 делегатов с решающим голосом и 107 с совещательным голосом на съезде присутствовало лишь 4, вступивших в партию во время революции, 10 во время войны, около одной четверти общего числа начали свою работу до 1905 г. Средний большевистский стаж равнялся восьми годам и трем месяцам. В среднем на каждого члена съезда приходится 1 год 6 месяцев тюремного заключения, 8 месяцев ссылки, 5 месяцев поселения, 3 месяца каторги, 3—4 ареста; только 79 членов съезда революция застала на воле. Наибольшее представительство имела Петроградская область — 43 делегата с решающим голосом, из них 4 человека из Междурайонной организации, дальше шла Центральная промышленная область — 29 деле-

гатов, Урал — 20 делегатов и т. д. VI съезд партии представлял 162 организации и 240 тыс. членов партии. За три месяца после апрельской конференции партия, следовательно, выросла втрое.

Съезд вел свои работы полулегально, меняя квартиры заседаний, переезжая с Выборгской стороны за Нарвскую заставу, ожидая возможных арестов. Временное правительство вынесло специальное решение о предоставлении министру-председателю права закрывать по своему усмотрению съезды и собрания. Ильич, не присутствуя на съезде, руководил им из подполья.

> «Пока охранники, собаки и сыщики, — писал т. Шотман, — были заняты поисками Ленина, я — изысканием способа надежной переправы через границу, сам Ленин был занят... работой VI съезда партии большевиков, которым он руководил из своего весьма неудобного убежища».

Написанная т. Лениным под Сестрорецком у стога сена брошюра «К лозунгам» сыграла громадную роль как в деле идейной подготовки VI съезда, так и на самом съезде. В этой брошюре, а также в статьях «Три кризиса», «Ответ», «Начало бонапартизма» Ильич дал оценку текущего момента, наметил послеиюльскую тактику и лозунги партии.

Оценивая сложившуюся обстановку, т. Ленин в статье «Ответ» писал:

> «Движение 3 и 4 июля было последней попыткой путем манифестации побудить советы взять власть. С этого момента советы, т. е. господствующие в них эсеры и меньшевики, фактически передают власть контрреволюции, представляемой кадетами и поддерживаемой эсерами и меньшевиками. Теперь мирное развитие революции в России уже невозможно, и вопрос историей поставлен так: либо победа контрреволюции, либо новая революция». [1]

«Министерство Керенского, — писал Ленин, — несомненно, есть министерство первых шагов бонапартизма».[2]

Указывая на невозможность мирного развития революции, Ильич ориентировал партию и рабочий класс на неизбежность краха контрреволюции, бонапартизма, его разгрома при условии завоевания большинства масс нашей партией и успешного вооруженного восстания.

Изменение в соотношении классовых сил влечет за собою и изменения в лозунгах партии. Ильич, гениально учитывавший изменившуюся обстановку, первый указал на несоответствие *сложившимся условиям* старого лозунга: «Вся власть советам», на необходимость его смены.

> «Лозунг перехода власти советам,— писал Ильич в статье «К лозунгам», — звучал бы теперь, как донкихотство или как насмешка. Этот лозунг объективно был бы обманом народа, внушением ему иллюзий, будто советам и *теперь* достаточно пожелать взять власть или постановить это для получения власти...
>
> ... Суть дела состоит в том, что власть нельзя уже сейчас мирно взять. Ее можно получить только победив в решительной борьбе против действительных обладателей власти в данный момент, именно военную шайку кавеньяков...

---

[1] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 45, изд. 3-е.
[2] Там же, стр. 60.

> Власть у пролетариата, поддержка его беднейшим крестьянством или полупролетариатом — вот единственный выход. Советы могут и должны будут появиться в этой новой революции, но *не* теперешние советы, не органы соглашательства с буржуазией, а органы революционной борьбы с ней. Что мы и тогда будем за построение всего государства по типу советов, это так. Это не вопрос о советах вообще, а вопрос о борьбе *с данной* контрреволюцией и с предательством *данных* советов. [3]

Товарищ Ленин, не присутствуя на съезде, из подполья руководил работой съезда. Непосредственно работа съезда проходила под руководством ближайшего соратника и лучшего ученика Ленина— т. Сталина.

Первый доклад, естественно, принадлежал петроградской организации. Это было не освещение местной жизни большого города с мощным пролетариатом, а отчет революционного центра России, за жизнью которого следит вся Россия, всякий шаг которого является примером. Тов. Володарский, указав на всероссийскую роль питерской организации в доиюльский и послеиюльский период, отметил ее рост с I конференции с 16 тыс. членов партии до 36 тыс., дал характеристику партийного руководства питерским пролетариатом, добившегося изоляции контрреволюционного блока меньшевиков и эсеров. Эти успехи выявились в июльские дни; меньшевики и эсеры потеряли в основном свои позиции в профсоюзах, фабзавкомах, под большевистским влиянием находились основные массы молодежи, была завоевана большевиками рабочая секция Питерского совета. Меньшевистско-эсеровский блок имел еще большинство в Питерском совете, вследствие неравномерного представительства рабочих и солдат (500 тыс. рабочих посылали меньше представителей, чем 100 тыс. солдат), а также вследствие разгрома революционных полков.

В докладе т. Володарского отразились трения между ЦК и ПК по вопросу о создании особого печатного органа ПК. «Наша организация, — заявил т. Володарский, — могла бы сделать гораздо больше, если бы мы не были связаны известным решением, что вся питерская работа ведется ЦК... Наша организация, составляющая $^1/_5$ всей партии, не может обойтись без своего органа». [4]

Особая газета ПК могла бы породить, в силу руководящего значения столицы для всей страны, различие линий, что бесспорно принесло бы колоссальный вред, это раздробило бы наши партийно-литературные силы; необходимость особой газеты ПК исключалась наличием центрального органа партии в Питере и предложением ЦК создать популярную газету под той же редакцией ЦО.

> «Несправедливо и неправильно, — писал Владимир Ильич еще в мае петроградской организации, — претендовать на то, чтобы ЦК не имел предоставленного ему на съезде партии права *руководить работой* в партии вообще и в столице особенно». [5]

Поэтому приведенное место доклада т. Володарского вызвало справедливый отпор со стороны группы (9 человек) петербургских

[3] *Ленин* Соч., т. XXI, стр. 35, 38, изд. 3-е.
[4] Протоколы VI съезда, 1927 г., стр. 47.
[5] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 456, изд. 3-е.

работников, заявивших, что они не разделяют той части доклада, которая касается взаимоотношений ПК и ЦК.

Доклады с мест показали, что события 3 — 5 июля, переход эсеров и меньшевиков в лагерь контрреволюции, привели к отходу революционных элементов к большевикам, росту влияния партии, расколу в ряде организаций с оборонцами (минская организация, Московская область и др.). Рост большевистского влияния на массы не всегда мог быть закреплен организационно вследствие недостатка партийных сил. Тов. Каминский, председатель Донбасса, указывал на недостаток партийных работников, т. Подбельский, делегат Московской области, сообщил о секретарском кризисе в районных коллективах, т. Мостовенко, делегат Румынского фронта, говорил, что солдаты, приветствовавшие большевистскую программу, после 3—5 июля легче поддавались влиянию контрреволюционной провокации вследствие недостатка партийных сил и невозможности поэтому дать необходимый отпор погромной агитации меньшевиков и эсеров; подобные завления были со стороны и других партийных организаций.

Выступления делегатов показали, что большевики еще далеко не завоевали большинства солдат на фронте и деревню, несмотря на огромную работу, проделанную всей партией и военной организацией. Еще не во всех промышленных центрах большинство рабочих шло за большевиками, но рост влияния нашей партии был обеспечен ее работой и всем ходом революции. «Солдатскую правду» зачитывали на фронте до дыр, наши враги ее сжигали, стремясь не допустить на фронт; слово «большевик» еще было пугалом среди украинских крестьян, но идеи большевизма там были жизненны, рабочие массы отходили от меньшевиков и эсеров.

Большевики еще не имели большинства в стране, но они уже имели большинство на некоторых решающих участках — среди рабочих Петрограда, в Кронштадте. 12-я армия находилась под безраздельным влиянием большевиков, штаб боялся, что она станет Красной армией; делегат этой армии с уверенностью заявлял VI съезду партии, что 12-я армия станет Красной армией.

Вошедшая на съезде в нашу партию междурайонная организация еще полностью не освободилась от полуменьшевистского груза, как это показали выступления представителей этой организации.

Тов. Юренев в своем выступлении заявил:

«Между нами и ликвидаторами та разница, что ликвидаторы говорили: «нет партии и не надо партии», а мы говорили: партии нет— да здравствует партия»... «Несбходимость строить партию сызнова диктовалась тем, что ЦК и ОК были за границей и были оторваны от широких масс»... Если т. Юренев упоминал о разнице между ликвидаторами и междурайонцами, то следовало бы сказать о *сходстве* между ними, которое выразилось в отрицании существования большевистской партии, в обвинении большевиков в отрыве от масс и проповеди «сызнова» создать партию рабочего класса. Тов. Юренев на съезде квалифицировал большевистскую партийность, непримиримость, как безудержный фракционизм. Он не освободился еще от некоторой идеализации меньшевиков, когда утверждал, «что недалек тот момент, когда меньшевики перестанут пугаться жупела

большевизма и объединятся со всеми нами под знаменем Интернационала». [6]

Партия принимала в свои ряды лишь группы, порвавшие с оборонцами и ставшие на позиции большевизма в основных вопросах. Партия была настолько сильна, что отдельные «вывихи» одиночек или даже групп в процессе работы, борьбы, были бы выправлены, а оппортунистические элементы отметены. Жалкой иллюзией звучат слова Троцкого на конференции междурайонцев, будто бы «большевизм разбольшевичился». Вся последующая история революции развенчала троцкизм, скатившийся со ступеньки на ступеньку до авангарда контрреволюционной мировой буржуазии, она развеяла, как мираж, пустые надежды троцкистов завоевать партию изнутри, она привела к окончательному переходу к большевизму революционных элементов и к отсечению верных троцкистскому знамени групп. Все попытки создать в нашей партии группировки и фракции закончились крахом. В условиях диктатуры пролетариата могут существовать, как известно, две партии лишь при условии, когда одна из них будет заседать в Совнаркоме, а другая — в тюрьме, ибо две партии — это значит и две власти, два правительства. Не может быть организационного единства без единства идейного в большевистской партии.

С докладом о политической деятельности ЦК выступил И. В. Сталин. Тов. Сталин указал, что основным фактом, определившим всю деятельность ЦК, была установка на перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую, что наша революция «стала принимать характер социалистической рабочей революции». Основными лозунгами, с которыми шла партия, были: «Вся власть советам», «Контроль над производством» и «Конфискация земли». Эти лозунги, проверенные всем ходом революции, воодушевляли рабочие и крестьянские массы на развитие революции. Тов. Сталин в своем докладе дал исчерпывающий ленинский анализ деятельности ЦК на основных этапах революции, начиная с образования 6 мая коалиционного правительства: события 10 (23) июня, демонстрация 10 (18) июня и события 3 — 4 (16 — 18) июля.

В развернувшихся прениях по докладу выступил т. Ногин, который, правда, не развернул программы правых, но заявил, что в деятельности ЦК было много ошибок и промахов, и сделал в конце речи вывод о неправильности тактической линии партии. «Если мы создадим, — говорит т. Ногин, — даже идеальную организацию ЦК, но наша тактическая линия будет плоха, то все будет плохо. Мы должны признать, что во всей нашей деятельности было что-то неправильное». Робкая, но явно непартийная критика говорила, что правые еще не сложили оружия и продолжали борьбу.

Некоторые товарищи полагали, что, отменив демонстрацию 9—10 (22 — 23) июня, «ЦК нашей партии как бы капитулировал перед всем съездом советов». Это было явное непонимание тактического маневра партии, стремившейся предотвратить преждевременное выступление масс в невыгодных условиях и разгром демонстрации.

[6] Эти и все последующие цитаты приведены из протоколов VI съезда, 1927 г.

Ошибочным было утверждение т. Преображенского, что доклад т. Сталина являлся по существу докладом ПК. Оно смазывало подлинную руководящую роль ЦК, показывало непонимание всероссийской роли Петрограда, где куется политика России, где революция развивается большими темпами, нежели в провинции, и дает образцы всей России. Подавляющая масса выступающих делегатов одобряла линию ЦК.

В принятой резолюции съезд РСДРП постановляет: «1) утвердить отчет ЦК и 2) одобрить работу ЦК в деле руководства политической деятельностью РСДРП и политическими выступлениями рабочего класса».

Резолюция принимается всеми при пяти воздержавшихся.

Центральным вопросом съезда, захватившим основное внимание делегатов, был вопрос о текущем моменте, разбитый на три части: о международном положении (докладчик т. Бухарин), о политическом положении (докладчик т. Сталин) и об экономическом положении (докладчик т. Милютин).

Отметив, что империалистическая война, несмотря на обессиление сторон, принимает все более затяжной характер со вступлением в войну Америки и Китая, т. Бухарин указал на намерение буржуазии путем продолжения войны подавить революционное движение внутри страны, опираясь на военную диктатуру и используя раздробление сил международного пролетариата.

Мировая буржуазия хорошо понимала и учитывала революционизирующее влияние русской революции на международный пролетариат, опасность выступления масс против войны и империализма. Если революция в 1905 г. нашла отклик на Западе и Востоке, то тем более следовало ожидать развития революционного движения в 1917 г.

Качественное отличие революции 1905 года от революции 1917 года т. Бухарин видел лишь в том, что последняя произошла в обстановке войны и характеризуется широтой размаха. Развивая эту мысль, в докладе т. Бухарин утверждал, что в ближайшем будущем предстоит победа крестьянско-пролетарской революции, и тем самым давал установку не на пролетарскую революцию в России, а на буржуазно-демократическую. Дальнейшую перспективу развития пролетарской революции т. Бухарин связывал с революционной войной, разжигающей пожар мировой социалистической революции. Таким образом, еще в 1917 году проявились взгляды, которые т. Бухарин развил во всей широте, возглавляя фракцию «левых» коммунистов в 1918 году. Переход к пролетарской революции в России по Бухарину ознаменовался бы отходом получившего землю крестьянства в лагерь контрреволюции, и союзником российского пролетариата оказался бы тогда только пролетариат Западной Европы. Итак, знакомая троцкистская схема теории перманентной революции выглядывала из бухаринской «теории».

Тов. Сталин в своем выступлении дал убийственную критику оппортунистической точки зрения т. Бухарина. «В чем перспектива т. Бухарина? — говорил т. Сталин. — Его анализ неверен в самой основе. По его мнению, в первом этапе мы идем к крестьянской рево-

люции. Но ведь она не может не встретиться, не совпасть с рабочей революцией. Не может быть, чтобы рабочий класс, составляющий авангард революции, не боролся вместе с тем за свои собственные требования. Поэтому я считаю схему т. Бухарина непродуманной.

Второй этап по т. Бухарину — революция пролетарская при поддержке Западной Европы без крестьян, которые получили землю и удовлетворились. Но против кого направлена эта революция? Тов. Бухарин в своей игрушечной схеме не дает на это ответа».

Вместо ленинской установки на пролетарскую революцию, мимоходом разрешающую задачи буржуазно-демократической революции, т. Бухарин механистически отделял одну революцию от другой; вместо живого процесса развития революции получилась «игрушечная схема». Тов. Бухарин не считал предстоящую революцию социалистической и со всею определенностью заявил об этом в ответе т. Савельеву при утверждении резолюции «Текущий момент и война».

Совершенно верно показал т. Бухарин на примере русской революции крах аргументации социал-патриотов, сводившейся к тому, что во время войны немыслима никакая классовая борьба. Докладчик указал на единый фронт международной и русской буржуазии, представляемой кадетами, в вопросе о продолжении империалистической войны, на то, что вопрос о наступлении есть поворотный пункт в истории русской революции, что оно было предпринято не только по желанию русской буржуазии, но также по нажиму кнопки банкирских контор Антанты. Буржуазия рассчитывала на успех наступления, но в случае его неудачи всегда можно было поднять дикий вой против большевиков.

Переходя к оценке создавшегося соотношения сил внутри России, т. Бухарин полагал, что заключен блок империалистов со всею мелкой буржуазией, игнорируя таким образом тот факт, что блок с крупной буржуазией беднейшее крестьянство не заключало. Отмечая нивеллировку экономическую и политическую в развитии стран Западной Европы и России, т. Бухарин совершенно не видел неравномерности экономического и политического развития капитализма, наличие еще значительных докапиталистических форм хозяйства в России и, следовательно, своеобразия русских условий и хода революции в России.

Съезд, учитывая, что т. Бухарин в докладе о международном положении, в оценке перспектив революции и ее движущих сил дал небольшевистские установки, решил принять резолюцию о «Текущем моменте и войне» лишь после доклада т. Сталина о политическом положении.

В резолюции съезда была дана ясная установка на пролетарскую революцию, захват власти, подчеркнуто дифференцированное отношение большевиков к крестьянству, международное значение нашей революции и снята бухаринская трактовка нивеллировки.

Доклад т. Сталина, развивавшего взгляды, высказанные т. Лениным в статьях о политическом положении, сыграл решающую роль в деле проведения ленинской линии на съезде в вопросе о перспективах революции, движущих силах и тактических лозунгах партии. Начав с характеристики движущих сил Февральской рево-

люции, докладчик перешел к анализу всего хода революции и ее современного этапа.

Тов. Сталин дал в своем докладе твердую установку на подготовку вооруженного восстания.

Рабочий класс и беднейшее крестьянство шли на революцию, чтобы покончить с войной и свалить помещиков и буржуазию, в то время как русская буржуазия и союзный капитал «повернулись спиной к царизму», и то в течение чрезвычайно короткого времени, лишь для победоносного завершения империалистической войны. Это основное противоречие вскрылось в кризисе 20 — 21 апреля (3 — 4 мая).

Образовавшееся коалиционное правительство было самым лучшим средством «в руках буржуазии, для того чтобы одурманить массы и вести их дальше за собою», чтобы мобилизовать силы контрреволюции сверху и снизу. Продолжение империалистической войны, рост экономической разрухи толкали массы под руководством партии на путь развития революции. «Революция врывается в сельскохозяйственную сферу — ставит вопрос не только о конфискации земли, но и о конфискации инвентаря, живого и мертвого... Таким образом, тот факт, что у нас революция развивалась и шла вперед, толкал нас на путь необходимости перешагнуть через революцию буржуазную к революции социалистической».

Тов. Сталин обрушился со всею силой на товарищей, которые утверждали, «что так как у нас капитализм слабо развит, то утопично ставить вопрос о социалистической революции».

В условиях войны, разрухи, когда расшатаны основы народного хозяйства, со всей необходимостью ставился вопрос о вмешательстве государства в хозяйственную сферу. Свобода, какой не бывало в условиях войны ни в одной стране, кроме России, громадная организованность рабочих, наличие таких широких организаций, как советы рабочих и солдатских депутатов, — «все это исключало возможность невмешательства рабочих масс в хозяйственную жизнь. В этом реальная основа постановки вопроса о социалистической революции у нас, в России. Поскольку рабочие замешиваются активно в процесс организации контроля, обмена, постольку у нас ставится практический вопрос о социалистической революции».

Революция шагнула далеко вперед, возбудила бдительность контрреволюции, и это было первым фактором мобилизации контрреволюции.

Вторым фактором, окрылившим контрреволюцию, была потеря всякого престижа власти в связи с начатой политикой наступления на фронте и целого ряда прорывов на фронте.

Третий фактор, усиливший контрреволюционные силы в России, — союзный капитал, закрывший свой кошелек перед носом коалиционного Временного правительства и соглашавшийся субсидировать лишь при условии реального осуществления империалистической политики. Перед Россией было два пути: либо прекращение войны и начало рабочей революции, либо продолжение войны и торжество контрреволюции.

Контрреволюция обнаглела, и выступление 3 — 4 июля являлось

ответом революционных масс. Большевики предлагали 3 июля единый фронт против контрреволюции, это выражалось лозунгом «Вся власть советам». Меньшевики и эсеры ответили переходом в лагерь контрреволюции, стали предателями революции.

«Что такое Временное правительство? — спрашивает т. Сталин и отвечает: — Это — чучело, это — жалкая ширма, за которой стоят кадеты, военная клика и союзный капитал... Если бы «социалистические» министры не были в правительстве, быть может, контрреволюционеры были бы уже свергнуты».

Ни один вопрос революции еще не был разрешен, не были удовлетворены основные требования масс и поэтому «подземные силы революции» не дремали.

«И если контрреволюционерам удастся продержаться месяц-другой, — говорит т. Сталин, — то только потому, что принцип коалиции не изжит... Но поскольку развиваются силы революции, взрывы будут, и *настанет момент, когда рабочие поднимут* и сплотят вокруг себя бедные слои крестьянства, *поднимут знамя рабочей революции и откроют эру социалистической революции на Западе*».

Тов. Сталин специально останавливался на вопросе о доиюльском лозунге «Вся власть советам» и необходимости его снятия в послеиюльский период революции. Лозунг «Вся власть советам» соответствовал двоевластию, когда еще «была возможна мирная победа, мирный переход власти к советам. Если бы съезд советов, — продолжал т. Сталин, — решил взять власть в свои руки, кадеты, я полагаю, не осмелились бы выступить открыто против советов, ибо такое выступление было бы обречено заранее на гибель. Но теперь, после того, как контрреволюция организовалась и укрепилась, говорить, что советы могут мирным путем взять власть в свои руки, значит говорить впустую. Мирный период революции кончился, наступил период немирный, период схваток и взрывов... Вообще советы, — подчеркивал т. Сталин, — являются целесообразной формой, но мы должны говорить не языком *учреждений*, а указывать *классовое содержание*, должны стремиться к тому, чтобы массы также отличали *форму от содержания*... Пусть вопрос о формах не заслоняет основного вопроса: в руки *какого класса* должна перейти власть...

Борьба с верхами советов в союзе с беднейшими слоями крестьянства и сметение контрреволюции — вот очередной вопрос».

Таким образом т. Сталин указывал, что партия не против советов как формы организации рабочего класса, а против *данных* советов, которые используются контрреволюцией. Мы за самое сочувственное отношение, за укрепление советов, где большинство принадлежало большевикам. Снятие лозунга «Вся власть советам» вовсе не означало «долой советы».

В развернувшихся оживленных прениях после доклада т. Сталина вскрылись разногласия по вопросу о характере и перспективах нашей революции, о тактических лозунгах партии на послеиюльский период революции.

Выступавших против линии, изложенной в докладе т. Сталина, можно разбить на три группы по характеру их выступлений. Одна группа — Ногин и др. — критиковала линию партии с правооппор-

тунистических позиций. Другая группа — Преображенский, Володарский и др. — выступила против т. Сталина с троцкистской оценкой характера, движущих сил и перспектив развития революции. Третья группа выступавших с критикой доклада может быть названа «добросовестно заблуждающейся».

Первая группа развернула свою аргументацию в знакомой еще по апрельской конференции терминологии «старых большевиков».

> «В чем разница между резолюцией т. Сталина и резолюциями апрельской конференции? — вопрошал на съезде т. Ногин. — Тогда мы находили, что еще стоим перед переходом к социалистической революции. Неужели, товарищи, наша страна за 2 месяца сделала такой прыжок, что она уже подготовлена к социализму?»

Здесь звучит прежняя уверенность в невозможности пролетарской революции в России, ясно выражено полное непонимание коренного изменения в обстановке, отрицание того, что революция уже принимает социалистический характер.

Отсюда тактический вывод, формулированный т. Ногиным, зовущий партию назад к пройденному этапу:

> «Объективное положение говорит, что катастрофа неминуема,— заявлял т. Ногин, — если не будет осуществлен переход власти к советам. Если этот взгляд был правилен, то он должен двигать массы к новому строительству. Этот лозунг был движущим в этой революции, и мы не можем отвергать его и в настоящее время».

Тов. Ногин все еще жил старым лозунгом буржуазно-демократической революции — союз пролетариата и всего крестьянства, он не хотел признать нового лозунга пролетарской революции, выдвинутого Лениным, — союз пролетариата и беднейшего крестьянства при нейтрализации середняка. «Где же наши союзники? — вопрошал т. Ногин. — Пока что нам обеспечено лишь платоническое сочувствие западно-европейского пролетариата. Зато крестьяне, находящиеся в армии, непременно пойдут за нами». В выступлении т. Ногина звучит недооценка международного пролетариата как союзника и снимается второй ленинский лозунг по крестьянскому вопросу. Защищая лозунг «Вся власть Советам», т. Ногин договорился до того, что подменил вопрос о взаимоотношении классов вопросом об отношении к организации.

> «Итак, наши союзники, — заключал т. Ногин, — будут те организации, которые создались в настоящий период революции... Для успеха нового взрыва мы должны дорожить уже создавшимися организациями, которыми являются Советы, и всеми мерами поддержать и их».

Тов. Ногин даже отважился предложить съезду не класть в основу своих решений резолюции т. Сталина, но получил отпор от подавляющего большинства делегатов.

С неприкрытой каменевской точкой зрения на характер нашей революции и ее перспективы выступил т. Владимир (Залежский).

> «Русская революция, — говорил он, — есть революция буржуазная, которая держит путь на социалистическую... товарищи, говоря о закончившемся буржуазном этапе революции, исходят из того, что буржуазия получила власть. Это глубоко не верно».

Тов. Владимир, не называя имени, полемизировал с т. Лениным по вопросу о характере и перспективах нашей революции, об оценке момента, возражая против ленинского тезиса о законченности буржуазно-демократической революции постольку, поскольку власть перешла к буржуазии. Больше того, после июльских дней он полагал, что «власти нет ни в руках буржуазии, ни в руках советов», т. е. период двоевластия еще существует, и отсюда делал вывод о необходимости сохранения старого лозунга «Вся власть советам».

Взгляды второй группы на характер революции, на движущие силы социалистической революции сформулировал со свойственной ему яркостью т. Володарский: «Эта революция, — говорит т. Володарский, — является переходной к социалистической, но это не социалистическая революция, при которой мы теряем наших союзников и боремся одни. Между нами и Западной Европой есть большая разница». Здесь ясно выражена троцкистская схема «перманентной революции», отрицающей возможность союза пролетариата и беднейшего крестьянства в революции пролетарской, снимающая вопрос о перерастании буржуазно-демократической революции в социалистическую, противопоставляющая высоко развитой Западной Европе отсталую Россию. Крестьянство этой группой рассматривалось недифференцированно, как сплошная реакционная масса, и даже ставилось под сомнение существование в марксистской литературе термина, понятия — беднейшее крестьянство.

> «Я считаю, — говорил Преображенский, — вполне возможным соглашение между контрреволюционной буржуазией, капиталистами, помещиками и крестьянами...
>
> Что т. Сталин понимает под «беднейшими слоями крестьянства»? В марксистской литературе нет до сих пор определения понятия беднейшего крестьянства, о котором говорится в резолюции».

Преображенский ищет беднейшее крестьянство не как реальную силу революции; он своим выступлением демонстрировал незнание марксистской литературы, особенно работ т. Ленина, вернее игнорирование их.

Отрицание социалистического характера нашей революции приводило эту группу к отрицанию лозунга вооруженного восстания и захвата власти, к защите актуальности и жизненности лозунга «Вся власть советам». «Советы, — утверждал т. Юренев, — правда, на краю гибели, но они начинают прозревать. Может быть полное отрезвление придет поздно, но такой процесс уже идет. Это заставляет нас не соглашаться на сдачу прежнего лозунга, ибо для сплочения революционных сил демократии нужен какой-либо центр. Какой? Партия? Но она не может заменить советов, так как она не может обнять всех слоев населения... В резолюции Сталина заключается громадная опасность для революции: она предлагает нам стать на путь, гибельный для всех завоеваний революции... Здесь по существу проводится диктатура пролетариата. Осуществимо ли это?»

Так первая и вторая группы с разных сторон приходили к одному выводу: звать партию назад к пройденному этапу, к лозунгу: «Вся власть советам».

Выступивший в прениях т. Бухарин встал на эклектическую позицию:

«На съезде наметилось два течения, — заявил т. Бухарин, — за поддержание старого лозунга «Вся власть советам» и за снятие его. Я не принадлежу ни к тому, ни к другому течению».

На словах т. Бухарин не принадлежал «ни к тому, ни к другому течению», по существу же, формулируя в развернутой форме свою ошибку о характере революции, примыкал к группе, еще полностью не изжившей троцкистских взглядов.

«Новый подъем революции, — говорил т. Бухарин, — я мыслю в двух сменяющихся фазисах: первый фазис — с участием крестьянства, стремящегося получить землю, второй фазис — после отпадения насыщенного крестьянства, фазис пролетарской революции, когда российский пролетариат поддержат только пролетарские элементы и пролетариат Западной Европы».

Механистически отгородив буржуазно-демократическую революцию от пролетарской, Бухарин скатился к троцкистской схеме «перманентной революции», исходя из того, что, захватив власть, пролетариат сумеет ее удержать только при государственной поддержке западно-европейского пролетариата. В заключительном слове т. Сталин подверг резкой критике «игрушечную схему» т. Бухарина.

Третья группа товарищей была «добросовестно заблуждающейся», не понимала ленинской позиции. Эти товарищи, обычно из тех, которые на местах завоевали большинство в советах или заставили их итти по революционному пути, выступали за сохранение лозунга «Вся власть советам», полагая, что снятие лозунга есть отказ от советов как формы организации.

«Тов. Сталин отождествляет советы с Центральным исполнительным комитетом, — говорил на съезде т. Джапаридзе. — Это перенесение петербургских условий в провинцию. Если ранее провинциальные советы выражали взгляды Центрального исполнительного комитета, то теперь они не отражают его настроения. Например в Баку, несмотря на то, что мы не можем добиться перевыборов, несмотря на то, что в Совете рабочих и военных депутатов (солдаты совместно с офицерами) на 300 делегатов было всего 20 — 25 большевиков, до 3 — 5 (16 — 18) июля все наши резолюции проходили и фактически мы главенствовали...

Пока мы переживаем контрреволюционную полосу, мы должны биться за советы, и как революционные защитники идеи советов мы получим в них главенствующее значение.

Я кончаю настойчивым указанием на то, что для успеха революции необходимо предвидеть и *организационные формы, и пока не предложено лучших, я высказываюсь за существующие*».

Товарищи явно загляделись на организационные формы власти и забыли главную задачу — пропаганду идеи необходимости *свержения* существующей власти и реальные шаги к этому. К подобного же рода заблуждающимся относились товарищи, отождествляющие снятие лозунга «Вся власть советам» с лозунгом «Долой советы».

Тов. Сталин боролся за ленинскую линию и в комиссии по составлению резолюции по его докладу апеллировал на неправильные

решения комиссии к съезду, всецело поддержавшему его. Так, по настоянию т. Сталина была внесена следующая характеристика советов, снятая комиссией: «Советы переживают мучительную агонию, разлагаясь вследствие того, что не взяли во-время всей государственной власти в свои руки». Решением съезда была внесена выкинутая большинством комиссии во главе с т. Ногиным характеристика сил, совершающих революцию: «Лишь революционный пролетариат, при условии поддержки его беднейшим крестьянством, в силах выполнить эту задачу, являющуюся задачей новой революции в России».

Чрезвычайно большое значение в развитии большевизма имеет сталинская отповедь Преображенскому, предлагавшему съезду принять троцкистскую установку отрицания возможности победы социализма в одной стране.

Тов. Сталин зачитал 9-й пункт резолюции: «Задачей этих революционных классов явится тогда напряжение всех сил для взятия государственной власти в свои руки и для направления ее, в союзе с революционным пролетариатом передовых стран, к миру и к социалистическому переустройству общества». Преображенский внес следующую редакцию конца резолюции: для направления ее к миру и, при наличии пролетарской революции на Западе, к социализму.

В ответ на троцкистскую вылазку Преображенского Сталин дал уничтожающую критику троцкизма, подчеркнул всю важность начать социалистическую революцию в России и дал классическую формулировку возможности победы социализма в одной стране.

«Я против такого окончания резолюции, — ответил т. Сталин. — *Не исключена возможность, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму.* До сих пор ни одна страна не пользовалась такой свободой, какая была в России, не пробовала осуществить контроль рабочих над производством. Кроме того, база нашей революции шире, чем в Западной Европе, где пролетариат стоит лицом к лицу с буржуазией в полном одиночестве. У нас рабочих поддерживают беднейшие слои крестьянства. Наконец, в Германии аппарат государственной власти действует несравненно лучше, чем несовершенный аппарат нашей буржуазии, которая и сама является данницей европейского капитала. Надо откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам путь. Существует марксизм догматический и марксизм творческий. Я стою на почве последнего».

Съезд отклонил поправки т. Преображенского и полностью солидаризировался с выступлением т. Сталина.

Резолюция съезда наметила конкретные мероприятия на ближайшее время, обеспечивающие выполнение выдвинутого съездом лозунга «полная ликвидация диктатуры контрреволюционной буржуазии» и захват власти пролетариатом и беднейшим крестьянством взамен лозунга «Вся власть советам». Сочетая легальную и нелегальную работу, завоевывая большинство масс и одновременно подготовляя вооруженное восстание, партия должна была выполнить роль передового борца против контрреволюции: «энергично отстаивать все завоеванные свободы и явочным порядком утвержденные

права; отстаивать против контрреволюционных покушений все массовые организации (советы, фабрично-заводские комитеты, солдатские и крестьянские комитеты) и в первую голову советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; всеми силами сохранять и укреплять позиции, завоеванные в этих органах интернационалистическим крылом; энергично бороться за влияние в них, сплачивая вокруг себя все элементы, переходящие на точку зрения последовательной борьбы с контрреволюцией».

Съезд принял резолюцию о «политическом положении» по докладу т. Сталина единогласно при четырех воздержавшихся и под аплодисменты подтвердил все резолюции апрельской конференции.

Доклад т. Милютина об экономическом положении являлся обоснованием экономической платформы партии пролетариата, идущего на захват власти.

Тов. Милютин нарисовал картину финансового краха страны, национальное богатство которой оценивалось в 70 млрд., а государственный долг достигал 60 млрд. руб. Металлургическое производство сократилось на 40%, производство текстильной промышленности — на 20%.

Страна стояла накануне голода. Возможность настоящего голода вытекала из расстройства железнодорожного транспорта и неурожая в Поволжьи.

Борьба с экономическим кризисом была возможна лишь при условии проведения ряда решительных мероприятий в государственном масштабе. Эти мероприятия разумеется не могла и не хотела провести буржуазия с Временным правительством. Буржуазия боялась потерять власть над производством вместе с политической властью, и потому вела политику саботажа, скрытых локаутов и остановки производства, она способствовала экономическому хаосу с целью использования его для дела контрреволюции. Аналогичную политику вели представители «торговли и промышленности» в правительстве. Они саботировали все мероприятия, клонящиеся к урегулированию производства, упорно противодействуя всякому упорядочению хозяйственной жизни по инициативе масс.

«Единственным выходом из критического положения, — как решил съезд по докладу т. Милютина, — является ликвидация войны и организация производства не для войны, а для восстановления всего разрушенного ею, не в интересах кучки финансовых олигархов, а в интересах рабочих и беднейших крестьян.

Такое урегулирование производства в России может быть произведено *лишь организацией, находящейся в руках пролетариев и полупролетариев, что предполагает переход в их руки и государственной власти*. При этом является необходимым проведение ряда решительных революционных мероприятий».

Таким образом съезд подчеркивал, что основным условием и предпосылкой для выхода из экономического кризиса являлся захват власти пролетариатом в союзе с крестьянской беднотой. Пролетариат, идущий к власти, как отметил в своей резолюции съезд, ставил своею задачей вмешательство в производство с целью планомерного урегулирования производства и распределения, а также

национализацию банковского дела, национализацию ряда синдицированных предприятий, организацию правильного обмена между городом и деревней через кооперативы и продовольственные комитеты. Конкретные шаги к социализму предполагают установление действительного рабочего контроля, который постепенно перерастает в полное регулирование производства. Предварительным условием для проведения рабочего контроля является отмена коммерческой тайны, объявление сокрытия документов капиталистами уголовно-наказуемым преступлением, издание закона с запрещением закрытия фабрик или сокращения производства без разрешения Совета рабочих и солдатских депутатов, профессиональных союзов и центральных фабрично-заводских комитетов. Борьба с финансовым крахом может быть осуществлена при условии прекращения дальнейшего выпуска бумажных денег, отказа от уплаты государственных долгов внешних и внутренних с соблюдением интересов мелких подписчиков, введения поимущественного налога, высокого налога на предметы роскоши, постановки оценки доходов имуществ под действительный контроль. При условии перехода власти к пролетариату, идущему в союзе с беднотой, при условии выполнения вышеуказанных задач необходимо введение всеобщей трудовой повинности с целью правильного распределения рабочей силы и поднятия производства. Съезд, проводя тактику единого фронта, ставил задачей всех рабочих организаций (профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, советов рабочих депутатов) поощрение в проведении всех намеченных революционных мероприятий, развитие инициативы в этом направлении.

Съезд в своих решениях «об экономическом положении» учел поправки и дополнения, внесенные выступавшими товарищами (тт. Ломовым, Боголеповым, Харитоновым и др.) по докладу т. Милютина и предложенной им резолюции. Дополнения и поправки конкретизировали, детализировали и уточняли предложенную резолюцию съезду. Пункт о захвате власти пролетариатом в союзе с крестьянской беднотой, как основном условии для осуществления намеченных мероприятий, был перенесен в начало резолюции. Съезд в своей резолюции развил пункт о борьбе с финансовым крахом, указав на необходимость введения поимущественного налога, налога на прирост имущества и высоких косвенных налогов на предметы роскоши; съезд отметил, что при отказе от уплаты государственных долгов, как внешних, так и внутренних, необходимо соблюдать интересы мелких подписчиков. В развернувшихся прениях ряд товарищей указывал на целесообразность точно сформулировать, при каких условиях возможно и необходимо введение всеобщей трудовой повинности. В принятой резолюции, как нам уже известно, дана ясная и четкая формулировка по этому вопросу.

Совершенно неверную позицию занял выступивший в прениях т. Осинский. Он исходил из того, что победа контрреволюции будет длительна и «в ближайшее время рабочему классу придется только обороняться, а не нападать». Тов. Осинский явно потерял революционную перспективу и не видел подземных сил бурно развивающейся революции. Он утверждал, что буржуазия путем ряда мероприя-

тий сможет остановить экономический развал, что «она начнет организовывать производство, так как она получила власть в свои руки». Здесь т. Осинский проявил явную классовую слепоту; он не видел, что саботаж и сознательный развал хозяйства были средством борьбы буржуазии против развивающейся революции.

> «В этот период господства империалистической буржуазии, — говорил т. Осинский, — рабочий контроль над производством такая же утопия, как и переход власти к советам рабочих и солдатских депутатов. Я против лозунга контроля над производством».

Снимая лозунг рабочего контроля над производством, т. Осинский показал абсолютное непонимание конкретного перехода к социалистическим мероприятиям. Он полагал, что с захватом власти, минуя рабочий контроль, мы непосредственно перейдем к организации производства, трудовой повинности и т. п.

Съезд дал единодушный отпор выступлению т. Осинского, отклонив предложенную им резолюцию.

Все намеченные VI съездом мероприятия близко касались нужд широких масс рабочих и крестьян, были им близки и понятны, и в то же время являлись переходом к социализму, каждое из мероприятий становилось лозунгом, мобилизовавшим вокруг партии массы трудящихся, убедительным доказательством чего является победоносный Октябрь, осуществивший задачи, поставленные большевистской партией.

Намеченную конкретную программу Октябрьской революции съезд не успел завершить пересмотром старой партийной программы, нуждавшейся в дополнении опытом борьбы эпохи империалистических войн и пролетарских революций. Съезд в принятой резолюции подтвердил решения апрельской конференции о необходимости пересмотра программы партии, решил в недалеком будущем созвать специальный съезд для выработки программы, до созыва съезда организовать широкую дискуссию о пересмотре программы. Пока же принятые резолюции съезда давали ясную программу действий для практической работы.

Роль партии в деле осуществления победоносной пролетарской революции колоссальна, это показали подготовка и ход Октябрьской революции, поражения ряда революций на Западе, где еще не были созданы крепкие большевистские партии. Естественно, что съезд внимательно обсудил вопрос об уставе Российской социал-демократической партии, об организации руководящей силы в революции — партии. Большевистский устав партии, принятый III съездом в условиях подполья, подвергся редакционным изменениям и некоторым дополнениям на VI съезде, когда партия вышла из глубокого подполья.

Был внесен пункт о рекомендации двумя членами партии и утверждении ближайшим партсобранием организации всякого вновь вступающего в члены партии, определен членский взнос в размере 1% заработной платы, указано, что член партии, не уплативший в течение трех месяцев без уважительных причин членских взносов, считается выбывшим из организации.

Предвидя возможное засорение массовой партии, съезд вставил пункт о порядке исключения членов партии.

Особым пунктом было указано, что все партийные организации строятся на началах демократического централизма.

Отдельным пунктом съезд формулировал права и обязанности верховного органа партии — съезда партии.

Таким образом большевистская партия в новых условиях подготовки Октября снова проверила свое оружие — организационные принципы, — которое она выработала за долгие годы борьбы.

Яркой иллюстрацией ленинского применения организационных принципов является объединение с междурайонцами, происшедшее на съезде.

Выступление т. Юренева по вопросу «об объединении партии» было по существу капитуляцией перед большевистскими принципами строительства партии. Междурайонная организация заявила на съезде, что «разногласия, которые разделяли нас и побудили строить свою организацию, имевшую целью объединить оба течения, теперь изжиты». Это заявление, правда, не сопровождалось развернутой критикой троцкизма и, как показала работа съезда, еще многое от идейного багажа троцкизма не было изжито товарищами из междурайонной организации; но основы большевистской программы и тактика были официально приняты междурайонной организацией, с «негодованием» ею отвергнута идея объединения с оборонцами, осуждена идейка о случайности раскола между меньшевиками и большевиками, осуждена выжидательная политика меньшевиков-интернационалистов, не пожелавших расколоться с оборонцами. Дальнейший ход классовой борьбы показал, что ряд бывших междурайонцев под воздействием партии превратились в твердых большевиков, но часть во главе с Троцким повели впоследствии бешеную борьбу против партии и скатились в лагерь контрреволюции. Но и Троцкий был принят в партию лишь потому, что «отказался тогда (фактически отказался) от своего груза, спрятал его в шкаф,[7] так как провалилась, была «выброшена вон революцией» его теория единства с меньшевиками, теория перманентной революции, и ему, политическому одиночке, лишенному армии, ничего не оставалось больше как пойти за большевиками. Троцкий именно спрятал свой груз в шкаф, это подтвердила его последующая борьба с партией, его позиция по вопросу об объединении с большевиками еще на конференции междурайонцев в мае 1917 года. В своем выступлении на конференции Троцкий подчеркивал, что необходимо «не растерять» свои кадры и «не растворить» их в большевистской партии. Уже тогда Троцкий тешил себя иллюзией перевооружения большевизма и имел наглость заявить, что «большевики разбольшевичились — и я называться большевиком не могу», что «признания большевизма требовать от нас нельзя»[8]. Партия потребовала от междурайонцев признания большевизма, органического слияния с партией и добилась на VI съезде идейной и организационной капитуляции троц-

[7] *Сталин*. «Троцкизм или ленинизм». Сб. Ленинизм, стр. 104, изд. 1925 г.
[8] *Ленинский сборник*, IV, стр. 303.

кистских элементов. Еще раз было показано, что большевики признают организационное единство лишь на базе единства идейного.

> «Тяжелым ударом интересам пролетариата, — читаем мы в решении съезда, — является всякая попытка примирения империалистических и революционно-интернационалистских элементов социализма путем «объединительного съезда» на предмет создания единой с.-д. партии... Исходя из признания необходимости полного и бесповоротного раскола с меньшевиками-империалистами, съезд высказывается самым решительным образом против таких попыток. Противопоставляя опасному лозунгу единства всех, социал-демократия выдвигает классовый революционный лозунг — единство всех интернационалистов, порвавших на деле с меньшевиками-империалистами. Полагая такое единство необходимым и неизбежным, съезд призывает все революционные элементы с.-д-ии немедля порвать организационную связь с оборонцами и объединиться вокруг РСДРП».

Победа пролетарской революции может быть обеспечена лишь при условии завоевания партией большинства трудящихся в решающий момент и в решающих местах, а следовательно завоевания прежде всего авангарда трудящихся — пролетариата. На III Всероссийской конференции профсоюзов [4 — 11 июля (21 — 28 июня)] большинство составляли пока меньшевики. Разбить меньшевиков и на этом участке возможно было лишь при условии напряженной борьбы, возглавляемой нашей партией, за ближайшие интересы пролетариата, одновременно показывая ему, что радикальное разрешение интересов класса возможно только при условии диктатуры пролетариата, опирающегося на беднейшее крестьянство. Резолюция, принятая съездом по докладу т. Глебова о «профессиональном движении», давала четкую установку в этом направлении.

Резолюция съезда подвела итог борьбы с оппортунистической установкой на «нейтральность» профсоюзов, указала, что профессиональные союзы лишь под руководством партии пролетариата смогут организовать экономический и политический отпор контрреволюции, использующей экономическую разруху для порабощения широких народных масс. Империалистическая война развеяла последние остатки нейтралистских иллюзий. Профессиональные союзы, вставшие на путь примирения классов, фактически перешли на сторону буржуазии, к защите ее интересов в грабительской войне и оказались бессильными защищать даже элементарные интересы рабочего класса. Совершенно очевидно, что профессиональные союзы смогут осуществить свои задачи лишь при условии, если они будут беспощадно бороться против поддержки империалистической войны и политики «гражданского мира». Путь революционной борьбы профессиональных союзов может быть обеспечен, по мнению съезда, всемерным сплочением и мобилизацией пролетариев в профессиональные союзы, взаимным представительством профессиональных союзов и партии, работой партийных фракций в профсоюзах, воссозданием международной организации профессиональных союзов, не сошедших с почвы классовой борьбы, вступлением всех членов партии в профессиональные союзы, вступлением сознательных работников профессионального движения в партию пролетариата.

Оживленные прения открылись по докладу т. Харитонова о союзе молодежи. Партия, готовясь к Октябрю, не могла не поставить

и не разрешить вопроса о подготовке такого могучего резерва, как молодежь. Классовая борьба за рабочую молодежь достигла значительного обострения; буржуазия великолепно понимала, какое значение имеет влияние на подрастающее поколение рабочего класса для всего хода и исхода классовой борьбы; она принимала все зависящие от нее меры, чтобы подчинить молодых пролетариев буржуазной идеологии, отвлечь их хотя бы на время от участия в экономической и политической борьбе рабочего класса. Партия, понимая всю опасность буржуазного маневра, обратила большое внимание на организацию молодежи, с тем чтобы обеспечить максимальное влияние на рабочую молодежь. На Западе встречались два типа организации молодежи: подчиненные партии, особенно распространенные в Германии, и самостоятельные, привившиеся в Швейцарии и отчасти в Италии.

Самостоятельные организации захватывали большее количество молодежи, оказались крепче и идеологически выдержаннее. Примером подобной организации были отколовшиеся левые союзы молодежи во главе с К. Либкнехтом в Германии. Задача партии заключалась в том, чтобы развить классовое самосознание рабочей молодежи, превратить союзы молодежи в подготовительную школу для пролетарского движения, в организации, находящиеся под идейным влиянием большевистской партии.

Некоторые товарищи (Самойлова, Ленцман и др.) на съезде настаивали на том, чтобы союзы молодежи с самого начала возникновения стали составною частью партии, были организационно подчинены партии. Они не понимали, что суть работы заключается в упорной воспитательной работе в этих организациях, в обеспечении идейного влияния в них большевиков.

Явно непартийную точку зрения отстаивали тт. Подбельский и Слесарев, полагая, что союз молодежи «представляет собою прежде всего культурно-просветительную организацию», и поэтому «дело надо передать в руки специалистов-педагогов, нашедших способы влияния на юношество». Такая установка выхолащивала политическое содержание работы союзов молодежи, основная задача которых— развитие классового самосознания пролетарского юношества, и сводила на-нет идейное влияние партии на союз. Она неминуемо привела бы к усилению буржуазного влияния на молодежь, к расцвету буржуазной культуры в юношеских организациях.

Съезд в принятой резолюции дал отпор этим товарищам.

«*Вмешательство партии*, — читаем мы в резолюции, — *в организационное строительство рабочей молодежи не должно носить характер опеки над нею*... Наша партия должна и в России стремиться к тому, чтобы рабочая молодежь создала самостоятельные организации, организационно не подчиненные, а только духовно связанные с партией.

«Но в то же время партия стремится к тому, чтобы организации эти с самого же своего возникновения приняли социалистический характер, чтобы будущий социалистический Союз рабочей молодежи России при самом своем возникновении примкнул к Интернационалу молодежи, чтобы его местные секции преследовали по преимуществу

цели развития классового самосознания пролетарского юношества путем пропаганды идей социализма, энергичной борьбы с шовинизмом и милитаризмом и одновременной защиты экономических и политических правовых интересов несовершеннолетних рабочих и работниц. В настоящее время, когда борьба рабочего класса переходит в фазу непосредственной борьбы за социализм, съезд считает содействие созданию классовых социалистических организаций рабочей молодежи одной из неотложных задач момента и вменяет партийным организациям в обязанность уделить работе этой возможный максимум внимания».

Интересные прения, характеризующие отношение большевистской партии к своему любимому и признанному вождю т. Ленину, с одной стороны, и наличие еще иллюзий о «демократическом» режиме керенщины со стороны товарищей из междурайонной организации — с другой, развернулись по вопросу об уклонении т. Ленина от явки на суд Временного правительства. Тов. Орджоникидзе, Дзержинский, Скрипник, Шлихтер, Бухарин и др. указали на величайшую роль т. Ленина в нашей партии и особенную необходимость его руководящих указаний из подполья в период подготовки непосредственного штурма капитализма, на современную тактику контрреволюции, стремящейся обезглавить революцию арестом вождей и возможным их физическим уничтожением.

Тов. Володарский, поддержанный Лашевичем, предлагал процесс против Ленина превратить в процесс против Церетели, Чхеидзе и К° и принять вызов контрреволюции. Осуществление позиции этих товарищей могло дорого обойтись партии, привести к ее обезглавлению. Установка этих товарищей исходила из условий уже пройденного мирного периода развития революции и недооценки остроты классовой борьбы послеиюльского периода.

Съезд огромным большинством принял резолюцию, одобряющую неявку т. Ленина на суд.

VI съезд сыграл величайшую роль в подготовке Октябрьской революции.

Генеральная линия партии, намеченная т. Лениным еще на апрельской конференции, была проверена всем ходом предсъездовских революционных событий; в борьбе за ее осуществление партия, как это показал съезд, окрепла идеологически и организационно. Стратегическая и тактическая линия партии была развита и дополнена большевистским съездом, собравшимся в иной обстановке, нежели апрельская конференция. Партия под руководством Ленина и Сталина дала четкую и ясную оценку характера, перспектив и движущих сил нашей революции как революции социалистической, попутно мимоходом решающей вопросы буржуазно-демократической революции. Она дала отпор болтовне правых и троцкистских элементов об отсутствии объективных и субъективных предпосылок для пролетарской революции в России, разоблачила троцкистскую легенду о невозможности победы социализма в нашей стране. Борьба по программным и тактическим вопросам на съезде предвосхитила грядущие бои с троцкистской оппозицией эпохи диктатуры пролетариата. VI съезд партии на основе указаний т. Ленина, учитывая послеиюль-

скую обстановку, изменившееся соотношение сил, сделал поворот в тактике. Партия от тактики мирного развития, мирного перехода власти к советам отказалась и мобилизовала массы на захват власти через вооруженное восстание. Лозунг «Вся власть советам», соответствовавший периоду двоевластия, был снят. Съезд наметил конкретные пути по завоеванию большинства масс на сторону рабочего класса, сочетая борьбу за повседневные интересы масс с конечною целью пролетариата. Он дал экономическую программу пролетариата, идущего к власти, программу перерастания буржуазно-демократической революции в пролетарскую.

Съезд подчеркнул величайшую роль правильной политической линии партии, особенно накануне захвата власти, в работе таких массовых организаций, как профсоюзы и комсомол. Он указал на оппортунистичность нейтралистских тенденций в профессиональных союзах, на огромную роль рабочей молодежи в ходе и исходе классовой борьбы пролетариата с буржуазией и наметил тип организации молодежи. Таким образом VI съезд партии накануне Октября наметил программу и тактику перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Весь съезд прошел под знаком непримиримой борьбы на два фронта — против правых и троцкистских взглядов и с примиренчеством к ним. Оппортунистические взгляды были разоблачены с большевистской четкостью и встретили единодушный отпор всего съезда.

Работа съезда показала т. Сталина как крупнейшего вождя нашей партии и самого последовательного ученика Ленина.

Изучение решений и хода работ VI съезда ярко освещает последовательность большевистской линии и ее представителей и дает образцы большевистской стратегии, тактики и организации для международного пролетариата.

Большевистский опыт, разумеется, нельзя переносить механически в условия Запада и Востока, но изучение VI съезда бесспорно будет содействовать правильному решению программных тактических и организационных вопросов подготовки международного Октября.

VI съезд нашей партии показал, как нужно связывать в решениях и в работе повседневные интересы рабочих с основными вопросами пролетарской революции и тем самым прокладывать себе дорогу к завоеванию масс. Именно этот путь ведет и сейчас к изоляции социал-демократии, этой главной социальной опоры буржуазии. В этом отношении решения VI съезда являются образцом сочетания ближайших задач пролетариата с его конечной целью, образцом проведения тактики единого фронта, образцом своевременной замены одного лозунга партии другим в соответствии с изменившейся обстановкой.

Полулегальная работа VI съезда, показывая, как нужно сочетать легальную работу с нелегальной, может служить примером для братских коммунистических партий, а решения о профсоюзах, союзе молодежи и принятый устав партии являются документами, основное содержание которых имеет международное значение, показывая,

как нужно по-большевистски работать в массовых рабочих организациях и строить партию.

Анализ решений VI съезда разоблачает легенду о перевооружении большевистской партии и показывает, как были разоружены правые и троцкистские элементы накануне Октября.

Совершить победоносный Октябрь в современных сложных условиях возможно лишь на основе ленинизма, непримиримой борьбы на два фронта против правых и «левых»», примиренчества к ним, против троцкистских контрабандистов и контрреволюционного троцкизма.

Л. Павловская

ПЕТРОГРАДСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ В БОРЬБЕ С КОРНИЛОВЩИНОЙ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ СОВЕЩАНИЕ

После июльских событий контрреволюция с ведома и при попустительстве меньшевиков и эсеров перешла в наступление. Буржуазия начинает лихорадочно готовиться к решительному бою. Ей в первую очередь нужно иметь правительство из своих людей, нерешительность и балансирование Керенского ее не удовлетворяют, она готовится вырвать власть из рук меньшевиков и эсеров, а пока их использует в своих контрреволюционных целях, заставляя их проводить политику буржуазии.

«Нынешнее правительство, — писал Ленин, — проводит постепенно, но неуклонно именно ту политику, которую партия к.-д. систематически проповедывала и подготовляла с марта 1917 г. Возобновление и затягивание империалистической войны, прекращение «болтовни» о мире, предоставление министрам права закрывать газеты, потом съезды, потом производить аресты и высылки, восстановление смертной казни, расстрелы на фронте, разоружение рабочих и революционных полков, наводнение столицы контрреволюционными войсками, начало арестов и преследований крестьян за самочинные «захваты», закрытие фабрик и локауты — вот далеко еще не полный список мер, который яснее ясного рисует картину буржуазной контрреволюции бонапартизма.»[1]

Буржуазия подыскивала себе кандидатуру в диктаторы и нашла ее в лице Корнилова, который отвечает ее требованиям. 18 июля Корнилов постановлением Временного правительства назначается верховным главнокомандующим и требует введения смертной казни на фронте, и Временное правительство удовлетворяет это требование. Затем он начинает гонение на войсковые выборные организации, стягивает вокруг себя все силы контрреволюции и создает легальный штаб военного заговора.

Контрреволюция сплачивалась и лихорадочно организовывалась. Уже в июле в Москве состоялись съезд союза землевладельцев и торгово-промышленный съезд. На последнем съезде буржуазия устами Рябушинского заявила, что нужно разогнать советы и комитеты, грозя в противном случае костлявой рукой голода задушить революцию.

Но Временное правительство в целях подкрепления своей контрреволюционной деятельности авторитетом «демократии», а

[1] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 84 — 85.

также для того, чтоб показать свою «независимость» от советов, против которых контрреволюционными организациями велась травля, созвало в Москве так называемое «Московское совещание». На этом совещании большинство было обеспечено за буржуазией и помещиками. Чтобы обеспечить такое большинство, Временное правительство оживляет труп Государственной думы, собирает капиталистов и помещиков, щедро предоставляет места членам муниципалитетов, воротилам и представителям земства.

> «Созвать совещание из купцов и промышленников, помещиков и банкиров, членов царской думы и прирученных уже меньшевиков и эсеров с тем, чтобы, объявив это совещание «общенациональным собором», добиться от него одобрения политики империализма и контрреволюции, переложения тягот войны на плечи рабочих и крестьян, — вот где «выход» для контрреволюции». [2]

В подготовке московского государственного совещания активное участие принимал контрреволюционный «Временный комитет Государственной думы» во главе с ее представителем, крупнейшим дворянином-помещиком Родзянко, которого в июле посетил Керенский и просил принять участие в подготовке «московского совещания».

Состав совещания был определен в 2000 человек. От Исполнительного комитета р. и с. деп. приглашалось 100 членов и по стольку же от Совета крестьянских депутатов и от фронта, 300 членов Государственной думы всех четырех созывов, 400 членов от городских и земских самоуправлений, 120 членов от торгово-промышленных организаций, 100 от сельскохозяйственных обществ и организаций землевладельцев, 100 от университетов и высших учебных заведений, 150 членов от рабочих профессиональных организаций, 75 от трудовых интеллигентских организаций, 300 членов от кооперативов и 80 от национальных организаций. Анализ состава совещания свидетельствует о том, что собрались главным образом представители крупной и мелкой буржуазии. Представители же пролетариата и трудящегося крестьянства составляли там ничтожное меньшинство.

Перед открытием совещания 8 августа было частное совещание «общественных деятелей», где присутствовало 300 человек, в числе их: члены Государственной думы с Родзянко во главе, крупнейшие буржуа — Рябушинский, Третьяков, ряд руководителей московских и петроградских банков, крупные финансовые деятели, представители партии кадетов: Милюков, Шингарев, Маклаков, Кишкин, Коновалов, откровенные контрреволюционные генералы: Алексеев, Брусилов, Каледин, Юденич и др. Это предварительное совещание продолжалось три дня, на нем генералом Алексеевым была произнесена программная речь и принята общеполитическая резолюция, где указывалось на отсутствие дисциплины в армии, вследствие зависимости ее от выборных военных организаций, «присвоивших себе право решения по всем вопросам военного дела», указывалось, что в стране нет власти, нет суда, «народности Российского государства предъявляют требования, далеко превышающие их действительные нужды. Совещание призывало «покончить с си-

---

[2] *И. Сталин.* «Против московского совещания», «Рабочий и солдат» № 14.

стемою безответственного хозяйничания коллегиальных учреждений в области государственного управления». т. е., попросту говоря, — разогнать советы. Была принята также резолюция по военному вопросу: «Полная отмена полковых комитетов, уничтожение института комиссаров на фронте, восстановление в его прежнем виде значения корпуса офицеров, пересмотр декларации прав солдата, возвращение начальникам дисциплинарной власти».

И в заключение для организационного закрепления позиций было выбрано бюро в составе махровых представителей буржуазии. Среди них были: Маклаков, Милюков, Родзянко, Рябушинский, Струве, Шульгин и по два представителя от земского и городского союзов.

Какова была линия партии большевиков по отношению к московскому совещанию?

В газете «Рабочий и солдат» от 8 августа была напечатана резолюция ЦК о московском совещании, где говорилось, что контрреволюционная буржуазия стремится создать сильный общероссийский центр и выступить во всеоружии против пролетариата, и что этой цели призвано служить созываемое на 12 августа совещание в Москве. Исходя из сказанного, ЦК РСДРП предлагает партийным организациям: 1) разоблачить созываемое в Москве совещание как орган заговора контрреволюционной буржуазии против революции; 2) разоблачить контрреволюционную политику эсеров и меньшевиков, поддерживающих это совещание; 3) организовать массовые протесты рабочих, крестьян и солдат против совещания.

В Петрограде против московского совещания под руководством большевиков на собраниях фабрик и заводов выносят резолюции протеста. Вторая общегородская конференция фабрично-заводских комитетов указывала в своей резолюции, что московское совещание — попытка организации контрреволюционных сил, и предлагала фабрично-заводским комитетам не участвовать в этом совещании. Резолюция районного совета Петроградской стороны осуждает участие членов Исполнительного комитета в совещании и призывает всех рабочих и солдат Петрограда выносить резолюции протеста против совещания. Таковы же резолюции Василеостровского совета, а также предприятий: Путиловского завода, Петроградского военно-подковного завода, завода Эриксон, «Феникс», Щетинина и т. д. Вот что говорят, например, рабочие модельной мастерской Путиловского завода:

> «Признавая, что московское совещание является оплотом контрреволюционных сил, что созыв его направлен против пролетариата и беднейших слоев крестьянства, мы заявляем, что не потерпим никаких посягательств на наши права и интересы. Мы остаемся всегда верными задачам борьбы с капиталом и в знак протеста отдаем свой дневной заработок (12 августа) в пользу нашей РСДРП(б). Коллективом собрано 247 руб.».

Общезаводское собрание рабочих Путиловского завода квалифицировало московское совещание как попытку подменить всенародную волю волей помещиков и капиталистов и в знак протеста постановило отчислить однодневный заработок на рабочую печать. В своей резолюции путиловцы требовали немедленного освобожде-

ния вождей революционного пролетариата, немедленного восстановления созданных на трудовые рабочие копейки пролетарских газет «Правда», «Солдатская правда» и др., протестовали против действий Временного правительства и целиком присоединялись к лозунгам большевиков.

Пролетариат Москвы по призыву московских большевиков встретил открытие московского совещания — этого очага контрреволюции — однодневной забастовкой протеста.

Какова была позиция Временного правительства на совещании?

Еще в июле Временное правительство выпустило обращение к населению за подписью министра Керенского, с призывом забыть классовую борьбу. Контрреволюция укрывалась защитным покровом громких слов, призывала к «гражданскому миру». В исторический момент, говорилось там, когда решаются судьбы родины, русские граждане забудут перед лицом неприятеля разделяющие их споры, объединятся в великом жертвенном подвиге... Перед таким единением не страшны будут ни внешний враг, ни внутренняя разруха. Свобода, спаянная национальным единством и воодушевлением, не может быть побеждена.

В своей речи на открытии государственного совещания (12 августа) Керенский всячески доказывал и рекламировал свою верную службу империалистам:

> «Я, как военный министр, внес во Временное правительство частичное восстановление смертной казни... Я должен засвидетельствовать одно: что со времени моего вступления в военное министерство ни одна мера, которая могла бы разрушить силу армии, или авторитет командного состава, не прошла. Вся армия должна являться образцом дисциплинарности и подчинения младших старшим, а всех — власти верховной».

Керенский выражает свою готовность жестоко расправиться с пролетариатом и не скупится на кровавые угрозы.

«Пусть знают все, — заявил он, — кто уже раз пытался поднять вооруженную руку на власть народную, [3] пусть знают все, что эти попытки будут прекращены железом и кровью».

Но, повторяем еще раз, Керенский не сразу решился стать на путь монархического переворота, не решался еще сразу разогнать советы и армейские комитеты. Ко времени московского совещания буржуазия, которой надоели шатания и колебания Керенского, уже разработала свою полную программу: введение военного положения и смертной казни в тылу, милитаризация промышленности и железных дорог, разоружение рабочих, разгром партии большевиков и физическое уничтожение ее вождей, уничтожение всех демократических организаций. Буржуазия уже подыскала кандитата в военные диктаторы — верховного главнокомандующего — генерала Корнилова. Этот генерал, весьма мало понимавший в государственных делах, как его деликатно характеризовали вдохновители заговора из партии кадетов, был однако весьма пригоден в роли палача.

Выполняя волю буржуазии и послушно служа ей, бонапартист Керенский вместе с тем считал еще несвоевременным немедленное

[3] Так Керенский изображал июльскую мирную демонстрацию.

проведение программы кадетов. Он знал о заговоре в ставке и об его вдохновителях. Лавируя между классами, а на деле прислуживая буржуазии, Керенский заявил на Государственном совещании по адресу правых:

«Но пусть еще более остерегаются те, которые думают, что настало время, опираясь на штыки, ниспровергнуть революционную власть... Какие бы и кто мне ультиматумы ни предъявлял, я сумею подчинить его воле верховной власти и мне, верховному главе ее».

Но политическая болтовня Керенского уже перестала удовлетворять буржуазию, которая жаждала разгромить и обезоружить пролетариат и превратить страну в военный лагерь.

13 августа в Москву приехал генерал Корнилов — кандидат на пост диктатора. Приезд его был обставлен как приезд «высочайшей» особы. Встречен он был музыкой, цветами, громкими речами, основной смысл которых был выражен в следующих словах Родичева: «Вы теперь символ нашего единства. На вере в вас мы сходимся все, вся Москва. И верим, что во главе обновленной русской армии вы поведете Русь к торжеству над врагом, и что клич: «да здравствует генерал Корнилов!» — теперь клич надежды — сделается возгласом народного торжества», и закончил: «Спасите Россию, и благодарный народ увенчает вас...»

На Государственном совещании Корнилов был встречен овацией правой части зала. Нарисовав в своей речи, написанной для него комиссаром при штабе верховного главнокомандующего Филоненко, «развал» армии, Корнилов единственный выход видел в применении в тылу таких же мер, как и на фронте.

«Разницы между фронтом и тылом относительно суровости необходимого для спасения страны режима не должно быть... Нельзя допустить, чтобы порядок в тылу был последствием потери нами Риги, и чтобы порядок на железнодорожных дорогах был восстановлен ценою уступки противнику Молдавии и Бессарабии».

Вся его речь по существу была требованием организовать более решительное наступление на революцию, чем это делал диктатор Керенский. Этим он выражал мнение генералитета и кадетов, стоявших во главе организации контрреволюции.

От имени контрреволюционного генералитета выступил с программной речью ген. Каледин, который для спасения родины намечал следующие мероприятия:

«1) армия должна быть вне политики. Полное запрещение митингов и собраний с партийной борьбой и распрями; 2) все советы и комитеты должны быть упразднены как в армии, так и в тылу; 3) дисциплина армии должна быть поднята и укреплена самыми решительными мерами. Тыл и фронт — единое целое, обеспечивающее боеспособность армии. Все меры, необходимые для укрепления дисциплины на фронте, должны быть применены в тылу; 4) дисциплинарные права начальствующих лиц должны быть восстановлены, вождям армии должна быть предоставлена полная мощь».

Поведение на совещании так называемой «революционной демократии» было полной капитуляцией перед буржуазией. Эсеры и меньшевики из кожи лезли вон, чтобы доказать свою преданность буржуазии, свою готовность поддерживать ее империалистскую по-

литику и вести до конца борьбу с пролетариатом и его революционной партией. Еще накануне совещания соглашательское большинство ЦИК исключило большевиков из состава советской делегации, за их желание занять на совещании самостоятельную позицию и огласить свою декларацию с протестом против слета черных воронов контрреволюции. В оглашенной Чхеидзе декларации уже ни слова не говорилось о мире без аннексий и контрибуций, зато был решительный протест против захватов помещичьих земель. А Церетели в своей речи извинился за неопытность «демократии» в начале революции в борьбе против левой опасности и старался всячески доказать, что теперь они эту задачу выполнят. Да это и не требовало особых доказательств после предательства соглашателей в кровавые июльские дни. В награду Церетели «удостоился» рукопожатия крупного московского капиталиста Бубликова.

Для характеристики лакейства соглашателей нужно напомнить, что это рукопожатие меньшевистская и эсеровская печать рассматривала как свою крупную победу, захлебываясь отмечала, что первым руку подал «сам» Бубликов, и делала вывод, что значительная часть буржуазии готова итти вместе с демократией, т. е. готова использовать и впредь ее лакейские услуги.

Большевистская революция, оглашенная на заседании Петроградского совета 21 августа, так оценивала поведение «революционной демократии» (эсеров и меньшевиков).

> «Платформа так называемой «революционной демократии», оглашенная Чхеидзе на московском совещании, обнаружила ее полное политическое банкротство. Она есть прямой отказ даже от платформы Всероссийского съезда советов, формулировавшей требование мира без аннексий и контрибуций. Так называемая «революционная демократия» пошла на позорные уступки, продиктованные желанием заключить «честный союз» с непримиримыми врагами рабочих и крестьян. От ее имени Церетели протянул руку буржуазно-помещичьим партиям, вошел с ними в новую сделку и взял на себя обязательство борьбы с «левой опасностью».

Вместо «классового мира», который должен был быть, по мнению меньшевиков и эсеров, главным результатом этого совещания, на деле обнаружилось полное политическое банкротство «революционной демократии»: своей демонстрацией братания с промышленниками она потеряла и те небольшие остатки авторитета, которые у нее были до совещания.

На совещании столкнулись друг с другом две силы — это помещики, капиталисты в лице генералов Корнилова и Каледина и революционный пролетариат в лице фракции большевиков, которая в своей декларации, поданной в президиум совещания, указывала о готовящейся кровавой расправе с рабочим классом со стороны помещиков, буржуазии и генералитета. Заканчивалась декларация заявлением, что «пролетариат не допустит торжества буржуазных насильников. Пролетариат доведет революцию до конца, обеспечит крестьянам землю, народу мир, хлеб и свободу».

В результате совещание дало возможность контрреволюционной буржуазии произвести смотр своих сил и выработать план ближайших действий.

ВЫСТУПЛЕНИЕ КОРНИЛОВА

Московское совещание показало, что буржуазия с нетерпением стремится к установлению военной диктатуры и что у нее уже подобран кандидат на пост диктатора. Произвести переворот в дни московского совещания ей не удалось, эта неудача однако не останавливает буржуазии и она деятельно начинает готовиться к перевороту, о котором был осведомлен Керенский. Нужно отметить, что еще до московского совещания началось и после него продолжалось стягивание к Петрограду войск во главе с контрреволюционным генералом Крымовым.

Расчет Корнилова был таков: члены многочисленных монархических союзов, находившихся в Петрограде, должны были спровоцировать в последних числах августа выступление рабочих и революционных солдат. По заводам ходили неизвестные люди в солдатской форме и призывали к выступлению. Провоцируя выступление рабочих, заговорщики хотели создать повод для привода войск, разоружения и кровопускания пролетариата, разгона советов, свержения Временного правительства и установления военной диктатуры. Провокация успеха не имела. Под руководством большевиков массы рабочих и солдат на провокацию не поддались.

Желая облегчить себе выполнение задачи, Корнилов потребовал от Керенского подчинения ему всех войск Петроградского военного округа, мотивируя это необходимостью сформирования особой Петроградской армии для защиты Петрограда. Керенский согласился подчинить Корнилову войска Петроградского военного округа, за исключением Петрограда и его окрестностей. Петроградский гарнизон оставался в непосредственном подчинении Временного правительства. Керенский понимал, что при выполнении полностью требований Корнилова он мог бы во всякое время быть им снят со сцены.

Стягивание контрреволюционных войск, состоящих из дикой дивизии и казачьих частей, вокруг Красного Петрограда происходило с ведома Керенского, его помощника Савинкова и главного комиссара Временного правительства при ставке — Филоненко. Допуская окружение этими войсками Петрограда, Керенский хотел с их помощью стать диктатором. Но у контрреволюционной буржуазии был свой собственный план, она хотела с помощью этих войск объявить диктатуру генерала Корнилова для решительной расправы с большевиками и с советами вообще. В целях маскировки Керенский был включен в список правительства Корнилова, как министр юстиции, правда, по выражению правой руки Корнилова — Завойко, Керенский «нужен только временно, а потом его уберут».

Этот план буржуазии и Корнилова для Керенского стал ясен накануне решительных действий со стороны Корнилова.

Растерявшийся Керенский вынужден был отшатнуться от Корнилова. Он издал приказ о смещении Корнилова с должности верховного главнокомандующего, которому последний отказался подчиниться. Так произошел разрыв между двумя представителями контрреволюции, проводившими ее различными методами.

Еще вчера сговаривавшийся с Корниловым об удушении революционных рабочих, Керенский поспешил встать в позу защитника революции, выпустив воззвание, в котором, между прочим, писал:

«Временное правительство признало необходимым:

Для спасения родины, свободы и республиканского строя уполномочить меня принять скорые и решительные меры, дабы в корне пресечь всякие попытки посягнуть на верховную власть в государстве и на завоеванные революцией права граждан. Все необходимые меры к охране свободы и порядка в стране мною принимаются и о таковых мерах население своевременно будет поставлено в известность. Вместе с тем приказываю: генералу Корнилову сдать должность верховного главнокомандующего генералу Клембовскому».

Корнилов, конечно, командования не сдал, а сейчас же поспешил двинуть на Петроград те части, которые он считал надежными в борьбе против «беспорядка и анархии».

Временное правительство чувствовало себя беспомощным в борьбе с Корниловым. Оно и после разрыва с Корниловым продолжало с ним переговоры. Буржуазия и ее партия (кадеты) открыто встали на сторону Корнилова. И только узнав о непримиримом настроении петроградских и московских рабочих, гарнизона и кронштадтских моряков, узнав о создании советского «Комитета обороны», Керенский заговорил более решительным тоном.

Но дело защиты революционного Петрограда от Корнилова по существу перешло в руки большевиков, их военной организации и завоеванного к тому времени большевиками междурайонного совещания советов Петрограда.

Петроградские большевики входили в организованный 27 августа комитет по борьбе с контрреволюцией, они послали в него, главным образом, членов военной организации, к которой впоследствии и перешло руководство борьбою с Корниловым под контролем Центрального комитета партии большевиков.

План военной организации заключался в том, чтобы вооружить как можно большее количество рабочих, выдвинуть на позиции свои полки, организовать и поднять рабочие районы: Выборгский, Нарвский, Московский. Под руководством членов ПК(б) все организации районов перестраивали свою работу для наилучшего отражения врага. Так, 28 августа состоялось межрайонное совещание советов, которое постановило усилить немедленно рабочую милицию, вооруженную под политической ответственностью межрайонного совещания и районных советов, усилить военную подготовку Красной гвардии, которая существовала на каждом заводе и после июльских дней ушла в полуподполье.

Профсоюзы отдавали в распоряжение комитета свой штат служащих, ассигновали деньги. Профсоюз печатников вел энергичную борьбу с буржуазной и желтой печатью, предложив наборщикам прекратить набор этих газет. На ряду с этим большевики развили колоссальную агитационную работу в корниловских войсках.

В районах организовывались революционные комитеты; так, в Нарвском районе был образован центральный районный революционный комитет из представителей районного совета, заводских комитетов, профессиональных союзов, войсковых частей, районных

управ и т. д. День и ночь работали путиловцы, изготовляя оружие, собирая пушки для рабочих артиллерийских дивизионов. Рабочие дружины рыли окопы, сооружали блиндажи и проволочные заграждения. Так готовился петроградский пролетарий под руководством Петроградского комитета большевиков отразить напор контрреволюции.

Партия большевиков в корниловские дни оставалась единственной руководительницей масс.

Меньшевики и эсеры в корниловские дни отказались занять самостоятельную позицию. Они призывали сплотиться вокруг Временного правительства. Они требовали поддержки и доверия Временному правительству, они хотели использовать выступление Корнилова для того, чтобы укрепить позиции правительства Керенского, они воспевали Керенского:

> «Единственное лицо, которое в данное время может сконцентрировать власть, — это Керенский... На него и на Временное правительство направлен удар, и если погибнут они, погибнет дело революции» («Известия», 23 августа 1917 г.).

Большевики своевременно предупреждали массы о готовящемся контрреволюционном перевороте.

Еще 6 июля Ленин писал:

> «Закулисная контрреволюция — вот она, как на ладони: это кадеты, известные круги генерального штаба... и подозрительная, получерносотенная пресса. Вот кто не бездействует, вот кто «работает» дружно...»

Сталин 13 августа, на другой день открытия Государственного совещания, указывая, что «дело идет к утверждению и оформлению военной диктатуры», прямо называл вдохновителей и воротил контрреволюции.

> «Это — прежде всего военщина, верхи командного состава, ведущие за собой известные круги казачества и георгиевских кавалеров.
>
> Это, во-вторых, наша промышленная буржуазия с Рябушинским во главе...
>
> Это, наконец, партия Милюкова, объединяющая генералов и промышленников против русского народа, против революции». [4]

В другой статье большевистская газета «Пролетарий» прямо говорила, что буржуазия готовит переворот: «То, что начато диктатурой Керенского, пора продолжить диктатурой вполне надежного, «своего» генерала».

Партия большевиков своевременно разоблачала замыслы и действия контрреволюционных генералов и готовилась к отпору.

> «В происходящей теперь борьбе, — писал т. Сталин, — между коалиционным правительством и партией Корнилова выступают не революция и контрреволюция, а два различных метода контрреволюционной политики». [5]

Отсюда ясна была политика партии: использовать борьбу двух контрреволюционных клик для усиления своих позиций, для воору-

[4] *И. Сталин.* Куда ведет московское совещание, «Пролетарий» № 1, 13 августа.

[5] *И. Сталин.* Мы требуем. «Рабочий» № 4, 28 августа.

жения пролетариата, для подготовки свержения правительства буржуазии и установления диктатуры пролетариата.

Большевики должны были дать отпор Корнилову. Но, борясь с ним, используя открывшиеся легальные возможности для вооружения пролетариата, для организации Красной гвардии, партия не поддержала Керенского.

> «Поддерживать правительство Керенского мы *даже теперь* не должны. Это беспринципность. Спросят, неужели не биться против Корнилова? Конечно, да. Но это не одно и то же, тут есть грань: ее переходят иные большевики, впадая в «соглашательство», давая *увлечь* себя потоку событий». [6]

Наоборот, большевики, разоблачая слабость и шатания Керенского, срывали с него маску защитника революции, подготовляя массы к свержению его.

> «Мы будем воевать, мы воюем с Корниловым, *как и войска* Керенского, но мы не поддерживаем Керенского, *а* разоблачаем его слабость. Это разница. Это разница довольно тонкая, но архисущественная, и забывать ее нельзя». [7]

Не ставя себе в дни борьбы с корниловщиной задачи непосредственного свержения правительства Керенского, большевики через вооружение пролетариата и через разоблачение истинной контрреволюционной позиции Керенского еще более приблизились к задаче завоевания власти пролетариатом.

Руководя борьбой против Корнилова, наша партия большевиков не отказывалась от проведения своей собственной политики, она только изменила тактику.

> «В чем же изменение нашей тактики после восстания Корнилова? В том, что мы видоизменили *форму* нашей борьбы с Керенским. Ни на йоту не ослабляя вражды к нему, не беря назад ни слова, сказанного против него, не отказываясь от задачи свержения Керенского, мы говорили: надо *учесть* моменты, сейчас свергать Керенского мы не станем, мы *иначе* теперь подойдем к задаче борьбы с ним, именно: разъяснять народу (борющемуся против Корнилова) *слабость и шатания* Керенского. Это делалось и раньше. Но теперь это стало *главным*: в этом видоизменение». [8]

Для того, чтобы оторвать массы от соглашательского руководства, большевики проводили агитацию за своего рода

> «частичные требования» к Керенскому: «арестуй Милюкова, вооружи питерских рабочих, позови кронштадтские, выборгские и гельсингфорсские войска в Питер, разгони Государственную думу, арестуй Родзянко, узаконь передачу помещичьих земель крестьянам, введи рабочий контроль за хлебом и за фабриками и пр. пр.». [9]

Вместе с тем большевики с большим успехом применили тактику единого фронта, задача которой заключалась в том, чтобы, оторвав массы от соглашательского руководства, и вопреки ему создать на деле, под руководством большевиков, единый фронт из рабочих и солдат, высвобождая их из-под влияния соглашателей.

---

[6] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 116.
[7] Там же.
[8] Там же, стр. 119.
[9] Там же.

Уже перед переворотом Корнилова силы большевиков значительно выросли. Состоявшиеся в августе выборы в Центральную петроградскую городскую думу ярко демонстрировали крушение мелкобуржуазных оборонческих партий. За социалистов-революционеров, например, было подано около 200 тыс. голосов, т. е. на 375 тыс. голосов меньше, чем во время июльских выборов.

Не лучше обстояло дело и у буржуазной партии кадетов. За нее было подано на 90 тыс. меньше голосов, чем в июне.

«Единственной партией, которая голосов не потеряла, а, наоборот, увеличила свою армию, является наша партия», писала, подводя итог выборам, большевистская газета «Рабочий».

В. И. Ленин так оценивал эти выборы:

> «Действительность показывает нам воочию, что именно после июльских дней большинство народа стало быстро переходить на сторону большевиков. Это доказали и выборы 20 августа в Питере еще до корниловщины, когда процент большевистских голосов поднялся с 20% до 30% в городе без пригородов». [10]

Эти успехи сразу умножаются в корниловские дни. «В рабочих районах все пришло в движение, — сообщала 28 августа большевистская газета «Рабочий», — рабочие вооружаются. Создана правильная связь с партийными и революционными центрами. Решимость питерского пролетариата защищать дело революции не знает пределов».

Об этом же говорит и вышедший в тот же день экстренный вечерний выпуск газеты. Вот как характеризует настроение рабочих обзор в «Рабочих районах»:

> «Здесь внешне царит полное спокойствие, — говорится в обзоре, — но там, в глубине рабочих масс, совершается колоссальная работа. Среди всеобщего предательства рабочий класс не потерял головы, он бодрствует, организуется и вооружается всеми средствами революционной защиты и нападения... Единодушное требование рабочих, беспощадная борьба с буржуазией в революционном тылу так же, как с Корниловым и прочими генералами на фронте революции. Все, кто уклоняется от этой борьбы, рассматриваются рабочими как сообщники буржуазии и Корнилова...
>
> По районам идет усиленная организация боевых рабочих отрядов. Стоят целые хвосты чающих стать в ряды боевой гвардии рабочего класса.
>
> Начались инструкторские занятия ружейными приемами и правилами боевой стрельбы. Почти во всех рабочих районах в порядке революционной инициативы создан институт районных комендантов. Во все районные участки милиции рабочими посланы выбранные комиссары».

Даже соглашательские «Известия» вынуждены были помещать длинные списки резолюций собраний фабрик, рот, полков и общегородских собраний-митингов, в которых рабочие и солдаты выражали решительный протест контрреволюционному мятежу Корнилова, требовали освобождения большевиков из тюрьмы и вооружения рабочих.

Большевистские газеты из номера в номер помещали десятки сообщений о положении дел в районах, освещая революционное настроение и боевую подготовку рабочих по всем заводам, давая руководящие указания к дальнейшей борьбе.

---

[10] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 335, «Письмо к товарищам».

На Путиловском заводе спешно организуются боевые дружины, сообщается в № 8 газеты «Рабочий и солдат». Красная гвардия всю ночь охраняла порядок в районе. Путиловцы постановили по первому призыву организаций и совета выступить на борьбу с контрреволюцией.

«Василеостровский район.—Завод военно-подковный. Сегодня в 11 часов утра состоялось районное собрание фабрично-заводских комитетов с представителями от Исполнительного комитета районного совета рабочих и солдатских депутатов. Приняты инструкции об организации боевых рабочих дружин. Настроение боевое, всюду порядок...»

«Охтенский район. — На русско-американском заводе организуется милиция. Боевые дружины. Требуется оружие. Приступлено к охране. Настроение бодрое...»

«Петроградский район. — На заводах Гольстрем и Тунельд было вчера собрание. Решено по призыву организации выступить на защиту революции. Организуется Красная гвардия...»

Короткие заметки газеты выглядят как боевые сводки. Достаточно раскрыть любой номер большевистской газеты тех дней, чтобы сразу ощутить напряженно-тревожную, но бодрую и полную боевой готовности атмосферу рабочих районов в дни корниловщины.

Корниловский мятеж помимо воли меньшевиков и эсеров привел к легализации Красной гвардии, к колоссальному росту и укреплению рабочих дружин.

Напряженно, не теряя ни минуты, вооружались рабочие, разбивались на десятки, обучались военному делу. Тревога за судьбу революции вылилась на окраинах в организованную дисциплинированную и ударную подготовку к бою с обнаглевшими силами реакции.

Вооружение пролетариата шло не только в Петрограде, Кронштадте Ревеле и Москве, но и в провинциальных промышленных центрах. В Минске, в Царицыне и в целом ряде других городов были созданы боевые рабочие дружины по образцу петроградской Красной гвардии. Борьбу с корниловщиной рабочие и беднейшее крестьянство повели, тесно сплотившись вокруг ленинской большевистской партии, единственной партии, указывавшей путь спасения от контрреволюции, являвшейся подлинным организатором вооруженных сил революции.

Большевистские лозунги стали боевыми лозунгами рабочих и солдатских собраний.

Состоявшееся 28 августа восьмитысячное собрание рабочих и служащих Петроградского механического завода и созванные военной организацией большевиков митинги целого ряда полков (Волынского, Литовского, Преображенского, 6-го саперного) требуют создания единой решительной революционной власти. 30 августа большевистская газета «Рабочий» печатает целый ряд резолюций рабочих и солдатских собраний, в том числе резолюции Кронштадта, Обуховского завода, резолюции многотысячного митинга в цирке «Модерн» и др., в которых рабочие и солдаты требуют осуществления большевистского лозунга «Вся власть советам». Состоявшийся в тот же день большой рабочий митинг в Московском районе потребовал освобождения арестованных революционеров и послал Ленину «горячий привет и пожелания успешно дальше работать на пользу русской ре-

волюции». Собрание находит момент критическим, поэтому считает необходимым установление диктатуры пролетариата и беднейших слоев крестьянства. «Соглашательство в данный момент с буржуазией считаем недопустимым», заявили в своей резолюции рабочие Невского судостроительного завода, по заслугам названного теперь заводом имени Ленина.

Лишь пролетариат и беднейшее крестьянство, взяв власть в свои руки, могут спасти революцию от гибели, заявило двухтысячное собрание рабочих фабрики «Невка». Рабочие собрания в подавляющем большинстве безоговорочно присоединились к воззванию Центрального комитета большевиков, призывавшему всех трудящихся, всех рабочих и солдат Петрограда к решительной борьбе с контрреволюцией и четким большевистским языком говорившему, что спасти революцию может только создание подлинно революционной власти, «которая безоговорочно, беззаветно, всецело возьмет на себя проведение в жизнь требований пролетарской и солдатско-крестьянской массы».

По всей стране в борьбе с контрреволюцией большевики заняли первое место. А меньшевики и эсеры продолжали противодействовать вооружению рабочих; так, например, на заседании комитета борьбы с контрреволюцией от 5 сентября соглашатели постановили число вооруженной милиции ограничить 8000 единицами и высказывались против выдачи оружия на руки и т. п. Только правильная тактика большевиков заставила соглашателей пойти на уступки и согласиться легализировать фактически уже существующую Красную гвардию. Так шаг за шагом большевики, разоблачая предательство эсеров и меньшевиков, отстояли революцию от корниловщины. Выступление Корнилова дало возможность большевистской партии в борьбе с этим выступлением еще больше закрепить свои позиции в массах трудящихся. Корниловщина привела к краху меньшевиков и эсеров и рассеяла коалиционные иллюзии масс.

После корниловщины Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов принял впервые большевистскую резолюцию. Вслед за Петроградским советом перешли в руки большевиков Московский совет и целый ряд провинциальных.

Оценивая значение корниловщины, т. Ленин писал:

> «Историческое значение восстания Корнилова состоит в том, что оно с чрезвычайной силой открыло массам народа глаза на ту истину, которая была прикрыта и прикрывается до сих пор соглашательской средой эсеров и меньшевиков, а именно: помещики и буржуазия с партией к.-д. во главе и стоящие на их стороне генералы и офицеры сорганизовались, они готовы совершить и совершают самые неслыханные преступления, отдают Ригу (а затем и Петроград) немцам, готовы открыть им фронт, отдать под расстрел большевистские полки, начать мятеж, повести на столицу войска с «дикой дивизией» во главе и т. д.; все это ради того, чтобы захватить власть буржуазии, чтобы укрепить власть помещиков в деревне, чтобы залить страну кровью рабочих и крестьян».[11]

После победы над Корниловым партия не переставала призывать массы рабочих к зоркости и бдительности, говоря, что хотя Корни-

[11] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 139

лов и разбит, но у него есть тысячи сторонников среди буржуазии, банкиров и генералов. Партия показывала, что правительство Керенского проводит корниловскую программу. Она призывала рабочих и беднейших крестьян быть на страже, так как решительный бой с буржуазией впереди, наступает *гражданская война* которая есть:

> «Наиболее острая форма классовой борьбы, когда ряд столкновений и битв экономических и политических, повторяясь, накапливаясь, расширяясь, заостряясь, доходит до превращения этих столкновений в борьбу с оружием в руках одного класса против другого». [12]

Корниловщина, еще более отчетливо и ярко вскрыла перед миллионами масс буржуазную сущность керенщины, ее цели и стремления. Пролетариату и беднейшему крестьянству стало яснее ясного, что партия большевиков — единственный революционный вождь трудящихся, а эсеры и меньшевики, избравшие путь соглашения с буржуазией, оказались по ту сторону баррикады.

В порядке дня встал вопрос о непосредственной подготовке к захвату власти пролетарпатом в союзе с беднейшим крестьянством.

[12] *Ленин.* Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 114.

М. Лурье и С. Цукерман

ПАРТИЯ И РАБОЧИЙ КЛАСС ПОСЛЕ КОРНИЛОВЩИНЫ

ПЕТРОГРАДСКИЕ БОЛЬШЕВИКИ В АВАНГАРДЕ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

Корниловщина, явившаяся фактически в 1917 году первым этапом гражданской войны между империалистической буржуазией и рабочим классом, закрепила происшедший к тому времени коренной перелом в политическом настроении масс.

Она ярко вскрыла действительное соотношение классовых сил в стране и показала, куда ведет соглашательская политика мелкобуржуазных партий.

В корниловские дни точно определились те классы и группы, которые были и будут в лагере контрреволюции, и те силы, которые беззаветно боролись и будут бороться против нее.

Но с поражением корниловщины борьба не прекращалась и не ослабевала. Предстояли новые, еще более ожесточенные классовые битвы.

Контрреволюция продолжала свое наступление на революционный пролетариат. У власти встало вновь сформированное контрреволюционное правительство — «директория» — из 5 лиц.

«Впредь до окончательного сформирования кабинета и в связи с чрезвычайными обстоятельствами, возложить непосредственное руководство делами государства на министра-председателя и верховного главнокомандующего Керенского, министра иностранных дел Терещенко, военного министра Верховского, морского министра Вердеревского и министра почт и телеграфов Никитина», говорилось в принятом 1 сентября постановлении Временного правительства.

> «Власть, выбранная Керенским, утвержденная Керенским, ответственная перед Керенским и *независимая* от рабочих, крестьян и солдат. ... Директория, как ширма, прикрывающая союз с кадетами, как маска, заслоняющая от народного возмущения диктатуру помещиков и капиталистов, — вот какова теперь картина»... [1], писал об этой новой власти И. В. Сталин.

Образование директории еще и еще раз показало, что соглашательские партии не вынесли из корниловщины никаких уроков.

Меньшевистско-эсеровский ВЦИК санкционировал новое учреждение буржуазной диктатуры. Пленарное заседание ВЦИК и Исполкома совета крестьянских депутатов, отвергнув резолюцию большевиков, предложило правительству сохранить до Учредительного собрания свой состав и призвало демократию «оказывать энер-

[1] *И. В. Сталин.* На путях к Октябрю, стр. 196 — 197.

личную поддержку правительству в его работе по организации обороны страны и борьбы с контрреволюцией».

«Три дня кричали оборонцы об измене кадетов, три дня кричали они о нежизненности коалиции, распавшейся при первом же столкновении с контрреволюцией. И что же? После всего этого они не нашли ничего лучшего, как принять замаскированную коалицию с теми же оплеванными кадетами...

Меньшевики и эсеры *еще раз* помогли помещикам и капиталистам удержать власть в своих руках, *еще раз* помогли контрреволюционным кадетам одурачить рабочих и крестьян.

Таков и только таков политический смысл вчерашнего голосования ЦИК,»[2] писала 2 сентября большевистская «Правда» по поводу этого позорного собрания, на котором меньшевик Скобелев утверждал, что принцип коалиции оправдался и что «передача власти советам была бы преступлением перед революцией».

Новая власть приступила к борьбе с революцией с бешеной ненавистью заправского крепостника-помещика, действовавшего в союзе с буржуазной контрреволюцией. Первый же день своего господства директория ознаменовала закрытием большевистской газеты «Рабочий».

В стране между тем рос и углублялся экономический кризис. Разруха, голод, безработица все усиливались. В этих условиях меньшевистско-эсеровские соглашатели задумали применить старый, но вечно новый способ обмана трудящихся масс — созыв «демократического» совещания.

3 сентября в «Известиях» появилось постановление ВЦИК и Исполнительного комитета Всероссийского совета крестьянских депутатов о созыве 12 сентября съезда «организованной демократии».

«Демократическим организациям» на совещании было предоставлено различное количество мест: представителям земств и городов — 500 мест, крестьянским советам — 230 мест, советам рабочих депутатов — 230, кооперативам — 150 мест, профсоюзам — 100 мест. Таким образом на совещании было обеспечено преобладание представителей земств и городов и представителей кооперации, т. е. мелкой буржуазии, представленной меньшевиками и эсерами.

Меньшевистско-эсеровский ЦИК знал, что он делал.

«В Советах эсеры и меньшевики потеряли большинство. Поэтому им и пришлось пойти на подлог: нарушить свое обязательство, созвать через три месяца новый съезд советов, спрятаться от отчета перед теми, кто ЦИК Советов выбирал, чтобы подтасовать демократическое совещание. Об этой подтасовке говорили большевики перед совещанием, и результаты его вполне подтвердили их ».[3]

Обман меньшевиков не мог теперь удасться. Борьба за социалистическую пролетарскую революцию, за власть советов — такова была воля масс. В ней нашел конкретное выражение опыт пролетарской борьбы за эти месяцы.

Каждый день приносил новые подтверждения полной изоляции соглашательских партий. Огромный революционный опыт показал массам, что партия большевиков, партия Ленина — един-

[2] *И. В. Сталин.* На путях к Октябрю, стр. 196 — 197.
[3] *Ленин,* Соч., т. XXI, стр. 38.

ственная революционная пролетарская партия, защищающая действительно интересы пролетариата и всех трудящихся. Под знаменами большевиков готовились пролетарские массы к последнему решительному бою.

Призыв к вооруженному восстанию был написан на большевистских знаменах.

После корниловщины в постановке вопроса о вооруженном восстании появился новый момент.

Лозунг вооруженного восстания был выдвинут большевиками еще на июльской общегородской партийной конференции и на VI съезде партии. Но тогда он не сочетался с лозунгом «Вся власть советам».

После корниловщины партия снова выдвинула временно снятый ею после июльских дней лозунг «Вся власть советам». Этот лозунг на данном этапе означал прямой призыв к социалистической революции.

Установка партии большевиков во главе с В. И. Лениным на вооруженное восстание определила политическую линию Петербургского комитета и стала той центральной задачей, под углом которой Петербургский комитет большевиков повел после корниловщины свою практическую работу.

В рядах лучшего отряда нашей партии — петроградской партийной организации была в эти и последующие недели право-оппортунистическая группка, которая выступала против директив Ленина о подготовке вооруженного восстания, утверждая, что за большевиками нет большинства в народе, что в массах нет боевого революционного настроения.

Петроградская организация большевиков, как и вся партия в целом, понимала никчемность этих паникерских уверений. Большевики Петрограда твердо шли по ленинскому пути. Отдельные оппортунистические выступления, имевшие место на заседаниях ПК, *встречали резкий отпор* Петербургского комитета большевиков. Все заседания ПК в сентябре-октябре 1917 г. являются яркой иллюстрацией ленинской линии ПК.

7 сентября ПК большевиков обсуждал вопрос о текущем моменте. Докладчик А. И. Слуцкий указывал, что задачей пролетариата является «организованная борьба за переход власти в руки пролетариев и полупролетариев города и деревни».

«Наша задача, — говорил он, — использовать советы, как боевые центры».

Докладчик исполнительной комиссии ПК намечал таким образом верную политическую линию и указывал на советы как на конкретные органы борьбы за власть. Выступившие в прениях работники ПК и райкомов высказались в духе выводов Слуцкого. И только Г. Ф. Коломин и Н. В. Павлов, признавая, что подготовка восстания стала непосредственной задачей дня, не соглашались, что уже на данном этапе можно указывать на советы, как на органы вооруженного восстания.

Они не сумели уловить тех резких изменений, которые произошли в советах за период от июля до поражения корниловщины.

Не поняв этого, они не могли усвоить новых задач партии, не могли наметить конкретных путей дальнейшего развития революции.

Неверные установки Коломина и Павлова о роли советов после корниловщины не встретили поддержки ПК.

В таком же одиночестве оказался на заседании ПК 10 сентября один из выступивших, развивавший оппортунистическую, каменевскую точку зрения на Демократическое совещание.

Л. Б. Каменев, как известно, рассматривал Демократическое совещание как «полномочное собрание представителей демократии, как полновластный орган». Это означало отказ от лозунга «Вся власть советам», отказ от борьбы за перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую. Позиция Каменева по вопросу о Демократическом совещании прямо вытекала из его общей оценки Февральской революции как революции буржуазно-демократической, которая не может на данном этапе перерасти в революцию социалистическую.

В противовес этому большинство партии во главе с В. И. Лениным рассматривало Демократическое совещание как «хлев», который может быть использован только в целях разоблачения контрреволюции.

В своем письме в Центральный комитет РСДРП 13 и 14 сентября Владимир Ильич говорил, что большевики должны выступить на совещании с краткой декларацией, подчеркивая в ней абсолютную неуместность речей и необходимость немедленного действия для спасения революции. В своей декларации большевики должны требовать полного разрыва с буржуазией, немедленного перехода всей власти в руки пролетариата.

Ленин заканчивал свое письмо строками, пронизанными большевистской страстностью пролетарского революционера.

> «Прочтя эту декларацию, призвав *решать*, а не говорить, *действовать*, а не писать резолюции, мы должны всю нашу фракцию двинуть на заводы и в казармы; там ее место, там — нерв жизни, там источник спасения революции, там двигатель Демократического совещания.
>
> Там должны мы в горячих, страстных речах разъяснять нашу программу и ставить вопрос так: либо *полное* принятие ее совещанием, либо восстание. Середины нет. Ждать нельзя. Революция гибнет.
>
> Ставя вопрос так, сосредоточив всю фракцию на заводах и в казармах, мы *правильно учтем момент для начала восстания*»... [4]

Партия единодушно поддержала ленинскую оценку Демократического совещания, хотя и не сразу сделала правильный вывод о необходимости бойкотировать его.

На таких же позициях стоял и Ленинский петербургский комитет.

Подавляющее большинство выступавших 10 сентября в прениях по вопросу о текущем моменте членов ПК дало верную оценку совещанию.

И. А. Рахья указал, что партия должна разъяснить массам антидемократичность его состава и объяснить, что оно предназначено для прямой помощи контрреволюции.

[4] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 198.

«Нам выгодно, чтобы вопрос о власти был решен окончательно и положительно, — говорил он, — но решение Демократического совещания остается на бумаге, потому что такие вопросы решаются революционной борьбой, а не бумажными революциями» [5]

Такую же оценку давали Демократическому совещанию и остальные члены ПК, подчеркивая особое значение организации масс на данном этапе революции и никчемность совещания.

Лишь в выступлениях одиночек звучали иные ноты.

«Наша задача не раскритиковывать его раньше начала его заседаний и не давать нас изолировать, оставить в стороне, — заявил Г. Ф. Первухин. — Я не вижу в массах стремления к кровавой расправе и борьбе. У нас вчера было совещание, которое высказалось за мирный путь революции. Таково настрое в массах. Наша задача не делать подрыва под это совещание». [6]

Это еще не развитая, неразвернутая, но по существу каменевская оценка Демократического совещания не встретила поддержки.

После прений Петербургский комитет большевиков принял резолюцию, дававшую ленинскую оценку текущего политического момента.

Резолюция отмечала, что после подавления корниловского мятежа ЦИК пытается организовать новый обман масс в виде созыва Демократического совещания, продолжая таким образом и после корниловщины политику измены и предательства по отношению к пролетариату и широчайшим массам трудящихся.

«... Констатируя это, Петербургский комитет РСДРП заявляет, что спасение революции и страны от ужасов контрреволюции и полной экономической разрухи требует немедленного разрыва с политикой соглашения с цензовыми элементами и безответственностью и создания власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство...» [7]

ПК большевиков, совершал несомненно, ошибку, высказываясь за участие в Демократическом совещании, но рассматривал он это участие лишь как способ разоблачения предательской политики меньшевиков и эсеров.

«Высказываясь за участие на этом совещании для того, чтобы подвергнуть беспощадной критике окончательно обанкротившуюся политику соглашательства, с одной стороны, а с другой, с целью сплочения истинно революционных элементов для борьбы за власть, Петербургский комитет призывает революционный пролетариат и гарнизон вынесением резолюции и посылкой делегации на совещание довести до его сведения свою непреклонную революционную волю», [8] говорилось в резолюции ПК.

Большевики Петрограда, как и вся партия в целом, резко разоблачили истинные цели созыва Демократического совещания и разъясняли массам, что им нечего ждать от этого подтасованного «парламента».

Большой интерес для определения политической линии петербургской организации большевиков перед Октябрем представляет заседание ПК от 5 октября 1917 г.

---

[5] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., ГИЗ, 1927 г., стр. 27.
[6] Там же, стр. 273.
[7] Там же, стр. 276.
[8] Там же, стр. 280.

На этом заседании ПК обсуждалось письмо Владимира Ильича «В ЦК, МК, ПК, и членам Советов Питера и Москвы большевикам», в котором Ленин в упор ставил вопрос о том, что нельзя медлить с восстанием.

Докладчиком выступил И. А. Рахья. Он огласил письмо Владимира Ильича и отмечал необходимость немедленно приступить к мобилизации сил, чтобы быть готовым к борьбе каждый час, каждую минуту, исходя из ленинского положения.

> «Медлить — преступление. Ждать съезда советов — ребяческая игра и формальность, позорная игра в формальность, предательство революции...»
>
> Если нельзя взять власть без восстания, надо итти на восстание тотчас... [9]

Ленинские установки встретили полное сочувствие ПК.

Петербургская партийная организация, передовой отряд ленинской партии, под руководством Ленина по-большевистски боролась против всяких попыток поколебать решения партии.

В огромной работе, проведенной ПК и райкомами партий, в невиданном героизме массового пролетарского движения этих недель сказалась непоколебимая воля к победе социалистической революции.

1 октября состоялась конференция Петроградской окружной организации РСДРП(б). На ней было представлено 16 организаций, объединявших в общей сложности 8400 членов партии. В резолюции по текущему моменту конференция со всей остротой поставила вопрос о необходимости перехода власти к советам рабочих и солдатских депутатов.

Конференция постановила принять все меры для обеспечения выборов и работы II съезда советов. На конференции был принят устав окружной организации и избран окружной комитет партии.

Через 6 дней после конференции собралась III общегородская конференция большевиков Петрограда.

III петроградская общегородская конференция большевиков открылась 7 октября и работала до 11 октября. На ней было представлено 49 478 членов партии. В повестке дня, кроме доклада ПК и организационного вопроса, стояли вопросы: о текущем моменте, о пересмотре партийной программы, об Учредительном собрании, о Красной гвардии и о муниципальной работе. Конференция происходила в раскаленной обстановке кануна вооруженного восстания. Ленин в письме к конференции обращал ее внимание «на крайнюю серьезность политического положения». Керенский и англо-французские империалисты, в целях удушения русской революции, готовят сдачу немцам Петрограда.

> «Революция погибла, если правительство Керенского не будет свергнуто пролетариями и солдатами в ближайшем будущем. Вопрос о восстании становится на очередь». [10]

И Ленин намечал практические меры для подготовки восстания: обращение к московским товарищам с призывом взять власть в

[9] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 290, изд. 3-е.
[10] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 293, изд. 3-е.

Москве, использование созываемого в Гельсингфорсе областного съезда советов рабочих и солдатских депутатов Северного района для мобилизации всех сил на подготовку восстания и т. д. К письму был приложен проект составленной Лениным резолюции, в которой разоблачалась подготовка Керенского к сдаче немцам Петрограда, указывалось, что меньшевики, кадеты и эсеры являются орудием в руках англо-французского империализма, что Керенский «был и останется самым опасным корниловцем». Предложенная Лениным резолюция призывала *«быстрым общим восстанием и свержением Керенского открыть дорогу к миру, к спасению Петрограда и революции, к передаче земли крестьянам и власти советам»*.

Не ограничиваясь посылкой письма к питерской городской конференции, В. И. Ленин выработал тезисы для докладчиков на конференции. Эти тезисы должны были быть в то же время наказом делегатам на чрезвычайный партийный съезд. Тезисы также отмечали, что страна находится накануне революции против буржуазного бонапартистского правительства Керенского, что за большевиками несомненно большинство. Нужно, не откладывая разрешения вопроса о власти до созыва съезда советов, немедленно передать власть советам путем вооруженного восстания.

> «Связать эту задачу непременно со съездом советов, подчинить ее этому съезду, — говорилось в тезисах, — значит играть в восстание, назначая заранее его срок, облегчая подготовку войск правительством, сбивая с толку массы иллюзией, будто «резолюцией» съезда советов можно решить вопрос, который способен решить только восставший своей силой. Задача взятия власти советами — задача успешного восстания». [11]

В своих тезисах Ленин таким образом резко боролся с конституционными иллюзиями Каменева, Зиновьева, Троцкого и др., настаивавших на необходимости не предпринимать никаких решительных шагов до съезда советов.

III общегородская конференция большевиков взяла за основу своей резолюции по текущему моменту резолюцию, предложенную В. И. Лениным. Конференция заявила, что стоящее у власти буржуазное контрреволюционное правительство, полностью дискредитировавшее себя в глазах рабочих, солдат и крестьян, готовится нанести смертельный удар революции, в то время как окончательно освободившиеся от влияния эсеров и меньшевиков пролетарские массы вступают на путь революционной борьбы.

> «Только замена правительства Керенского, вместе с подтасованным Советом республики, рабочим и крестьянским революционным правительством способна: а) передать землю крестьянам; б) тотчас же предложить справедливый мир и тем дать веру в правду всей нашей армии; в) принять самые решительные революционные меры против капиталистов для обеспечения армии хлебом, одеждой и обувью и для борьбы с разрухой». [12]

В проекте резолюции о Красной гвардии конференция указала, что создание вооруженных боевых кадров революции и всеобщее вооружение народа являются ближайшими практическими задачами партии. Резолюция была передана в Исполнительную комис-

[11] II и III петроградские общегородские конференции большевиков, стр. 125.
[12] Там же, стр. 119.

сию ПК для окончательной обработки и затем вместе с резолюцией по текущему моменту помещена в газете «Рабочий путь». [13]

Конференция горячо обсудила вопрос о голодовке, объявленной в тюрьме политическими заключенными по делу 3 и 5 июля. Большевики, собравшиеся на III общегородской конференции, послали братский привет заключенным в тюрьмах товарищам и выразили твердую уверенность, что массовое пролетарское восстание, накануне которого уже находится страна, вырвет узников из тюрем «республики».

В резолюции о муниципальной работе конференция решительно протестовала против попыток противопоставить советам рабочих и солдатских депутатов органы местного самоуправления, которые не могут быть ни органами восстания, ни органами революционной власти, и указала, что партийная фракция должна работать под руководством партийных организаций.

III общегородская партийная конференция Петрограда показала, что в лице петроградских большевиков пролетариат Петрограда имеет надежного, стойкого и опытного рулевого, готового повести массы в решительный классовый бой с буржуазией.

ПОД ЗНАМЕНЕМ КОММУНИЗМА

Корниловщина способствовала окончательному разрыву пролетарских масс с мелкобуржуазными партиями.

Уроки корниловщины не пропали даром. В сентябре — октябре уже пошло на убыль добросовестное революционное оборончество масс, поверивших в начале революции, что буржуазное Временное правительство может отказаться от аннексий и контрибуций. Рассеялось, как дым, доверие меньшевикам и эсерам.

Яркими показателями большевизации трудящихся масс были резкие резолюции рабочих собраний, революционизирование профсоюзов и фабзавкомов, выборы большевиков в центральную городскую и районные думы, досрочные перевыборы членов советов, завоевание большинства в Петроградском совете и, наконец, крестьянские восстания, широкой волной разлившиеся по селам и деревням «свободной российской республики».

«Мы категорически протестуем против всяких соглашательств с представителями контрреволюционной буржуазии, ибо всякое соглашательство с буржуазией губит революцию, в чем мы воочию убедились. Мы убедились, кто наш враг и кто действительный защитник», заявило собрание фабрично заводских комитетов Невского района, на котором присутствовали представители 50 тыс. рабочих.

«Мы заявляем, что корниловские опыты, проделываемые на наших спинах благодаря вашему преступному приспособленчеству, нам обходятся очень дорого... Вы долго говорили за нас, но не по-нашему», сказали соглашателям, рабочие завода Лангензипен (новый).

После подавления корниловщины с новой силой начался разгул реакции, репрессии против большевиков, закрытие пролетарских

[13] «Рабочий путь» № 35, от 13 октября 1917 г.

газет, аресты, попытки разоружения рабочих и вывода из столицы революционных полков. Рабочие ответили на новый поток репрессий еще большим сплочением вокруг революционной пролетарской партии. Резолюции сотен тысяч рабочих снова решительно потребовали освобождения революционеров, арестованных 3—5 июля, и прекращения гонения на вождей рабочего класса.

«Протестуем против грубого ареста истинных защитников революции», сказали полторы тысячи рабочих Трубочного завода.

«Требуем немедленного освобождения из тюрьмы наших передовых товарищей, так как революционные вожди должны быть с нами в дни опасности», заявили тысячи рабочих завода Акционерного общества «Вестингауз», на котором работало около 1000 человек.

Протест против преследования рабочей печати, требование освободить арестованных большевиков и привлечь к суду «клеветников на вождей революционного пролетариата», требование «роспуска Государственной думы, Государственного совета и других контрреволюционных центров», «закрытия всех буржуазных газет, обслуживающих контрреволюцию», вооружения пролетариата и т. д. находим во всех почти резолюциях рабочих и солдатских собраний, вынесенных после подавления корниловского мятежа. Но над всем доминирует, все покрывает общий непреклонный, решительный протест против соглашательской политики мелкобуржуазных партий.

«Прекратить торговлю с кадетами из-за министерских кресел. Вся власть советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»—в такой короткой, но яркой формуле выразили общее пролетарское требование рабочие Франко-русского завода и Галерного островка.

Трудящиеся массы научились распознавать предательские маневры меньшевиков и эсеров. И когда, после ряда неудачных попыток ликвидировать вызванный корниловщиной кризис власти, было создано «новое правительство», так называемая директория из пяти, трудящиеся не обманулись показным разрывом этого правительства с кадетами.

Как ни была завуалирована эта сделка соглашателей с реакцией, она была благодаря постоянной агитации большевиков, понята рабочими и солдатами и встречена гневным протестом.

Пролетарские массы понимали, что «отсутствие официальных представителей кадетов в правительстве лишь прикрывает полную его зависимость от кадетов». «Для виду — долой кадетов. На деле — союз с кадетами. Для виду — министерство без кадетов. На деле — министерство для кадетов» *(Сталин)*. Эта большевистская оценка «директории» находила живейший отклик в массах.

Не попался петроградский пролетариат и на удочку «Демократического совещания». Большевистские газеты резко разоблачали Демократическое совещание, именуемое «органом всей демократии», как явный подлог меньшевиков и эсеров, в целях оставления власти в руках буржуазии.

Пролетариат и пролетарская часть армии победили в героической борьбе перешедшую в наступление контрреволюцию, а целый ряд советов рабочих и солдатских депутатов лишен права голоса на

совещании; цензовые элементы поддерживали контрреволюцию, сочувствовали ей, и это право получили, говорила газета.

Пролетарии Петрограда поняли, что весь смысл совещания — в попытке меньшевиков и эсеров опереться на подтасованный предпарламент, «занять народ этой комедией» и подменить волю революционных классов волей капиталистов и помещиков. О том, как отнеслись рабочие к Демократическому совещанию, с какими требованиями шли на него их депутаты, свидетельствуют резолюции Петроградского совета профсоюзов, Центрального совета фабрично-заводских комитетов и III конференции фабрично-заводских комитетов Петрограда и окрестностей.

Обсуждение Петроградским советом профсоюзов вопроса о Демократическом совещании ярко продемонстрировало, какой сдвиг влево проделали профсоюзы Петрограда под влиянием корниловского мятежа и вызванного им окончательного разрыва масс с соглашателями. Петроградский совет профсоюзов, обсудив 5 сентября вопрос о Демократическом совещании, отверг неизвестно от кого исходившее, но по духу явно меньшевистское предложение «не принимать никаких политических резолюций и выступать на Демократическом совещании как представителям политических партий». Совет профсоюзов присоединился к большевистской резолюции Петроградского совета, принятой на историческом заседании в ночь на 1 сентября, и положил ее в основу своей декларации.

Решение Петроградского совета профсоюзов показало, что он не желал больше играть роль игрушки в руках классовых врагов пролетариата.

Корниловщина заставила профсоюзы вплотную заняться политикой. Во время корниловского мятежа профсоюз металлистов ассигновал большие средства на борьбу с контрреволюцией; профсоюз печатников повел решительную борьбу с буржуазной печатью и ее подголосками из лагеря «желтой прессы» и предложил наборщикам прекратить набор контрреволюционных газет; профсоюз железнодорожников вооружал рабочих, останавливал движение корниловцев, посылал людей для разбора и осмотра пути и охраны мостов; Центральный совет профсоюзов дал 1000 рублей на борьбу с контрреволюцией и т. д.

Петроградский совет профсоюзов понимал, что ответственность за корниловский мятеж лежит на коалиционном правительстве.

«Мы считаем нужным заявить, что рассматриваем создавшееся положение как результат политики коалиционного Временного правительства, приносящего интересы мира и народных масс в жертву союзным и русским империалистам. Заключив соглашение с господствующими классами, правительство оказалось игрушкой в руках контрреволюции, обрушив всю силу удара на левый фланг революционной демократии», гласила резолюция, принятая 27 августа Петроградским советом профессиональных союзов и Центральным советом фабзавкомов.

Эта резолюция указывала, что практическими мерами, могущими вывести страну и революцию из тупика, являются: передача помещичьих земель крестьянским комитетам, немедленное осуществле-

ние рабочего контроля над промышленностью, беспощадная борьба с контрреволюционерами, отмена репрессий против революционных рабочих и солдат. А в числе мер для защиты Петрограда Петроградский совет профессиональных союзов предлагал организацию рабочей милиции и освобождение всех арестованных по делу 3—5 июля. Но принятая 25 августа резолюция не выдвигала еще вопроса о борьбе за диктатуру пролетариата и ограничивалась требованием немедленного декретирования республики, роспуска Государственной думы и Государственного совета и смены контрреволюционных министров.

После корниловщины неуклонно идет революционизирование профсоюзов. Следующим шагом Центрального совета профсоюза и было, как мы видели, его присоединение к большевистской резолюции Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, требующей создания правительства пролетариата и беднейшего крестьянства.

Таково было после корниловщины настроение профессиональных верхов. Нечего говорить, что низовые профсоюзные собрания говорили решительным большевистским языком.

Решительный сдвиг влево в сентябре наблюдался не только у петроградских профсоюзов. Подавляющее большинство профсоюзных организаций России было завоевано большевиками. Это ярко обнаружилось на Демократическом совещании, вскрывшем полное банкротство оборонцев в профдвижении.

Если Всероссийская конференция профсоюзов была триумфом соглашательских партий, если еще на Московском совещании оборонцы вели за собой половину профессиональных делегаций, то теперь подавляющее большинство профсоюзных делегатов решительно осуждало соглашательскую тактику, шло нога в ногу с большевистской фракцией, голосуя вместе с ней и принимая участие во всех ее выступлениях против оборонцев. На предварительном совещании профсоюзной делегации, в котором приняло участие 35 представителей Всероссийского совета профессиональных местных и всероссийских объединений, только 8 делегатов высказались за коалицию, 73 делегата, представлявшие на совещании 1182 тыс. организованных в профсоюзы рабочих, голосовали против. А когда вопрос о коалиции был поставлен на голосование на пленуме совещания, профсоюзная делегация большинством 139 против 32, при двух воздержавшихся, высказалась против коалиции.

> «Это голосование показывает, что профессиональное движение в России отныне окончательно связало свою судьбу с судьбой рабочей партии пролетариата», делала вывод большевистская газета.

Нет почти ни одного союза, в котором не росли бы симпатии к партии большевиков, отмечал на заседании ПК 15 октября и представитель профсоюзов.

Резолюции Центрального совета ФЗК и III конференции фабзавкомов о Демократическом совещании ярко иллюстрируют политическую позицию фабрично-заводских комитетов, которые в 1917 г. представляли собой самостоятельные, отдельно от профсоюзов существовавшие боевые рабочие организации.

7 сентября заседание Центрального совета ФЗК с участием пред-

ставителей районных фабзавкомов выразило горячий протест против того, что бюро Центрального исполнительного комитета создает в большинстве нерабочий состав Демократического совещания и отказывается допустить на совещание представителей провинциальных советов ФЗК. В этом же духе высказалась состоявшаяся 10 сентября в помещении завода «Динамо» III конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда и окрестностей, на которой присутствовало около 300 представителей фабзавкомов.

«Есть все основания опасаться, что это совещание явится вторым, несколько исправленным изданием позорной памяти Московского совещания», заявила конференция. Она указала, что оборонческие партии, пользуясь своим большинством в ЦИК, сознательно суживают представительство действительно революционных рабочих, солдатских и крестьянских организаций, в то же время искусственно расширяя и раздувая представительство сословных организаций — городских самоуправлений, земств, кооперативов и др., на «политическую благонадежность» которых, по мнению большинства ЦИК, можно спокойно положиться.

«Такая организационная линия до известной степени заранее предопределяет физиономию совещания в желательном для «оборонцев» виде». И конференция ФЗК со всей силой протестовала против «такого способа тенденциозной подтасовки волевыявления революционной демократии». Конференция предложила своим делегатам на Демократическом совещании добиваться создания власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство и обеспечивающей немедленное предложение мира, немедленную конфискацию помещичьей земли, проведение рабочего контроля над производством и беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ.

Конференция фабзавкомов, руководимая большевиками, прекрасно отдавала себе отчет, что Временное правительство, которое «снова и снова уклоняется на путь коалиции с контрреволюцией», не в состоянии провести всех этих мер.

Плясавшее под дудку кадетов правительство Керенского, на словах признавая принцип контроля и учета производства, на деле неуклонно саботировало его.

> «Срыв контроля, превращение его в ничто, в фикцию, игра в контроль, оттяжка всяких деловых и практически серьезных шагов, создание необыкновенно сложных, громоздких, чиновничье-безжизненных учреждений контроля, которые насквозь зависимы от капиталистов и ровнехонько ничего не делают и делать не могут»,[14] — такими словами характеризовал В. И. Ленин «экономические меры» правительства Керенского по борьбе с разрухой.

Сами меньшевики и эсеры принуждены были признать *полную бездеятельность образованных при правительстве центральных органов регулирования экономической жизни*. Буквально так характеризовалась «работа» этих органов 7 сентября экономическим отделом ВЦИК.

> «Разве можно себе представить более красноречивое свидетельство о крахе меньшевистско-эсеровской политики, подписанное руками меньшевиков и эсеров?»,[15] писал по этому поводу В. И. Ленин.

[14] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 161, изд. 3-е.
[15] Там же.

«Безусловно необходимые меры борьбы с хозяйственной разрухой — хлебная монополия, контроль над производством и распределением, ограничение выпуска бумажных денег и т. д. не могли осуществиться в полной мере, так как их затормозило сопротивление помещиков и капиталистов, сопротивление, осуществляемое и через правительство Керенского (на деле правительство вполне буржуазное и бонапартистское), и через чиновничий аппарат старого государства, и через прямое и косвенное давление русского и «союзного» финансового капитала».

Не мало гневных разоблачающих строк посвятил этому вопросу Владимир Ильич.

> «Контроль, надзор, учет — вот первое слово в борьбе с катастрофой и голодом, — писал он. — Вот что бесспорно и общепризнано. И вот чего как раз *не делают* из боязни посягнуть на всевластие помещиков и капиталистов, на их безмерные, скандальные прибыли, прибыли, которые наживаются на дороговизне, на военных поставках (а на войну теперь «работают» прямо или косвенно чуть ли не все), прибыли, которые все знают, все наблюдают, по поводу которых все охают. И ровно ничего для сколько-нибудь серьезного контроля, учета надзора со стороны государства не делается».

А в результате — катастрофический рост хозяйственной разрухи, голода и безработицы.

Но хозяйственный кризис не пугал буржуазию. Наоборот, она делала все возможное для его углубления. Промышленники держались тактики — «чем хуже, тем лучше». Их расчет был прост: чем хуже, тем скорее разочаруются массы в революции, тем легче будет буржуазии снова стать полновластным хозяином производства, бесконтрольно эксплоатировать сотни тысяч рабочих и наживать бешеные прибыли на своей «патриотической работе на нужды войны». И председатель Всероссийского союза торговли и промышленности Рябушинский, мечтавший задушить революцию костлявой рукой голода, прямо говорил, что финансово-экономический провал — вещь не плохая.

> «Когда он для всех станет очевидным, тогда только почувствуют, что шли по неверному пути. К этому времени мы должны деятельно готовиться, чтобы наши организации были на высоте положения». [16]

В целях еще большего углубления кризиса, подталкиваемые страхом перед революцией и бешеной ненавистью к рабочим организациям, энергично боровшимся за осуществление рабочего контроля, фабриканты и заводчики в момент острого голода и бестоварья стали закрывать фабрики и заводы, сокращать производство и выкидывать на улицу десятки тысяч рабочих.

Локауты были для предпринимателей не новым делом. К ним прибегали с первых же дней революции. Особенно бурно стала подниматься волна локаутов после июльского выступления рабочих.

После корниловщины, столкнувшись лицом к лицу с вооруженным большевистски настроенным пролетариатом, буржуазия прямо поставила своей целью организацию всероссийского локаута. Это был сознательный, организованный заговор против ре-

[16] «Торгово-промышленная газета» от 6 августа 1917 г.

волюции. Промышленники создали специальные центры для руководства этой «работой».

Временное правительство, в рядах которого находились «деятели» этих центров, не могло, конечно, вести борьбу с этим заговором против революции. [17]

> «Капиталисты умышленно и неуклонно саботируют (портят, останавливают, подрывают, тормозят) производство, надеясь, что неслыханная катастрофа будет крахом республики и демократизма, советов и вообще пролетарских и крестьянских союзов, облегчая возврат к монархии и восстановление всевластия буржуазии и помещиков», [18] писал В. И. Ленин в середине сентября.

Предприниматели пользовались малейшим поводом, чтобы закрывать заводы. Они уверяли, что нет материалов или нехватает заказов. Но когда рабочие находили материал и раздобывали заказы, оказывалось, что все эти причины не более как предлог, — перепуганные бурным подъемом революционной волны, буржуа прибегали к локаутам из политических целей, чтобы путем закрытия завода и роспуска рабочих по домам потушить их революционный пыл. Многочисленные примеры показывают, как готовилась буржуазия обречь сотни тысяч рабочих на безработицу и голод.

> «Заводский комитет завода С. Трайнин прилагает все усилия для предотвращения закрытия завода, — читаем в газете «Рабочий путь».— Найдено два заказа. С. Трайнин принимать заказы отказался.
>
> ...Топливом и материалом, за исключением черного железа завод обеспечен почти на год. Но фабрикант С. Трайнин категорически заявил, что новых заказов брать не будет —и, как видно, завод будет закрыт». [19]

На следующий день большевистская газета печатает ряд аналогичных сообщений о других заводах.

На заводе Парвиайнен заводоуправление объявило расчет 1630 рабочим, мотивируя это нехваткой топлива. Специально выделенная завкомом комиссия для проверки использованного топлива установила, что использование топлива ведется крайне нерационально и можно без малейшего ущерба ходу производства сократить расход топлива на 30%.

На заводе «Резвый» общества костеобжигательных заводов администрация заявила в сентябре заводскому комитету о закрытии завода в виду отсутствия сырья, в то время как заводскому комитету было известно, что сырья имелось на 4 месяца и что, кроме того, в Петропавловске у общества было сырья почти на полтора миллиона рублей.

Завод акционерного общества «Пулемет» был закрыт «за убыточность производства». Было выброшено за борт около 700 рабочих. Рабочие установили, что заводоуправление, стремясь к закрытию завода, всеми силами отделывалось от заказов.

Локауты часто подготовлялись под видом подготовки к эвакуации предприятия. Предприниматели воспользовались постановлением Временного правительства о разгрузке Петрограда. Это постановление было вынесено под предлогом необходимости урегу-

[17] Смирнов и Третьяков, организаторы Всероссийского союза союзов, были членами последнего буржуазного правительства.

[18] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 159.

[19] «Рабочий путь» от 6 сентября 1917 г., № 3.

лировать продовольственный вопрос в Петрограде, а на самом деле было продиктовано все тем же страхом буржуазии перед организованным и большевистски настроенным пролетариатом Петрограда.

На фабрике акционерного общества Невской механической обуви администрация отдала распоряжение запаковать в ящики машины, так как надо готовить фабрику к эвакуации.

— Куда именно эвакуируется фабрика? — спросили рабочие.

— Помещение еще не найдено, — уклончиво заявил директор.

— Фабрикант хочет не эвакуировать, а саботировать, — заявили рабочие, поставили у ворот охрану из рабочих-милиционеров и отдали распоряжение без заводского комитета со двора ничего не пропускать.

На Военно-подковном заводе в середине сентября тоже была объявлена частичная эвакуация. Машины отправлялись в Рыбинск, чтобы быть сложенными там в сарае. Рабочие выяснили, что завод обеспечен заказами на полгода, материалом и топливом — на несколько месяцев. Заводский комитет вынес постановление о бесцельности и вредности для производства такой эвакуации.

В числе заводов, предназначавшихся к эвакуации, оказался и огромный Трубочный завод, на котором работало около 20 тысяч человек. Рабочие встревожились. Заводский комитет потребовал, чтобы в связи с эвакуацией не производилось никаких расчетов, и послал трех представителей в Пензу, Воронеж и Саратов, так как туда предполагалось эвакуировать завод.

Что же обнаружили делегаты заводского комитета?

> «Оказалось, — рассказывали рабочие, — что в Пензе уже построен большой завод на 20 тысяч рабочих и во главе его стоит бывший начальник 11-й мастерской Трубочного завода, капитан Сахаров, который предлагает перевести туда часть станков, но без рабочих, указывая на то, что в Пензе своих рабочих достаточно для любого количества станков». Отсюда ясно, что администрация Трубочного завода решила разгрузить свой завод от питерских рабочих и заменить их провинциалами. [20]

Это неожиданное открытие вызвало взрыв возмущения, и рабочие Трубочного завода решили ни в коем случае не допускать такой «разгрузки», понижающей заработную плату рабочих и выбрасывающей часть рабочих за борт.

А вот еще один рассказ рабочих — живая картинка послекорниловских дней, когда фабриканты и заводчики с помощью буржуазного правительства и меньшевистско-эсеровских вождей «творили волю свою». Приводим полностью это безыскусственное, но захватывающее повествование:

> «С болью в сердце приходится видеть расчет 1050 человек на заводе ст. Барановский (Выборгская набережная, № 21).
>
> Героических усилий стоило организации отстаивать тот саботаж, который господин предприниматель устроил рабочим. Несколько месяцев заводская организация боролась с надвигающимся расчетом. Все пути и «дистанции» были пройдены ею, но последняя ступень, на которую были положены 6 000 человек рабочих, рухнула. Министерство труда Скобелева, куда обращались за справедливостью и защитой, более склонно защищать интересы заводчиков и фабрикантов, нежели революционных рабочих и работниц.

[20] «Рабочий путь» № 7, от 10 сентября 1917 г.

22 августа с. г., вечером, на стенах завода, без согласия на то заводской организации, заводоуправление вывесило объявление — списки рабочих гильзового отдела, подлежащих расчету. Поднялся невообразимый хаос. Масса забурлила внутри завода, как кипящий котел, и ее с трудом удалось сдержать; заводскую организацию старались обвинить в соглашательстве с заводоуправлением.

23-го созвали собрание — объяснили положение дела. Рабочие соглашаются подождать до 25 августа, пока решится вопрос о расчете данного завода на заводском совещании; проходят два дня — опять отказ, опять министерство труда и окончательный расчет. Выхода больше нет, принимается расчет. С болью в сердце заводская организация приступает к составлению списков, согласно решению общего собрания рабочих, подлежащих к расчету товарищей. У заводского комитета сотни возбужденных рабочих толпятся целый день.

Рабочим выдается расчет на 1 месяц вперед, это все, что могла вырвать из пасти предпринимателя заводская организация». [21]

Разгрузка Петрограда вызвала, как видим, бурю негодования, направленную не только против отдельных предприятий, но и против буржуазного правительства. Под влиянием большевистской агитации даже те рабочие, которые все еще склонны были ждать помощи от «министров-социалистов» и обращались к ним «за справедливостью и защитой», быстро убеждались на таких примерах, что правительство Керенского «более склонно защищать интересы заводчиков и фабрикантов, нежели революционных рабочих и работниц».

Наиболее ярко выразили настроение, с которым была встречена разгрузка Петрограда, рабочие Путиловского завода.

«Затевается колоссальная, бесполезная для народа трата денег обнищавшего народа и трата дорогого времени, — сказали путиловцы. — Единственная цель предположенной меры — цель явно контрреволюционная: разгрузить Питер, этот центр революции, от революционного пролетариата. Совершиться этой эвакуации мы не дадим, не допустим. Настаиваем же на эвакуации тех жителей Питера, кои не занимаются производительным трудом или несут труд для народа бесполезный, и кроме того настаиваем на высылке монастырей, приютов, ювелирных мастерских и магазинов, торгующих предметами роскоши, фруктами, и многих других бесполезных буржуазных учреждений». [22]

Министерство труда тщетно пыталось опереться на заводские организации, чтобы с их помощью провести вызвавшую возмущение рабочих разгрузку Петрограда.

Уже упоминавшаяся выше III конференция фабрично-заводских комитетов Петрограда и окрестностей прямо заявила, что разгрузка и эвакуация ведут к еще большему ухудшению финансового положения страны и к разрушению ее производительных сил, так как, во-первых, разгрузка проводится на государственные средства, а во-вторых — выселенные из Петрограда предприятия лишь в немногих случаях и с громадной затратой средств и сил могут быть восстановлены на новых местах. Конференция указала кроме того, что при разгрузке самым тяжелым образом страдают интересы рабочих, так как рабочим угрожают неминуемые лишения, необеспеченность, безработица и голод. «План провести общую разгрузку и эвакуацию Петрограда является контрреволюционным заговором

[21] «Рабочий путь» № 18, от 23 сентября 1917 г.
[22] Там же. № 8, от 12 сентября 1917 г.

против рабочего класса, идущим на помощь военным контрреволюционным заговором имущих классов», так оценила конференция ФЗК правительственную затею разгрузки Петрограда. И конференция, руководимая большевиками — призвала рабочий класс вести против этого контрреволюционного заговора буржуазии самую энергичную борьбу, памятуя, что единственный путь обеспечения дальнейшего развития революции в создании пролетарской власти.

Руководимые в большинстве большевиками, фабрично-заводские комитеты не заставляли себя об этом просить. Они всемерно пытались проводить рабочий контроль над производством, яростно боролись с локаутами, неуклонно разоблачали контрреволюционный характер эвакуации предприятий, ратовали за повышение заработной платы рабочих. В условиях сознательного саботажа и вредительства промышленников и полнейшей инертности правительства партийные (большевистские), профессиональные и фабрично-заводские организации рабочих и советы рабочих и солдатских депутатов оказались единственными борцами против преступной разрушительной работы буржуазии. Приведенные выше примеры ярко иллюстрируют деятельность ФЗК.

Рабочие организации не позволяли закрывать предприятия и сокращать производство, изыскивали заказы для заводов, принимали меры к рациональному использованию топлива. Отстаивавшим производство работ на фабриках и заводах рабочим приходилось часто прибегать даже к вооруженной силе, пользуясь помощью рабочей милиции. Можно было бы привести целый ряд примеров, как рабочие восстанавливали работу в уже закрытых предприятиях. Нередко злостный саботаж предпринимателей вынуждал рабочих для обеспечения бесперебойной работы фабрик и заводов самим становиться во главе производства. Героическая борьба рабочих против разрушения производительных сил страны вызвала неистовое озлобление буржуазии, которая ожесточенно травила рабочие организации. Отношение мелкобуржуазных партий к этой травле лишний раз подчеркивало их позорную предательскую роль.

Правительство Керенского поддержало поход предпринимателей против революционных фабзавкомов.

Мелкобуржуазные «демократы» были покорной игрушкой в руках буржуазии.

Фабриканты и заводчики хотят быть полными хозяевами на предприятиях. В их расчеты не входит оплачивать членов ФЗК, посягающих на их хозяйские права. И министр-социалист меньшевик Скобелев издает циркуляр о том, что члены ФЗК не должны оплачиваться.

Фабриканты не желают считаться с мнением рабочих при найме и увольнении. И министр-социалист Скобелев издает циркуляр о ФЗК, отменяющий по сути дела обязательства найма и увольнения через фабрично-заводские комитеты. А товарищ министр труда Колокольников «предостерегает» на III конференции ФЗК рабочих от вмешательства в хозяйственную жизнь заводов.

Речь Колокольникова прозвучала на конференции резким дис-

сонансом. Как не вязалась она с горячим прочувствованным словом большевика Дербышева, приветствовавшего конференцию от имени Центрального совета ФЗК. «В дни контрреволюционного заговора, — говорил Дербышев, — фабрично-заводские комитеты доказали всю свою организованность, стойкость и готовность грудью встретить врага».

Заводский комитет Путиловского завода и другие заводские комитеты стояли на страже революции, охраняли заводы, рыли окопы, организовывали рабочую милицию и дружины.

> «Мы ждали только сигнала, чтобы ринуться в бой с ненавистным врагом.
>
> И вот во время такой самой напряженной работы для защиты революции пролетариатом появляется 28 августа циркуляр экс-министра Скобелева... [23]
>
> «Можем ли мы, товарищи, оставить этот брошенный нам вызов без ответа? На поступающую к нам, в Центральный совет, массу заявлений от заводских комитетов о походе капиталистов на выборные рабочие организации, объявленном комитетом объединенной промышленности, мы отвечаем товарищам: «не давайте разрушить родное дитя революции — заводские комитеты — боритесь за их осуществление стойко и не сдавайте своих позиций». [24]

Конференция ФЗК воздавала по заслугам меньшевистскому министерству.

> «... Поход против комитетов является преступлением против революции, а *солидарность в этом походе министерства труда с промышленниками* является для рабочего класса еще одним грозным уроком *гибельности политики соглашательства*. Конференция поэтому требует немедленной отмены циркуляров министерства труда, заявляя, что права комитетов, которыми они пользуются в настоящий момент, должны быть утверждены законодательным порядком, а пока комитеты на местах должны продолжать работу на прежних основаниях».

Экономическое положение рабочих между тем все ухудшалось. Сокращение и закрытие заводов вызывало массовое увольнение рабочих и огромный рост безработицы. В Петрограде, по данным министерства труда, вследствие закрытия многих промышленных предприятий и сокращения производства с 1 июля по 15 августа осталось без работы около 25 тысяч человек.

А надо ведь еще помнить, что это — преуменьшенные официальные данные буржуазного министерства.

Безработица не была только петроградским явлением. Она давала себя чувствовать и в других городах и губерниях. В Московской губернии закрылось около 50 предприятий, главным образом текстильных, и свыше 50 тысяч рабочих, в том числе 70—75% женщин, было выброшено на улицу. На Урале к середине октября закрылось 50% предприятий и было зарегистрировано свыше 60 тыс. безработных. Накануне самого переворота в Екатеринославле было рассчитано около 80 тыс. рабочих. 10 тыс. безработных в Астрахани, 1200 безработных металлистов в Сормове, около тысячи безработных в Одессе — таковы данные официальной статистики.

---

[23] «Рабочий путь» № 11, от 15 сентября 1917 г.
[24] Там же, № 13, от 17 сентября 1917 г.

«Дошло до массовой безработицы, — писал в середине сентября В. И. Ленин. — Подумать только: в стране бестоварье, страна гибнет от недостатка продуктов, от недостатка рабочих рук, при недостаточном количестве хлеба и сырья, — в такой стране, в такой критический момент выросла массовая безработица». [25]

Не приходится и говорить об «условиях жизни» безработных. Нашему рабочему молодняку трудно даже представить себе, на какие муки были обречены эти десятки тысяч выкинутых капиталистами на улицу и брошенных на произвол судьбы рабочих. Но пережившие период разгула реакции старые производственники никогда не забудут тех кошмарных дней.

Положение работающих было немногим лучше. Рост армии безработных, локауты и массовые увольнения рабочих, поддержка правительством похода предпринимателей на заводские организации крайне затрудняли борьбу за сохранение реальной заработной платы.

Но как ни затруднена была борьба за улучшение положения рабочих, она шла беспрестанно, и если после июльских дней и корниловщины появилось что-либо новое в этой борьбе, то это была все возрастающая организованность рабочих.

После июльских дней борьбу за тариф возглавили профессиональные союзы. «Торгово-промышленная газета» отмечала, что до 1 октября только в четырех отраслях промышленности профессиональные союзы разрешили в пять раз больше конфликтов, чем центральная примирительная камера, обслуживающая все профессии. Забастовки, теряя характер стихийной вспышки, превращались в продуманный и хорошо организованный способ борьбы. Они велись не разрозненными отдельными предприятиями, а охватывали сразу целые отрасли производства. В июле — августе например бастовали металлисты, резинщики, кожевники и т. д. Забастовки имели длительный характер. Например, в июле — августе на предприятиях Московской губернии забастовок, продолжавшихся менее 10 дней, было 11, 11 — 20 дней — 3 и свыше 20 дней — 19.

Этот путь организованной, массовой и упорной борьбы за тариф, который был характерен уже для послеиюльских дней, вполне соответствовал настроению рабочих после корниловщины. «Не примирение, а борьба» было написано на знамени рабочих.

Доклады профессиональных союзов на пленумах Петроградского совета профсоюзов были вестями с фронта ожесточенной классовой борьбы.

5 сентября на заседании Петроградского совета профсоюзов представитель союза текстильщиков заявил о возможной забастовке в связи с проведением тарифа. Несмотря на ужасающе низкую заработную плату, не превышавшую 6 р. [26] в день для квалифицированных рабочих, говорил он, предприниматели не только не хотят принять тариф союза рабочих, но и не соглашаются с тарифными ставками междуведомственного совещания. Докладчик сообщает, что делегат-

[25] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 159.

[26] Покупательная способность денег понизилась уже к тому времени вследствие массового выпуска бумажных денег в 4 — 5 раз.

ский совет рабочих текстильщиков 3 сентября уполномочил правление в 4-дневный срок потребовать от промышленников ясного и точного ответа, принимают ли они постановление междуведомственного совещания; немедленно объявить по фабрикам о возможности неизбежной забастовки, принять меры к планомерной подготовке к ней, основным требованием этой забастовки признать полное проведение выработанного союзом тарифа и объявить забастовку в тот момент, когда найдет нужным. Срок ответа — 8 сентября. После этого союз начнет забастовку, которая охватит до 35 тысяч рабочих текстильщиков.

Петроградский совет профессиональных союзов признал, что союз исчерпал все меры для разрешения конфликта и что вся вина за забастовку должна пасть на промышленников. И совет обещал союзу текстильщиков всеми способами поддержать его в борьбе с предпринимателями.

Вслед за текстилями выступил на пленуме представитель союза химиков. Он рассказал о ликвидации, продолжавшейся четыре месяца, стачки красильщиков. Красильщики взяли расчет. Места объявлены под бойкотом. Представитель союза химиков обратился в совет профессиональных союзов с просьбой оказать помощь в размещении рабочих, оставшихся в связи со стачкой без работы.

Заметки о забастовках чуть не каждый день появлялись на страницах газет. В сентябре — октябре бастуют железнодорожники, рабочие почт и телеграфов, печатники, картонажники, служащие аптек и т. д. и т. д. Для всех забастовок характерны упорство администрации, предательство меньшевиков и эсеров и боевая готовность руководимого большевиками пролетариата.

> «Администрация упорствовала,—сообщала большевистская газета «Рабочий путь»,—и своими ответами и объяснениями и клеветой в грязной печати только раздражала рабочие массы и открыто вызывала их на забастовку. Министерство труда по обыкновению проявило свою инертность. Удержать массы не было никакой возможности, несмотря на все старания союза. Забастовка была объявлена. Собрание постановило пропускать только грузы и воинские поезда.
>
> Центральный дорожный комитет, этот «защитник пролетариата», не только поддерживает администрацию, но имел даже наглость заявить рабочим через своего члена социал-революционера Букшина, что применит вооруженную силу в случае недопущения рабочими на работу штрейкбрехеров».[27]

Так началась в конце сентября стачка железнодорожников. Рядом, в той же газете сообщалось о новой забастовке:

> «Союз рабочих металлистов доводит до сведения граждан Петрограда, Гатчина, Царского Села, Красного Села, пользующихся электрической энергией со станции бывш. министерского двора, что в виду упорного нежелания комиссара Временного правительства над министерством двора войти в соглашение с союзом рабочих металлистов для улажения конфликта между рабочими электрической станции и бывш. дворцовым ведомством, правление союза рабочих металлистов, исчерпав все средства мирного улажения конфликта, вынуждено объявить забастовку всех рабочих, занятых на электрических станциях указанного ведомства, с 6 час. вечера в воскресенье 17 сентября. Стачка не распространяется на: 1) водопро-

[27] «Рабочий путь» № 13, от 18 сентября 1917 г.

воды, 2) Александринский театр, 3) министерство продовольствия, в виду удовлетворения требований рабочих этими учреждениями». [28]

Угром 21 сентября началась забастовка на 5 фабриках, выделывающих бумагу, — на двух фабриках Печаткина, фабрике Крель, Российской писчебумажной и Невской писчебумажной.

«Общее число бастующих — около 2500 человек, настроение бодрое, образован Центральный стачечный комитет и стачечный фонд. Бастующими приняты меры к охране фабрик. Всюду расставлены наряды и караулы из рабочих». [29]

Как видим, даже по тону эти заметки носят тот же характер боевых сводок с фронта, как и приводимые нами заметки газеты о положении дела в районах в корниловские дни.

Предприниматели, о локаутном азарте которых мы уже говорили, зачастую отвечали на стачки закрытием предприятия.

К угрозам закрытия прибегали и владельцы типографий. Но стойкая борьба пятидесяти двух типографий сломила упорство предпринимателей, и печатники, бастовавшие в общем около двух месяцев, выиграли стачку.

Нет возможности описывать все эти конфликты, хотя они очень интересны и показательны. Остановимся только несколько подробнее на забастовке железнодорожников. Владимир Ильич придавал конфликту железнодорожников с правительством очень большое значение.

«К числу симптомов, имеющих не только симптоматическое, но и весьма реальное значение, — писал Владимир Ильич, — надо отнести еще то, что имеющие гигантское общеэкономическое и общеполитическое и военное значение армии железнодорожников и почтовых служащих продолжают быть в остром конфликте с правительством». [30]

Железнодорожники и почтово-телеграфные служащие несколько месяцев тщетно добивались увеличения заработной платы. После того, как назначенная Временным правительством комиссия под председательством Г. В. Плеханова отказала им, они объявили Всероссийскую забастовку железных дорог. Забастовка началась в ночь на 24 сентября и продолжалась до 27 сентября.

«Правительство Керенского способно лишь говорить о терпении, посылать гневные телеграммы, когда советы о «терпении» не достигают цели. Но с первых же дней революции железнодорожники «терпят» и «ждут». Их извели различные комиссии и подкомиссии. Железнодорожников вынудили прибегнуть к забастовке. Ответственность за последствия этого опасного шага всецело лежит на правительстве коалиции». [31]

И большевистская газета гневно высмеивала правительство, у которого нет денег, чтобы повысить заработную плату бастующим железнодорожникам, но которое продолжает давать царским сановникам тысячные оклады, печатает на народные деньги в государственных типографиях контрреволюционные издания Родзянко и Милюковых и тратит миллиарды на продолжение империалистической войны.

[28] «Рабочий путь» № 13, от 18 сентября 1917 г.
[29] Там же № 17, от 22 сентября 1917 г.
[30] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 238.
[31] «Рабочий путь» № 19, от 25 сентября 1917 г.

Фракция большевиков еще накануне забастовки заставила Центральную городскую думу обсудить вопрос о конфликте на железных дорогах. Член управы Кобозев, выступивший от имени фракции большевиков, нарисовал потрясающую картину условий жизни железнодорожников.

«Когда я в качестве инженера проезжал по Ташкентской железной дороге, ко мне навстречу выходили полураздетые, босые служащие со своими семьями и детьми, умолявшие обратить внимание правительства на их безотрадное материальное положение». [32]

Большевики настаивали, чтобы дума послала делегацию к Временному правительству, добиваясь удовлетворения справедливых требований железнодорожников.

Совсем другие речи зазвучали в зале, когда на трибуну поднялись эсеры. Один за другим эсеры Постников, Раппопорт (Анский), Чихачев и др. брали буржуазное правительство под свою защиту.

— К кому предъявляют железнодорожники свои требования? — вопрошал Раппопорт. — К народной казне.

— Мы должны призвать железнодорожников к терпению, — в тон ему подвывал Постников.

Министр-социалист Никитин послал железнодорожникам гневную телеграмму, назвав решение Центрального железнодорожного комитета о забастовке ударом, подобным корниловскому заговору.

«Гражданин министр, — ответили ему железнодорожники, [33] — ваша телеграмма есть призыв к разгрому демократических организаций... Мы рассматриваем вашу телеграмму как произведение провокационной литературы и даем наш ответ исключительно для освещения вопроса в глазах демократии и всего населения».

В этом конфликте железнодорожников с правительством рабочие массы были целиком на стороне бастующих железнодорожников.

«Приветствуем товарищей железнодорожников за смелый и решительный шаг борьбы за свои права», сказали рабочие завода Атлас — Петроград, заслушав доклад о стачке железнодорожников и обсудив положение железнодорожных служащих и рабочих.—И пусть те министры, которые заставили вас прибегнуть к всеобщей железнодорожной стачке, пусть помнят, — они заставляют прибегать к всеобщей стачке всего рабочего класса. Верим в нашу могучую силу труда и поддержке локаутирующей и саботирующей в ее борьбе и посылаем вам, товарищи железнодорожники, привет и солидарность».

Вот каким языком говорил в конце сентября рабочий класс с министром из соглашательского стана.

Позиция меньшевиков и эсеров во время забастовки железнодорожников крайне характерна. Это один из бесчисленных примеров того, как «помогали» мелкобуржуазные партии бастующим рабочим. И в вопросах непосредственной экономической борьбы, как и в основных политических вопросах, меньшевики и эсеры являлись агентами империалистической буржуазии. Иначе конечно и быть не могло.

---

[32] «Рабочий путь» № 19, от 24 сентября 1917 г.

[33] Приводим выдержку из ответа ЦИК союза железнодорожников.

В то время как большевики возглавляли экономическую и политическую борьбу рабочих, оборонцы заключали закулисные сделки с контрреволюционной буржуазией и возлагали ответственность за разруху и провал коалиции на... рабочих.

«Рабочий класс России, — писал 10 сентября Потресов, — в лице своих представителей потому и не мог заставить буржуазию до сих пор итти за собой и честно выполнять коалицию (вместо того чтобы бесчестно саботировать власть), что он сам не наложил узды на свои инстинкты, что он сам не подал великого примера самоотречения в интересах государственного целого». [31]

К самоограничению, терпению, смирению беспрестанно призывали рабочих в условиях буржуазной диктатуры меньшевистско-эсеровские вожди. Под этими призывами охотно подписался бы любой корниловец.

Острые конфликты правительства с рабочими, безработица, голод, фактический отказ правительства бороться с хозяйственной разрухой и поддержка локаутирующей и саботирующей буржуазии в ее борьбе с заводскими комитетами, явное предательство соглашательских партий — в результате всего этого возрастало недовольство широких рабочих масс.

А реакция все усиливалась. 25 сентября на смену директории пришло новое правительство, которое открыто включило в свой состав вождей реакции.

«Уже три недели тому назад это новое министерство было вполне готово и терпеливо выжидало за кулисами, чтобы по сигналу, поданному рукой опытных политических режиссеров, выступить на сцену в роли спасителей отечества. На политической сцене оборонческие режиссеры разыгрывали гнусную комедию и, пуская в ход поочередно подлог, обман и предательство, неуклонно подводили события к моменту, когда по условию должны были покинуть свою засаду Кишкин-Коноваловы и К°, те самые кадеты, появление у власти которых было «неудобно» три недели тому назад под свежим впечатлением корниловско-кадетской авантюры».

Об этом же писал 27 сентября т. Сталин в передовой под красноречивым названием «Правительство буржуазной диктатуры».

«Шесть министров-капиталистов, как ядро кабинета, — писал он, — и десять министров-социалистов в услужение им, в качестве проводников их воли. Декларация правительства еще не опубликована, но основы ее известны: «борьба с анархией» (читай: с советами), «борьба с разрухой» (читай: с забастовками), «поднятие боеспособности армии» (читай: продолжение войны и дисциплина)».

Новое правительство было встречено рабочими в штыки. «Новое правительство не найдет поддержки», — заявили рабочие завода «Вулкан».

«Клянемся клятвою испытанного в борьбе пролетариата, мы будем твердо стоять в рядах революции, которая знает и ясно видит контрреволюционный лик нового правительства. Клянемся, мы не сойдем с постов революции, могучий зов которой несется во все страны мира и рассеивает ложь и клевету врагов народа. Мы не сойдем с постов революции, которая сплачивается и растет, чтобы в последней борьбе победить или умереть.

[31] «День», от 10 сентября 1917 г.

И вам, товарищи солдаты и матросы Финляндии, посылая свой братский привет, вам, над которыми уже занесло свой меч новое контрреволюционное правительство, заявляем, что мы связаны с вами единым помыслом, единым революционным стремлением, единою клятвою борьбы до конца за истинную революционную власть советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». [35]

Это — одна из бесчисленных резолюций. Так говорили теперь рабочие, решительно отказывая в доверии буржуазному правительству. Свои слова они подкрепляли делом при каждом удобном случае. Соглашатели с позором изгонялись из фабрично-заводских комитетов и советов рабочих и солдатских депутатов.

Во все эти предъоктябрьские месяцы шла чистка рабочих организаций. На состоявшихся еще в конце августа перевыборах заводского комитета завода Старый Парвиайнен эсеры требовали 6 мест из 13. Большевики предложили им 4 места. Эсеры не согласились, но они жестоко прогадали: из 2100 голосов около 1800 было подано за большевиков и только около 300 за эсеров. Эсеры получили 2 места.

В конце сентября во время перевыборов фабрично-заводского комитета на заводе Лесснер из 835 присутствовавших за большевиков голосовало 471, за беспартийных — 186, за эсеров — 155, за меньшевиков — 23. Всего в заводский комитет прошло больше половины большевиков и ни одного меньшевика.

Живо откликаясь на призыв большевиков проводить хотя бы частичные перевыборы в Петроградский совет, пролетарии заменяли большевиками старых делегатов из соглашательского меньшевистско-эсеровского лагеря.

5 и 6 сентября состоялись перевыборы в совет на Петроградском оружейном заводе. На этом заводе господствовали до сих пор оборонческие партии. На собрании речи большевиков прерывались шумными протестами, а оборонцам бурно аплодировали. «Казалось, что так и не удастся этот завод вывести на истинно пролетарский путь», рассказывали рабочие. И что же?

«На перевыборах прошли 2 большевика и 2 эсера, а меньшевики и плехановцы оказались забаллотированными. Не помогли меньшевикам ни вывески с именами Чхеидзе и Церетели, ни сладкие, «умные речи их ораторов». Победили большевики, ибо правильность их тактики оправдывается самой жизнью».

«Среди записавшихся есть много бывших эсеров и меньшевиков, — писали они, — которые прямо заявляют, что разочаровались в политике своих вождей, что попали к ним в первые дни революции по ошибке и больше за ними никогда не пойдут». [36]

Об огромном авторитете большевистской партии в широких рабочих массах говорил и еще один факт, которому Владимир Ильич придавал большое значение. Мы имеем в виду рост добровольных пожертвований в фонд большевистской печати.

«Сознательность участия масс в партии при отсутствии всякой статистики по движению числа членов в партии, по посещению собраний и

[35] «Рабочий путь» от 11 октября 1917 г.
[36] Там же № 20, от 26 сентября 1917 г. — передовая «Кадеты пришли».

т. п. можно проверить на фактах лишь по опубликованным сведениям относительно денежных сборов на партию», [37]

И Владимир Ильич отмечал, что эти сведения показывают громадный массовый энтузиазм рабочих в сборе денег на «Правду».

«У кадетов нет ничего подобного. Их партийную работу «питают» взносы богачей... нет и следа активной помощи масс». [38]

Постоянно публикуемые в «Правде» отчеты о сборах служили прекрасным подтверждением ленинских слов. В фонд ЦО РСДРПб стекались трудовые сбережения рабочих окраин — 1030 руб. от рабочих завода Лесснер, 500 руб. от кондукторов и вагоновожатых, 150 р. от Василеостровского районного парка, 2000 руб. от Петроградского патронного завода, 1698 руб. от завода Вейса и т. д. и т. п.

А в общей сложности сводки зачастую давали итог в 3500 руб.

Рабочие завода Розенкранц передали газете 10 000 р. и 5000 р., кроме того дали деньги большевистскому ПК.

Рабочие фабрики «Скороход», отчислив по призыву ЦК и ПК на рабочую печать однодневный заработок, дали на 11 сентября в фонд большевистской печати 4622 р.

Характерно, что шли поступления и от таких предприятий, как завод Гейслер, завод врачебно-военных заготовлений и др., которые были раньше опорными пунктами соглашателей.

Передачу денег в фонд большевистской печати рабочие сопровождали посылкой горячих приветствий, в которых называли партию большевиков и большевистские газеты «единственными защитниками интересов революционного питерского пролетариата», «стойкими борцами за свободу и дальнейшее развитие революции». [39]

Приветствия большевистской газете посылали часто даже и принадлежащие к другим партиям рабочие. «Мы, рабочие Обуховского завода, электро-сталелитейной мастерской, без различия партий, шлем свой братский привет газете «Рабочий путь», выразительнице интересов всего трудового народа», писали в своем приветствии обуховские рабочие и присоединяли свой голос к голосам, требующим скорейшего освобождения пострадавших в дни 3—5 июля.

Рабочие, оставшиеся в рядах меньшевистско-эсеровских партий, чувствовали, что и им не по пути с соглашателями. Вслед за приветствиями большевикам делали они и второй шаг, окончательно порывая с мелкобуржуазными партиями. «Мы, члены партии соц.-рев., работающие на заводе русский Рено, — говорится в помещенной 13 сентября в «Рабочем пути» заметке, — выносим порицание вождям партии за их тактику и соглашательства с буржуазией. Находим, что дальше оставаться в рядах партии, предающей наши рабочие интересы, нельзя, а потому выходим из ее рядов. Вступаем в ряды истинной защитницы наших интересов — РСДРПб. Призываем последовать нашему примеру всех других товарищей рабочих». Под заявлением следовал ряд подписей.

[37] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 203, изд. 3-е.
[38] Там же.
[39] Из резолюций заводов Розенкранц, Крейтон и др.

Революционная позиция Петроградского совета профессиональных союзов, Центрального совета фабзавкомов и массы низовых профессиональных фабрично-заводских организаций, неисчислимые большевистские резолюции рабочих собраний, победы большевиков в различных избирательных кампаниях (в советы, ФЗК, думы и т. д.), массовые сборы средств в фонд большевистской печати, развал мелкобуржуазных партий, решительный переход на большевистские рельсы Петроградского совета, на котором мы подробнее остановимся в следующей главе, — все эти огромного значения факты говорили об одном — об окончательном разрыве масс с соглашателями, о бесповоротной большевизации петроградского пролетариата.

Рабочие Петрограда не остались одиноки в своем протесте против соглашательской политики «социалистических партий» в требовании перехода власти к советам. Пролетариат Москвы и других промышленных центров России горячо поддерживал их, потребовав в своих резолюциях создания подлинно революционной власти. Мы уже видели, на каких революционных позициях стояло большинство профсоюзной делегации на Демократическом совещании.

Состоявшиеся в конце сентября выборы в районные думы Москвы [40] еще раз продемонстрировали решительный сдвиг масс в сторону большевизма.

Число поданных за большевиков голосов возросло, по сравнению с предыдущими выборами, с 11% до 52%. Эти выборы показали, что за большевиками идет не только пролетариат, но и армия. Московский гарнизон голосовал сплошь за большевистские списки. В результате, по официальным данным, [41] в районные думы было избрано 350 большевиков вместо 23 избранных на июньских выборах, а в районных думах рабочих окраин и в выделенных ими районных управах большевики стали полноправными хозяевами.

При таких условиях невозможно было оспаривать, что пролетарские массы России, и в первую очередь передовой отряд пролетариата — рабочие Петрограда, завоеваны большевиками. Не могли отрицать этого даже враги. «Кадетская печать признает, что там, где сконцентрированы массы рабочих или солдат, наблюдается по общему правилу и сила большевизма». [42]

«Большевизм в тесном смысле этого слова (?) усилился, — вынуждена была признать в сентябре эсеровская газета «Дело народа».— Это вне сомнений. Он усилился именно за счет эсеровских и меньшевистских трудовых масс... факт его усиления несомненен. Петроградский пролетариат теперь почти сплошь идет за большевиками».

И дальше газета удивленно и испуганно сообщала, что большевиками завоеваны не только рабочие, но и трудовое крестьянство.

> «Победы эти нельзя назвать иначе как блестящими. Это рабочие. Но вот выборы в уездное земство в Московском уезде, земские выборы в некоторые волости Пермской губернии. И везде неожиданный успех большевиков» («Дело народа»).

[40] Выборы в районные думы Москвы происходили 24 — 26 сентября 1917 г.
[41] По данным Московской городской управы.
[42] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 203, изд. 3-е.

«Дело народа», как видим, от изумления и испуга потеряло даже дар членораздельной речи и взволнованно испускало только возгласы изумления.

Как смешно было в такой обстановке читать заверения другой эсеровской газеты «Воля народа», беспредельная наглость которой позволяла ей «утверждать», что влияние большевизма идет на убыль. Как забавно было слушать сетования меньшевистских «Известий», что Петроградский совет «оторвался от массы»!

«Суньтесь-ка, гг. оборонцы, к питерским рабочим и солдатам!— отвечали им пролетарии Петрограда. Тогда вы узнаете, кто «оторвался» от массы, если это вам еще недостаточно ясно».

Прогноз Ильича осуществился полностью.

Рабочие массы шли за большевиками.

КРАСНАЯ ГВАРДИЯ РЕВОЛЮЦИИ

ПК и партийные районы уделяли огромное внимание организации Красной гвардии. Это непосредственно вытекало из курса партии на вооруженное восстание, как на непосредственную практическую задачу дня.

В борьбе с корниловским мятежом Красная гвардия Петрограда не только значительно выросла, но и организационно окрепла.

28 августа, по постановлению Межрайонного совещания районных советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда, в районах были созданы районные комендатуры — центры Красной гвардии. В круг их деятельности входило — организация и вооружение Красной гвардии, руководство охраной революционного порядка в районе, борьба с контрреволюцией и т. д.

Для руководства районными комендатурами Межрайонным совещанием советов была создана центральная комендатура Красной гвардии Петрограда. 13 сентября она была утверждена собранием районных комендантов.

Таким образом в сентябре Красная гвардия Петрограда имела уже весьма стройную схему организационного руководства. Но в организации самой Красной гвардии не было почти никакого единообразия. Очередной задачей центральной комендатуры была подготовка общегородской конференции, которая должна была принять устав Красной гвардии и превратить ее в боевую силу с единой системой организации. За это неустанно ратовала газета Военной организации при ЦК РСДРП(б) — «Солдат».

6 сентября в «Солдате» были опубликованы схема организации рабочих дружин и памятка красногвардейца, которые впоследствии послужили основой для устава Красной гвардии.

> «... Для того, чтобы вооружение рабочих было настоящим делом, а не пустыми словами, нужно, чтобы товарищи рабочие и солдаты сами проявили и большой интерес и большое участие к этому делу и в этом деле, — говорила газета.
>
> Для этого нужно, чтобы товарищи члены рабочей гвардии требовали в каждом районе от своих выборных начальников созыва общегородского совещания (конференции) представителей всех уже действующих дружин.

Это совещание необходимо потому, что уже давно нужно выработать и принять на такой общегородской конференции устав рабочей Красной гвардии». [43]

Передовая «Солдата» № 29 была посвящена вопросу «О рабочих дружинах».

24 сентября Петербургский комитет большевиков заслушал специальный доклад М. Я. Лациса о Красной гвардии.

Лацис в своем докладе обращал внимание ПК на необходимость особого внимания к Красной гвардии, которой в самое ближайшее время придется выступить в качестве боевой силы. «Мы должны создать такую организацию, — говорил он, — которая обеспечивала бы непосредственную связь Красной гвардии с остальной рабочей массой и в то же время представляла бы собой действительную боевую силу».

Лацис выдвинул стройную схему организации Красной гвардии. На заводах и фабриках должны быть созданы отряды Красной гвардии, которые объединяются в районные организации Красной гвардии; во главе районной организации должен стоять совет Красной гвардии района, в который входит представитель районного совета. Районные Советы Красной гвардии объединяются в Центральный совет Красной гвардии Петрограда. Задачи Красной гвардии не должны ограничиться самообучением военному искусству.

«Члены гвардии должны уметь обращаться не только с винтовками, но и с различным оружием и даже орудиями, пулеметами и т. д. Красная гвардия должна задаться целью обучить рабочие массы». [44]

Выступавшие в прениях товарищи в основном соглашались со схемой Лациса. Специального решения по этому вопросу вынесено не было, так как вопрос о Красной гвардии должен был подвергнуться обсуждению на III общегородской конференции петербургской организации большевиков.

Клич нашей партии был подхвачен в первую очередь выборгскими красногвардейцами — авангардом Красной гвардии столицы революции.

7 октября состоялась историческая конференция Красной гвардии Выборгской стороны. На ней присутствовали 29 делегатов от 22 фабрик и заводов Выборгского района и по одному представителю от райкома РСДРП(б), Союза социалистической молодежи, Исполкома Выборгского районного совета и бюро Центральной комендатуры Красной гвардии.

По данным т. Стакуна (доклад комиссии по организации Красной гвардии), на 27 заводах Выборгского района насчитывалось 4084 красногвардейца. Общее же количество красногвардейцев по району было больше, так как 16 заводов сведений не представили. Таким образом, Красная гвардия Выборгской стороны к Октябрю далеко перевалила за 5000 человек.

Конференция приняла устав Красной гвардии и потребовала от Центральной комендатуры ускорения созыва общегородской конференции Красной гвардии.

[43] «Солдат» № 29, 19 сентября 1917 г.
[44] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., ГИЗ, 1927 г., стр. 285.

Устав Красной гвардии, принятый на октябрьской конференции Выборгского района, значительно отличается от проекта основ устава Красной гвардии, принятого Выборгским районным советом 28 апреля 1917 г.

Красная гвардия ставит теперь своей задачей не «охранение жизни, безопасности и имущества всех граждан без различия пола и возраста и национальности», как гласил апрельский проект устава, а «защиту рабочих, крестьян и всех угнетенных капиталом граждан общества от гнета, насилий и произвола буржуазии»... [45]

Опыт борьбы от апреля до октября не прошел даром для пролетариев Выборгского района. В Октябрьском уставе нет уже демократических иллюзий. Пролетарии Выборгского района за эти месяцы далеко шагнули вперед в своей борьбе за пролетарскую, социалистическую революцию. Богатейший революционный опыт лучшего пролетарского отряда за эти месяцы неимоверно вырос. Выборгский район и здесь был в авангарде. Он неутомимо работал над созданием и приведением в действительно боевой порядок Красной гвардии — основного костяка вооруженных сил пролетарской революции.

Выборжцы в своем октябрьском уставе весьма умело применяли ленинскую идею о всеобщем вооружении народа и в первую очередь — пролетариата. Устав рассматривал Красную гвардию не только как специальные отряды вооруженных пролетариев, но и как метод, посредством которого можно достигнуть всеобщего вооружения народа.

Устав весьма подробно рассматривал вопрос об обязанностях красногвардейцев. Он требовал от красногвардейца безоговорочного выполнения приказаний инструктора. Он требовал строжайшей дисциплины, но не казарменной, а основанной на понимании красногвардейцами необходимости единой воли, единого действия, без которых нельзя победить в борьбе с буржуазией.

В уставе подробно была разработана организационная структура Красной гвардии. Этот устав, правда в значительно измененном виде, был принят общегородской конференцией Красной гвардии 22 октября.

Значение октябрьской конференции Выборгского района не только в том, что она приняла и настаивала на созыве общегородской конференции, но и в том, что она выбрала штаб Красной гвардии Выборгского района.

Выборгский район шел впереди других районов Петрограда, но и в остальных районах работа по организации Красной гвардии ни на минуту не прекращалась. Пролетариат столицы прекрасно понимал, что вооруженное восстание стало практической, непосредственной задачей дня и под руководством партии Ленина, не покладая рук, готовил вооруженные силы пролетарской революции. Красногвардейцы с большевистской настойчивостью и упорством изучали военное дело, чтобы в грядущей борьбе применить слова Маркса — «восстание, как и война, есть искусство».

[45] Из устава, принятого октябрьской конференцией.

Деятельность руководящих органов Красной гвардии в эти предъоктябрьские недели была сконцентрирована вокруг одной цели — «составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и пр.) с лозунгом: «*Погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*» (*Ленин*).

Внутреннюю жизнь Красной гвардии в эти предъоктябрьские недели т. Ракитов (красногвардеец франко-русского завода, Коломенского района) описывает следующим образом.

> «Мастерская превратилась в лагерь. Войдешь в мастерскую — за станками стоят токари, через плечо подсумок, винтовка у станка. В слесарной в углу стоит куча винтовок, у слесарей тоже надеты подсумки, а кругом да около бродят эсеры и меньшевистская дрянь, шипя себе под нос, не смея открыто выступить, или собираются за котлами кучкой, толкуя между собой, озираясь по сторонам, как волки. А наша гвардия и в ус не дует, работает весело и бодро, зная, что они сильны, оружие у них в руках.
>
> За час приблизительно до окончания работы приходит десятник или из коллектива и указывает, кто куда назначен. Гудок. Винтовки на ремень и по назначению. Выйдешь на двор, уже устроились и ждут инструкторов. Пришел. Назначается ученье.
>
> Взглянешь на рабочее войско, как оно разнообразно. Стоят рядом рабочий с бородой и ученик-мальчик, и оба внимательно слушают инструктора. Сколько желания, сколько решимости в их глазах, и с какой охотой они маршируют и делают ружейные прицелы после трудового дня...» [46]

Так изо дня в день, вооружаясь и обучаясь, Красная гвардия готовилась к последнему решительному бою за пролетарскую революцию, за диктатуру пролетариата. И в половине Октября Красная гвардия Петрограда уже представляла собой весьма внушительную силу. По данным И. Юренева, в районах насчитывалось красногвардейцев под ружьем:

1. Выборгском районе около	5 000	чел.
2. Василеостровском р-не свыше	1 000	»
3. Нарвском районе не менее	1 000	»
4. Обуховском » » »	1 100	»
5. Шлиссельбургском	200 — 250	»
6. Петроградском	600 — 800	»
7. Московском	800 — 900	»
8. Пороховском	300 — 400	»
9. Охтенском	500	»

Всего во второй половине октября числилось под ружьем в Петрограде с пригородами 10 000 — 12 000 красногвардейцев.

Петербургский комитет большевиков, ведя беспощадную борьбу со всякими отклонениями от генеральной ленинской линии партии, не покладая рук готовил вооруженные силы пролетарской революции.

БОРЬБА ЗА ТРУДОВОЕ КРЕСТЬЯНСТВО

Осуществилось и другое «предвидение» большевиков. Широкие слои трудового крестьянства поняли, что в лице пролетариата и его партии они имеют надежного и единственного защитника, что только

[46] «Красная летопись» № 6, 1923 г.

пролетарская диктатура даст мир и землю и явится действительным выразителем интересов трудового крестьянства.

И если «Дело народа» охало и ахало насчет революционного настроения широких слоев бедноты в Московском уезде и в далекой Пермской губернии, то бедной «эсеровской даме» стало бы совсем дурно, если бы она посмела заглянуть в деревни и села Петроградской и соседних с нею губерний.

Город революции со своим рабочим движением и мощными пролетарскими организациями не только влиял, но и целиком предопределял характер массового движения крестьянства прилегающих губерний: Петроградской, Псковской и Новгородской.

Крестьянское движение в этих губерниях к Октябрю гигантски разрослось.

Пролетарский центр создал и к этому времени широко развернул деятельность массовых крестьянских организаций: крестьянских советов, совета крестьянских депутатов петроградского гарнизона и т. д., послуживших пролетариату и его партии мощнейшими рычагами в отвоевании крестьянства от мелкобуржуазного соглашательства и в расслоении самого крестьянства.

Говоря о стратегии нашей партии на февральско-октябрьском этапе революции, И. В. Сталин писал:

> «... Цель — свалить империализм в России и выйти из империалистической войны. Основная сила революции — пролетариат. Ближайший резерв — беднейшее крестьянство. Пролетариат соседних стран как вероятный резерв. Затянувшаяся война и кризис империализма как благоприятный момент. Направление основного удара: изоляция мелкобуржуазной демократии (меньшевики, эсеры), старающейся овладеть трудовыми массами крестьянства и кончить революцию путем *соглашения* с империализмом. План расположения сил: союз пролетариата с беднейшим крестьянством...» [47]

Пролетариат шел к Октябрю в союзе с деревенской беднотой. Лишь деревенская беднота явилась той классовой силой, которая способна итти с пролетариатом в социалистической революции до конца. Известное сочувствие всего крестьянства он имел лишь постольку, поскольку в ходе борьбы за свои основные цели он мимоходом боролся за доведение до конца буржуазно-демократической революции.

Это предопределяло и самый характер массового движения крестьянства в эти предоктябрьские недели. Война против помещика, против крепостничества в сентябре — октябре окрашивается в иные цвета. В эти недели происходил разгром помещичьих гнезд, и деревенская беднота, да и середняк не очень-то зарекались и от кулацкой земельки.

Воспоминания крестьян ярко рисуют общий ход крестьянской войны в 1917 г. в этих губерниях.

> «... Чрезмерная эксплоатация и насилие заставили крестьян очень враждебно относиться к помещикам, — пишет крестьянин Псковской губернии. — Осенью 1917 г. происходили разгромы, поджоги и порча всякого помещичьего имущества. Правители Керенского снова и снова присылали войска для усмирения крестьян, но из этого в конце царства

[47] *Сталин.* Вопросы ленинизма, ГИЗ, 1931 г., стр. 69.

керенщины ничего не выходило, так как крестьяне сговаривались с солдатами и действовали заодно. Руководителями всего крестьянского движения были солдаты, возвратившиеся с фронта, и приехавшие из Петрограда рабочие».

Размах движения к этому времени был настолько силен, что из 28 уездов Приозерного района (Петроградская, Псковская, Новгородская губернии) в сентябре 18 уездов были охвачены массовым крестьянским движением.

В Новгородской и отчасти в Псковской губерниях к октябрю месяцу крестьянские волнения превратились в сплошное крестьянское восстание.

«Крестьяне-бедняки и лучшая часть середнячества, — пишет другой крестьянин Псковской губернии, С. Денисов, — восставали не только против помещиков, но и против отрубников, хуторян и других богатых крестьян, особенно кулаков».

Таким образом, крестьянское движение этого периода, в основном направленное против помещика, против остатков крепостничества, вместе с тем являло пример жесточайшей борьбы внутри самого крестьянства против мироеда-кулака.

Что же представляли собой крестьянские организации того периода? Как протекала их деятельность, как руководила ими большевистская партия?

В рамках данного очерка мы вынуждены ограничиться лишь краткими замечаниями о некоторых крестьянских организациях Петрограда.

На первом месте стоял Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона, или, как он затем назывался, Петроградский совет крестьянских депутатов.

Сразу после Февральской революции в частях петроградского гарнизона, на ряду с возникновением солдатских комитетов в ротах и батальонах, один за другим возникали советы крестьянских депутатов отдельных воинских частей.

К апрелю почва была вполне подготовлена для слияния всех этих разрозненных ротных и батальонных советов крестьянских депутатов в единую централизованную организацию — Совет крестьянских депутатов петроградского гарнизона.

Начались выборы депутатов по одному от каждой тысячи солдат гарнизона. На первом заседании Совета крестьянских депутатов 14 апреля было представлено 280 тысяч солдат петроградского гарнизона.

Петроградский совет крестьянских депутатов занимался не столько деятельностью среди солдатских масс гарнизона, сколько работой по организации крестьянских масс деревни. Он рассылал своих агитаторов не только по деревням Приозерного района, но и в целый ряд губерний и областей страны.

Агитаторы и организаторы Петроградского совета крестьянских депутатов распределялись по районам следующим образом:

Северный — 270, Прибалтика — 1, Западный — 148, Московский — 273, Поволжье — 187, Бессарабия, Подолия и Волынь — 33, Украина — 123, Юго-Восток — 214, Урал — 32, Кавказ — 1,

Западная Сибирь — 29, Восточная Сибирь — 27, Закаспийский край — 10. Всего агитаторы объехали 65 губерний и областей.

По мере того как большевики завоевывали гарнизон, по мере нашего продвижения по пути к Октябрю росла и усиливалась политическая дифференциация частей гарнизона. Армия, являвшаяся в основном крестьянской массой, должна была выявлять, в зависимости от своего классового состава, пролетарские и близкие пролетариату элементы, способные до конца бороться в социалистической революции и на ряду с этим — элементы нейтральные и враждебные.

Все это отражалось на политической линии и деятельности Совета. Он не мог сделать того резкого крена влево, к большевизму, какой был под силу Петроградскому совету рабочих и солдатских депутатов. Он и после поражения корниловщины занимал еще колеблющееся положение, но, как и весь гарнизон, был за революцию, которая даст землю и мир.

Большой интерес представляет другая форма крестьянских организаций 1917 г., развивавшаяся почти исключительно в Петрограде,— землячества. Это было детище нашей партии. Большевики были организаторами и руководителями землячества, несмотря на то, что в первый месяц их существования, в мае, кругом да около путались эсеры. Вначале землячества отдельных уездов и губерний организовались по фабрикам и заводам, по мастерским и воинским частям, а затем они объединялись по районам столицы революции.

Устав крестьянских революционных землячеств следующим образом формулировал их цели и задачи:

> «... Ближайшей целью земляческих организаций является объединение пролетарских и полупролетарских крестьянских масс для совместного отстаивания ими политических прав и удовлетворения экономических и просветительных нужд деревни...»

В этом пункте указание на то, что землячества должны быть объединением *не всего* крестьянства, а лишь *пролетарских* и *полупролетарских* крестьянских масс. Стало быть, они собирались отстаивать политические права и экономические интересы тоже *не всего* крестьянства, а лишь *пролетарской* и *полупролетарской* части деревни, т. е. той части, которая под гегемонией пролетариата и его партии была способна итти в пролетарской революции до конца.

Землячества были беспартийными организациями. Но их беспартийность не была той крестьянской беспартийностью, под личиной которой обычно скрывались деревенский кулак и его идеолог эсер. Устав, оговаривая, что землячества являются беспартийными организациями, отмечал, что они «стоят, однако, на платформе тех социалистических партий, которые требуют конфискации всей земли и передачи ее народу без всякого выкупа»... А такие требования содержались лишь в аграрной программе большевиков.

Организационно землячества строились следующим образом: единицей организации являлись волостные, уездные и губернские землячества. Во главе каждой из этих организаций стоял Исполнительный комитет. Центральным, объединяющим органом являлся центральный Совет объединенных землячеств.

Землячества сыграли крупнейшую роль в организации деревни.

Десятки представителей петроградских землячеств разъезжали по стране и поднимали деревню на борьбу против помещика и кулака. Они оказали весьма существенную помощь нашей партии в изоляции трудового крестьянства от мелкобуржуазного соглашательства и завоевании его на сторону пролетариата и пролетарской революции.

Большую роль в завоевании крестьянства сыграла также деятельность Центрального совета фабрично-заводских комитетов и его помощь деревне сельскохозяйственным инвентарем. Трудящийся крестьянин чувствовал, что городской пролетариат является его другом и принимает все меры к тому, чтобы облегчить его борьбу за лучшие условия существования. И противопоставляя это предательской политике меньшевиков и эсеров и карательным экспедициям «селянского министра» Чернова, крестьянская беднота и середнячество не могли не видеть, что единственный путь спасения от голода и нищеты — борьба под руководством пролетариата и его партии.

Опыт массовой борьбы от марта к октябрю с каждым днем приносил бедняку и середняку лишние подтверждения верности большевистских лозунгов, им стало ясно, что землю они получат не от Временного правительства, а в борьбе с правительственными «социалистами». И бедняцко-середняцкое крестьянство, наперекор посулам и обещаниям мелкобуржуазных партий, в предоктябрьские недели приступило к решительной чистке старины. Крестьянское восстание широкой рекой разлилось по всей стране. Мощное рабочее движение городов дополнялось все шире развертывавшейся крестьянской войной. Победа этого грандиозного движения широчайших народных масс была обеспечена, так как во главе его стоял пролетариат, руководимый опытным, не раз испытанным в боях рулевым — партией большевиков, партией Ленина.

СОВЕТЫ ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ

Отрезвление масс от мелкобуржуазного угара нашло яркое отражение в советах, в первую очередь в Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов.

Корниловщина была решительным переломным моментом в деятельности Петроградского совета. Из органа соглашательства с буржуазией он превратился в орган революционной борьбы с ней.

Этот резкий перелом не был неожиданным. Он подготовлялся давно. Депутаты рабочих уже задолго до корниловщины разошлись с меньшевистско-эсеровским руководством Петроградского совета. Уже 3 июля рабочая секция Петроградского совета приняла большевистскую резолюцию, прямо говорившую о необходимости перехода власти к советам.

Большевизация солдатской секции шла значительно медленнее. Иначе и быть не могло — крестьянам в солдатских шинелях было несравненно труднее освободиться от влияния мелкобуржуазных партий, чем рабочим. Еще 25 августа солдатская секция не осмелилась решительно протестовать против вывода из Петрограда революционных полков. Она отвергла предложение рассматривать вывод из столицы революционных полков как контрреволюционный шаг, и потребовала немедленного выполнения боевых приказов.

Колебания солдатской секции отражались в постановлениях пленума Петроградского совета. Еще и в августе сказывалось на пленумах влияние мелкобуржуазных партий: 18 августа пленум Петроградского совета отверг протест против замалчивания меньшевистско-эсеровским Всероссийским центральным исполнительным комитетом вопроса о смертной казни и об арестах; 21 августа была отвергнута пленумом Петроградского совета предложенная фракцией большевиков резолюция о московском совещании. Но пропасть между меньшевистско-эсеровским Исполнительным комитетом и большевизирующимися массами все росла. Недаром так боялся Исполнительный комитет созывать пленумы совета, недаром он постоянно оттягивал и срывал их.

Угроза корниловской контрреволюции помогла солдатской секции покончить с колебаниями.

Петроградский совет встал на большевистский путь.

В ночь на 1 сентября пленум Петроградского совета большинством 279 голосов против 118 при 51 воздержавшемся впервые принял предложенную большевиками резолюцию, в которой указывалось, что единственный выход из создавшегося положения в создании власти из представителей революционного пролетариата и крестьянства.

> «Перед лицом контрреволюционного мятежа генерала Корнилова, — говорилось в этой резолюции, — Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов считает долгом провозгласить, что отныне должны быть решительно прекращены всякие колебания в деле организации власти». [8]

Шедший раньше на поводу у мелкобуржуазных партий Петроградский совет требует вырвать с корнем соглашательскую политику, которая «создала самую возможность превратить верховное командование и аппарат государственной власти в очаг и орудие заговора против революции».

6 сентября меньшевистско-эсеровский президиум Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (Чхеидзе, Анисимов, Гоц, Дан, Скобелев, Церетели и Чернов) сложил свои полномочия. Чхеидзе сообщил об этом на состоявшемся 9 сентября очередном пленуме Петроградского совета, и пленум принял резолюцию, требовавшую переизбрания президиума на пропорциональных началах. Члены прежнего президиума покинули зал заседания, а места президиума заняли президиумы солдатской и рабочей секций (президиум последний был накануне переизбран, причем среди его 11 членов было 6 большевиков).

В конце сентября был переизбран Исполнительный комитет Петроградского совета. При выборах членов Исполкома совета от рабочей секции за большевиков голосовало 230 человек, за эсеров—102 за меньшевиков-оборонцев — 54 и за меньшевиков-интернационалистов — 10 человек. В результате большевики получили 13 мест в Исполкоме совета, эсеры — 6, оборонцы — 3. Совет эти выборы утвердил.

В новый президиум вошли — 4 большевика, 2 социалиста-рево-

---

[8] «Рабочий путь» № 10, 1 сентября 1917 г.

люционера и 1 меньшевик. Предоставление мест меньшевикам в президиуме совета Ленин расценил как вопиющую ошибку. Пропорциональное представительство, проведенное по предложению Троцкого в условиях решительного перелома настроения Петроградского совета в сторону большевизма, было в действительности вопиющей ошибкой. Большевистской фракции Петроградского совета надо было так же четко, как Ленин в своих статьях, поставить вопрос о недопустимости введения меньшевистских вождей в президиум совета, о том, «что эти вожди — изменники, что их надо прогнать, снять со всех постов».

В том, что советское большинство уже в сентябре было завоевано большевиками, не могло быть никакого сомнения. Это ярко подтверждали все решения совета.

8 сентября солдатская секция приняла по вопросу о выводе из Петрограда революционных полков постановление, в котором уже не осталось ни следа от ее прежних колебаний. Солдатская секция больше не боялась обсуждать боевые приказы. Она подвергала их резкой критике. Она отмечала, что «вывод некоторых полков носил характер недопустимой огульной кары», что приказ о выводе полков, отданный накануне корниловского восстания, грозил оставить Петроград без защиты в случае натиска корниловских войск. Солдатская секция настаивала на возвращении в Петроград части полков, выведенных без военной необходимости, и на реорганизации штаба Петроградского военного округа.

«Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, — гласила резолюция совета о событиях 3 —5 июля, — клеймит презрением авторов, распространителей и пособников клеветы против заслуженных и безупречных революционеров, требует немедленного освобождения на поруки всех революционеров, к которым предъявлены политические обвинения, и настаивает на немедленной общественно авторитетной проверке всего следственного процесса по делу 3 — 5 июля с отстранением всех скомпрометировавших себя судебных деятелей». [49]

«Политика соглашений и коалиций с самой крупной и организованной партией буржуазии — к.-д. задержала выполнение задач революции в области политической, аграрной, промышленной и финансовой», говорилось в большевистской резолюции о Демократическом совещании, принятой пленумом Петроградского совета 11 сентября. Совет возлагает на мелкобуржуазное соглашательство ответственность за корниловский поход, решительно заявляя, что соглашательская политика создала условия для перехода империалистической буржуазии и помещиков к прямому нападению на революцию.

Петроградский совет резко разоблачал созываемое Всероссийским центральным исполнительным комитетом Демократическое совещание с заранее меньшевиками и эсерами подобранным мелкобуржуазным составом. Совет видел единственный путь спасения революции в создании власти, опирающейся на пролетариат и беднейшее крестьянство.

Выход большевистской делегации из предпарламента встретил живейшую поддержку Петроградского совета. Резолюция меньшеви-

[49] Резолюция пленума Петроградского совета.

ков и эсеров, осуждавшая отказ от работы в предпарламенте как ошибочную тактику, разбившую «единый революционный фронт», собрала на пленуме совета не более 100 голосов. Принятая советом большевистская резолюция прямо заявляет, что «предпарламент понадобился кадетам, соглашателям, Керенскому, для того чтобы прикрыть от глаз народа захват власти империалистами». «Да здравствует борьба с узурпаторами за переход всей власти к советам», такими словами заканчивалась резолюция.

На этом пленуме совета, приветствовавшем вышедших из предпарламента большевиков, избравшем делегатов на съезд советов, был обсужден вопрос о новом выводе революционных войск из Петрограда.

Совет отверг соглашательскую резолюцию меньшевиков и принял предложенную большевиками резолюцию.

Надвигались грозные дни решительных революционных боев. 10 октября ЦК РСДРПб признал, что «вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело», и предложил всем партийным организациям под этим углом зрения обсуждать и разрешать очередные практические вопросы.

В связи с этим решением ЦК при Петроградском совете по предложению большевиков был организован 12 октября Военно-революционный комитет, сыгравший, как известно, огромную роль в революции. Исполнительный комитет совета выработал и принял большинством всех против двух (меньшевиков) положение о Военно-революционном комитете, утвержденное затем, вопреки протестам меньшевиков, пленумом Петроградского совета. На первом же заседании Военно-революционного комитета был утвержден его устав, выдвигавший в качестве очередной практической задачи полное и исключительное подчинение гарнизона Петроградскому совету.

Петроградский совет, шедший за большевиками, сыграл большую роль в организации вооруженных сил революции.

«Организация рабочей гвардии, прямая задача которой состоит в борьбе с контрреволюцией и в защите завоеваний революции является неотложной задачей момента», гласила принятая 16 октября пленумом совета резолюция. Не ограничиваясь словами, совет провел большую работу по организационному укреплению и вооружению Красной гвардии.

Влияние большевиков в совете росло и крепло с каждым днем. Выборы делегатов на Всероссийский съезд советов были настоящим триумфом большевиков. Большевики получили 443 голоса, эсеры — 162, меньшевики — 44 голоса.

Целиком под большевистскими лозунгами прошел организованный 22 октября день Петроградского совета. Это был не только день сбора средств в железный фонд Петроградского совета, но и день мобилизации пролетарских сил под лозунгом «Вся власть советам».

> «Если бы несколько недель тому назад вздумал Петроградский совет обратиться к рабочим и солдатам Петрограда за поддержкой,—говорила большевистская газета, — можно с уверенностью сказать, что призыв его не встретил бы широкого отклика, ибо тогда совет не выражал мнения подавляющего большинства рабочих и солдат, ибо тогда различными, противоположными путями шли руководимый оборонцами совет и революционные рабочие и солдаты: совет стоял на почве «примирения», «согла-

шения», на почве коалиции с заклятыми врагами революции, — массы же, наоборот, объявляли решительную борьбу политике классового сотрудничества...

А теперь... Кто осмелится теперь утверждать, что все живое, все активное в гарнизоне и среди рабочих Петрограда не стоит на стороне Петроградского совета? Кто решится спорить против того, что Петроградский совет является подлинным выразителем мнений настроений, переживаний авангарда Великой российской революции?

Пусть же громким, могучим эхом разнесется сегодня по рабочим кварталам и солдатским казармам Петрограда единодушный клич:

Да здравствует Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов!

Да здравствует борьба рабочих, солдат и крестьян за мир, землю и свободу!»[50]

Призыв «Рабочего пути» был широко подхвачен рабочими и армией. Сотни рабочих и солдатских резолюций требовали перехода власти к советам. День Петроградского совета стал днем мощной демонстрации большевистских сил.

Петроградский совет под руководством большевиков превратился в боевую революционную организацию, мобилизующую массы для восстания. Он ничем не напоминал больше «жалобно мычащего барана». И уже совсем другие итоги подводила послекорниловскому периоду работы совета большевистская газета «Рабочий путь».

«Петроградский совет ожил, — писала газета, — он занял боевую непримиримую позицию, он «поднял знамя борьбы и вручил это знамя в надежные испытанные руки партии революционного социализма».

После полного и решительного отхода в ночь на 1 сентября большинства Петроградского совета от мелкобуржуазных партий партия вновь написала на революционном пролетарском знамени лозунг «Вся власть советам». Но теперь он имел уже совсем другой смысл, чем в допюльский период.

> До июльских дней «Этот лозунг означал разрыв блока меньшевиков и эсеров с кадетами, образование советского правительства из меньшевиков и эсеров (ибо советы были тогда эсеро-меньшевистскими), право свободной агитации для оппозиции (т. е. для большевиков) и свободную борьбу партий внутри советов в расчете, что путем такой борьбы удастся большевикам завоевать советы и изменить состав советского правительства, в порядке мирного развития революции». [51]

Тогда, в допюльский период, переход власти в руки советов означал устранение двоевластия и осуществление в «чистой» форме буржуазно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Переход власти к советам в тот период не являлся бы непосредственным осуществлением диктатуры пролетариата, но он был бы ступенькой на пути к этой диктатуре, так как помог бы быстрейшему разоблачению главного тормоза пролетарской революции, самой надежной опоры империализма — партии меньшевиков и эсеров. Если бы меньшевики и эсеры взяли всю власть в свои руки, трудовые массы на опыте их практической политики смогли бы быстрее понять, что эти партии являлись верными слугами империалистической буржуазии, что от них нельзя ждать ни мира, ни земли, ни осуществления

[50] «Рабочий путь» за 1917 г., № 43.

[51] *Сталин.* Вопросы ленинизма, 122 стр, изд. 4-е.

контроля над производством, что они своей политикой соглашения с буржуазией ведут революцию к гибели. Таким образом, проведение этого лозунга в жизнь явилось тогда лучшим способом разоблачить истинное лицо меньшевиков и эсеров и ускорить освобождение масс от губительного влияния этих партий.

Совсем другое значение приобрел лозунг «Власть советам», после того как советское большинство порвало с соглашателями и встало на позицию большевизма. Этот лозунг означал теперь переход власти к революционным советам, выражавшим подлинные интересы пролетариата и беднейшего крестьянства, советам, которые смело клеймили политику соглашения с буржуазией, как политику предательства революции, и являлись боевыми органами пролетарского восстания.

Вот почему т. Сталин отмечает, что лозунг «Вся власть советам», с точки зрения его внутреннего развития, прошел две стадии — первую до июля и вторую после корниловщины.

> «Поражение корниловского восстания открыло вторую стадию. Лозунг «Вся власть советам» вновь стал на очереди. Но теперь этот лозунг означал уже не то, что на первой стадии... Его содержание изменилось коренным образом. Теперь этот лозунг означал полный разрыв с империализмом и переход власти к большевикам, ибо советы в своем большинстве были уже большевистскими. Теперь этот лозунг означал прямой подход революции к диктатуре пролетариата путем восстания. Более того, теперь этот лозунг означал организацию и государственное оформление диктатуры пролетариата». [52]

Вслед за Петроградским советом покинул соглашательские позиции Московский. Их примеру последовал целый ряд провинциальных советов. Один за другим переходили советы рабочих и солдатских депутатов под знамена большевизма.

В районных советах Петрограда дело обстояло еще лучше. Районные советы стояли ближе к массам, и многие из них большевизировались задолго до корниловщины.

Оглянемся немного назад, на прошлое районных советов.

Уже в первые дни после Февральской революции один за другим начали возникать под руководством большевистской партии районные советы рабочих и солдатских депутатов Петрограда.

Первым возник Выборгский районный совет рабочих и солдатских депутатов — 28 февраля он уже принял ряд решений о вооружении рабочих.

Вслед за ним начали работать Нарвский, Петергофский, Коломенский, Петроградский и другие районные советы. Несмотря на то, что по своему составу они в первые недели революции еще являлись в значительной мере меньшевистско-эсеровскими, между ними и меньшевистско-эсеровским Петроградским советом с первых же дней возник ряд разногласий.

Как на пример можно сослаться на разногласия по вопросу о возобновлении работ на фабриках и заводах.

Петроградский совет, вынося решение о возобновлении работ, не выдвинул даже такого само собой разумеющегося требования, как проведение 8-часового рабочего дня. Рабочие никак не могли

[52] *Сталин.* Вопросы ленинизма, стр. 123, изд. 4-е.

согласиться с этим и, приступая к работе, они по-революционному, явочным порядком, вопреки решению Петроградского совета, вводили 8-часовой рабочий день, в чем были поддержаны рядом районных советов.

Совет Московского района прямо решил не подчиняться решению Петроградского совета.

Даже один этот пример показывает, как массы, под влиянием громадной работы большевистской партии левея с каждым днем, толкали влево и районные советы. И поэтому процесс большевизации районных советов начался и закончился значительно раньше процесса большевизации Петроградского совета.

С первых же дней Февральской революции различие в политике Петроградского и районных советов поставило перед меньшевистско-эсеровским исполкомом Петроградского совета задачу удержать за собой районные советы, изолировать их от все возраставшего большевистского влияния. Для этой цели решением Исполкома от 12 апреля был создан Петроградский (городской) отдел, а при нем Междурайонное совещание представителей районных советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда.

Таким образом Междурайонное совещание советов возникло в качестве отдела меньшевистско-эсеровского Исполкома в целях удержания им за собой районных советов Петрограда.

Вплоть до июльских дней Междурайонное совещание советов в своих решениях придерживалось линии меньшевистско-эсеровского Исполкома.

Июль провел резкую грань в политике районных советов. Благодаря энергичнейшей работе партии большевиков большинство районных советов Петрограда к этому времени уже было завоевано. Не только низы, но и руководящие органы — исполнительные комитеты большинства районных советов возглавлялись к июлю 1917 г. большевиками. Все это должно было изменить и состав Междурайонного совещания. К июлю Междурайонное совещание районных советов под руководством большевиков из органа меньшевистско-эсеровского Исполкома Петроградского совета превратилось в орган большевистского руководства районными советами, в орган, противостоявший меньшевистско-эсеровской политике Исполнительного комитета Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

В дни корниловщины деятельность Междурайонного совещания районных советов поднялась на еще большую высоту. В эти дни Междурайонное совещание советов под руководством большевистской партии стало организатором борьбы против надвигавшейся контрреволюции. Своим постановлением от 28 августа под видом массовой организации рабочей милиции оно *легализовало* массовое вооружение рабочего класса — Красную гвардию.

Комитет народной борьбы с контрреволюцией, созданный ЦИК, принял свое половинчатое постановление о рабочей милиции лишь тогда, когда под руководством нашей партии в рабочих кварталах столицы, при непосредственном участии Междурайонного совещания советов Красная гвардия уже была создана. Не из Коми-

тета милиции выросла Центральная комендатура Красной гвардии, а вопреки меньшевистским деятелям Комитета, по постановлению Междурайонного совещания.

Поистине гигантскую работу проделало Междурайонное совещание в дни обороны против корниловского наступления. И позже, вплоть до окончательного завоевания большевиками Исполнительного комитета Петроградского совета, Междурайонное совещание районных советов не переставало быть боевым центром, откуда большевики штурмовали меньшевистско-эсеровский Исполком совета.

2 сентября Керенский издал приказ по армии и флоту, в котором он предлагал «немедленно прекратить самовольное формирование отрядов под предлогом борьбы с контрреволюционными выступлениями».

Этим приказом Временное правительство намеревалось прекратить продолжавшееся и после подавления корниловского мятежа вооружение петроградского пролетариата.

Междурайонное совещание советов, обсудив этот приказ, постановило: приказ Керенского обязателен лишь для армии и флота. Он запрещает организацию отрядов «под предлогом» борьбы с контрреволюцией, а не для действительной борьбы с контрреволюционными выступлениями. Районные советы должны продолжать свою работу по вооружению пролетариата и никоим образом приказу Керенского не подчиняться.

4 сентября Междурайонное совещание советов обсуждало новый приказ Керенского, в котором он предлагал распустить революционные органы, созданные в дни борьбы с корниловским мятежом. И этот приказ шел по той же линии разоружения пролетариата и в первую очередь петроградских рабочих.

Линия междурайонного совещания советов и по этому вопросу была весьма революционна.

Междурайонное совещание в резолюции констатирует, что в тревожные дни борьбы с контрреволюционным выступлением всю тяжесть борьбы приняли на себя эти революционные органы. Корниловский мятеж представлял лишь один из этапов решительной борьбы буржуазии против революции, подавлением мятежа борьба не кончилась. Борьба между буржуазией и пролетариатом примет еще более обостренные формы и вместе с этим гигантски вырастет и значение революционных центров по борьбе с контрреволюцией. Вследствие всего этого «Междурайонное совещание, не признавая за правительством права роспуска революционных организаций, созданных компетентными демократическими учреждениями, постановляет: *революционных организаций по борьбе с контрреволюцией, созданных Междурайонными совещаниями, не распускать*».

Подобное решение означало уже прямое неподчинение приказу правительства. Такое постановление могла вынести лишь организация вооруженной социалистической пролетарской революции.

Весьма интересно решение Междурайонного совещания от 15 сентября по поводу постановления правительства об аресте Ленина

«Усматривая в этом (т. е. приказе об аресте) продолжение того похода против представителей революционного пролетариата, который при попустительстве господствующих партий питал собою контрреволюцию (междурайонное совещание) выражает негодование и протест по поводу вызывающего постановления правительства и требует немедленной отмены распоряжения об аресте»...

Этим решением совещание еще и еще раз подчеркнуло, что оно стоит на большевистских позициях.

В предоктябрьские недели Междурайонное совещание советов, как и до этого, принимало весьма энергичное участие в выполнении боевой задачи, поставленной партией большевиков перед петроградским пролетариатом: ярко выраженной лаконической формулой, «Завоюйте Петроградский совет».

2 сентября Междурайонное совещание советов приняло специальное решение по вопросу о реорганизации Исполнительного комитета Петроградского совета.

В виду полной бездеятельности Исполнительного комитета, — писало Междурайонное совещание советов, — нужно немедленно заменить его другим органом, который в эти ответственнейшие дни сумел бы объединить вокруг себя петроградский пролетариат и революционные части гарнизона. Инициативу этой реорганизации брал на себя президиум Междурайонного совещания, который через голову Исполкома должен был немедленно связаться для этого с рабочей и солдатской секцией Совета.

Междурайонное совещание по заданию ПК большевиков развернуло в эти дни большую работу по рабочим районам для того, чтобы подготовить общественное мнение депутатов к переизбранию меньшевистско-эсеровского Исполкома.

8 сентября Междурайонное совещание в третий раз обсуждало вопрос о переизбрании Исполнительного комитета и поручило т. Безработному (Д. З. Мануильскому) выступить на пленуме «...заявить о солидарности Междурайонного совещания с политической позицией Петроградского совета, определившейся в последние дни, охарактеризовать деятельность Междурайонного совещания — особенно в деле (воспрепятствования) разоружения рабочих, противопоставить эту работу бездействию Петроградского исполнительного комитета и позиции ЦИК, огласить резолюцию районов о перевыборах и настаивать на включении в состав Петроградского исполнительного комитета представителей Междурайонного совещания...»

И если к концу сентября петроградский пролетариат окончательно выполнил боевую директиву партии большевиков и завоевал Петроградский совет и его Исполнительный комитет, то в этом несомненно большую роль сыграло руководимое большевиками Междурайонное совещание.

В предоктябрьские недели Междурайонное совещание продолжает быть действительно боевым центром большевистского руководства районными советами рабочих и солдатских депутатов, которые не покладая рук готовились к борьбе за социалистическую пролетарскую революцию.

Чем занимались районные советы Петрограда в эти предоктябрьские недели? Какие вопросы стояли в порядке дня этих подлинных

пролетарских центров, истинных исполнителей директив партии большевиков?

Они занимались подготовкой масс к свержению правительства империалистической буржуазии, они по-боевому готовили вооруженные силы пролетарской социалистической революции.

Всем известна громаднейшая роль Выборгского районного Совета рабочих и солдатских депутатов в формировании Красной гвардии своего района.

В период подавления корниловского мятежа и в сентябре сильно увеличилось как количество красногвардейцев Выборгского района, так и их вооружение. Многотысячной организации Красной гвардии Выборгского района нужно было закрепить эти свои победы лучшей организацией вооружения, военного обучения и т. д. И дело боевой подготовки пролетариата своего района взял в свои руки Выборгский районный совет. Он создал организационную комиссию, которая созвала 7 октября уже упоминавшуюся нами районную конференцию Красной гвардии.

После выбора на этой конференции штаба Красной гвардии Выборгский совет рабочих и солдатских депутатов продолжал с прежней настойчивостью и энергией заботиться о вооружении рабочих района.

Петергофский районный совет также неоднократно обсуждал в эти предоктябрьские недели вопросы, связанные с подготовкой вооруженных сил пролетарской революции.

5 сентября после подавления корниловского мятежа, решив временно распустить созданный в эти дни Революционный комитет района, Петергофский районный совет оставил районную комендатуру — штаб практического руководства вооружением рабочих.

Эта неустанная забота о вооружении пролетариата дала свои плоды в Октябрьские дни.

Вот выдержка из отчета заведующего оружием, представленная Петергофскому районному совету 1 ноября 1917 г.

Принято винтовок	4 970	шт.
патронов	27 570	»
лент для пулеметов	500	»
револьверов	100	»
револьверных патронов	12 816	»

Все это оружие красногвардейцами района и применялось в великие Октябрьские дни.

Районные советы в эти недели принимали ряд мер, чтобы обеспечить свое влияние в районной милиции. Они посылали в отделения милиции своих комиссаров — членов Совета. Понимая значение средств связи в восстании, они принимали меры к тому, чтобы обеспечить за собой почтово-телеграфные учреждения своих районов и т. д.

Районные советы Петрограда в эти недели принимали правильные политические решения по актуальнейшим вопросам дня.

5 октября Коломенский (2-й городской) районный совет обсуждал вопрос о предпарламенте.

В докладе большевика М. И. Лисовского давалась правильная оценка предпарламенту.

По докладу М. М. Харитонова о текущем политическом моменте Коломенский районный совет постановил:

«Районный совет считает неотложной задачей немедленный переход власти в руки советов рабочих и солдатских депутатов. Всякую отсрочку этого считает тягчайшим преступлением против революции и предлагает съезду советов Северной области осуществить этот лозунг на деле». [53]

В то время как правооппортунистическая группа (Каменев, Зиновьев и др.), не веря в силы пролетариата, утверждала, что пролетариат в бой не пойдет, пролетариат со всей революционной энергией и настойчивостью готовился к смертельной схватке. Одни рассуждали, хныкали и мешали борьбе, другие напряженно, не покладая рук, под руководством партии и ее великого вождя готовились к борьбе.

Большинство районных советов рабочих и солдатских депутатов Петрограда под руководством партии и Ленина в эти предоктябрьские недели концентрировали все свое внимание, все свои практические мероприятия вокруг одной, отодвинувшей все остальное, задачи пролетарской революции.

От советов города революции не отставали советы крупных центров Северной области.

В борьбе за власть советов весьма важную роль сыграл съезд советов Северной области. Владимир Ильич придавал большое значение этому съезду. Он обратился с специальным письмом «К товарищам большевикам, участвующим на областном съезде советов Северной области».

Давая в своем письме классический анализ международного и внутреннего положения России, Владимир Ильич делал упор на разъяснение того, что «лозунг «Вся власть советам» есть не что иное как призыв к восстанию». Для лучшего уяснения необходимости восстания он прибегал к сравнению положения русского пролетариата с германским.

«Подумайте, — писал Ленин, — в каком положении оказываемся мы теперь перед немецкими революционерами. Они могут сказать нам: мы имеем одного Либкнехта, который открыто призвал к революции. Его голос задавлен каторжной тюрьмой. У нас нет ни одной газеты, открыто выясняющей необходимость революции, у нас нет свободы собраний. У нас нет ни одного Совета рабочих или солдатских депутатов. Наш голос едва-едва доходит до настоящих широких масс. И мы сделали попытку восстания, имея какой-нибудь один шанс из сотни. А вы, русские революционные интернационалисты, имеете за собой полгода свободной агитации, вы имеете десятка два газет, вы имеете целый ряд советов рабочих и солдатских депутатов, вы победили в совете обоих столиц, на вашей стороне весь Балтийский флот и все русские войска в Финляндии, и вы не отвечаете на наш призыв к восстанию, вы не свергнете вашего империалиста Керенского, имея девяносто девять шансов из ста за победу вашего восстания.

Да, мы будем настоящими изменниками Интернационала, если в такой момент, при таких благоприятных условиях на такой призыв немецких революционеров ответим только... резолюциями».

---

[53] Протоколы районного совета», л. 29.

Съезд советов Северной области, на котором присутствовали, кроме представителей советов Петрограда и Северной области, и представители Московского совета, показал, что он был верен призыву вождя.

Его политическая линия определилась с первого же дня работы. Съезд советов Северной области послал приветствие сидевшим в «крестах» большевикам, объявившим голодовку. Он призвал их к прекращению голодовки, потому что близок час освобождения, и силы заключенных большевиков нужны будут для борьбы за пролетарскую революцию.

Когда бюро ЦИК решило признать съезд советов не полномочным съездом Северной области, а лишь частным совещанием отдельных советов, и 12 октября от имени меньшевиков по этому поводу выступил на съезде Богданов, съезд заявил, что он решению бюро ЦИК не подчиняется.

> Из всех решений съезда вывод был один: «*Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции—советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — в центре и на местах*».[54]

Такой вывод съезд сделал и при обсуждении докладов о военно-политическом положении страны и по земельному вопросу.

Для того, чтобы обеспечить действительный созыв II съезда советов, съезд советов Северной области избрал Областной комитет, которому поручил «бороться со всеми препятствиями, исходящими от лиц и учреждений, и всеми имеющимися силами... содействовать съезду советов, назначенному на 20 октября». И обратился с воззванием ко всем «советам, армейским корпусам, организациям, всем солдатам, рабочим, матросам и крестьянам», обращая внимание советов на грозную опасность срыва II съезда советов, нависшую над ним благодаря предательской политике меньшевистско-эсеровского ЦИК. «Ваш долг опрокинуть все препятствия и через ваши полковые, дивизионные, корпусные, рабочие и другие советы и комитеты обеспечить ваше представительство на съезде 20 октября», говорилось в воззвании.

Руководимый большевиками, съезд советов оказал весьма существенную помощь в организации борьбы и победы Октябрьской революции.

> Деятельность районных советов, работа Петроградского совета в сентябре и октябре и большевизация Московского и провинциальных советов показали, что не зря большевики «ухватились именно за советы, как за основной организационный рычаг, могущий облегчить дело изоляции меньшевиков и эсеров, способный двинуть вперед дело пролетарской революции и призванный подвести миллионные массы трудящихся к победе диктатуры пролетариата».[55]

Полностью оправдалась тактика большевиков, рассчитанная на изоляцию меньшевиков и эсеров, на отрыв от них широких рабоче-крестьянских масс «путем борьбы за превращение советов из органов мобилизации масс в органы восстания, в органы власти, в аппарат новой пролетарской государственности».[56]

[54] Из резолюции по текущему моменту.
[55] *Сталин*. Вопросы ленинизма, стр. 121, 1931 г.
[56] Там же.

В боях с перешедшей в наступление контрреволюцией росло и закалялось революционное движение пролетарских масс. В огне схваток окрепли и встали под большевистские знамена советы, профсоюзы, фабрично-заводские комитеты. Корниловская авантюра содействовала созданию вооруженных рабочих отрядов и огромному увеличению мощи рабочих организаций. Она «подстегнула» революцию, укрепила ее в огне борьбы.

«Корниловщина имеет не только отрицательную сторону, — писал Сталин 6 сентября 1917 г. — Она, как и всякое явление в жизни, имеет и свою положительную сторону. Корниловщина покушалась на самую жизнь революции. Это несомненно. Но, посягая на революцию и приведя в движение все силы общества, она тем самым, с одной стороны, подстегнув революцию, — толкнула ее к большей активности и организованности, с другой стороны, — раскрыла истинную природу классов и партий, сорвала с них маску, помогла разглядеть их подлинную физиономию».[57]

Тщетно теперь меньшевики и эсеры прилагали все усилия к тому, чтобы «направить разбушевавшуюся стихию в берега» («Рабочая газета»), тщетно кричали они, что «корниловская опасность ничто, в сравнении с опасностью ленинской».[58]

Революция назрела, она приближалась с каждым днем, с каждым часом. Ничто не могло остановить ее грозный ход.

«Бурлит уже стихия солдатских и рабочих масс», с ужасом восклицала меньшевистская «Рабочая (!) газета».

Об этом же, но совсем по-иному, радостно приветствуя подготовлявшуюся всей героической работой партии грядущую пролетарскую революцию, призывая к ней массы, писали большевики:

«В стране явно нарастает новая революция, революция иных классов (по сравнению с теми, которые осуществили революцию против царизма). Тогда была революция пролетариата, крестьянства и буржуазии в союзе с англо-французским капиталом против царизма. Теперь растет революция пролетариата и большинства крестьян, именно беднейшего крестьянства против буржуазии, против ее союзника англо-французского финансового капитала, против ее правительственного аппарата, возглавляемого бонапартистом Керенским».[59]

И Ленин призывал большевиков в этот период революционного кипения пролетарских масс итти в эти массы и звать их на борьбу.

Передовой отряд партии — петроградские большевики, как и вся партия в целом, по-боевому разрешали поставленные Лениным перед партией задачи. Они шли в массы, в советы рабочих и солдатских депутатов, в профессиональные союзы, в фабрично-заводские и армейские комитеты, в землячества. Они возглавляли политическую и экономическую борьбу пролетарских масс, давали им революционные лозунги, призывали беспощадно изгонять из всех революционных организаций меньшевиков и эсеров — этих «друзей корниловских помещиков и капиталистов», готовили пролетариат и армию к решительным боям.

Соглашательские интриги мелкобуржуазных партий и корниловская политика новых коалиционных правительств только способствовали ускорению неизбежной развязки.

[57] «Рабочий путь» № 3, от 6 сентября 1917 г.
[58] «День» от 8 сентября 1917 г., передовая Потресова «Ленин приближается».
[59] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 215—216, статья «Из дневника публициста».

Новая волна репрессий, усиление разрухи, затягивание войны, поход на рабочие организации, безработица, угроза всей промышленности из-за злостного саботажа буржуазии — все это, как мы видели, приводило лишь к еще большему сплочению пролетарских рядов вокруг их авангарда — большевистской ленинской партии.

Широкие слои трудящихся знали теперь, что выход из войны, что спасение революции возможно только при тесном союзе пролетариата и беднейшего крестьянства, только при переходе власти советам.

Большинство рабочих ясно поняло необходимость переворота и готово было итти на смерть ради победы пролетарской революции.

Мелкая буржуазия отвернулась от коалиции, и это отразилось на положении мелкобуржуазных партий, вызывая их развал.

Налицо были все признаки непосредственной революционной ситуации. «Низы» не хотели жить по-старому. «Верхи» не могли управлять по-старому. Страна билась в тисках общенационального кризиса.

> «Если в крестьянской стране, после семи месяцев демократической республики, дело могло дойти до крестьянского восстания, то оно неопровержимо доказывает общенациональный крах революции, кризис ее, достигший невиданной силы, подход контрреволюционных сил к последней черте». [60]

Владимир Ильич указывал и на целый ряд других несомненных симптомов общенационального кризиса: на крайнее обострение конфликта между империалистическим правительством Керенского и угнетенными национальностями (финнами, украинцами и т. д.); на несомненную революционную готовность армии, сказавшуюся в полном отколе от правительства финляндских войск и Балтийского флота, в отказе солдат продолжать империалистическую бойню, в голосовании солдат при выборах в районные думы Москвы, где из 17 000—14 000 голосовало за большевиков, за решительный разрыв мелкой буржуазии с соглашательской политикой, яркой демонстрацией которого были те же выборы в думы и т. д.

И если в дни 3—5 июля восстание было бы ошибкой, потому что тогда не было объективных условий для победы восстания, то теперь эта победа была обеспечена.

Тогда пролетариат не шел еще за большевиками.

> «Не было еще большинства у нас среди рабочих и солдат столиц. Теперь оно есть в обоих советах. Оно создано только историей июля и августа, опытом «расправы» с большевиками и опытом корниловщины.
>
> Не было тогда всенародного революционного подъема. Теперь он есть после корниловщины. Провинция и взятие власти советами во многих местах доказывают это.
>
> Не было тогда колебаний, в серьезном общеполитическом масштабе, среди врагов наших и среди половинчатой мелкой буржуазии. Теперь колебания гигантские... [61]
>
> 3 — 5 июля нельзя было удержать власти ни политически, ни физически, потому что «армия и провинция до *корниловщины* могли пойти и пошли бы на Питер», потому что *драться* и *умирать* за обладание Питером наши же рабочие и солдаты тогда не стали бы: не было такого «озверения», такой кипучей ненависти и к Керенским, и к Церетели — Чер-

[60] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 237.
[61] Там же, стр. 196.

новым, не были еще наши люди закалены опытом преследований большевиков при участии эсеров и меньшевиков.

... Теперь картина совсем иная.

За нами большинство класса, авангарда революции, авангарда народа, способного увлечь массы.

За нами *большинство* народа...

За нами выгода положения партии, твердо знающей свой путь при неслыханных колебаниях и *всего империализма*, и всего блока меньшевиков с эсерами.

За нами *верная победа*...» [62]

В то время как меньшевистско-эсеровские вожди призывали массы к покорности и к терпению, большевистская ленинская партия бросала могучий клич восстания.

«Партия социалистов-революционеров, к которой принадлежит Керенский, зовет вас в своей газете «Дело народа» (от 30 сентября) «*перетерпеть*», — говорил Ленин рабочим, крестьянам и солдатам. — Необходимо перетерпеть, — пишет она, советуя оставить власть за правительством Керенского, советуя не передавать власти Советам рабочих и солдатских депутатов. Нет, ни одного дня народ больше не согласен терпеть оттяжек. *Ни одного дня* нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно *предложить справедливый мир*. Долой правительство Керенского, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну.

Вся власть советам рабочих и солдатских депутатов».

Партия большевиков готовила революцию, звала к ней, руководила ею. Она уверенно вела пролетарские массы к решительным боям и победам.

[62] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 196—197, изд. 3-е.

М. Тутов

ПЕТРОГРАДСКАЯ ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ БОЛЬШЕВИКОВ в 1917 году

Буржуазные армии в подавляющей своей части состоят из пролетариата и беднейшего крестьянства. И в то же время они являются орудием угнетения и эксплоатации рабочих и крестьян буржуазией. Из этого противоречивого положения буржуазия находит выход в том, что «путем муштровки, жесткой дисциплины, изолирования солдат от населения и запрещения им заниматься политикой, а в некоторых случаях даже путем обеспечения им привилегированного социального положения» [1] она достигает того, что армия превращается в «самый закостенелый инструмент поддержки старого строя, наиболее отвердевший оплот буржуазной дисциплины, сохранения и воспитания рабской покорности и подчинения ему трудящихся» (*Ленин*). Однако никакими мерами буржуазия не может устранить те противоречия, которые существуют между офицерами и солдатами, воспроизводящие внутри армии классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией. Это, как говорил Энгельс, создает возможность разрушения всех буржуазных армий изнутри. Но разумеется это разрушение идет не самотеком, не стихийно, а упорной и тяжелой, связанной с большими жертвами, революционной работой внутри армии. А эта работа рано или поздно, но неизбежно приводит, и особенно в условиях непосредственной революционной ситуации и в ходе самой революции, к дезорганизации армии, что обеспечивает успех революции.

Ленин говорил, что без «дезорганизации армии ни одна великая революция не обходилась и обойтись не может». В 1851 г. в письме к Марксу Энгельс писал: «Ведь очевидный факт, что дезорганизованная армия и полное разложение дисциплины являлись как условием, так и результатом всякой победоносной революции».

Вот такую-то работу по дезорганизации царской армии наша партия начала еще до революции 1905 г., но особого развития она достигла в 1905 г., когда в порядок дня был поставлен вопрос о вооруженном восстании. Для успешного проведения этой работы в частях армии и флота создавались специальные партийные военные организации или «военки», как их для краткости называли.

После поражения 1905 г. работа в армии значительно сократилась, но окончательно она никогда не прекращалась. Поэтому к

[1] Тезисы и резолюции VI конгресса Коминтерна, вып. 3, ГИЗ, 1928 г., стр. 62.

Февральской революции наша партия в области работы в армии имела большой опыт. Февральская же революция открыла широкие возможности для работы в армии. С другой стороны и армия была уже не та, что в 1905—1914 гг.: царское правительство поставило под ружье около 15 млн. человек, главным образом крестьян и рабочих. Среди солдат было много молодежи, призванной в армию во время войны и не прошедшей долголетней казарменной муштры мирного времени, а потому в значительной степени свободной от той рабской покорности перед офицерством, которая сковывала волю солдат мирного времени.

К этому надо прибавить еще и то, что ужасы войны разлагающе действовали на армию: отказ итти в наступление и восстания были не редкими явлениями.

Таким образом как общие политические, так и внутриармейские условия благоприятствовали разворачиванию работы в армии.

Задача партии состояла в том, чтобы сплотить солдат вокруг своих лозунгов, разоблачавших империалистический характер войны, лживые обещания Временного правительства и предательскую роль меньшевиков и эсеров, и этим самым вырвать армию из рук буржуазии. Для этого надо было в первую очередь сорганизовать в партийные ячейки находящихся в армии большевиков, сплотить вокруг них революционных солдат из рабочих и деревенской бедноты и, опираясь на эти организации, взять под свое влияние остальную еще политически отсталую массу солдат и таким образом обеспечить успешность борьбы за диктатуру пролетариата.

Для непосредственного осуществления этой задачи партией, по примеру 1905 г., в первые же дни революции была создана военная организация.

10 (23) марта на заседании Петроградского комитета большевиков обсуждался вопрос об «организации комиссии по ведению работы в войсках: а) тактическая линия, б) организационные формы». По докладу т. Сулимова было постановлено «организовать военную комиссию и ей поручить разработку организационных форм». [2]

22 марта (2 апреля) состоялось заседание военно-организационной комиссии. В порядке дня этого заседания стояло пять вопросов: обсуждение порядка дня для учредительного собрания военной организации, который был назначен на 31 марта, проект организации, вопрос об изыскании средств, издательская деятельность и др.

По первому пункту была выработана повестка дня для учредительного собрания. По второму пункту было принято следующее положение о военной организации при ПК:

> «1. Военная комиссия при Петербургском комитете РСДРП(б) составляется из представителей от отдельных частей войск, выбираемых по одному от всех социал-демократов каждой части; кроме того в комиссию входят три представителя от Петербургского комитета партии.
>
> 2. Для связи с общепролетарскими партийными районными комитетами каждая часть избирает туда особого представителя.
>
> 3. Внутренняя организация коллективов (ячеек) в каждой части такова:

[2] «Первый легальный ПК», стр. 34 — 35.

а) вначале организуется общая ячейка всей части, избирающая из своей среды комитеты;

б) впоследствии организуются более мелкие ячейки: ротные и т. д., выделяющие представителей в комитет своей части.

Постановлено немедленно приступить к организации коллектива во всех частях Петроградского округа. [3]

По третьему пункту было постановлено взимать взносы при вступлении в организацию: обязательный вступительный членский взнос в размере 75 коп. и ежемесячный в 25 коп. [4].

Затем было постановлено организовать денежный сбор по подписным листам и талонным книжкам, главным образом среди рабочих и солдат, наконец использовать все случаи единовременных сборов на митингах, собраниях и т. д.

По четвертому пункту было постановлено издать брошюру «Кому нужна война» в количестве 15 тыс. экземпляров. Кроме того принято постановление о скорейшем издании еще пяти брошюр по вопросам: «Что такое Учредительное собрание», «Земельный вопрос», «Права и обязанности гражданина в демократической республике», «Почему социал-демократия требует скорейшего мира», «По национальному вопросу». Темы этих брошюр охватывали собой самые боевые вопросы, которые тогда больше всего волновали солдатские массы, особенно же вопрос о войне.

Учредительное собрание военной организации, как и было намечено, состоялось 31 марта (11 апреля). На этом собрании присутствовали представители от 48 воинских частей петроградского гарнизона. Здесь же выяснилось, что в некоторых частях уже созданы партийные ячейки, от которых, как мы упоминали, на собрании присутствовало 13 представителей. Организация партийных сил в армии шла как по инициативе руководящих партийных организаций, в данном случае ПК, так и по инициативе членов партии, находившихся в армии.

Общий состав представителей от частей на этом собрании был таков: 13 человек от организовавшихся ячеек, 16 человек членов партии, не состоящих в ячейках, так как очевидно в их частях таковых еще не было (в протоколе об этом ничего не сказано), 32 человека «социал-демократы, но не члены партии», [5] наконец 36 человек сочувствующих большевикам. [6]

---

[3] Тов. *Подвойский* пишет («Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 73), что к созданию большевистских ячеек в частях ВО приступили только после апрельских дней, т. е. в конце апреля. Как видим, это не соответствует действительности: организация эта началась месяцем раньше, а 31 марта на учредительном собрании ВО было 13 представителей от уже существовавших ячеек.

[4] По воспоминаниям Ильина-Женевского, позднее было постановлено взносы снизить: вступительный до 25 коп., членский — до 5 коп. (см. его книгу «От Февраля к захвату власти», стр. 49 — 52, из которой нами взят цитируемый здесь и ниже материал).

[5] Так сказано в протоколе. См. «Солдатская правда» № 39, 1917 г.. Надо полагать, что то были товарищи, всецело стоявшие на платформе нашей партии, в партию не вступившие. Таких беспартийных большевиков в то время среди солдат было довольно много.

[6] Тогда существовал институт «сочувствующих». Это было нечто вроде кандидатов в кандидаты.

Решения этого собрания имели большое значение для последующей работы в армии, поэтому на них необходимо подробно остановиться.

В своем докладе т. Невский сообщил, что ведется травля против путиловских рабочих, имеющая своей целью посеять рознь между рабочими и солдатами. Нужно сказать, что травля эта приняла довольно широкие размеры, о чем речь еще впереди. Но военной организацией этот момент во-время был учтен, во-время были приняты меры, что облегчало в дальнейшем разоблачение этой контрреволюционной травли. Собрание постановило, что «одной из задач настоящего момента должна быть самая энергичная и массовая борьба солдат против травли рабочих. Необходимо организовать делегации для осмотра заводов и опубликовать результаты. В состав делегации должны войти офицеры как в большинстве случаев инициаторы этой травли в войсках». [7]

Далее было постановлено организовать агитаторские кружки для подготовки большого количества массовиков-агитаторов. «Нужно, — говорится в постановлении, — вести массовую агитацию на всех собраниях, митингах, в кучках на улице («кучки», толкующие о политике, встречались тогда на каждом шагу — *М. Т.*), в казармáх и окопах. Следует пробуждать всех малодеятельных товарищей и звать их к участию в политической борьбе».

Собрание определило цели и задачи военной организации.

«Из обмена мнений, — говорится в протоколе, — выяснилась цель организации — объединение всех товарищей солдат и офицеров социал-демократов для организационной борьбы под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии большевиков».

Задачи же были определены следующим образом:

«Ближайшие и главные задачи коллектива (ячейки) в воинской части:

1) Поддерживать самую близкую связь с военной организацией.

2) На собраниях коллектива обсуждать все текущие вопросы.

3) Привлекать новых членов в свою среду.

4) Читать и распространять наши газеты и книги.

5) Выступать на всех батальонных и ротных собраниях, проводя в них наши резолюции, разоблачать все противореволюционные попытки.

6) При выборах в ротные и батальонные комитеты, в суды и другие общественные организации проводить наших единомышленников.

7) Внимательно следить за деятельностью комитетов и отдельных выборных, критикуя их на собраниях.

8) Особенное внимание обратить на контроль за делегатами в советах рабочих и солдатских депутатов, в случае надобности — перевыборы их.

9) Призывать товарищей к крайней осторожности при всяких выборах, предлагая в важных случаях тайное голосование.

10) Давать наказы всем выборным, с требованием неуклонного выполнения наказа.

11) Призывать товарищей к организованной борьбе, предостерегая их от несогласованных выступлений».

Главное было сделано — работа ставилась на принципиальную почву: *борьба под большевистским знаменем.* Четкая и замечательно

---

[7] Включение офицеров в делегации объяснялось не тем, что они «заблуждались» в натравливании солдат на рабочих, а чтобы на месте разоблачить их контрреволюционность перед лицом солдатских масс.

ясная целевая установка была дана в обращении военной организации по поводу созыва Всероссийской конференции военных организаций, напечатанной в № 29 и 30 «Солдатской правды»: военная организация «ведет работу по сплочению товарищей солдат с рабочими для совместной борьбы за власть, за землю, за волю, за социализм». Задачи военной организации «увлечь за собою армию, беднейших крестьян, одетых в серые солдатские шинели, спаять их с рабочими в одно неразрывное целое и, опираясь на них, развить революцию и вплотную подойти к разрешению основного вопроса — уже теперь (приступить) к подготовке борьбы за социализм».

Сплотить с пролетариатом солдат из деревенской бедноты для борьбы за диктатуру пролетариата, за социализм — такова та цель, которую ставила себе военная организация, что вытекало из общей цели партии, сформулированной т. Лениным в апрельских тезисах.

Для руководства работой «военок» учредительное собрание избрало президиум из 9 человек и 7 комиссий: по изысканию средств, ревизионную, агитаторскую, издательскую, организационную, клубную, библиотечную.

В заключение собрание поручило президиуму «немедленно приступить к организации издания газеты как лучшего способа массовой агитации и влияния».

Из подробного освещения работ учредительного собрания военной организации видно, что оно заложило прочные основы, на которых потом развернулась разнообразная, обширная и успешная работа военной организации в армии.

Февральский переворот наша партия рассматривала не как конец революции, как это делала буржуазия и ее услужливые лакеи меньшевики и эсеры, а лишь как ее первый этап, за которым должен последовать второй этап ее, т. е. пролетарская революция. Спустя семь дней после переворота Ленин писал, что образовавшееся Временное правительство Гучковых и Милюковых не может дать народу «ни мира, ни земли, ни свободы», т. е. того, из-за чего рабочие и солдаты умирали, свергая царизм. Поэтому партия призывала рабочих к борьбе за второй этап революции. Вот что писал Ленин 7 (20) марта: «*Рабочие, вы проявили чудеса пролетарского, народного героизма в гражданской войне против царизма, вы должны проявить чудеса пролетарской и общенародной организации, чтобы подготовить свою победу во втором этапе революции*» (т. XX, стр. 19).

И рабочие действительно с первых же дней революции приступили к сплочению своих рядов: быстро росли профсоюзы, на заводах создавались отряды Красной гвардии и рабочей милиции, явочным порядком был введен 8-часовой рабочий день и, самое главное, организовались советы рабочих и солдатских депутатов. Все это, говорит т. Сталин, не могло не возбудить бдительности контрреволюционеров, все это должно было родить контрреволюцию.

И вот контрреволюция начинает натравливать солдат на рабочих, о чем уже говорилось выше.

> «Приемы для этого, при всех своих разнообразных вариациях, сводились к тому, что солдатам старались внушить, что в то время как республика должна отстаивать свою свободу на полях сражений, в это время

рабочий класс занимается своими личными делами, обирает республику, повышая заработную плату, устанавливая 8-часовой рабочий день в то время, как солдаты в окопах все 24 часа находятся в напряжении всех сил, и т. д. Широко распускались слухи, что производительность заводов пала на 70%, что только для того, чтобы меньше работать, рабочие сжигают зря топливо, прячут и разворовывают металлы и т. п.» [8]

В № 10 «Солдатской правды» была помещена заметка солдата Филипповича, в которой сообщалось, что старший унтер-офицер Михаил Козлов получил из Петрограда от своего племянника реалиста Николая Смирнова письмо, в котором было вложено другое, составленное для напечатания в газетах. Реалист Смирнов просил Козлова переписать это письмо и отправить его в «Русскую волю» или в «Новое время» (обе газеты черносотенные). Содержание этого письма было таково:

«Мы, солдаты, работаем здесь на фронте по 24 часа в сутки, и вы, рабочие, должны там, в тылу, столько же работать. Если вы не будете работать, то мы вас заставим работать».

Преимущественно крестьянский состав армии, не имевший понятия об условиях фабрично-заводской работы, политическая отсталость солдат, тяжесть фронтовой жизни — все это благоприятствовало натравлению солдат на рабочих, и травля эта получила довольно широкое распространение. Автору этих строк пришлось вести с ней борьбу на одном из самых отдаленных участков фронта Кавказской армии (на Моссульском направлении). Здесь говорили, что крестьянам приходится круглые сутки добывать хлеб для фронта, а рабочие лодырничают, работая по 8 часов.

Эта травля, понятно, представляла большую опасность для революции.

Перед партией и ее военной организацией стояла ответственная задача — разъяснить солдатам контрреволюционность травли. Как уже упоминалось, на учредительном собрании военной организации 31 марта было вынесено постановление о посылке солдатских делегаций на заводы для ознакомления с положением рабочих и с условиями их работы и результаты этого посещения опубликовать в печати. Солдатские делегации, побывав на заводе и убедившись в клевете на рабочих, послали сообщения о своих впечатлениях в орган военной организации, в «Солдатскую правду», где они и печатались, а «Солдатская правда» в десятках тысяч экземплярах (тираж ее был 50 тыс., а иногда и больше) распространялась среди солдат фронта и тыла. Приведем на выдержку одно из многих сообщений о посещении солдатами заводов.

Представитель от 38-й дивизии, 149-го Черноморского полка, Эдуард Яндалов, посетив обувную фабрику, пишет, что работа идет «удовлетворительно, требующая не 8-ми, а 6-часового рабочего дня». Рядом с этим напечатано постановление солдат 1-го пехотного Крепостного полка о бойкоте газет «Речь», «Биржевые ведомости» и др., которые ведут травлю рабочих («Солдатская правда» № 7, от 26 апреля). Но этим дело не ограничилось: военная организация связывалась с при-

[8] *Н. Подвойский.* Военная организация ЦК РСДРП(б) и военно-революционный комитет («Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 67).

бывающими с фронта делегациями, проводила с ними разъяснительную работу, снабжала их литературой.

> «Скоро военная организация большевистской партии уже явилась для делегаций единственным местом, где они получали истинные, прямые ответы на интересующие вопросы. Путем непрестанного общения окопов с военной организацией влияние большевиков постепенно таким образом начало переноситься из тыловых городов в окопы. Таким образом шаг, задуманный врагами, был обращен в орудие, направленное против самой буржуазии» (*Подвойский*).

Таким образом травля рабочих сорвалась. Буржуазия открыла поход против нашей партии, против ее вождя т. Ленина и против «Правды».

Вели травлю против Ленина меньшевистские газеты «Рабочая газета», плехановское «Единство», эсеровская газета «Дело народа». Плеханов называл ленинскую линию бредом сумасшедшего. Церетели говорил, что контрреволюция может возвратиться к нам через большевистские ворота, что от большевизма до монархизма — один шаг. Эсер Чернов называл Ленина маниаком и т. д. и т. д.

Буржуазия главным образом хотела использовать в своих целях несознательную солдатскую массу. Нужно иметь в виду, что по своей темноте солдаты главную причину всех поражений на фронте и всех бедствий фронтовой жизни видели в измене генералов. Поэтому и буржуазия вела травлю большевиков именно под флагом обвинения Ленина в «измене отечеству». Момент был ответственный и опасный. Перед партией стояла задача — разоблачить эту гнусную клевету, а на военной организации лежала труднейшая задача — борьба с этой клеветой в армии. Эта борьба за петроградский гарнизон описана т. Подвойским. Вот что он пишет об этом в своей статье о работе военной организации:

> «Из Кронштадта были вызваны матросы, могущие сколько-нибудь агитировать и в силу своей веры в дело могущие простым непосредственным убеждением разбивать ту агитацию, которая велась в воинских частях буржуазией и соглашательскими партиями через офицеров и солдатские комитеты, представлявшие в большинстве засилие соглашательской интеллигенции.
>
> Сотни наиболее сознательных матросов были оторваны от обычных занятий и переброшены в Петербург на помощь поднятому для великой кампании всему составу агитаторов рабочих из фабрик и заводов. С этими простыми, но преданными апостолами революции наскоро репетировались их роли, разбирались их задачи в казармах, в частях, а затем эти колонны убежденных агитаторов пошли в солдатские массы побеждать и убеждать, и перед их безыскусственными доводами пасовала самая искусная диалектика соглашательских и буржуазных ораторов. Серая крестьянская масса понимала их так сказать «нутром», чувствовала в них своих, и в короткое время настроение частей явно начало склоняться на сторону большевизма. Убедившись в наступлении такого перелома в той или иной части, агитаторы военной организации возвращались из казарм, согласно полученному наказу — возвращаться только тогда, когда в полной мере будет сделано дело, т. е. в части будет создано настроение во всех отношениях благоприятное для партии и ее военной организации.
>
> Таким образом от общих с блестящими ораторами митингов на площадях, в цирках, театрах и больших залах, залитых электричеством, перешли к незаметной, но верной обработке масс «кучковыми» беседами,

медленной, терпеливой, упорной агитацией, иногда даже с одиночками. Рабочие, матросы и члены военной организации, которая в это время имела уже активнейших, готовых на все до 200 человек членов, действовали колоннами. Их часто не пускали в казармы, арестовывали, угрожали расстрелами, но у них был наказ побеждать, и они упорством, терпением и в буквальном смысле «единым словом» пробивали не только стены подозрительности и несознательности, но двойные цепи часовых и караульщиков, и добирались до сердца казармы, до солдатских масс. По приходе в казармы они пользовались каждой минутой, каждым занимавшим солдата эпизодом, каждым его вопросом для овладения им. Овладевали сначала наиболее чутким элементом, а потом, при помощи его, и прочими; сбивая своим матросским, рабочим и солдатским словом, горячим доводом, присущим подлинным детям революции, врагов ее; они оставались в казармах пить, есть, спать и таким образом получили возможность агитировать и учить беспрерывно. Бытовая жизнь солдата на каждом шагу давала материал для возбуждения солдатского негодования против буржуазии и внушения необходимости общими усилиями рабочих и солдат победить опасность, которую буржуазия готовит для революции.

Результаты такой работы получились поразительные. По истечении трех-четырех дней члены военной организации возвращались из казарм с докладами, в каких полках им удалось революционными беседами выжечь ту ненависть к рабочему классу, которая воспитывалась агентами буржуазии. Так простыми рабочими и матросами создавался перелом в настроениях и взрыхлялась почва для дальнейшей большевистской работы, т. е. произведено было перевоспитание масс при помощи самих масс, работа в обыкновенных условиях почти невероятная, титаническая».[9]

Клеветническая агитация контрреволюции против партии, Ленина, — «Правды» была разоблачена.

Кроме агитационной работы в казармах, на собраниях и митингах, работа проводилась и в солдатском клубе военной организации «Правда». Клуб «сразу завоевал большие симпатии. В клуб стекалась масса солдат. Солдаты — члены клуба — начали вести в своих частях пропаганду, что почти сразу сказалось усилением наших позиций в войсках. Вскоре клуб стал центром, куда направлялись и товарищи, приезжавшие с фронта, и где дебатировались вопросы о войне и вопросы текущего момента.

К началу мая в клубе числилось 3000 членов. Таким образом солдатский клуб явился горнилом, где солдатские массы обрабатывались довольно быстро, где разбирались наши разногласия с социал-революционерами и меньшевиками, где создавались все новые и новые сторонники большевизма».[10]

Затем были созданы курсы для подготовки агитаторов для солдат. Одновременно с этим были созданы курсы для подготовки агитаторов для деревни. Тов. В. Невский, работавший на этих курсах, сообщает следующие интереснейшие сведения:

«Посылка агитаторов в провинцию была одной из важнейших функций военной организации. Этот вопрос у нас был выдвинут на другой же день после образования военной организации: были организованы курсы (краткие) для солдат и рабочих, едущих в отпуск, в деревню, и я лично провел через эти курсы буквально тысячи человек, а ведь работал на этих курсах не я один. Вот эти-то товарищи да рабочие из землячеств и делали потом в 1917 и 1918 гг. Октябрьскую революцию в деревне.

[9] «Красная летопись» № 6, 1923, стр. 70—71.

[10] Из доклада т. Подвойского на VI съезде партии, цит. по книге В. Владимировой. Революция 1917 г., т. III, стр. 311.

Землячества — это любопытнейшая из массовых организаций революции. Военная организация очень быстро учла все их значение и направила меня, с благословения ПК, на эту работу.

Землячества — это объединение рабочих и крестьян — солдат, земляков, оказавшихся во время войны в столице, по губерниям. Возникли они стихийно. Обратили на них наше внимание т. Ионов (не Илья Ионович, а другой, Смоляк) и т. Хитров. Из этих землячеств мы бросили в деревню буквально десятки тысяч крестьян, горевших вопросом: «а как же быть, если землю поделят без меня?» Вот эти-то люди, которым мы разъяснили, что нужно делать в деревне, и которых снабдили своей литературой, и помогли нам очень сильно и в октябрьские дни, и после в деревне, и уже долго спустя в разных губерниях в глухих деревнях, во время своих поездок (например в Орловской, Гомельской, Череповецкой, Рязанской и т. п.) в 1919, 1920 и 1921 гг.; я встречал земляков, узнавших меня и с чувством гордости показывавших номера «Солдатской правды» со статьями о земле». [11]

Как уже отмечалось, 31 марта на учредительном собрании военной организации было постановлено приступить к изданию газеты. Это постановление вскоре было осуществлено: 15(28) апреля вышел первый номер газеты «Солдатская правда», орган военной организации при ЦК и ПК РСДРП(б).

Это была боевая солдатская газета, сыгравшая огромную роль в борьбе за большевизацию армии. С первых же дней тираж «Солдатской правды» определился в 50 тыс. экземпляров и доходил до 70 тыс. экземпляров. Для того времени, когда выходило больше сотни буржуазных и соглашательских газет для солдат, причем все эти газеты в материальном отношении нужды не терпели (правительство Керенского снабжало их деньгами и типографиями), а «Солдатская правда» существовала на рабоче-солдатские гроши, — тираж в 50 тыс. экземпляров свидетельствовал о громадном успехе «Солдатской правды».

Чем же объясняется такой успех газеты военной организации? Объяснялся он большевистской постановкой ее. Во-первых — язык газеты был доступен для солдата: простота, ясность, четкость. Во-вторых — газета отличалась *классовой правдой*. «Солдатская правда» ничего не прикрашивала, она давала солдатам исчерпывающие ответы на все волновавшие их вопросы, она разъясняла солдатам, из-за чего ведется война, кому она нужна и как можно ее кончить, разъясняла вопрос о земле и т. д. А ведь война и земля — это были самые больные вопросы для крестьянской по составу армии. Наконец «Солдатская правда» разоблачала все махинации врагов революции, учила солдат, как распознавать друзей и врагов, как бороться с врагами. А все это раскрывало глаза солдату, делало его более сознательным, повышало и расширяло его политический кругозор, одним словом газета помогала солдату правильно понимать свои классовые интересы и правильно бороться за них.

В-третьих — «Солдатская правда» была массовой солдатской газетой в подлинном смысле слова. Работники военной организации, имея постоянную тесную связь с воинскими частями, всегда были

---

[11] *В. Невский.* Замечания к сообщению Б. Елова и статье Ф. Раскольникова. «Красная летопись» № 7, 1923 г., стр. 130. К сожалению об этом виде работы военной организации, кроме приведенной выдержки, других материалов нет.

в курсе событий этих частей, а потому располагали свежим и злободневным материалом для газеты.

Кроме того в редакцию поступала масса всевозможных резолюций из частей, солдатских писем и заметок, которые в большом количестве печатались в «Солдатской правде». Читая «Солдатскую правду», солдат видел в ней самого себя, слышал свой собственный голос. На непомещенные письма редакция отвечала почтой.

Вот за все это солдаты сильно любили свою «Солдатскую правду». В своих письмах они выражали свою любовь к «Солдатской правде» с такой простотой и трогательностью, что и сейчас нельзя без волнения читать их. Для примера приведем письмо солдата Давыдова, напечатанное в № 31 «Солдатской правды» от 13 (26) мая:

> «Прибыв в Петроград по делам службы с фронта, я в первый раз в своей жизни прочел истину в газете «Солдатская правда», которая раскрыла свои объятия для всех трудящихся и разоблачила все пороки зла и грязи капитала. На тебя, «Солдатская правда», обрушились, как свора собак, три военных газеты богачей, стараясь задушить тебя, ангела-обличителя. Не имея средств помочь тебе, я, солдат фронта, жертвую тебе, газета «Солдатская правда», свой георгиевский крест № 427979. Пусть мой крест спасет тебя. Живи, процветай, борись. Не страшись ты, «Солдатская правда», мы, солдаты, любим правду, и если ты погибнешь, то и мы погибнем с тобою вместе».

Редакция «Солдатской правды» ежедневно получала десятки подобных солдатских писем с разных концов фронта, которые давали яркое представление о настроении нашей армии.

Да, действительно, только большевистская правда могла спасти солдат. Солдаты скоро стали понимать это на своем собственном опыте. Понятно, что офицеры всячески препятствовали проникновению «Солдатской правды» в солдатские массы, на что жаловались солдаты в своих письмах в редакцию. Ненависть врагов к «Солдатской правде» была так велика, что 13/26 мая была попытка сжечь контору и редакцию. Два офицера и один штатский в 5 час. утра подъехали к помещению газеты, проникли в редакцию, облили бензином кипы газет, зажгли и уехали. Проснувшиеся рабочие ликвидировали пожар, но все-таки сгорело 40 тыс. экземпляров «Солдатской правды».

Вскоре после этого типография градоначальства, где печаталась «Солдатская правда», отказалась печатать ее.

> «Положение становилось критическим, — пишет один из ближайших работников редакции т. Ильин-Женевский. — Дело, с таким трудом поставленное, грозило сорваться. Оставалось только одно — обратиться за помощью к свои друзьям и верным защитникам — солдатам и рабочим Петрограда. И мы выпустили очередной номер газеты от 19 июня (6 июня ст. ст.) с таким воззванием, крупно набранным и помещенным на первой странице:
>
> Товарищи солдаты и товарищи рабочие и работницы! Типография общественного градоначальства за перегруженностью различными работами не может выпускать вашу газету «Солдатская правда». Завтра «Солдатская правда» уже не выйдет, завтра вы, солдаты, рабочие и работницы, уже не услышите «Солдатской правды».
>
> Товарищи солдаты, рабочие и работницы! Если нужна вам эта газета, которая без всяких колебаний, без всяких зигзагов вела вас по пути к социализму, если нужна вам та газета, большую половину которой вы заполняете своими солдатскими и рабочими письмами, резолюциями и

статьями, если нужна вам газета, которая простым языком говорила вам о том, чего вы не знали или не понимали, то вы сделаете все, что нужно, чтобы «Солдатская правда» выходила. Вы, солдатская и рабочая беднота, пойдете по казармам, по заводам и на собранные пятаки купите типографию для «Солдатской правды».

Только купив свою типографию, вы обеспечите беспрерывный выход вашей газеты и можете увеличить ее размер.

Пусть каждый, кто читает или слушает «Солдатскую правду», соберет в один-два дня два-три рубля на покупку типографии.

Товарищи! Не медлите ни одной минуты! Пусть ни одна минута с момента прочтения этого нашего обращения к вам не пройдет без сбора хотя бы нескольких копеек на покупку типографии.

За дело, товарищи, «Солдатская правда» в ваших руках.

Редакция».

Помощь со стороны солдат и рабочих не заставила себя долго ждать. Еще воззвание наше было только в наборе, а мы уже получили первое пожертвование — 33 р. 50 к. Его внесли, сложившись между собою, наборщики, набиравшие нашу газету.

Вслед за этим пожертвованием последовал целый ряд других. Некоторые группы солдат разукрасили свои ротные двуколки флагами, прикрепили к ним агитационные лозунги и выехали на улицы Петрограда собирать пожертвования в пользу «Солдатской правды». Такие двуколки много помогли в сборе необходимых нам средств. Однако пока из типографии общественного градоначальства пришлось уйти, и несколько дней газета вовсе не выходила.

Это был тяжелый момент в жизни нашей организации. Солдаты и рабочие, сочувствующие нашей газете, прилагали все усилия для того, чтобы собрать как можно больше средств и дать возможность газете вновь выйти в свет.

Хотя капиталы наши быстро росли, но конечно мы одни не в состоянии были бы скоро собрать необходимую для покупки типографии сумму. На помощь нам пришел наш центральный орган «Правда», который также мечтал о собственной типографии и собирал для этого средства. Сложив наши скудные ресурсы, мы смогли наконец купить довольно приличную типографию «Труд», помещавшуюся неподалеку от Таврического дворца, на Кавалергардской улице, в доме № 40.

Здесь вновь родилась, к великой радости петроградских солдат и рабочих, наша «Солдатская правда». [12]

Вот в каких тяжелых условиях приходилось работать военной организации. Но в преодолении всяких трудностей и препятствий закалялась наша партия, этим она и завоевала поддержку пролетариата и революционных солдат.

Помимо газеты военная организация выпускала еще ряд брошюр для солдат в издательстве «Солдатской и крестьянской библиотеки».

Организационная работа военной организации в частях началась с того, что там, по постановлению от 22 марта, начали создаваться партийные ячейки. В первом номере «Солдатской правды» была напечатана инструкция о том, как надо организовывать ячейки в частях. Скоро были созданы ячейки в полках: Павловском, Преображенском, Егерском, Измайловском, Петроградском, 180-м запасном пехотном, Финляндском, Московском, 1-м пулеметном и Гренадерском. [13] Но сколько всего было ячеек — неизвестно. По словам т. Кедрова, ответственного работника военной организации,

[12] *А. Ф. Ильин-Женевский.* От февраля к захвату власти, стр. 63—64.

[13] *Н. Подвойский.* Военная организация. «Красная летопись» № 6, 1923 г., стр. 73.

существовала связь больше чем с 50 крупными воинскими единицами Петрограда и его окрестностей. [14] По сообщению в «Солдатской правде» № 40, от 6(19) июня, на одном из собраний присутствовали представители от 54 частей Петрограда, Кронштадта и Финляндии. Очевидно во всех этих частях существовали ячейки военной организации. О численности организации один из авторов пишет, что: «В Петроградской военной организации по некоторым данным... было членов 1641, помимо тех товарищей солдат, которые записались в общерайонные организации». [15] Тов. Подвойский в докладе на VI съезде партии говорил, что к концу апреля в военной организации насчитывалось около 6 тыс. членов, а в Петрограде 1800 членов. Если учесть, что после июльских дней произошла небольшая убыль, то надо считать, что в Петрограде военная организация имела тысячи две членов.

Существовали также и районные военные организации, но об их работе мы никакими материалами не располагаем.

Общую картину работы военной организации рисует т. Кедров:

> «Штаб «военки» — дворец Кшесинской — представлял собой в полном смысле слова кипящий котел. С утра и до поздней ночи здесь не прекращался поток солдатской массы: за саперами, следовали павловцы, за павловцами — гренадеры, за ними — матросы, бронедивизионы и т. д. Все идут на «военку»: один затем, чтобы получить ответ на «жгучий» вопрос, другие, чтобы информировать о жизни в батальоне и обсудить «создавшееся положение», вступить в члены «военки», дождаться и унести с собой свежий номер «горячо любимой» «Солдатской правды», чтобы отдать ей, «дорогой нашей защитнице», единственную ценность и былую гордость каждого солдата — георгиевские кресты и медали.
>
> Беспрерывные совещания, заседания, собрания. Просят агитатора на митинг на сегодня, на завтра, на послезавтра. И в Петроградский полк, и в Егерский, и в Измайловский, и в Кексгольмский, в десяток мест одновременно». [16]

Работа в частях Петрограда под руководством большевистской организации развивалась с большим успехом. Уже 5 (18) июня один из руководителей военной организации, т. Невский, на заседании ПК говорил, что военная организация имеет связь с $^3/_4$ петроградского гарнизона, что солдатские массы рвутся на улицу на демонстрацию. И нужно сказать, что потребность в такой демонстрации вызывалась необходимостью дать отпор поднимавшей голову контрреволюции. Кроме того среди солдат росло недовольство репрессивными приказами Керенского. Все это вызывало брожение среди рабочих и солдат, которое искало себе определенных форм выражения.

Поэтому на том же заседании т. Невский говорил, что «если военная организация не возьмет инициативы демонстрации в свои руки, демонстрация произойдет стихийно... Военная организация думает, что демонстрацию устроить должно, что при хорошей организации демонстрация соберет 20 — 30 тысяч солдат... Если мы не возьмем руководства демонстрацией в свои руки, то демонстрация может выйти разрозненной. Солдат — крестьянин не может так

---

[14] «Пролетарская революция» № 6 (65), 1927 г., стр. 279.
[15] *Рабинович.* «Красная летопись» № 5/38, 1930 г., стр. 109.
[16] «Пролетарская революция» № 6 (65), 1927 г., стр. 219.

быстро ориентироваться в вопросах, как рабочий. Вот почему нужно участие рабочих в демонстрации, чтобы они влили максимум организованности и максимум сознательности в эту демонстрацию». Общая демонстрация рабочих и солдат была назначена на 10 (23) июня.

Происходивший в это время I съезд советов, испугавшись этой демонстрации, вынес решение о запрещении всяких демонстраций на три дня. Центральный комитет нашей партии нашел целесообразным подчиниться этому решению и объявил об отмене назначенной демонстрации. Надо было удержать массы, уже подготовившиеся к демонстрации. Брошенные в части и на заводы партийные силы достигли цели — массы не выступили. Назначенная же советом демонстрация на 18 июня почти поголовно прошла под лозунгами большевиков. Эти факты говорят за то, что большевистская партия и ее военная организация пользовались значительным влиянием среди солдат петроградского гарнизона.

После демонстрации 18 июня это влияние продолжало быстро расти, росло и боевое настроение среди рабочих и солдат. Партия делала все возможное для того, чтобы удержать их от преждевременного выступления и от влияния разных темных личностей, которые под видом большевиков призывали к крайним мерам. 22 июня в «Солдатской правде» было напечатано воззвание военной организации:

> «От военной организации при ЦК и при ПК РСДРП(б).[17]
>
> Военная организация обращается к товарищам солдатам и рабочим с просьбой не верить никаким призывам к выступлениям на улицу от имени военной организации. К выступлению военная организация не призывает. Военная организация в случае необходимости призовет к выступлению в согласии с руководящими учреждениями нашей партии — Центральным комитетом и Петербургским комитетом. Товарищи! Требуйте от каждого агитатора или оратора, призывающего к выступлению от имени военной организации, удостоверение за подписью председателя и секретаря военной организации и за печатью военной организации. ЦК нашей партии, а равно и ПК всецело поддерживают это обращение».

Работа нашей партии в войсках велась, разумеется, не только в одном Петрограде, она велась и в провинции и на фронте. Накопившийся опыт и связь с провинцией и фронтом вызывали необходимость объединить всю эту работу и создать единое централизованное руководство ею. Поэтому военная организация при ЦК и ПК стала готовиться к созыву Всероссийской конференции военных организаций. С этой целью были посланы уполномоченные во все крупные гарнизоны и непосредственно на фронт. В «Солдатской правде» и в кронштадтском «Голосе правды» были опубликованы воззвания о задачах военной организации вообще и конференции в частности, о времени конференции, о норме представительства и сообщалась повестка дня конференции. Подготовка к конференции началась за 5 недель до дня фактического ее открытия.

Какие задачи ставила перед собой военная организация, гото-

---

[17] «После апрельских дней военная организация установила связь с провинцией и приняла всероссийский характер, получив название: «при ЦК и ПК РСДРП)б)». Примечание к протоколам ЦК, стр. 8.

вясь к конференции? В воззвании от 7 мая говорится, что надо добиться того,

«чтобы не только здесь, в Петрограде, сплотились все социал-демократы — солдаты, составили одну организацию, но чтобы и в провинции и во всех городах и местечках все социал-демократы сплотились потеснее, а главное, чтобы все социал-демократы — солдаты во всех городах, во всех частях войск действовали заодно, по одному плану, который одобрен всеми нашими товарищами» («Солдатская правда» № 17).

Это тем более было необходимо, что по вопросу о задачах и о тактике работы в армии далеко было до единства среди военных работников многочисленных городов и фронтов.

За что же должны бороться «все социал-демократы солдаты»? Об этом говорится в воззвании 25 мая:

«Вслед за разрешением задач буржуазной революции — свержения самодержавия и уничтожения остатков крепостничества, — говорится в этом воззвании,—перед русским пролетариатом, как и перед рабочим классом всего мира, встал во всей грандиозной сложности, глубине, широте и трудности новый вопрос — о борьбе с самыми основами капиталистического общества, о непосредственной подготовке к борьбе за социализм.

Вот почему и вопрос об окончании войны, и вопрос о земле и всякий другой вопрос в нашей стране уперся в вопрос о захвате власти рабочими и крестьянами, так как действительность и практика показали, что ни капиталисты, ни помещики не в состоянии разрешить ни одной задачи на очереди дня — ни продовольственного, ни железнодорожного, ни финансового краха, так как ни правительство капиталистов и помещиков, ни правительство соглашения, коалиционное правительство из буржуазии социалистов, не в силах отрешиться от методов классового угнетения и насилия» («Солдатская правда» № 30).

Итак, основная задача — борьба за власть рабочих и крестьян, так как без этого ни один важнейший вопрос резолюции не может быть решен. В этой борьбе «первостепенное значение будет иметь — на чьей стороне окажется армия, как физическая материальная сила; факт огромной важности представляют и попытки вообще укрепить среди беднейших полупролетарских и чисто пролетарских слоев деревни наше влияние».

Но военная организация не ограничивала своих задач только работой в армии. Нужно было использовать армию для связи с деревней, для перенесения агитационной и организационной работы нашей партии в деревню:

«Солдат — в большинстве случаев крестьянин — говорится по этому поводу в воззвании от 8 мая, — и следовательно по окончании войны попадет в деревню. Значит, чем больше мы объединим в наших военных организациях беднейших крестьян, тем скорее нам удастся построить организацию деревенских пролетариев, батраков. А это теперь неотложная и важная задача» («Солдатская правда» № 18).

«Никогда еще в течение последних десятилетий в русской революции не было такого момента, как теперь, когда бы десятки и даже сотни тысяч крестьян так близко, вплотную подошли к рабочему классу. Небывалая война вырвала миллионы крестьян из деревни, поставила их под ружье и бросила в большие и малые города, где кипит самая непримиримая классовая борьба, где передовой борец революции — рабочий класс выступает организованно и планомерно под знаменем социализма, резко отмежевываясь от прочих классов и групп населения. Таким образом то, к чему оживленно устремились революционные социал-демократы большевики,— организовать беднейшие слои крестьянства, батрацкие элементы его,

> бароиить в деревне семена социалистической мысли — это теперь, помимо нашей воли, пришло к нам. Деревня как будто бы придвинулась к нам, и если мы, социал-демократы большевики, не используем этого благоприятного момента, не создадим организации среди крестьян, одетых в солдатские шинели, мы рискуем потерять очень много — из-под нашего влияния уйдет одна из самых деятельных сил революции, и крестьянство будет отдано всецело под власть буржуазных идеологий и влияний.
>
> Вот почему центральная организация нашей партии так внимательно относится к работе среди солдат и вот почему ЦК РСДРП(б) с первых же дней революции начал эту работу среди солдат петроградского гарнизона. («Голос правды» № 64.)

Итак, задачи военной организации, как они излагались в приведенных документах, состояли в том, чтобы 1) объединить всех большевиков, находившихся в армии, для борьбы за власть пролетариата и беднейшего крестьянства; 2) использовать для успеха этой борьбы армию как материально-физическую силу; 3) использовать армию для связи и работы партии в деревне.

Как видим, перед военной организацией стояли задачи первостепенной важности. Поэтому ЦК с большим вниманием отнесся к конференции военной организации, послав на нее в качестве докладчиков тт. Ленина и Сталина.

Конференция открылась 16 (29) июня. На конференции присутствовало около 160 делегатов, которые представляли 43 фронтовых и 17 тыловых военных организаций, охватывавших 26 тыс. членов партии.[18] Подавляющая часть делегатов были рядовые солдаты и несколько человек офицеров. По партстажу — большинство с 1917 г.

Порядок дня конференции был принят следующий: 1) доклады с мест; 2) отношение к резолюциям Всероссийской конференции РСДРП (апрель 1917 г.) — доклад Г. Е. Зиновьева; 3) текущий момент: организация власти и советы рабочих и солдатских депутатов — доклад Ленина; 4) война, мир, наступление — доклады Н. В. Крыленко и Е. Ф. Розмирович; 5) национальное движение и национальные полки — доклад И. В. Сталина; 6) демократизация армии — доклад Н. В. Крыленко; 7) цели и задачи и форма военной организации — доклады Н. И. Подвойского, В. И. Невского, С. А. Черепанова; 8) аграрный вопрос — доклад Ленина; 9) общероссийская солдатская и крестьянская газета — доклад В. И. Невского; 10) всеобщее вооружение народа — доклад П. В. Дашкевича; 11) выборы.

Конференция работала 8 дней и закрылась вечером 23 июня. Конференция проходила в напряженной обстановке: травля большевиков вообще и конференции в частности, демонстрация и наступле-

[18] Приведенные цифры приблизительны, так как точных данных нет. Скорей всего они преуменьшают общее количество как организаций, так и членов партии во всей армии. Во-первых, выборы на конференцию вначале проходили по норме 1 : 200, потом она была изменена на 1 : 100; во-вторых, не от всех городов и фронтов были делегаты по отдаленности и неосведомленности. Например на многих участках кавказского фронта совершенно не было большевистских газет, и не только из центра, но даже и тифлисских. Автор этих строк, будучи осенью в Тифлисе, подписался на газету Тифлисского комитета большевиков «Кавказский рабочий», но по дороге на фронт она процентов на 60 «таинственно» исчезла, проще говоря, большевистские газеты не пропускались, зато кадетских и черносотенных было сколько угодно.

ние на фронте 18 июня, выселение анархистов из дачи Дурново и убийство одного из них, арест организатора, редактора большевистской газеты «Окопная правда» Хаустова — вот какова была обстановка.

«Из докладов с мест было видно, что настроение фронта довольно пестрое. В общем солдатская масса на стороне революционной социал-демократии, но большевикам приходилось проделывать большую и тяжелую работу, чтобы разоблачить клевету, распространившуюся про большевистскую партию.

Лишь при терпеливом, вдумчивом объяснении нашей позиции, — заявляли докладчики, — солдатская масса становится на нашу точку зрения. Выяснилось, что солдатские большевистские организации в большинстве слабы. Причины — отсутствие опытных работников, репрессии и запугивание со стороны начальства. [19]

Эти доклады дали много ценного материала о положении дел в армии для ЦК и для руководящих работников военной организации. Но с другой стороны выступления делегатов с мест показали, что они страдают нетерпением, что «нечего дальше ждать, пора большевикам захватить власть в свои руки». Против этого решительным образом выступил т. Ленин, который говорил, что большинство еще не за нами, а за соглашателями, это наглядно показали выборы в районные думы: за наш список подано всего 150 тыс. голосов, и из 12 дум нами завоевана лишь одна. Чтобы серьезно, не по-бланкистски итти к власти, пролетарская партия должна бороться за влияние внутри советов, терпеливо, неуклонно, изо-дня в день разъяснять ошибку масс, разоблачать их мелкобуржуазные иллюзии. Сорвать эту нашу линию хотят контрреволюционеры, они всяческими средствами пытаются спровоцировать нас на преждевременное, сепаратное выступление, но мы на эту удочку не пойдем, нет, мы не доставим им такого удовольствия.

Так говорил Ленин, но вполне его точку зрения разделяли вначале лишь немногие делегаты. У большей же части участников конференции его взгляд вызвал разочарование или даже недовольство. Делегаты левой группы ожидали, что т. Ленин, вне сомнения, одобряет их «революционность» и «левизну». Поэтому доклад Ленина имел громадное значение и сыграл роль ливня, освежившего и охладившего раскаленную атмосферу конференции *(Кедров)*.

По докладу Ленина была единогласно принята резолюция («О текущем моменте»), которая, обрисовав общее положение, устанавливает три следующие основные задачи:

> «1) Продолжая свою агитацию против империалистической войны, с величайшей бдительностью следить за возможными и неизбежными попытками контрреволюции осуществить в удобный момент и под удобным предлогом разоружение революционных рабочих и раскассирование революционных полков, особенно в столице.

---

[19] *М. Кедров*. Всероссийская конференция военных организаций РСДРП(б). «Пролетарская революция» № 6(65), 1927 г., стр. 222—223. Ход конференции мы излагаем по цитируемой статье Кедрова и по статье Рабиновича, напечатанной в «Красной летописи» № 5 (38), 1930 г., стр. 105—132. Эти статьи дают подробный материал о работах конференции.

2) Решительно бороться против анархических настроений и попыток частичных дезорганизующих выступлений, которые, если они преждевременны, могут сыграть лишь наруку буржуазии, сознающей неизбежность нового революционного этапа и потому неистовствующей и желающей сорвать назревание этого этапа в сознании большинства народа.

3) Самым энергичным образом всесторонне готовить силы пролетариата и революционной армии к новому этапу революции и возможно более наглядно разъяснить, что только доверие большинства масс, беднейшего крестьянства больше всего, к организованному пролетариату и и переход власти в руки последнего способен действительно вывести страну из тупика, создаваемого затягиванием войны, приближающейся экономической катастрофой и соглашательской политикой социалистов — революционеров и меньшевиков». [20]

Итак, бдительность, выдержка и в то же время энергичная подготовка к пролетарской революции — таковы главные задачи текущего момента. Доклад Ленина и эта резолюция сыграли большую роль для работы в армии, где имелись значительные «левацкие» настроения.

Следующим по важности вопросом был доклад т. Сталина о национальном движении и национальных полках.

Февральская революция вызвала сильное движение среди угнетенных наций к независимости, особенно на Украине и в Финляндии. Одновременно в армии началось движение по созданию национальных полков. Временное правительство боролось с этим движением.

В единогласно принятой по докладу т. Сталина резолюции подверглась разоблачению лицемерная национальная политика Временного правительства, выгодная врагам революции.

«Конференция заявляет, — говорится в резолюции, — что народы России имеют полное право на самоопределение и самостоятельное решение своей судьбы вплоть до отделения, что в частности Украина имеет право осуществить свою автономию, не дожидаясь Учредительного собрания.

Вместе с тем конференция, будучи убеждена в том, что образование национальных полков вообще не в интересах трудящихся масс, хотя конечно права на образование таких полков за каждой национальностью конференция не отрицает, конференция выражает твердую уверенность, что пролетариат Украины вместе с пролетариатом всей России, заинтересованный в замене постоянной армии всенародной милицией, будет бороться против превращения национальных полков Украины в постоянную отдельную от народа армию.

Конференция твердо убеждена, что только решительное и бесповоротное признание права наций на самоопределение, признание на деле, а не на словах только, могло бы укрепить братское доверие между народами России и тем проложить дорогу действительному их объединению, объединению добровольному, а не насильственному, в одно государственное целое». [21]

Эта резолюция указывала правильный путь проведения национальной политики нашей партии в армии.

Следующим важным политическим вопросом конференции был аграрный вопрос, доклад по которому делал т. Ленин. По докладу была предложена и принята резолюция Всероссийской конференции партии, которая состоялась в апреле.

По вопросу «о войне, мире и наступлении» в принятой резолюции

[20] *В. Владимирова.* Революция 1917 г., т. III, стр. 297—298.
[21] «Красная летопись» № 5 (38), 1930 г., стр. 129—130.

даются анализ и оценка войны и отношение к ней партии большевиков. О начавшемся в это время наступлении резолюция говорит, «что со времени перехода русской армии в наступление закончился первый период русской революции». «С своей стороны конференция считает нужным заявить, что призыв к наступлению для революционной социал-демократии мог бы быть приемлем лишь тогда, когда власть перейдет в руки советов рабочих и солдатских депутатов, и когда революционная демократия открыто и недвусмысленно обратилась бы с предложением мира ко всем воюющим странам. Это предложение создало бы общее доверие рабочих всех воюющих стран друг к другу и повело бы неминуемо к восстанию пролетариата против всех империалистических правительств, которые противились бы такому миру. Только такое наступление стало бы прямой борьбой за мир и всеобщую победу». [22]

Иначе говоря, наступление было бы приемлемо только в революционной войне пролетариата, взявшего власть в свои руки, против империалистических государств.

Шестым пунктом конференции стоял вопрос о демократизации армии. Вопрос этот сильно волновал солдат и потому на нем надо остановиться несколько подробнее.

14 (27) мая газета «Новая жизнь» опубликовала приказ Керенского под названием «Декларация прав солдата», состоявший из 18 пунктов. Вот некоторые из них:

Пункт 3: «Каждый военнослужащий во внеслужебное время имеет право свободно и открыто высказывать и исповедывать политические, религиозные, социальные и прочие взгляды».

Пункт 10: «Назначение солдат в денщики отменяется, но как исключение... в тех местностях, в которых нет возможности нанять прислугу... офицерам, военным врачам, военным чиновникам и духовенству разрешается иметь вестового для личных услуг».

Пункт 14: «Никто из военнослужащих не может быть подвергнут наказанию или взысканию без суда, но в боевой обстановке начальник имеет право под своей личной ответственностью принимать все меры, до применения вооруженной силы включительно, против не исполняющих его приказания подчиненных; эти меры не почитаются дисциплинарными взысканиями».

Пункт 15: «Все наказания, оскорбительные для чести и достоинства военнослужащего, а также мучительные и явно вредные для здоровья, не допускаются.

«*Примечание.* Из наказаний, упомянутых в уставе дисциплинарном, постановка под ружье отменяется».

Пункт 18: «Право назначения на должности и, в указанных законом случаях, временного отстранения начальников всех степеней от должностей принадлежит исключительно начальникам. Точно так же они одни имеют право отдавать распоряжения, касающиеся боевой деятельности и боевой подготовки части, ее обучения, специальных ее работ, инспекторской и хозяйственной частей. Право же внутреннего самоуправления, наложения наказаний в определенных случаях принадлежит выборным войсковым организациям, комитетам и судам».

«Правда» от 16 (29) мая назвала эту декларацию прав *декларацией бесправия солдат* и подвергла ее суровой критике и разоблачению. На самом деле, по самым решающим вопросам солдат, как и

---

[22] *В Владимирова.* Революция 1917 г., т. III, стр. 279.

при царе, оставался в полной зависимости от контрреволюционного офицерства: в боевой обстановке офицер имеет право расстреливать солдат, но «боевую обстановку» можно толковать очень широко. Выборность офицерства не допускалась, начальники назначались сверху. Политикой солдаты могли заниматься только во внеслужебное время, т. е. очень редко, так как солдату вне службы приходилось быть разве только во время отпуска и увольнения. По существу сохранилось денщичество, эта наиболее унизительная для солдата обязанность. Не мешает отметить и то, что министр-«социалист» Керенский не упразднил в армии института «отцов духовных», оставляя их должно быть для пропаганды смирения среди солдат.

Обсудив этот вопрос, конференция постановила бороться против этой декларации и добиваться отмены ее и создания другой, которая бы была действительно «декларацией широких прав солдата соответственно принципам демократии».

В основу этой действительной декларации прав солдата должны быть положены следующие принципы: уставы не должны стеснять прав солдат, отмена куриальной системы выборов, ликвидация всяческих ограничений общегражданских прав солдата, проведение выборного начала командного состава, контроль на особых основаниях оперативной части, право ареста и уголовного преследования против всех контрреволюционных попыток.

> «В частности социал-демократы должны отстаивать организацию следующих учреждений в армии на основе прямого голосования: ротных, полковых, батальонных и т. д. комитетов со всеми образуемыми комиссиями: хозяйственными, культурно-просветительными, следственными и т. д., общего собрания полка, созванного определенным порядком.
>
> Советы выборных полков, перед которыми ответственен в качестве его исполнительного органа полковой комитет и куда передаются спорные вопросы из ротных комитетов.
>
> Общегородской совет рабочих и солдатских депутатов, как руководящий орган политической административной жизни данного центра.
>
> Образования всевозможных органов с решающими и совещательными голосами при интендантствах, управлениях, округах, штабах, бригадах и т. д., в действующей армии армейского съезда прямыми выборами от полка с ответственным органом — армейским комитетом — и фронтовой съезд со своими комитетами, подсобными организациями в виде дивизионных комитетов, корпусных съездов и корпусных советов.
>
> По судебной части товарищеский суд без обязательного председательствования офицеров и полковых судов, которым бы одинаково были подсудны в сфере их компетенции как солдат, так и офицеры.
>
> Конференция определенно высказалась за то, что в достаточной степени активная работа социал-демократии в этих учреждениях создаст гарантию как для действительного обеспечения прав солдат, так и обеспечения с низов завоеваний революции против контрреволюционных поползновений, откуда бы они ни исходили». [23]

По вопросу о всеобщем вооружении народа конференция, дав анализ постоянной армии как орудия господства буржуазии и коренного противоречия ее с интересами трудового народа, постановила «самым категорическим образом требовать и бороться за немед-

---

[23] *В. Владимирова.* Революция 1917 г., т. III, стр. 300.

ленное и повсеместное уничтожение постоянных армий и замену их всенародной милицией и всеобщим вооружением народа». [24]

Кроме того конференция выставила требование об организации рабочих батальонов Красной гвардии обоего пола, находящихся в распоряжении выборных рабочих организаций, районов крупных пролетарских центров, районов и областей, и о создании таких же отрядов народной армии сельских областей. [25]

Наконец к числу общих вопросов, по которым конференция вынесла решение, надо отнести решение об издании при военной организации большой солдатско-крестьянской газеты, но наступившие вскоре после конференции июльские дни и последовавший затем разгул реакции помешали осуществлению этого постановления вплоть до октября, когда начала выходить газета «Деревенская беднота», просуществовавшая до весны 1918 г.

По организационным вопросам были установлены цели и задачи военной организации и принят проект устава военной организации.

Резолюция следующим образом определяла цели и задачи военной организации:

1) Военная организация, будучи одной из частей общепролетарской организации, ставит своей задачей ту же задачу, что и вся партия, а именно — распространение среди солдат принципов идей социализма и разъяснение программных и тактических лозунгов партии.

2) Работая главным образом среди солдат из деревенской бедноты, военная организация должна послужить объединяющим аппаратом для работы партии среди широких масс крестьянской демократии и полупролетарских элементов деревни.

3) Закрепление в армии идей интернационального социализма и подготовка необходимых условий успешной борьбы за торжество мировой революции против мирового капитала и ликвидации мировой бойни революционным путем.

4) Незаконченный характер революции и назревающий в условиях войны взрыв всемирной революции ставят перед военной организацией задачу по созданию из примыкающих и идущих за социал-демократией революционных демократических элементов армии материального вооруженного оплота для революции и поставленных ею в порядок дня требований. [26]

Членом военной организации мог быть всякий, удовлетворяющий требованиям первого пункта устава нашей партии. Ячейки создаются в ротах, эскадронах, батареях и т. д., которые объединяются в полковые, районные, объединяющиеся в свою очередь в общую военную организацию стоянки войск, входящую как часть в общую городскую организацию. Петербургская же организация считается при ЦК и ПК.

В области своих чисто военных вопросов военная организация

[24] *Рабинович.* Всероссийская военная конференция большевиков. Воениздат, 1931 г., стр. 69—70.

[25] Красная гвардия в то время уже существовала, и решение конференции по этому вопросу имело целью шире ее популяризировать.

[26] *В. Владимирова.* Революция 1917 г., стр. 301.

самостоятельна, но в общей работе она руководствуется указаниями общегородской партийной организации. Далее идут положения о конференциях, съездах и т. п., о которых нет надобности специально здесь говорить, так как они повторяют общие принципы общепартийного устава.

В последний день конференции было избрано Всероссийское бюро военных большевистских организаций в составе 13 человек: В. И. Невский, Н. И. Подвойский, Н. В. Крыленко, Е. Ф. Розмирович, К. А. Мехоношин, М. С. Кедров, Н. К. Беляков, С. А. Черепанов, Л. М. Каганович, П. В. Дашкевич, А. Я. Аросев, Ф. П. Хаустов и И. И. Дзевялтовский.

Конференция имела большое значение для дальнейшей работы в армии, она объединила всех большевиков и солдат, связала их общей программой и тактикой борьбы и поставила под единое руководство ЦК партии. С другой стороны ЦК через конференцию имел возможность увидеть более или менее полную картину того, что делается, какие процессы идут в армии и в особенности на фронте. А все это, вместе взятое, укрепляло и увеличивало силы партии в борьбе за власть пролетариата.

Как уже выше говорилось, после демонстрации 18 июня возбуждение среди солдатских масс не прекращалось, и партии приходилось все время сдерживать преждевременное выступление. Но в начале июля оно достигло таких размеров, что удержать его уже не удалось — произошли исторические события 3 — 5 (16 — 18) июля. Партия была против демонстрации 3 — 5 июля и приняла все меры, чтобы предупредить ее. Но выступление все же состоялось, и партия должна была взять его в свои руки. 16 июля на нелегальной конференции, созванной Петроградским комитетом, т. Сталин говорил, что «умыть руки мы не имеем права; как партия пролетариата, мы должны были вмешаться в его выступление и придать ему мирный и организованный характер, не задаваясь целью вооруженного захвата власти»...

Каково же было участие в июльском выступлении военной организации и какова была ее роль?[27]

2 июля состоялись собрания коллективов полков, на которых вопрос о выступлении даже не поднимался, а вечером того же дня стало известно, что Пулеметный полк решил 3 июля выступать и разослал своих агитаторов по всем казармам. Для военной организации это было совершеннейшей неожиданностью. Объяснить это можно было только организационной слабостью ячеек и вытекавшей отсюда их плохой осведомленностью. Утром 3 июля военная организация бросила в полк лучшие свои силы, чтобы удержать его. Удалось получить обещание, что он не выступит, но к вечеру полк все же выступил. Выступили и другие полки, и к 9 часам вечера решили выступить семь полков.

Военная организация, исходя из постановления ЦК о придании движению мирного характера, принимает меры к предотвращению

---

[27] Излагаем по докладам т. *Подвойского* на вышеназванной Петроградской конференции и на VI съезде партии.

возможного кровопролития. Однако благодаря провокационным выстрелам без жертв не обошлось. При этом наибольшую выдержку проявили и не поддались провокации те полки и в особенности те роты, которые лучше были охвачены работой наших партийных организаций, например Гренадерский полк, который не только воздержался от употребления оружия, но выступил против Пулеметного, предлагая ему прекратить стрельбу.

Участие партии и ее военной организации в демонстрации внесло успокоение и организованность в движении. «В эти дни, 3—6 июля, мы были в живой связи со всеми полками; участие военной организации в демонстрации устранило 75%, если не 90% возможных эксцессов. Все полки, где были более или менее крепки наши организации, вносили в движение успокоение». [28]

5 июля утром военная организация по постановлению ЦК разослала рабочим и солдатам письмо об окончании демонстрации.

Выступление было подавлено, и наша партия подверглась преследованиям со стороны контрреволюции. Как же все это отразилось на военной организации? Контрреволюция проявила много «заботы» в отношении военной организации, стремясь начисто разгромить ее. Поэтому пришлось уйти в подполье. «Солдатская правда» была закрыта, а типография «Труд» разгромлена. В полках шли аресты, но это только вызывало недовольство солдат и усиливало влияние нашей партии.

На собрании представителей коллективов воинских частей от 28 июля отмечалось, что июльские события мало отразились на взглядах солдат, сочувствовавших большевикам. То же самое подтверждалось и собранием представителей 11 частей от 9 августа, где поднимался вопрос о необходимости уделять большое внимание культурно-просветительной работе и самообразованию солдат, а на собрании от 12 августа делегаты уже отмечают рост сочувствия большевикам. [29]

Были однако и отрицательные явления. На малоустойчивых членов партии июльские события повлияли так, что они стали уходить из партии, но зато наблюдался и приток в партию наиболее стойких. В общем «настроение после июльских дней быстро не только выравнялось, но и стало все больше и больше повышаться» *(В. Невский)*.

Сильнее всего пострадало Всероссийское бюро военной организации, многие члены которой были арестованы, а часть из них вынуждена была скрываться. Например пришлось гримироваться и по чужому паспорту уезжать из Петрограда прапорщику Семашко, пришлось уехать и т. Невскому. Штаб военной организации перешел на нелегальное положение и скрывался за Нарвской заставой.

Итак, общий итог июльских дней таков:

1) благодаря тому, что наша партия имела военные организации,

---

[28] Из доклада *И. Подвойского* на Петроградской конференции. «Красная летопись» № 7, 1923 г., стр. 101.

[29] «Солдат» № 25 от 13 сентября. В этом номере напечатаны протоколы этих собраний.

участие солдат в июльском выступлении прошло с меньшими жертвами и с меньшим поражением вообще;

2) разгул реакции убедил солдат в правоте нашей партии, поэтому влияние большевиков среди солдат сохранилось, а потом начало и повышаться;

3) влияние большевиков вначале несколько упало только в тех полках, где было изъято много активных работников;

4) не все ячейки оказались достаточно организационно сильными, и потому наиболее слабые из них не смогли удержать в своих руках солдат;

5) в силу перехода военной центральной организации на нелегальное положение и закрытия «Солдатской правды» несколько ослабла на некоторое время связь ее с ячейками частей.

Из всего этого вытекали задачи: сохранение организации от преследования контрреволюции, налаживание связей с частями и возможно более быстрое налаживание выпуска газеты, которая явилась бы лучшим средством связи с массами и воздействия на них.

При налете озверелой военщины на дворец Кшесинской, где помещались ЦК и военная организация, многие документы и материалы были уничтожены. «Удалось спасти несколько ящиков «германских миллионов», состоявших из бумажных копеек и другой мелочи не выше пятака, и обменять их после кропотливой сортировки на сотенные бумажки в районной столовой у Нарвских ворот. Так образовался основной фонд для новой газеты военной организации. Предстояло самое трудное: найти типографа, который не убоялся бы напечатать нашу газету». [30]

После долгих трудов типография была найдена, и 23 июля (5 августа) вышел первый номер газеты военной организации «Рабочий и солдат». [31] Это была первая большевистская газета, вышедшая после июльских дней. Популярность ее быстро росла, и тираж ее с 20 тыс. экземпляров дошел до 60 тыс., а некоторые номера вышли в количестве до 100 тыс. экземпляров. Снова, как и во времена «Солдатской правды», в газету стали поступать письма, статьи и пожертвования. 150 заключенных матросов и солдат прислали в редакцию 87 р. 85 к. со следующим письмом: «Горячо приветствуем вас с воскресением дорогой для нас газеты «Солдатская правда». Дай бог счастливой жизни новорожденному, имя которому «Рабочий и солдат». На крестины посылаем 87 р. 85 к. — посильную ленту, собранную от нас, солдат и матросов, заключенных на Ушаковской улице, д. 7, на доброе и долгое житье новорожденного». [32]

«Рабочий и солдат» вскоре был объявлен Центральным комитетом центральным органом партии. Но «новорожденному» долго жить не пришлось. «С ростом популярности газеты росли и трудности ее печатания. Заведующий типографией не раз уже проявлял нер-

[30] *М. Кедров.* «Пролетарская революция» № 7 (66), 1927 г., стр. 148.

[31] «Рабочий и солдат» не имел, подобно «Солдатской правде», подзаголовка «Орган военной организации при ЦК и ПК». Этим очевидно и объясняется то обстоятельство, что в начале газета не была замечена контрреволюцией.

[32] По *Кедрову.* «Пролетарская революция» № 7 (66), стр. 150—151.

возность, как бы чего не вышло. Пришлось изыскивать всякие меры успокоения, вплоть до угощения блинами типографщиков.

Выпуск двух номеров прошел без нареканий. На третьем произошла загвоздка: по распоряжению какого-то начальства номер был объявлен конфискованным и отбирался у продавцов. Чтобы успокоить разгулявшиеся нервы типографщиков, пришлось повторить лечебную процедуру. Но дни жизни «Рабочего и солдата» были сочтены. В глухую ночь, на 10 (23) августа, когда только что был отпечатан № 16 газеты и два товарища спешно работали над завязкой газетных тюков для отправки их на заводы, в казармы и в провинцию, в типографию ворвалась милиция, конфисковала отпечатанный номер, рассыпала шрифт и, обязав заведующего прекратить дальнейшее печатание газеты, удалилась, никого не арестовав.

Несмотря на то, что газета официально не была закрыта, но, учитывая трусливость заведующего типографией, было решено перенести газету в другую типографию.

Одновременно с изданием газеты Военная организация в издательстве «Солдатская и крестьянская библиотека» выпускала «листовки» на различные злободневные темы; например 28 августа в связи с корниловщиной был выпущен «Листок» на тему «Контрреволюция в армии». Эти «листочки», как пишут в своих воспоминаниях участники событий, были хорошим агитационным средством. Кроме того издавались брошюры на различные темы.

Об организационной работе Военной организации после июльских дней, кроме отдельных газетных заметок, мы почти никаких материалов не имеем. Приходится поэтому на основе этих заметок выявлять в самых общих чертах эту сторону деятельности Военной организации.

Центральное бюро Военной организации довольно часто устраивало собрания делегатов от воинских частей. 13 (26) сентября в «Солдате» было опубликовано несколько протоколов таких собраний. Первый из них относится к 28 июля. На этом собрании обсуждался вопрос о том, как повлияли июльские дни на солдат. Вероятно, это было первое делегатское собрание. Это свидетельствует о том, что связь ЦБВО с воинскими частями восстановилась довольно быстро. На делегатском собрании 5 августа было постановлено собираться два раза в неделю, так как рост работы требует более тесного организационного общения делегатов. На этом же собрании было вынесено пожелание о необходимости создания крестьянских революционных землячеств, через которые можно было бы осуществить тесную связь с деревней для работы по подготовке выборов в Учредительное собрание. Следующие делегатские собрания состоялись 9, 12, 16, 23 августа, 4 сентября и т. д.

Кроме того довольно часто устраивались собрания членов Военной организации, на которых делались доклады о текущем моменте. Так, например, 31 августа с докладом о текущем моменте выступал т. Свердлов. На этом же собрании обсуждался вопрос о военных инструкторах для рабочих.

На делегатских собраниях обсуждались различные вопросы: организация районных военных организаций, землячеств, Красной гвардии, контроль над штабами частей, выборы в Городскую думу и т. п.

Насколько было сильно влияние Военной организации среди частей, можно судить по тому, что на делегатском собрании 4 сентября присутствовало 230 делегатов от 68 воинских частей.[34]

VI съезд партии установил курс на вооруженное восстание. В этом направлении должна была работать и Военная организация. Подвойский пишет, что Военная организация интенсивно работала именно в этом направлении. Благодаря постоянной и тесной связи с частями Военная организация не была захвачена врасплох, когда генерал Корнилов 25 августа объявил кровавый поход против революционного Петрограда. Исходя из общей задачи партии — во что бы то ни стало разгромить Корнилова, Военная организация мобилизует петроградский гарнизон для борьбы с контрреволюцией. «Военная организация могла торжествовать снова свою победу. Со всех сторон шли к ней донесения, что такой или такой полк выступает против Корнилова, выступает под пролетарскими коммунистическими лозунгами в защиту революции».[35]

Большую роль Военной организации в борьбе с корниловщиной вынуждены были признать и соглашатели. «У вас есть сильная Военная организация, — обратился к одному большевику, выпущенному к этому времени на свободу, представитель военного отдела соглашательского ВЦИК, — пусть она придет к нам на помощь».[36] Соглашатели из ВЦИК пытались обратить Военную организацию в свое орудие и потому предложили делегировать в созданный при ВЦИК Комитет борьбы с контрреволюцией своих представителей. ЦК большевиков назначил туда тт. Невского и Подвойского, но не для того, чтобы подчинить Военную организацию растерявшимся соглашателям, а для того чтобы знать «все шаги и все соглашательские махинации правительства и господствующих партий с контрреволюционной партией кадет и другими буржуазными партиями».[37]

Однако соглашатели этих товарищей туда не приняли, заявляя, что их как участников июльских дней разыскивает правительство.

29 августа Военная организация устроила собрание, на котором присутствовали представители почти от всех частей, имевших у себя ячейки Военной организации. Это собрание постановило требовать:

1) ареста всех заговорщиков и применения к ним той меры, которой требовал Корнилов по отношению к солдатам, — смертной казни;

2) создания революционной власти из рабочих и солдат;

---

[34] Все данные взяты из 15, 17, 20, 21, 23, 25, 33 и 40 номеров «Солдата».
[35] «Красная летопись» № 6, 1923, стр. 93.
[36] *Н. Подвойский.* «Красная летопись» № 8, 1923, стр. 10.
[37] Там же, стр. 9.

3) вооружения рабочих и создания для них инструкторов из солдат. [38]

Резолюции этого собрания показывают, что Военная организация действительно сумела мобилизовать полки на борьбу с корниловщиной. Одновременно с этим Военная организация через газету «Солдат» ведет систематическое и настойчивое разъяснение солдатам сущности корниловщины и указывает путь, по которому должна итти борьба, чтобы предупредить возможность повторения корниловщины. Начиная с № 22, «Солдат» довольно крупным шрифтом печатал боевые лозунги партии, которые не могли не запечатлеться в сознании солдата. Вот эти лозунги: «*Боритесь за немедленное отобрание без выкупа земли у помещиков и передачу ее в заведывание крестьянских комитетов*». «*Боритесь за рабочий контроль над производством*». «*Боритесь за беспощадное обложение крупных капиталов и имуществ и конфискацию военных прибылей*».

Корниловщина была ликвидирована. Она «смела соглашательские иллюзии рабочих и солдат, сплотив последних вокруг нашей партии». Но «контрреволюция еще не разбита. Она только отступила, спрятавшись за спиною правительства Керенского. Революция должна взять и эту, вторую, линию окопов контрреволюции, если она хочет победить. Успешная борьба советов за власть — это именно и есть начало конца этой победы». [39]

Спрятавшись за спину правительства Керенского, контрреволюция занималась привычным своим делом — провокацией. Контрреволюционные газеты распространяли провокационные слухи о том, что целые полки вышли на улицу с плакатами: «Долой Временное правительство». Военная организация по этому поводу обратилась к солдатам с призывом не поддаваться провокации, сохранять выдержку и без призыва военных организаций не выступать, так как преждевременные и разрозненные выступления только повредят.

Чтобы покончить с контрреволюцией навсегда, говорит т. Сталин, надо покончить с правительством Керенского, за спиной которого она укрылась. Рабочие и солдаты поняли это, показателем чего явилась большевизация советов и усиленная организация Красной гвардии.

В деле организации Красной гвардии Военная организация сыграла большую роль.

Е. Пинежский по этому поводу пишет:

> «Большую роль в деле организации *и главным образом обучения Красной гвардии* (подчеркнуто нами — *М. Т.*) сыграла военная организация большевиков.
>
> Она, по верному замечанию т. Подвойского, одного из руководителей «военки», «привлекла к делу оборудования Красной гвардии силы воинских частей».
>
> Не надо только думать, что эта работа была хорошо поставлена и руководима и что лишь Военная организация «налаживала инструкторский аппарат во всех районных штабах и руководила их работой». Я утверждаю, что главная работа в этой области была все же проделана районными комендатурами. Они подбирали инструкторов из солдат квартирую.

---

[38] «Рабочий» № 6, ЦО партии.

[39] *Сталин*. На путях к Октябрю, стр. 173—199, изд. 2-е.

щих в их районе полков; из рабочих — старых солдат и т. д.». Вовсе «не значит», «что дело создания Красной гвардии — дело Военной организации», как это слишком смело заявляет т. Подвойский, вообще преувеличивающий степень организованности самой «военки» и планомерность ее работы». [40]

В деле военной подготовки красногвардейцев Военная организация сыграла большую роль.

В начале сентября Военной организацией по соглашению с Центральной комендатурой Красной гвардии был создан коллектив инструкторов для Красной гвардии, а потом при Военной же организации были созданы курсы для подготовки таких инструкторов. «Приблизительно в двадцатых числах сентября Военная организация объявила, что курсы расширяются до размеров всероссийских... На курсы съехались солдаты с северного фронта из 2-й, 5-й и 12-й армий, из Гельсингфорса, из всех расположенных в Финляндии частей, с юго-западного фронта, из особой армии (входила в состав юго-западного фронта — *М. Т.*), Балтийского и Черноморского флотов, из Тулы, Брянска, Киева, Одессы и целого ряда других городов. Лекции читались с раннего утра до поздней ночи, и в течение 10 дней, которыми были ограничены курсы, многие слушатели получали настолько хорошую подготовку, что явились в дальнейшем самой основательной опорой в агитационной, организационной и боевой работе Военной организации». [41]

Трудно, конечно, говорить, что за 10 дней можно было получить хорошую агитационную, организационную и боевую подготовку. Курсы были поставлены слабо, что совершенно естественно, так как для хорошей организации курсов у Военной организации не было ни времени, ни материальных средств. И все же курсы принесли Красной гвардии большую пользу, и в этом заслуга Военной организации.

Кроме этих курсов 24 сентября Военная организация открыла курсы по подготовке агитаторов по выборам в Учредительное собрание.

В сентябре и октябре наша партия вела интенсивнейшую работу по подготовке вооруженного восстания. Военная организация проводит непрерывную агитационную работу среди солдат. Митинги и собрания следовали один за другим. Делались доклады по текущему моменту, читались лекции на различные политические темы. Это имело громаднейшее значение. Попытки контрреволюции проникнуть в полки окончились безрезультатно, так как солдаты, находясь все время под влиянием нашей партии, давали им отпор.

Таким образом была подготовлена солдатская масса к вооруженному выступлению 25 октября. Назначенные Военно-революционным комитетом комиссары частей находили благоприятную обстановку для выполнения боевых приказов ВРК. Некоторые же комиссары сами были членами Военной организации.

В эти бурные дни Военная организация готовилась к съезду своих фронтовых и тыловых организаций, назначенному на 20 октября. Повестка дня этого съезда намечалась следующая: 1) выборы в Учре-

[40] *Е. Пинежский.* «Красная гвардия», ГИЗ, 1929 г., стр. 44.
[41] *Н. Подвойский.* «Красная летопись» № 8, 1923 г., стр. 12.

дительное собрание, 2) борьба с контрреволюцией в армии, 3) организационный вопрос, 4) крестьянская газета, 5) текущие дела.

Но этот съезд, как и назначенный на 17 октября экстренный съезд партии не состоялись, «помешала» Октябрьская революция.

Этим мы заканчиваем изложение деятельности Военной организации нашей партии до Октябрьской революции.

Выполнила ли Военная организация стоявшие перед ней задачи? Главнейшей задачей Военной организации *нашей* партии, этого «ПУР» 1917 г., была задача — вырвать армию из рук буржуазии, и из орудия ее господства, орудия борьбы с революцией обратить ее, как говорится, в свою противоположность, в материальную силу пролетарской революции. *Эта задача была выполнена блестяще:* в великие дни Октября почти весь петроградский гарнизон был на стороне социалистической революции и вместе с Красной гвардией, этой главной силой восстания, дрался на баррикадах Октября, принимал участие в ликвидации контрреволюционных гнезд — юнкерских училищ, выступал в поход против Краснова и т. д.

Военная организация существовала до марта 1918 г., когда VII съезд партии решил ликвидировать Военную организацию. В чем же заключалась работа Военной организации после Октябрьской революции до момента ее роспуска? Для ответа на этот вопрос мы имеем всего только один документ — протокол собрания Военной организации от 26 декабря 1917 г. [42]

На упомянутом собрании в повестке дня стояло два вопроса: 1) вопрос о создании социалистической армии; 2) текущие дела.

Этот протокол дает некоторое представление о характере работы Военной организации в этот промежуток времени.

По вопросу о создании социалистической армии выступали два докладчика: т. Невский — касался принципиальной стороны вопроса, и т. Подвойский — говорил о практических мерах по организации социалистической армии.

Тов. Невский указывал, что вопрос о мире оказался более трудным, чем это казалось раньше. Нам необходимо укрепить свои силы, иначе нас постигнут «страшные катаклизмы и анархия, поэтому нам нужно создать такие кадры социалистической армии, чтобы они сознательно пошли на борьбу по закреплению социалистических завоеваний». Социалистическую армию создавать очень трудно, но надо приложить все силы. Петроград как авангард революции должен первый показать пример. Социалистическую армию надо создавать не из одних только рабочих, но из всех трудящихся. Таковы основные мысли докладчика.

Тов. Подвойский в своем докладе говорил о том, что надо дать возможность уйти из армии элементам анархически настроенным, уставшим, влить туда свежие элементы и этим самым цементировать армию. Для быстрого создания социалистической армии надо прежде всего обратиться к рабочим как более организованным и сознательным. Для проведения работы по организации социалистической

---

[42] Протокол напечатан в «Красной летописи» № 1 (25), 1928 г., стр. 135—136.

армии Военная организация даст агитаторов, организаторов, вербовщиков и инструкторов.

«Ставя перед собой такую схему работы, основанную на быстроте, к моменту, когда Австро-Германия пожелает перейти к наступлению ($1^1/_2$-месяца), мы должны создать такие кадры, которые помогли бы товарищам с фронта создать такую армию, с которой действительно считались бы. По нашим расчетам за $1^1/_2$ месяца можно организовать до 300 тыс. штыков социалистической армии, которые послужат цементом и скелетом новой армии». Для осуществления этого предлагалось организовать ячейки, где их нет; выделить из ячеек организаторов, которые пойдут с призывом в ряды рабочих; затем ячейки должны выделить инструкторов, которые одновременно должны быть и агитаторами. В заключение т. Подвойский предлагал создать центральную комиссию для организации социалистической армии, которая будет работать вместе с военным комиссариатом. Все предложения т. Подвойского были приняты.

Таким образом после Октябрьской революции работа Военной организации сводилась к двум основным задачам: 1) сохранить классово-надежные элементы старой армии и годные для вступления в социалистическую армию; 2) создать социалистическую армию, использовав для этого здоровые революционные элементы старой армии, рабочих и красногвардейцев. Поэтому, когда к весне 1918 г. старая армия была распущена и были заложены прочные основы для создания Красной армии, терялся смысл дальнейшего существования Военной организации.

Этим мы заканчиваем наш очерк деятельности Военной организации. Нам уже неоднократно приходилось говорить о том, что мы очень бедны материалами о работе Военной организации. Объясняется это тем, что архивы Военной организации были уничтожены военщиной в июльские дни при разгроме дворца Кшесинской. Во второй раз архивы погибли во время гражданской войны. Ясно отсюда, что наш очерк может дать лишь самую общую картину работы Военной организации.

Однако и эти немногие материалы дают представление о направлении, формах и методах работы Военной организации, опыт которой может сослужить большую и полезную службу нашим зарубежным братским компартиям в их борьбе за пролетарскую революцию.

Н. Корнатовский

ПАРТИЯ И ОКТЯБРЬСКОЕ ВООРУЖЕННОЕ ВОССТАНИЕ

Весь ход революционного движения в 1917 г., от Февраля к Октябрю, проходил под знаком все усиливающейся большевизации широких трудящихся масс. События 3 — 5 июля были переломным моментом всей революции. Партия большевиков возглавила движение 3 — 5 июля и правильно ориентировала массы в создавшейся политической ситуации. Несмотря на широкий размах движения, партия большевиков не могла тогда дать массам лозунг захвата власти. Этот лозунг был бы ошибкой, так как большинство трудящихся не было еще на стороне большевиков. Нужно было время для большевизации масс, для изоляции соглашательских партий, для сплочения масс под знаменами большевистской партии.

Дальнейшие события развертывались с колоссальной быстротой. Корниловщина открыла глаза широким трудящимся массам. Преступное соглашательство эсеро-меньшевистских советов вызвало взрыв негодования масс, толкнуло их к большевикам, со всей наглядностью показало массам, что иного пути, кроме указываемого большевиками, нет.

Ближайшие дни после корниловщины дали большевикам большинство в обоих столичных советах Петрограда и Москвы. Впервые политическая резолюция, предложенная большевиками, была принята Петроградским совстом 13 сентября (31 августа), а Московским — 18 (5) сентября. «Большинство в столичных советах есть плод развития народа в нашу сторону», — писал Ленин 25 — 27 (12 — 14) сентября в письме ЦК, ПК и МК РСДРП. Тогда же он сделал вывод, что «большинство народа за нас». [1]

Соотношение классовых сил подтверждало целиком этот вывод Ленина. По всей стране развивались крестьянские восстания, правительство вошло в серьезные конфликты с армией, железнодорожниками и почтовыми служащими.

Реакционная политика эсеров и меньшевиков была разоблачена полностью перед лицом масс.

Демократическое совещание, созванное Временным правительством, не могло удовлетворить запросов масс, не могло дать стране ни мира, ни земли. Оно было совещанием «меньшинства народа», выражало интересы соглашательских мелкобуржуазных верхов,

[1] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 193.

было ширмой, комедией, при помощи которой правительство Керенского пыталось укрепить свое положение. Колебания Демократического совещания взрывали терпение пролетариата и трудящегося крестьянства.

Политика Временного правительства была целиком подчинена задаче полного разгрома революционного пролетариата и восстающего против помещиков трудящегося крестьянства. Раз уже прибегший к союзу с военщиной корниловец Керенский пытался организовать новую авантюру предательства рабочих и солдат. Падение Риги и моонзундская операция немецкого флота, систематические попытки вывести из Петрограда революционные полки, желание Временного правительства переехать в Москву — наводили на мысль о готовящейся сдаче Петрограда немцам. Не может быть ни тени сомнения в достоверности тех предположений, которые делал на этот счет Ленин. Российская империалистическая буржуазия, духовенство, прислужники буржуазии — эсеры и меньшевики, потеряв все свои реальные силы, утопающие в высокой революционной волне, бесспорно ухватились бы за последнюю «соломинку» — призвали бы на помощь немецкие войска для удушения первого города революции. Бонапартистское Временное правительство во главе с полукадетом Керенским оказало бы этому всемерное содействие.

Наконец перед лицом назревающих революционных событий, кризиса всей революции в России, перед перспективой захвата власти пролетариатом каждую минуту мог активно выступить на защиту российской буржуазии и своих собственных интересов антантовский империализм.

Симптомы этого уже были налицо. О готовности союзников к интервенции свидетельствовали как все поведение их дипломатических представителей, так и пассивность английского флота при взятии острова Эзеля немцами, упорные слухи о начавшихся переговорах о сепаратном мире Англии с Германией за счет России.

Международное положение российской революции настоятельно требовало от большевистской партии перехода к лозунгу свержения Временного правительства, перехода власти в руки советов. Кризис российской революции совпал с нарастанием мировой социалистической революции. Летом 1917 г. в Чехии и Моравии на почве голода и протеста против войны вспыхнули забастовки, принимавшие местами характер массовых революционных выступлений. В Бренне несколько дней продолжалась вооруженная борьба. В Италии в августе вспыхнула забастовка, в которой участвовало 40 тыс. рабочих. В сентябре в морской крепости Вильгельмсгафен в Германии вспыхнуло восстание матросов 4 броненосцев. Расправившись со своими офицерами (выбросили нескольких за борт), восставшие матросы высадились на берег. Местные власти принимали все меры к быстрому подавлению восстания. Восставших моряков поддержали морально и матросы других кораблей, которые отказались исполнить приказ командования о подавлении восставших. Восстание было жестоко подавлено властями при помощи сухопутных частей.

Революционные выступления западно-европейского пролетариата проходили в условиях, коренным образом отличавшихся от

условий России 1917 г. Революционное большевистское руководство движением пролетариата Запада фактически отсутствовало, господствовал режим жестоких репрессий, нелегальности, военной диктатуры, само движение было ограничено чрезвычайно узкими рамками.

В отличие от этого российский пролетариат имел испытанную в боях, руководимую гениальным стратегом партию. Большевики имели за собой полгода свободной агитации, свою прессу, хотя и подвергавшуюся гонениям Временного правительства, на своей стороне имели уже ряд советов рабочих и солдатских депутатов, Балтийский флот, половину солдат на фронте. Пролетариат и беднейшее крестьянство фактически шли за большевиками.

Таковы основные вехи внутреннего и внешнего положения России осенью 1917 г., накануне Октября.

Совершенно очевидно, что партия большевиков должна была на основе марксистско-ленинского анализа сложившейся политической ситуации и правильной политической оценки текущего момента дать новые лозунги борьбы, в новых условиях по-новому руководить массовым революционным движением пролетариата и беднейшего крестьянства.

Таким лозунгом и явился вновь выдвинутый большевиками лозунг «Вся власть советам», означавший теперь уже диктатуру пролетариата и беднейшего крестьянства. Лозунг «Вся власть советам», прежде ориентировавший массы на мирный путь развития революции, затем снятый после июльских событий (когда эсеро-меньшевистские советы стали на путь активной контрреволюционной политики), ныне, на новом этапе революции, с середины сентября 1917 г. был равносилен призыву к вооруженному восстанию.

Вся власть советам как лозунг восстания — вот под каким знаменем должны были выступить массы в дальнейшей борьбе. Последний шанс на мирный путь развития революции исчез.

«История сделала коренным политическим вопросом сейчас вопрос военный», писал Ленин 10 октября (27 сентября) 1917 г. [2]

Партия большевиков поэтому на очередь дня должна была поставить вооруженное восстание и подготовку этого восстания сделать своей центральной задачей.

Классический образец анализа исторической обстановки в России под углом зрения конкретной разработки проблемы вооруженного восстания дал вождь большевистской партии Ленин. Он первый поставил перед партией проблему восстания, он первый всесторонне обосновал необходимость вооруженного восстания, он же дал и все руководящие указания для успешного проведения восстания.

В последних числах сентября (по н. ст.) в письме на имя ЦК, ПК и МК РСДРП Ленин уже прямо выдвинул вопрос о вооруженном восстании в принципиальной постановке. Это письмо Ленина не предрешало еще момента восстания.

«Вопрос идет не о «дне» восстания, не о «моменте» его в узком смысле
Это решит лишь общий голос тех, кто соприкасается с рабочими и солда

[2] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 229.

тами, *с массами*... Вопрос в том, чтобы *задачу* сделать ясной для партии: на очередь дня поставить *вооруженное восстание* в Питере и в Москве (с областью), завоевание власти, свержение правительства. Обдумать, *как* агитировать за это, не выражаясь так в печати. Вспомнить, продумать слова Маркса о восстании: «*восстание есть искусство*» *и т. д.*» [3]

Сразу же после этого письма Ленин пишет новое письмо ЦК РСДРП — «Марксизм и восстание», в котором говорит о трех объективных предпосылках успешного восстания.

«Восстание, чтобы быть успешным, должно опираться не на заговор, не на партию, а на передовой класс. Это во-первых. Восстание должно опираться на революционный подъем народа. Это во-вторых. Восстание должно опираться на такой *переломный пункт* в истории нарастающей революции, когда активность передовых рядов народа наибольшая, когда всего сильнее *колебания* в рядах врагов и в *рядах слабых половинчатых нерешительных друзей революции*. Это в-третьих. Вот этими тремя условиями постановки вопроса о восстании и отличается марксизм от бланкизма». [4]

И переходя дальше к анализу положения революции в России, Ленин констатировал, что «перед нами налицо все объективные предпосылки восстания», [5] и что в этих условиях отказ от отношения к восстанию, как к искусству, означает измену марксизму, измену делу социалистической революции. [6]

В своих последующих работах — статьях, письмах — Ленин развивает и дополняет аргументацию за необходимость подготовки вооруженного восстания. Центральной ведущей идеей всех его выступлений этого периода является вооруженное восстание.

«Нет сомнения, конец сентября принес нам величайший перелом в истории русской, а по всей видимости также и всемирной революции», — писал Ленин в статье «Кризис назрел». [7] Вновь подтверждая наличие всех необходимых предпосылок для захвата власти пролетариатом, т. е. для осуществления лозунга «Вся власть советам», Ленин здесь уже подходит вплотную к вопросу о моменте самого восстания. Разоблачая все мероприятия правительства Керенского, партию эсеров, ставшую «противонародной, противокрестьянской, контрреволюционной партией», мобилизуя внимание рабочего класса и партии к факту повседневных крестьянских восстаний в стране и т. д., Ленин говорит: «При таких условиях «ждать» съезда советов и т. п. есть *измена интернационализму*, измена долгу международной социалистической революции». [8]

К этой статье Ленин дал продолжение, предназначенное для раздачи членам ЦК, ПК, МК партии и советов, не подлежавшее опубликованию. В этой части статьи «Кризис назрел» Ленин со всей прямолинейностью и категоричностью требовал от руководящих партийных работников немедленной подготовки восстания. Он со всей силой своей аргументации обрушивался на тех членов партии

---

[3] *Ленин*, Соч., т. XXI, стр. 194.
[4] Там же, стр. 195.
[5] Там же, стр. 197.
[6] Там же, стр. 195.
[7] Там же, стр. 235.
[8] Там же, стр. 239.

(Троцкий), которые высказывались за оттяжку восстания, против немедленного взятия власти, за ожидание съезда советов. «Ждать» съезда советов есть полный идиотизм, ибо это значит пропустить недели, а недели и даже дни решают теперь все». [9]

Дальше Ленин переходит к главным оперативным указаниям: где и как начать само восстание, как группировать силы восставших. Внезапность удара, решительность действий, немедленный захват особо важных стратегических пунктов города — таковы требования Ленина.

Ленин советовал ударить одновременно и внезапно из трех пунктов: из Петрограда, из Балтийского флота, из Москвы, силами тысяч вооруженных рабочих и солдат Петрограда немедленно овладеть Зимним дворцом — цитаделью Временного правительства, помещением генерального штаба, телефоном, крупными типографиями. Тут же Ленин указал, что начать восстание может и Москва.

> «Победа восстания *обеспечена* теперь большевикам... Девяносто девять сотых за то, что мы победим с меньшими жертвами, чем 3 — 5 июля, ибо *не пойдут войска* против правительства мира. Если даже у Керенского *уже* есть «верная» кавалерия и т. п. в Питере, то при ударе с двух сторон и при сочувствии армии к *нам* Керенский будет вынужден *сдаться*. Если даже при таких шансах, как теперь, не брать власти, тогда все разговоры о власти советов превращаются в *ложь*.
>
> Не взять власти теперь, «ждать», болтать в ЦИК, ограничиться «борьбой за орган» (совета), «борьбой за съезд» значит погубить революцию». [10]

Ленин требовал от руководящих партийных органов тщательного изучения расположения войсковых частей и еще раз отношения к восстанию как к искусству.

Роль Ленина в подготовке вооруженного восстания, как и в руководстве им, поистине исключительная. Помимо общих высказываний о восстании, кратко разобранных выше, Ленин давал ряд специальных конкретных указаний ответственным партийным работникам того времени. Яркий свет на эту практическую деятельность Ленина проливает случайно сохранившееся письмо его к председателю Областного комитета армии, флота и рабочих Финляндии. Письмо это Ленин написал 10 октября (27 сентября) 1917 г., за два дня до статьи «Кризис назрел».

Нарисовав сжато общую обстановку, Ленин советовал ему, разгрузившись от повседневной мелкой работы, все внимание отдать военной подготовке войсковых частей, расположенных в Финляндии, и частей Балтфлота к предстоящему свержению Временного правительства. Создать из надежных военных тайный комитет, собрать полную информацию о расположении и боевой численности войск вокруг Петрограда, в особенности казаков, съездить на форт Ино и другие особо важные пункты, поставить широко агитацию за взятие власти советами, наладить издание большевистских прокламаций и листовок и распространение их в России, наладить нелегальный транс-

---

[9] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 240.
[10] Там же, стр. 240, 241. Курсив Ленина.

порт литературы из Швеции, начать осуществление блока с левыми эсерами.

Каждая из этих задач в отдельности поражает своей целесообразностью, своевременностью и определенностью, несмотря на то, что Ленин находился на нелегальном положении в Финляндии и своевременная информация его о жизни столичных центров и всей России в значительной степени затруднялась.

Работа Ленина в эти предоктябрьские недели и дни не ограничивалась узким кругом вопросов. На ряду с конкретной разработкой проблемы восстания он находил время для написания таких работ, как «Удержат ли большевики государственную власть», «К пересмотру партийной программы» и т. д., в которых охватывались положительно все стороны жизни и деятельности партии.

В статье «Удержат ли большевики государственную власть» Ленин дал решительный отпор клеветническим утверждениям буржуазной и мелкобуржуазной прессы от «Речи» до «Новой жизни» и еще больше укрепил надежду рабочего класса на победный исход вооруженной борьбы с буржуазным правительством, влил в него стальную волю, придал ему колоссальную силу действия.

А в обращении «К рабочим, крестьянам и солдатам», написанном 14 — 15 (1 — 2) октября 1917 г., Ленин со всей страстностью пролетарского революционера призывает массы к борьбе с Временным правительством, питает их не иллюзиями на лучшее будущее, а реальными достижениями от установления диктатуры пролетариата. После свержения власти буржуазии советская власть «не позже 25 октября (если 20 октября будет съезд советов)» предложит всем воюющим народам справедливый мир, немедленно провозгласит помещичьи земли достоянием народа.

> «Нет, *ни одного дня* народ не согласен терпеть больше оттяжек! *Ни одного дня* нельзя терпеть, чтобы усмиряли военной силой крестьян, чтобы гибли тысячи и тысячи на войне, когда можно и должно немедленно *предложить справедливый мир*.
>
> *Долой правительство Керенского*, который сговаривается с корниловскими генералами-помещиками, чтобы подавлять крестьян, чтобы стрелять в крестьян, чтобы затягивать войну!
>
> *Вся власть* советам рабочих и солдатских депутатов!»[11]

Так заканчивал Ленин это свое обращение к широким трудящимся массам.

О сроке восстания Ленин пишет и в своих «Тезисах для доклада на конференции 8 октября петроградской организации, а равно для резолюции и для наказа выборным на партийный съезд», который был назначен на 30 (17) октября 1917 г., но отменен затем Центральным комитетом партии 5 (18) октября в связи с подготовкой к восстанию. Постановка вопроса о моменте восстания, данная в этом документе, нисколько не отличается от тех взглядов, которые высказывал Ленин ранее. Вновь и вновь он требует не связывать момента вооруженного выступления со съездом советов, потому что это будет игрой в восстание. Правильный момент восстания, повто-

[11] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 286. Курсив Ленина.

ряет Ленин, может быть указан только теми, кто непосредственно связан с жизнью фабрично-заводских предприятий и казарм. Поэтому Ленин требует от делегатов III петроградской общегородской партийной конференции направить на предприятия и в казармы лучшие силы партии для разъяснения массам их задачи.

В следующем «Письме петроградской городской конференции», предназначенном для прочтения на закрытом заседании, указывая на неотложность восстания, Ленин требует мобилизации всех сил и говорит дальше опять о том, что Москва может начать восстание первой, объявив Московский совет рабочих депутатов Временным правительством.

Затем он предлагает конференции немедленно послать делегацию в ряд пунктов, в войсковые части для агитации за вооруженное восстание. О том, что восстание можно начать в Москве, Ленин писал также в «Письме в ЦК, МК, ПК и членам советов Питера и Москвы большевикам».

> «Не обязательно «начать» с Питера. Если Москва «начнет» бескровно, ее поддержат наверняка: 1) армия на фронте сочувствием, 2) крестьяне везде, 3) флот и финские войска *идут на Питер*».
>
> «...Питерский совет может выжидать, агитируя за московское советское правительство».[12]

Это письмо было написано в период 16—20 (3—7) октября. До 8 октября Ленин по вопросу о том, где должна быть проявлена инициатива восстания, считал, что начать может Москва.

Очередная информация о степени подготовки восстания в Москве и Петрограде, о действиях и намерениях Временного правительства, полученная Лениным 20 — 21 (7 — 8) октября, изменила этот взгляд Ленина, так как в своих последующих письмах он говорит о необходимости начать вооруженное выступление в Петрограде.

21 (8) октября Ленин дает документ исключительной исторической ценности — «Советы постороннего». Здесь дана развернутая картина вооруженного восстания. «Советы постороннего» являются классическим оперативным приказом октябрьского вооруженного восстания. Со всей определенностью и ясностью «советы» Ленина ориентируют отряды восставших рабочих, солдат, матросов в процессе предстоящей борьбы.

Ленин начинает с изложения особых законов вооруженного восстания как особого вида политической борьбы и как искусства, установленных еще Энгельсом:

> «1) Никогда *не играть* с восстанием, а, начиная его, знать твердо, что надо *итти до конца*.
>
> 2) Необходимо собрать *большой перевес сил* в решающем месте, в решающий момент, ибо иначе неприятель, обладающий лучшей подготовкой и организацией, уничтожит повстанцев.
>
> 3) Раз восстание начато, надо действовать с величайшей *решительностью* и непременно, безусловно переходить в *наступление*. «Оборона есть смерть вооруженного восстания».
>
> 4) Надо стараться захватить врасплох неприятеля, уловить момент, пока его войска разбросаны.

---

[12] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 294. Курсив Ленина.

5) Надо добиваться *ежедневно* хоть маленьких успехов (можно сказать: ежечасно, если дело идет об одном городе), поддерживая во что бы то ни стало *моральный перевес*».

И дальше Ленин наполняет эту схему конкретным историческим содержанием.

««В применении к России и к Октябрю 1917 г. это значит: одновременное, возможно более внезапное и быстрое наступление на Питер, непременно и извне, и изнутри, и из рабочих кварталов, и из Финляндии, и из Ревеля, из Кронштадта, наступление *всего* флота, скопление *гигантского перевеса* сил над 15 — 20 тысячами (а может и больше) нашей «буржуазной гвардии» (юнкеров), наших «вандейских войск» (часть казаков) и т.д.

Комбинировать наши три главные силы: флот, рабочих и войсковые части так, чтобы непременно были заняты и ценой *каких угодно потерь* были удержаны: а) телефон, б) телеграф, в) железнодорожные станции, г) мосты в первую голову.

Выделить *самые решительные* элементы (наших «ударников» и *рабочую молодежь*, а равно лучших матросов) в небольшие отряды для занятия ими всех пунктов и *для участия* их везде, во всех важных операциях, например:

Окружить и отрезать Питер, взять его комбинированной атакой флота, рабочих и войска, — такова задача, требующая *искусства и тройной смелости*.

Составить отряды наилучших рабочих с ружьями и бомбами для наступления и окружения «центров» врага (юнкерские школы, телеграф и телефон и пр.) с лозунгом: *погибнуть всем, но не пропустить неприятеля*».[13]

Кончался этот документ выражением надежды, что руководители восстания успешно применят заветы «величайшего в истории мастера революционной тактики Дантона: смелость, смелость и еще раз смелость», заветы Маркса и Энгельса, и что «успех и русской и всемирной революций зависит от двух-трех дней борьбы».

Требование активности, резкая критика выжидательной тактики имеется и в другом документе, написанном одновременно с «Советами постороннего» — в «Письме к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде советов Северной области». Ленин призывает к вооруженному восстанию Петроград, Москву, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. «Под Питером и в Питере — вот где может и должно быть решено и осуществлено это восстание, как можно подготовленнее, как можно быстрее, как можно энергичнее... Промедление смерти подобно». [14]

22 (9) октября Ленин переезжает из Выборга в Лесной под Петроградом и на следующий день участвует в историческом заседании ЦК партии, принявшем резолюцию о вооруженном восстании.

С этого момента начинается форсированная подготовка вооруженного восстания под непосредственным руководством ЦК партии во главе с Лениным и Сталиным.

С середины сентября до 8 октября включительно (по ст. ст.) 1917 г. Ленин мобилизовал внимание всей партии на свержение Временного правительства, на переход власти в руки советов, на подготовку вооруженного восстания. Он за это время дал развернутый глубокий политический и экономический анализ внутреннего положения в России, международного положения российской рево-

[13] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 320. Курсив Ленина.
[14] Там же, стр. 325.

люции, специально разработал проблему вооруженного восстания, общие законы восстания, данные Энгельсом, применил к конкретной исторической обстановке России осенью 1917 г.

Во всех своих работах — статьях и письмах — за это время Ленин в качестве основной идеи проводил идею вооруженного восстания пролетариата и беднейшего крестьянства. Лозунг «Вся власть советам» означал в этих новых условиях вооруженное восстание. Помимо общей аргументации за необходимость восстания Ленин высказывался по вопросам места и срока восстания.

С 23 (10) октября 1917 г. начался второй этап борьбы ЦК во главе с Лениным за вооруженное восстание, характеризующийся усиленной подготовкой восстания, подготовкой всех вооруженных сил пролетарской революции, борьбой с правой оппозицией за ленинскую линию партии, борьбой с конституционными иллюзиями Троцкого.

В соответствии с указаниями Ленина ЦК уже 18 (5) октября принимает решение о выходе из предпарламента. Это означало, что ЦК берет твердый курс на вооруженное восстание как задачу дня. А еще 16 (3) октября было принято решение: «предложить Ильичу перебросится в Питер, чтобы была возможной постоянная и тесная связь». Решение ЦК о бойкоте предпарламента вызвало резкую оппозицию Каменева, который, указав, что решение «предопределяет тактику партии на ближайший срок в направлении, которое я лично считаю весьма опасным для партии», просил освободить его от работы в ЦИК.

Это была первая открытая вылазка правого оппортуниста, штрейкбрехера Октябрьских боев.

Заседание ЦК партии 23 (10) октября, на котором присутствовало 12 членов ЦК, заслушав информацию о положении на румынском фронте, о литовцах, о северном фронте, перешло к 4 пункту повестки дня — текущему моменту. После доклада Ленина была принята предложенная им резолюция следующего содержания:

> «ЦК признает, что как международное положение русской революции (восстание во флоте в Германии как крайнее проявление нарастания во всей Европе всемирной социалистической революции, затем угроза мира империалистов с целью удушения революции в России), так и военное положение (несомненное решение русской буржуазии и Керенского с К° сдать Питер немцам), так и приобретение большинства пролетарской партией в советах, — все это в связи с крестьянским восстанием и с поворотом народного доверия к нашей партии (выборы в Москве), наконец явное подготовление второй корниловщины (вывод войск из Питера, подвоз к Питеру казаков, окружение Минска казаками и пр.), все это ставит на очередь дня вооруженное восстание.
>
> Признавая таким образом, что вооруженное восстание неизбежно и вполне назрело, ЦК предлагает всем организациям партии руководиться этим и с этой точки зрения обсуждать и разрешать все практические вопросы (съезда советов Северной области, вывода войск из Питера, выступления москвичей и минчан и т. д.»). [15]

Против резолюции голосовали только два члена ЦК — Зиновьев и Каменев. Остальные 10 членов ЦК голосовали за резолюцию.

[15] *Ленин.* Соч., стр. 330.

Для общего политического руководства подготовкой восстания было избрано политическое бюро из 7 человек во главе с Лениным.

Решения ЦК партии от 23 (10) октября были выражением мнения абсолютного большинства партии. Это не исключало однако того, что в последующие дни Зиновьев и Каменев открыто выступили против постановления ЦК партии, апеллируя через голову ЦК к массам, доходя до печатания статей против партии в соглашательской «Новой жизни». Они фактически выдавали план подготовки восстания врагам партии, врагам социалистической революции.

Партия под руководством своего ЦК во главе с Лениным дала решительный отпор этим правооппортунистическим элементам, вскрыла всю фальшь их доводов, разоблачила их перед лицом всей партии.

Прямая борьба Зиновьева и Каменева против Центрального комитета началась на следующий же день после принятия резолюции о восстании. 24 (11) октября они обратились с большим заявлением к Петроградскому, Московскому областному, Финляндскому областному комитетам РСДРП, большевистской фракции ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов, большевистской фракции съезда советов Северной области. Этот документ являлся развернутой программой правых оппозиционеров. В нем давался анализ соотношения классовых сил, диаметрально противоположный анализу Ленина. По мнению авторов заявления, «большинство трудящихся масс страны не шло еще за большевиками, политику ЦК в вопросе о вооруженном восстании они квалифицировали как «губительную политику», не способствующую консолидации всех творческих сил пролетарской революции, а также отталкивающую трудовое крестьянство от партии большевиков. Они обвиняли ЦК партии в переоценке сил революции и неодоценке сил контрреволюции, будучи сами повинными как раз в обратном — в переоценке сил противника и недооценке сил пролетариата. Неверие в силы последнего было основной идеей правых. Не случайно поэтому они отрицали впоследствии возможность победоносного строительства социализма в нашей стране. Документ в целом свидетельствует также о том, что правые не понимали характера Октябрьской революции. Неверие в силы российского пролетариата означало в свою очередь и неверие в победу социалистической революции в России. Октябрьская революция, по их мнению, не могла быть победоносной без мировой революции.

«... *Рост революции в Европе* сделал бы для нас обязательным, без всяких колебаний, немедленно взять власть в свои руки. *В этом же и заключается единственная гарантия победоносности восстания пролетариата в России*», так писали авторы антипартийного документа. [16]

Основные положения правых против вооруженного восстания, как изложенные в заявлении Зиновьева и Каменева от 24 (11) октября, так и защищаемые ими на очередном заседании ЦК партии 29 (16) октября, были подвергнуты жестокой критике Лениным в его «Письме

[16] *Ленин.* Соч., т. XXI. Приложения. Документы и материалы, стр. 497. Курсив наш — *Н. К.*

к товарищам» 29 и 30 (16 и 17) октября 1917 г. Доводы правых оппортунистов Ленин считал настолько «поразительным проявлением растерянности, запуганности и краха всех основных идей большевизма и революционно-пролетарского интернационализма, что нелегко подыскать объяснение столь позорным колебаниям». [17]

По поводу правооппортунистического анализа соотношения классовых сил в стране Ленин писал, что Зиновьев и Каменев

> «марксистский критерий движения подменяют интеллигентско-импрессионистским, *на место* политического учета развития классовой борьбы и хода событий во всей стране в целом, в международной обстановке в целом ставят субъективные впечатления о настроении; о том, что твердая линия партии, ее непреклонная решимость *тоже* есть *фактор* настроения, особенно в наиболее острые революционные моменты, об этом, конечно, «кстати» забывают». [18]

Относительно же аргументов против восстания, изложенных в вопросительной форме и рассчитанных на одурачивание масс, на еще большее внедрение в их сознание мысли об абсолютной невозможности победоносного восстания (как например: «А если мы возьмем власть и не получим ни перемирия, ни демократического мира, то солдаты могут не пойти на революционную войну. Что тогда?..»), Ленин ответил чрезвычайно коротко: «Один дурак может вдесятеро больше задать вопросов, чем десять мудрецов способны разрешить».

Большевики никогда не пасовали перед трудностями, а, идя по заранее намеченному правильному пути, преодолевали эти трудности. Правые в дни Октября, в дни подготовки вооруженного восстания показали полное неверие в силы рабочего класса, пошли по пути капитулянтства и штрейкбрехерства.

Партия под руководством ЦК во главе с Лениным после 23 (10) октября развернула колоссальную работу по подготовке восстания, по подготовке вооруженных сил Октября.

Эту подготовительную работу пришлось вести форсированными темпами. Против попыток оттянуть восстание, прикрытых различными соображениями, Ленин выступал самым решительным образом. Пользуясь своим пребыванием в Петрограде, в меру нелегальных возможностей, Ленин взял в свои руки подготовку восстания. Об этом говорит один из активных участников восстания в Петрограде Н. Подвойский. По его словам, за несколько дней до второго заседания ЦК партии, постановившего ускорить подготовку восстания, Ленин вызвал к себе в подполье В. И. Невского, Антонова-Овсеенко, Раковского и Подвойского, для того чтобы получить от них подробную информацию о степени готовности масс рабочих, солдат, матросов к вооруженному восстанию.

Антонов-Овсеенко сообщил Ленину, что флот безусловно выступит по первому призыву, то же о матросах Гельсингфорса и других морских баз Балтфлота подтвердил Невский. Однако оба они выражали сомнение в возможности своевременного приезда в Петроград матросов для поддержки восстания из-за активного сопротивления

---

[17] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 334.
[18] Там же, стр. 344. Курсив Ленина.

и противодействия этому намерению со стороны офицерства. Подвойский и Невский, говоря о войсках гарнизона Петрограда, отметили явно сочувственное восстанию настроение. Общее мнение всех участников совещания у Ленина сводилось все же к выводу о необходимости отложить вооруженное восстание на несколько недель, для того чтобы за это время лучше к нему подготовиться, послать комиссаров на фронты и в целый ряд городов — Москву, Киев, Саратов, Екатеринослав, Нижний-Новгород и т. д. для подготовки армии и провинции. Все эти доводы за оттяжку восстания Ленин отклонил, совершенно правильно отмечая, что отсрочкой восстания воспользуется и противник для организации разгрома всех революционных сил. [19]

Очередное заседание ЦК партии было расширенным заседанием, оно было проведено совместно с исполнительной комиссией Петроградского комитета партии, с представителями Военной организации, Петроградского совета профессиональных союзов, фабрично-заводских комитетов, железнодорожников и Петроградского окружного комитета. Председательствовал на этом заседании т. Свердлов. На повестке дня стояли три вопроса: 1) доклад о прошлом собрании ЦК; 2) краткие доклады представителей с мест; 3) текущий момент.

По первому вопросу доклад делал Ленин. Он попрежнему решительно высказывался за вооруженное восстание. «Из политического анализа классовой борьбы в России и в Европе вытекает необходимость самой решительной, самой активной политики, которой может быть только вооруженное восстание», [20] говорил Ленин.

По второму вопросу была заслушана информация о положении дел в районах Петрограда, округе, профессиональных союзах, фабрично-заводских комитетах и т. д.

Сообщения с мест, сделанные на этом заседании ЦК партии, были в основном повторением той информации, которая была дана на заседании Петроградского комитета партии от 28 (15) октября, происходившем под председательством С. В. Коссиора.

Наиболее ответственную информацию Центральному комитету партии о настроении рабочих Петрограда и о степени боевой готовности районов города сделал секретарь ПК Бокий. В основу его доклада были положены те данные, которые сообщили представители районов Петрограда на расширенном заседании ПК 28 (15) октября.

Докладчик рисовал такую картину: Васильевский остров — боевого настроения нет, но боевая подготовка ведется; Выборгский район — готовится к восстанию, в случае выступления массы поддержат, начать должны верхи; 1-й городской район — настроение трудно учесть; 2-й городской район — настроение лучше; Московский — настроение бесшабашное, выйдут по призыву Совета, но не партии; Нарвский район — стремления выступать нет; Охтенский

---

[19] *Н. Подвойский*. Красная гвардия в Октябрьские дни, стр. 16—18, 1927 г.
[20] *Ленин*. Соч., т. XXI, стр. 332.

район — дело плохо; Петербургский район — настроение выжидательное, и т. д. и т. п. [21]

Подробных и достоверных сообщений о численности районных отрядов Красной гвардии не дали ни секретарь ПК Бокий, ни представители районов.

Между тем подготовка к восстанию велась в районах весьма усиленно, и степень боевой готовности с каждым днем повышалась. По данным Юренева, одного из руководящих работников Красной гвардии в Петрограде, ко второй половине октября 1917 г. численность всех отрядов петроградской Красной гвардии равнялась 10 — 12 тыс. вооруженных бойцов. Военная учеба шла полным ходом. Настроение у красногвардейцев было боевое. Впереди всех районов Петрограда шел Выборгский район, который один только имел до 5 тыс. красногвардейцев. [22]

Те информаторы с мест, которые отмечали равнодушие, «бесшабашность», выжидание, нерешительность, сомнение масс, отражали самый незначительный кусок действительности и притом неправильно. Ленин, получивший после переезда из Финляндии в Петроград подробнейшие сведения от практиков, нередко говоривших и о равнодушии масс, дал совершенно правильное объяснение такому имевшемуся в отдельных местах настроению. Еще в докладе на заседании ЦК 23 (10) октября Ленин говорил: «Абсентеизм и равнодушие масс можно объяснить тем, что массы утомились от слов и резолюций»[23], а на следующем заседании ЦК 29 (16) октября он говорил:

> «Настроением руководиться невозможно, ибо оно изменчиво и не поддается учету; мы должны руководиться объективным анализом и оценкой революции. Массы дали доверие большевикам и требуют от тех ни слов, а дел, решительной политики и в борьбе с войной, и в борьбе с разрухой». [24]

Когда сообщения о равнодушии масс были использованы в антипартийной борьбе правыми — Зиновьевым и Каменевым в качестве «веского» аргумента политики ЦК партии, Ленин отвечал, что субъективные впечатления о настроении нельзя ставить на место политического анализа соотношения классовых сил, что непреклонная решимость партии есть тоже фактор настроения, о чем забыли противники восстания.

Из всех сообщений, заслушанных на заседании ЦК 29 (16) октября, нужно было сделать единственный вывод об усилении всей подготовительной работы по вооруженному восстанию.

Это как раз и имела в виду принятая большинством ЦК резолюция, предложенная Лениным:

> «Собрание вполне приветствует и всецело поддерживает резолюцию ЦК, призывая все организации и всех рабочих и солдат к всесторонней и усиленнейшей подготовке вооруженного восстания, к поддержке создаваемого для этого Центральным комитетом центра, и выражает полную

---

[21] Протоколы ЦК РСДРП, август 1917 г.— февраль 1918 г., стр. 112 и сл.
[22] *Е. Пинежский.* Красная гвардия, стр. 53, 54, 1929 г.
[23] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 326.
[24] Там же, стр. 331.

уверенность, что ЦК и совет своевременно укажут благоприятный момент и целесообразные способы наступления». [25]

Эта резолюция в целом была принята 19 голосами при 2 против и 4 воздержавшихся.

Против резолюции голосовали Зиновьев и Каменев, которые выступали в прениях по третьему вопросу повестки дня заседания — по текущему моменту. Никаких новых доводов в защиту своей позиции они не привели и привести естественно не могли. Предложенная Зиновьевым резолюция: «Не откладывая разведочных подготовительных шагов, считать, что такие выступления впредь до совещания с большевистской частью съезда советов недопустимы» [26] была отвергнута большинством участвующих на заседании ЦК. За эту резолюцию голосовали 6 человек, воздержалось 3 человека, против было 15 человек.

В итоге правые оппортунисты потерпели полный крах и на втором расширенном заседании ЦК партии, где обсуждался вопрос о восстании. Оказавшись в одиночестве 23 (10) октября, они не нашли себе многочисленных сторонников и за несколько дней, отделявших первое заседание ЦК от второго, — 29 (16) октября. На этом последнем заседании ЦК со всей решительностью подтвердил свое прежнее решение и дал боевую практическую директиву местам.

Разоблачая оппортунистическую линию Каменева и Зиновьева, т. Сталин говорил на этом заседании:

«То, что предлагают Каменев и Зиновьев, это объективно приводит к возможности контрреволюции сорганизоваться; мы без конца будем отступать и проиграем всю революцию».

После принятия резолюции члены ЦК на узком совещании сконструировали Военно-революционный центр в следующем составе: Сталин, Свердлов, Бубнов, Урицкий и Дзержинский. Этот центр должен был войти в состав избранного Петроградским советом Военно-революционного комитета.

Партия пошла по намеченному Лениным пути. Избрание Военно-революционного центра означало перенесение вопроса о вооруженном восстании в область повседневной практики.

Правые оппортунисты однако не сложили оружия. Зиновьев и Каменев в тот же день подали заявление в ЦК с требованием немедленного телеграфного созыва пленума ЦК, Каменев же подал заявление о выходе из состава Центрального комитета. На следующий день эти два лидера сдали в полуменьшевистскую газету «Новая жизнь» статью, в которой резко выступали против политики ЦК.

Обострение внутрипартийной борьбы накануне Октября достигло своего предела.

Ленин со всей силой своего авторитета обрушился на лиц, выдавших буржуазии решения партии. В «Письме к членам партии большевиков» Ленин квалифицировал поступок Зиновьева и Каменева «неслыханным штрейкбрехерством». Он писал:

---

[25] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 333.

[26] Протоколы ЦК РСДРП, август 1917 г. — февраль 1918 г., стр. 125.

«... По важнейшему боевому вопросу, накануне критического дня 20 октября, двое «видных большевиков» в непартийной печати и притом именно в такой газете, которая по данному вопросу идет *об руку с буржуазией против рабочей партии*, в такой газете нападают на неопубликованное решение центра партии!

Да ведь это в тысячу раз подлее и *в миллион раз вреднее* всех тех выступлений хотя бы Плеханова в непартийной печати в 1906 — 1907 гг., которые так резко осуждала партия! Ведь тогда шло дело только о выборах, а теперь идет дело о восстании для завоевания власти». [27]

«Крикливый пессимизм», расчет на «авось да небось» — таков «идейный» арсенал правых. Практический вред, нанесенный этим выступлением Зиновьева и Каменева, Ленин предлагал исправить немедленным восстановлением единства большевистского фронта, исключив штрейкбрехеров из партии.

Это письмо Ленин кончал характерными именно для него как вождя большевистской партии словами:

«Трудное время. Тяжелая задача. Тяжелая измена. И все же — задача будет решена, рабочие сплотятся, крестьянское восстание и крайнее нетерпение солдат на фронте сделают свое дело! Теснее сплотим ряды, — пролетариат должен победить!» [28]

На следующий день, 1 ноября (19 октября), Ленин пишет «Письмо в ЦК РСДРП», в котором сперва выражает все свое возмущение поведением Зиновьева и Каменева и требует исключения их из рядов партии. Вопрос о вооруженном восстании, — писал Ленин, — если даже восстание будет надолго отсрочено раскрытием противнику решений партии штрейкбрехерами, все же не может быть снят партией с повестки дня. Директива о восстании как о боевом лозунге дня оставалась в силе.

До фактического начала вооруженного восстания Центральный комитет партии собирался еще три раза, но без Ленина. 2 ноября (20 октября) 1917 г. ЦК заслушал письмо Ленина в ЦК партии с требованием исключения из партии Зиновьева и Каменева. После обмена мнений ЦК постановил принять отставку Каменева и вменить в обязанность Каменеву и Зиновьеву «не выступать ни с какими заявлениями против решений ЦК и намеченной им линии работы». Затем, по предложению Милютина, было принято единогласно решение о том, чтобы ни один член ЦК не имел права выступать против принятых решений ЦК.

Несмотря на штрейкбрехерство Зиновьева и Каменева в дни Великого Октября, партия все же оказала им свое доверие. Через десять лет они вновь выступили с открытым бунтом против ленинской партии, стали организаторами антипартийного и антисоветского блока оппозиционных групп, за что были исключены из партии. После подачи заявления на имя XV съезда партии они были восстановлены в партии и в 1932 году, накануне XV годовщины Октябрьской революции, вторично исключены из партии за пособничество контрреволюционной группе Рютина — Иванова — Галкина и др.

Заслушав информацию Урицкого о настроении в провинции, Кол-

---

[27] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 350, 351. Курсив Ленина.
[28] Там же, стр. 352.

лонтай — о Финляндии и ряд других дел, ЦК решил отложить обсуждение некоторых вопросов на следующий день. [29]

На заседании 3 ноября (21 октября) было решено в связи с полной дезорганизацией в Исполнительном комитете Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов (работа меньшевиков и эсеров), о чем сообщил т. Дзержинский, ввести для работы в Исполнительном комитете группу товарищей — Сталина, Дзержинского, Володарского, Лашевича и др. Затем Центральный комитет принял ряд предложений, в связи с предстоящим съездом советов. Было постановлено: подготовить и поставить на съезде следующие доклады: о войне, о земле, о власти, о контроле, о национальном вопросе и о текущем моменте; президиум собрания конструировать, исходя из нормы представительства 1 на 100; для руководства работой большевистской фракции съезда выделить тт. Сталина, Свердлова и Милютина; командировать в Москву товарища с требованием немедленного приезда московской делегации, добиться открытия съезда непременно 7 ноября (25 октября).

Наконец на заседании 6 ноября (24 октября), происходившем в чрезвычайно напряженной обстановке, Центральный комитет партии постановил обязать всех членов ЦК неотлучно находиться в Смольном (уход из Смольного должен был разрешаться только особым постановлением ЦК); немедленно порвать с соглашательским ЦИК, мотивируя этот акт происшедшим в ночь на 6 ноября закрытием большевистских газет «Рабочий путь» и «Солдат»; в целях усиления большевистского руководства подготовкой восстания было поручено Бубнову обратить внимание на железные дороги, Дзержинскому — на почту и телеграф, Милютину — организовать продовольственное дело, Свердлову — организовать наблюдение за Временным правительством и его распоряжениями; начать переговоры с левыми эсерами; создать постоянный контакт с Москвой, немедленно информируя Москву о всем происходящем в Петрограде; запасный штаб, руководящий восстанием, на случай разгрома Смольного, организовать в Петропавловской крепости; всех членов ЦК снабдить пропусками в крепость, связь с которой поддерживать Свердлову; общее наблюдение поручить Лашевичу и Благонравову. [30]

Это заседание ЦК было последним заседанием, на котором все решения принимались под знаком усиленнейшей подготовки вооруженного восстания.

Как уже указывалось, Ленин на последних заседаниях ЦК партии не присутствовал. Находясь на нелегальном положении в Лесном, он однако не порывал связи ни с ЦК, ни с руководящими работниками на местах. Пользуясь информацией о положении на местах, Ленин попрежнему решительно боролся с теми, кто предлагал отсрочить самый момент восстания.

6 ноября (24 октября) Ленин в «Письме членам ЦК» писал:

> «Товарищи! Я пишу эти строки вечером 24-го, положение до-нельзя критическое. Яснее ясного, что теперь уже поистине промедление в восстании смерти подобно.

[29] Протоколы ЦК РСДРП, август 1917 г. — февраль 1918 г., стр. 127—129.
[30] Там же, стр. 141—143

Изо всех сил убеждаю товарищей, что теперь все висит на волоске, что на очереди стоят вопросы, которые не совещаниями решаются, не съездами (хотя бы даже съездами советов), а исключительно народами, массой, борьбой вооруженных масс.

... Надо во что бы то ни стало сегодня вечером, сегодня ночью арестовать правительство, обезоружив (победив, если будут сопротивляться) юнкеров и т. д.

Нельзя ждать!! Можно потерять все!!» [31]

Дальше Ленин, останавливаясь на вопросе — кто должен взять власть, говорил:

«Это сейчас не важно: пусть ее возьмет Военно-революционный комитет «или другое учреждение», которое заявит, что сдаст власть только истинным представителям интересов народа, интересов армии (предложение мира тотчас), интересов крестьян (землю взять должно тотчас, отменить частную собственность), интересов голодных». [32]

Заканчивал свое письмо Ленин следующими словами:

«Правительство колеблется. Надо *добить* его во что бы то ни стало! Промедление в выступлении смерти подобно». [33]

Как и постановления заседания ЦК партии от этого числа, данное письмо Ленина было последним партийным документом всемирно-исторического значения, написанным непосредственно перед фактическим началом вооруженного октябрьского восстания в Петрограде.

Поздно вечером 6 ноября переодетый Ленин переходит из Лесного в Смольный для непосредственного руководства вооруженным восстанием.

Таким образом период с 23 (10) октября по 6 ноября (24 октября) в истории большевистской партии, в истории Великого Октября был периодом форсированной массовой подготовки вооруженного восстания, разработки и практического осуществления ряда проблем восстания, непримиримой ожесточеннейшей борьбы партии под руководством ее ЦК во главе с Лениным против правооппортунистических элементов, против штрейкбрехеров восстания, был периодом отстаивания силами всей партии ленинской стратегии и тактики. Это был в то же время период полного осознания и внедрения в умы всех практиков подлинно-революционного марксистско-ленинского отношения к восстанию.

За эти 14 дней партия под руководством ЦК сумела сплотить крепкие отряды рабочей Красной гвардии, революционных матросов и солдат, подготовить их к восстанию, влить в сердца бойцов революционных баррикад, бойцов за первую в мире социалистическую революцию готовность к упорной борьбе и уверенность в победе. Партия большевиков под руководством своего вождя создала орган по руководству вооруженными силами Октября и наметила точно момент восстания.

Ленинский стратегический курс на вооруженное восстание победил. Партия под руководством ЦК подошла вплотную к победоносному восстанию.

* * *

[31] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 363.
[32] Там же, стр. 362.
[33] Там же, стр. 363.

В связи с характеристикой борьбы ленинской партии против правых оппортунистов представляется совершенно необходимым специально остановиться на защите генеральной линии партии и от другой разновидности оппортунизма — от троцкизма.

Общеизвестно, что Троцкий в дни Октября был председателем Петроградского совета, в своей повседневной практической работе выполнял в основном директивы ЦК партии и никакой другой и особой роли ЦК партии Троцкому не отводил.

Но это одна чисто формальная сторона вопроса. Другая и более существенная заключается в том, что победа вооруженного восстания была одержана вопреки теоретическим взглядам Троцкого, была одержана благодаря решительному преодолению партией троцкистских тенденций.

Троцкий шел в период подготовки восстания под своим собственным флагом. «Троцкий, — говорил т. Сталин, — шел на восстание добровольно. Но он шел не просто, а с оговорочкой, которая уже тогда сближала его с Каменевым и Зиновьевым». [34]

Такой «оговорочкой», сближающей Каменева—Зиновьева—Троцкого, являлось отрицание социалистического характера Октябрьской революции, отрицание возможности победоносного строительства социализма в стране Советов. Из этой меньшевистской установки исходили все трое. Идейное родство Зиновьева — Каменева — Троцкого накануне Октября обусловило совместное их выступление против ленинского партийного руководства накануне десятой годовщины Октябрьской революции.

Как известно, Зиновьев и Каменев свои взгляды на предстоящую революцию изложили с соответствующей полнотой в том письменном заявлении, в котором они протестовали по поводу решения ЦК партии от 23 (10) октября.

Троцкий своими идеями поделился с читателями в брошюре, изданной в июне 1917 г. под названием «Программа мира». Таков был стратегический курс Троцкого.

Но Троцкий на путях к Октябрю имел и свою особую тактическую линию. Она заключается в отношении Троцкого к вооруженному восстанию.

Троцкий выступал в период подготовки октябрьского штурма как конкретный носитель конституционных иллюзий, как идолопоклонник фетиша «законности», легальности.

Ленин неоднократно указывал на необходимость решительной борьбы с конституционными иллюзиями и надеждами на съезд советов. Без борьбы с этими иллюзиями большевики «свели бы на пустую фразу свою пропаганду лозунга «Вся власть советам» и политически опозорили бы себя как партию революционного пролетариата». [35]

Расхождение Троцкого с линией партии можно проиллюстрировать следующими выдержками из его доклада, сделанного на экстренном заседании Петроградского совета 6 ноября (24 октября):

---

[34] *Сталин.* Об Октябрьской революции, сб. статей, стр. 137.
[35] *Ленин.* Соч., т. XXI, стр. 288.

«Вся власть советам» — это наш лозунг. В ближайшую эпоху, эпоху заседаний Всероссийского съезда советов, лозунг этот должен получить осуществление. Приведет ли это к восстанию или выступлению, это зависит не только и не столько от советов, сколько от тех, которые, вопреки единодушной воле народа, держат в своих руках государственную власть.

Военно-революционный комитет возник не как орган восстания, а на почве самозащиты революции...

Завтра откроется съезд советов. Задача гарнизона и пролетариата — предоставить в распоряжение съезда накопленную силу, о которую разбилась бы правительственная провокация. Задача наша — донести эту силу до съезда нерасколотой, неущербленной...

Вооруженный конфликт сегодня или завтра не входит в наши планы — у порога Всероссийского съезда советов».[36]

Таковы слова и дела Троцкого непосредственно в дни Октября. В выступлении накануне восстания Троцкий со всей рельефностью изложил свои взгляды, характеризующие его отношение к октябрьскому восстанию. Из вышеприведенного видно, что Троцкий, добровольно шедший с партией на восстание, был против восстания, был принципиальным сторонником легальности, «законности», отстаивал свои конституционные иллюзии.

Вместо призыва к вооруженному восстанию Троцкий ограничивался разговорами о «взмахе исторической метлы», свергающей правительство Керенского.

Вооруженное восстание, по мнению Троцкого, могло быть только как ответ на выступление правительства против сил революции.

Последующие литературные выступления Троцкого («О Ленине», «Уроки Октября» и др.) шли под знаменем «нового троцкизма» (*Сталин*), преследовали цель дискредитации партии, партийного руководства, Ленина. Прикрываясь Лениным, Троцкий выступал против Ленина. Расточая кое-где похвалы организующей роли партии, Троцкий на деле выступал против большевистской партии.

В своих двух работах — «О Ленине» и «Уроки Октября» («От автора», к третьему тому сочинения, 1917 г.) Троцкий искажает позицию Ленина и ЦК партии по вопросам о форме восстания и сроке восстания. В первом случае Троцкий обвиняет Ленина (ЦК партии) в непонимании роли советов, приписывает Ленину взгляд, ориентирующий партию на взятие власти помимо советов, за спиной советов. Это чудовищное обвинение не выдерживает никакой критики. Выше говорилось о действительной позиции Ленина и ЦК партии в вопросе о форме восстания, о том, что Ленин в своих письмах неоднократно подчеркивал мысль о необходимости взятия власти советами любого из столичных городов. Троцкий же в данном случае решительную борьбу Ленина против связывания момента восстания со съездом советов расширяет до пределов, граничащих уже с искажением самой роли советов как органов вооруженного восстания.

Во втором случае, по вопросу о сроке восстания, Троцкий выступает с двумя версиями. То он утверждает, что на заседании ЦК партии 23 (10) октября было решено поднять восстание не позже

---

[36] *Троцкий.* 1917 год, ч. 2, стр. 52—55.

28 (15) октября, то совершенно искаженно изображает действительный ход событий, утверждая, что выступление Петроградского совета против вывода частей гарнизона на фронт означало на деле начало вооруженного восстания и что «восстание 25 октября имело только дополнительный характер» («Уроки Октября», стр. 49, 50).

В последней версии Троцкий следует за меньшевиком Сухановым, предупредившим Троцкого в деле клеветы на партию, искажения и фальсификации октябрьских событий.

И все это представляется на таком фоне, в такой связи, что роль партии в октябрьском вооруженном восстании и роль Ленина в партии фактически сводятся на-нет. Компенсируется эта «убыль» зато выдвижением Троцким собственной персоны на первый план. Такой глубины падения фальсификаторы достигают не часто. «Поистине — сравнение хибарочки с Монбланом» (*Сталин*).

Без преодоления конституционных иллюзий Троцкого большевистская партия не смогла бы провести победоносного вооруженного восстания. Партия решительно боролась с штрейкбрехерами Октября Зиновьевым и Каменевым, а также и с Троцким.

Победа над оппортунистами накануне Октября была основной предпосылкой победы социалистической революции.

* * *

Петроградская городская организация, под непосредственным руководством со стороны ЦК партии, шла в ногу со всей партией как одна из лучших большевистских организаций РСДРП(б) в деле подготовки вооруженного восстания. На плечи петроградских большевиков волею всей партии была возложена ответственнейшая задача — поднять победоносное восстание пролетарских, матросских и солдатских масс для свержения Временного правительства, для установления власти советов. Перед ними стояла задача всемирно-исторического значения, задача практического осуществления революционной теории Маркса — Энгельса — Ленина. И они, подняв на борьбу с буржуазией и со всей ее соглашательской агентурой массы пролетариев, революционных солдат и матросов, эту задачу выполнили.

Петроградская городская партийная организация, увеличившая свои ряды с 25 — 30 тыс. в июле 1917 г. до 50 тыс. в октябре 1917 г., в лице своего Петроградского комитета всеми своими решениями по вопросу о восстании солидаризировалась с Центральным комитетом партии. Правда, были у отдельных членов ПК колебания по этому вопросу. Однако эти колебания не вышли за рамки большевистской партийности и партийной дисциплины. Выступая до определенного момента с контрмотивами против восстания, Володарский и Лашевич не голосовали против восстания.

Волю всей городской большевистской организации выразила III Петроградская общегородская партийная конференция, прошедшая под знаком боевой готовности к вооруженному выступлению.

23 (10) октября на вечернем заседании партийная конференция приняла резолюцию по текущему моменту, в которой, после анализа

политической обстановки, говорилось, что «наступил момент последней решительной схватки, долженствующей решить судьбу не только революции российской, но и революции мировой».

Конференция петроградских большевиков, проработав с 20 до 24 (7 — 11) октября, сыграла большую роль в деле мобилизации всей партийной массы, а через нее и рабочего класса, на предстоящую вооруженную борьбу с буржуазией.

Очередное собрание активных работников петроградской большевистской организации, состоявшееся в дни работ Северного областного съезда советов [24 (11) — 25 (12) октября], закрепило в партийных кадрах правильный анализ политического положения страны. По текущему моменту была принята большая резолюция, в основу которой легли положения, высказываемые в различных письмах тех дней Ленина. Собрание актива делало совершенно правильные выводы:

> «Столкновение революционных классов с контрреволюционной буржуазией и ее правительством неизбежно. Острота кризиса делает его возможным при ближайшем поводе, как например недопущение съезда советов, отсрочка созыва Учредительного собрания, новое предательство армии и т. д.
>
> Оборонительная позиция теперь неправильна. Выявлены необходимость перехода в наступление для скорейшего искоренения очагов контрреволюции и создания революционной власти». [37]

С десятых чисел октября петроградские большевики, в строгом соответствии с решениями ЦК, взяли курс на практическую подготовку вооруженного восстания и под этим углом зрения разрешали все текущие практические вопросы. Полное осознание необходимости форсированной подготовки восстания характеризует настроение и деятельность большевистской партийной организации Петрограда.

Повидимому в эти же дни, согласно воспоминаниям М. Я. Лациса, исполнительная комиссия Петроградского комитета партии избирала повстанческую тройку, куда вошли Г. И. Бокий, М. Я. Лацис и И. М. Москвин. Тройке было поручено немедленно завязать связи с районами города, обследовать казармы и военные училища, взять на учет вооружение, военные припасы и пр. Тройка была конспиративной, и ее функции держались в секрете даже от Петроградского комитета. От ЦК партии в ПК был делегирован А. С. Бубнов, по предложению которого была образована общая повстанческая комиссия из членов ЦК и ПК. От ЦК вошли в состав этой комиссии Бубнов и Свердлов, от Военной организации — Невский, Подвойский и от ПК — Лацис и Москвин. [38]

Крупнейшее историческое значение в жизни петроградской партийной организации имеет расширенное заседание ПК 28 (15) октября. На этом заседании присутствовали представители всех районов города, и с совещательными голосами — от Центрального совета профсоюзов, от Центральной городской думы и от литовской секции петроградской большевистской организации.

---

[37] Первый легальный ПК большевиков в 1917 г., стр. 328.

[38] «Петроградская правда» № 251, 5 ноября 1922 г., статья Лациса «Роль Петроградского комитета в Октябре».

Заседание проходило под председательством С. В. Косиора и по предложению исполнительной комиссии ПК было объявлено закрытым.

Центральным вопросом заседания был текущий момент. Основным докладчиком выступил Бубнов, который помимо общего политического анализа много уделил внимания предстоящей организационной работе для подготовки восстания.

О докладах с мест, заслушанных на этом заседании ПК, уже говорилось выше. Действительного положения вещей в деле боевой подготовки к восстанию они, как правило, не отражали. Общее впечатление от этих докладов могло сложиться не в пользу реально существующей и с каждым днем крепнувшей рабочей Красной гвардии Петрограда.

Общее мнение всех присутствовавших на заседании ПК сводилось к выводу о необходимости усиления практической работы по всем линиям с целью лучшей подготовки восстания. Под этим углом и были составлены исполнительной комиссией ПК и приняты заседанием ПК тезисы.

Немедленное совещание партийного актива, издание вечерней газеты для повседневной боевой агитации, укрепление связей с предприятиями по районам, с воинскими частями, с железнодорожниками, почтово-телеграфными служащими, профсоюзами и секретариатом ЦК, организация сети дежурств в центре и на местах, организация боевого технически-информационного центра при райкомах партии, усиление агитации в деле массового боевого обучения рабочих — таково содержание тезисов.

Таким образом ПК на заседании 28 (15) октября дал ряд практических директив, руководствуясь единой целеустремленностью — в самый кратчайший срок подготовить все для победоносного вооруженного восстания.

Последующие дни проходили в упорной организационной подготовке вооруженных сил Октября. Под руководством ПК районы города увеличивали и укрепляли отряды Красной гвардии, устанавливали тесные связи с рядом массовых пролетарских организаций, с воинскими частями и т. д. и т. п. до тех пор, пока не настал момент для выступления с оружием в руках.

По воспоминаниям Б. Елова (В. Ю. Белова) 6 ноября (24 октября) утром ПК партии совместно с районным активом после доклада о текущем моменте принял следующую резолюцию: «ПК считает необходимой задачей всех сил революции — немедленное свержение правительства и передачу власти советам рабочих и солдатских депутатов как в центре, так и на местах. Для выполнения этой задачи ПК считает необходимым перейти в наступление всей организованной силой революции, без малейшего промедления, не дожидаясь, пока активность контрреволюции не уменьшит шансы нашей победы». [39]

Здесь уже в согласии с решением ЦК партии во главе с Лениным

---

[39] «Петроградская правда» № 251, 5 ноября 1922 г., статья Б. Елова «Позиция Петербургского комитета накануне 25 октября (7 ноября)».

дается определенная оперативная директива выступать на борьбу за диктатуру пролетариата.

Следуя общепартийной линии на ускоренную подготовку восстания, партийные комитеты всех районов Петрограда развили энергичнейшую деятельность. Райкомы выделяли районные технические центры, куда входили кроме представителей райкома представители партийных фабрично-заводских предприятий, большевистских фракций профсоюзов, районной думы и районного совета. Для обеспечения максимальной оперативности районного партийного руководства райкомы города, по примеру ПК, выделяли из своего состава особые органы — исполнительные комиссии.

Почти каждый день происходили заседания райкомов, различных комиссий, выделенных райкомами, собрания актива района, специальные созывы агитаторов. Не проходил ни один день, который не был бы ознаменован проведением нескольких лекций, докладов, митингов на предприятиях, в казармах, в клубах, в театрах, кино. Агитаторы райкома помимо инструктажа, получаемого в своем райкоме, посылались на собрания, организуемые ПК, на заседания агитационной коллегии Петроградского совета.

Вся массовая партийно-политическая работа в городе проходила под знаком мобилизации масс на осуществление основного лозунга «Вся власть советам». Темы лекций, докладов были самые разнообразные, однако в этом многообразии подчеркивалась, рельефно выделялась центральная идея всей массовой работы — подготовка вооруженного восстания. Доклады и лекции на темы «Об Учредительном собрании», «Текущий момент и задачи Красной гвардии», «Перспективы международной революции», «Капитализм и классовая борьба», «Учредительное собрание и пролетариат», «Государство и пролетарская революция» и т. д. и т. п. концентрировали внимание слушателей на основных проблемах текущего момента, подводили слушателей к той единственной мысли, что без восстания нельзя реализовать лозунг: «Вся власть советам».

Методы и формы партийно-массовой работы вырабатывались на основе учета всего старого большевистского опыта и на основе учета всего нового, что давала жизнь. Партийно-массовая работа была гибкой, быстро схватывающей новые события, перемены, изменения и столь же быстро реагирующей на них.

Все звенья партийного аппарата осуществляли конкретное руководство революционной практикой петроградского пролетариата, формировали его политическое сознание, ковали волю к победе.

На всех заседаниях райкомов партии заслушивалась информация о проделанной работе, проверялось выполнение заданий, порученных отдельным товарищам. Целесообразная расстановка сил, персональная ответственность за поручаемое дело, контроль и проверка работы каждого большевика, органическая связь с массами — таковы качества работы петроградской партийной организации.

Райкомы Петрограда проводили расширенные заседания с участием представителей от партийных коллективов, исполнительной комиссии, районных фабрично-заводских комитетов, районного совета и районных профессиональных союзов. В своих постановлениях

райкомы неоднократно указывали на необходимость улучшения и усиления связей с предприятиями, с казармами, с Петроградским комитетом партии. Укрепление связей с массами пролетариев и революционных солдат гарантировало успех всей партийно-массовой работы большевиков Петрограда.

В период организации штурма петроградская большевистская организация сумела перестроить свои ряды, нашла правильные формы и методы партийно-массовой работы. Большевистская партия накануне Октября и ее головная петроградская организация была образцом «воюющей партии».

«Живая и мощная партия, стоящая во главе революционных масс, штурмующих и свергающих буржуазную власть, — таково состояние нашей партии в этот период». [40]

Под руководством петроградской партийной организации подготовка восстания поднималась с каждым новым днем на высшую ступень. С каждым днем росла волна революционного прибоя, укреплялись вооруженные силы Октября, превращаясь в мощный революционный таран, готовый по зову партии свергнуть власть российской буржуазии и пробить брешь в общемировой системе империализма.

Каждый день приносил новые неоспоримые доказательства готовности масс к борьбе, преданности делу социалистической революции, все новые свидетельства абсолютной правильности генеральной линии ленинской партии.

От принципиальной постановки проблемы власти как проблемы вооруженного восстания и до намечения момента самого восстания понадобилось время с середины сентября до 24 октября (ст. ст.). В течение 45 осенних дней 1917 г. вся партия под руководством своего ленинского ЦК и сильнейший отряд партии — петроградская большевистская организация проникались сознанием необходимости форсированной подготовки вооруженного восстания, провели в этом направлении колоссальнейшую работу, развили большевистские темпы в подготовке вооруженных сил Октября, овладели марксистско-ленинской теорией вооруженного восстания, дали ожесточенный отпор правооппортунистическим элементам в рядах партии, воплотили революционную теорию на практике.

Массы петроградских пролетариев, революционных солдат и матросов благодаря руководящей и вдохновляющей роли партии большевиков пошли на вооруженное восстание с ясной перспективой, крепкой ориентировкой и полной уверенностью в победе.

* * *

Центральным органом, призванным к практическому руководству ходом вооруженной борьбы с Временным правительством, был Петроградский военно-революционный комитет.

Этот штаб восстания был оформлен через Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов.

---

[40] *Сталин*. Об оппозиции, стр. 117.

Как уже указывалось выше, процесс большевизации Петроградского совета в двадцатых числах сентября увенчался отставкой эсеро-меньшевистского президиума Совета и выборами нового, с преобладанием большевиков (из 11 членов 6 большевиков), президиума рабочей секции Петроградского совета.

8 октября (25 сентября) произошли перевыборы и Исполнительного комитета Совета, давшие большинство большевикам. (См. предыдущую главу.)

На том же заседании Совет в принятой резолюции по текущему моменту заявлял, что «правительству буржуазного всевластия и контрреволюционного насилия» рабочие и гарнизон города не окажут никакой поддержки, призывал массы к сплочению вокруг совета и предупреждал их против всяких частных выступлений.

О новых задачах советов говорили и резолюции Петроградской губернской конференции советов, созванной в Кронштадте, и Северного областного съезда советов [25 (12) октября]. Последняя говорила:

> «Спасти народ может только немедленный переход всей власти в руки органов революции — советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — в центре и на местах.
>
> ...На стороне советов не только право, но и сила. Время слов прошло. Наступил час, когда только решительным и единодушным выступлением всех советов может быть спасена страна и революция и решен вопрос о центральной власти». [41]

Проблема власти как лозунг дня, как лозунг вооруженного восстания таким образом нашла отражение в данной резолюции. Это говорило о том, что указания ЦК партии от 10 октября о подготовке вооруженного восстания нашли полную поддержку со стороны Областного съезда советов.

Вскоре, согласно директиве ЦК большевиков, Исполком Петросовета приступил вплотную к созданию руководящего штаба восстания — Военно-революционного комитета. Положение о Военно-революционном комитете было принято абсолютным большинством голосов (против двух) 25 (12) октября. Согласно этого положения Военно-революционный комитет являлся органом Совета, в его состав должны были войти члены президиума Совета, члены солдатской секции Совета, представители от Центрофлота, Финляндского областного комитета, железнодорожного союза, почтово-телеграфного союза, советов фабзавкомов, совета профсоюзов, представители партийных, военных организаций, союза социалистов народной армии, представители военного отдела Петроградского совета крестьянских депутатов, военного отдела ЦИК, рабочей милиции, а также лица, присутствие которых явится необходимым.

Такой предполагавшийся расширенный состав Военно-революционного комитета безусловно шел за счет оперативности самого органа. Для непосредственного руководства вооруженным восстанием нужен был орган максимальной оперативной подвижности, в значительно меньшем составе, к чему вскоре и пришел Петроградский совет.

[41] «Организация и строительство советов рабочих депутатов в 1917 г.», сборник документов под ред. Горина, М. 1928 г., стр. 374.

Первое положение о Военно-революционном комитете, принятое на закрытом заседании Исполкома Совета, предусматривало только такие функции комитета, которые вызывались необходимостью организации и укрепления обороны Петрограда. Под знаком этой основной цели и были определены задачи Военно-революционного комитета: установление минимума боевой силы и вспомогательных средств для обороны города, разработка плана оборонительных работ, поддержание контакта с комиссаром при штабе Северного фронта, Центробалтом, гарнизоном Финляндии, штабом Петроградского военного округа, учет снаряжения и проводольствия, охрана города от погромов и дезертирства, поддержание в рабочих массах и среди солдат революционной дисциплины.

Затем указывалось, что Военно-революционный комитет должен иметь семь отделов (обороны, снабжения, связи, информационное бюро, рабочей милиции, стол донесений и комендатура).

Существовавшему же до этого военному отделу Совета было поручено организовать гарнизонное совещание из членов агитационной, строевой и хозяйственной комиссий военного отдела и членов солдатской секции Совета от строевых и вспомогательных частей. Регулярная информация о состоянии частей петроградского гарнизона и учет всех средств для поднятия боеспособности — такова обязанность гарнизонного совещания.

Совершенно естественно, что в данном положении о Военно-революционном комитете не указан характер действительной задачи комитета. Пролетариат, идя к социалистической революции, свои наступательные мероприятия облекал в оборонительные одежды. Наступление маскировалось под знаком обороны. Не руководство восстанием, для чего и был фактически создан Военно-революционный комитет, а принятие мер к организации обороны Петрограда от немецких войск — так определялась основная цель работы вновь созданного органа тем положением, которое было утверждено закрытым заседанием Исполкома Петросовета 25 (12) октября 1917 г.

В тот же день при Исполкоме Совета был сформирован отдел рабочей гвардии, которому совместно с бюро комендатуры рабочей гвардии надлежало вести всю работу по организации в районах рабочей гвардии, а также приступить к подготовительной работе по созыву во второй половине октября общегородской конференции рабочей гвардии. Последняя должна была принять устав рабочей Красной гвардии и обеспечить организационное единство в управлении отделами Красной гвардии.

Вопросы, связанные с формированием Военно-революционного комитета, обсуждались и в последующие дни. Но, к сожалению, ни воспоминания активных участников Октября в Петрограде, ни наши архивы не дают полного и всестороннего отражения этой работы. Архив Военно-революционного комитета канул в вечность, розыски его в течение ряда лет пока не увенчались успехом. Воспоминания некоторых товарищей дают к тому же разноречивые показания об одних и тех же событиях. Поэтому мы вынуждены в дальнейшем описании ограничиться только тем материалом, который не вызывает никаких сомнений.

Окончательное обсуждение вопроса о Военно-революционном комитете было на пленуме Петроградского совета 29 (16) октября. Пленум Совета утвердил новое положение о Военно-революционном комитете и личный состав его. Военно-революционный комитет сконструировался по следующему принципу: два представителя от ЦК партии большевиков, два — от левых эсеров, два — от военных организаций, по два — от секций Петроградского совета и два представителя от гарнизонного совещания.

В состав Петроградского военно-революционного комитета вошли Дзержинский, Антонов-Овсеенко, Чудновский, Подвойский, Лашевич, Мехоношин, Коцюбинский, Лазимир, Невский, Троцкий как председатель Петроградского совета), Юрцев (как представитель центральной комендатуры Красной гвардии) и др. Председателем вначале был избран Лазимир, а впоследствии Подвойский, секретарем — Антонов-Овсеенко.

На первом же заседании Военно-революционного комитета был принят устав комитета, по которому основная задача комитета определялась как взятие фактического управления частями петроградского гарнизона в свои руки. Но Военно-революционный комитет как руководящий орган восстания не ограничивался работой только среди частей гарнизона, в оперативном отношении ему подчинялась и рабочая Красная гвардия Петрограда. Вся же повседневная организационная работа по укреплению отрядов Красной гвардии попрежнему выполнялась центральной комендатурой рабочей гвардии.

Военно-революционный комитет получил полную поддержку от частей петроградского гарнизона. На общем экстренном собрании полковых комитетов 3 ноября (21 октября) была принята с большим воодушевлением следующая краткая резолюция:

> «Приветствуя образование Военно-революционного комитета при Петроградском совете рабочих и солдатских депутатов, гарнизон Петрограда обещает Военно-революционному комитету полную поддержку во всех его шагах к тому, чтобы тесно связать фронт с тылом в интересах революции». [42]

В тот же день Петроградский совет на своем заседании постановил считать Военно-революционный комитет единственным руководящим органом петроградского гарнизона. Штаб Петроградского военного округа лишался всех оперативных прав.

В основные полки гарнизона Военно-революционный комитет немедленно послал своих представителей — комиссаров, обязанностью которых являлось, опираясь на силу военных большевистских организаций в частях, сместить комиссаров Временного правительства, взять власть в свои руки, исполнять приказы только Военно-революционного комитета и приступить немедленно к подготовке частей гарнизона к вооруженному восстанию.

Ночью 3 ноября (21 октября) 1917 г. Военно-революционный комитет послал своих комиссаров в следующие части: в Финляндский полк — Я. Рудника, в Гренадерский — полк А. Ф. Ильина-Женевского, в Измайловский полк Медведева, в Семеновский полк —

---

[42] *Н. Подвойский.* Красная гвардия в Октябрьские дни, стр. 19, 1927 г.

Коцюбинского, в Егерский полк — Зайцева, в Волынский полк — Работенко, в Автомобильную роту — Киселева.[43]

Последующие дни значительно увеличили, примерно до 600 человек, количество посланных комиссаров Военно-революционного комитета. Наиболее полный (из сохранившихся) список частей и учреждений, куда посылались комиссары, показывает, что таких пунктов было 292. Из них учреждений военного ведомства насчитывалось 113; учреждений министерства почт и телеграфов — 11; министерства призрения — 2; министерства продовольствия — 6; путей сообщения — 16; труда — 10; финансов — 3; юстиции — 7; дворцового ведомства — 6; различных учреждений — 43; местечек и деревень — 6.[44]

Кроме того, заседавший в дни восстания II Всероссийский съезд советов телеграфировал по всем фронтам и армиям о смещении комиссаров Временного правительства и назначении съездом новых. На фронте вскоре оформился институт военных комиссаров Октября. Так, например, комиссаром северного фронта был Б. П. Позерн, комиссаром юго-западного фронта — Н. Н. Кузьмин, румынского фронта С. Г. Рошаль (погиб на фронте), комиссаром 12-й армии — С. М. Нахимсон.

Для осуществления директивы Военно-революционного комитета уполномоченные последнего во главе с Лазимиром в ночь на 4 ноября (22 октября) отправились в штаб Петроградского военного округа для установления контроля всех распоряжений штаба. Главнокомандующий войсками округа полковник Полковников на это требование ответил категорическим отказом.

После этого Петроградский совет срочно созвал в Смольном собрание представителей полков, которое разослало во все части телефонограммы с заявлением о непризнании штабом округа Военно-революционного комитета. Штаб округа объявился прямым орудием контрреволюционных сил:

> «Солдаты Петрограда! Охрана революционного порядка от контрреволюционных покушений ложится на вас, под руководством Военно-революционного комитета. Никакие распоряжения по гарнизону, не подписанные Военно-революционным комитетом, недействительны. Все распоряжения Петроградского совета на сегодняшний день, день Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, остаются в полной своей силе. Всякому солдату гарнизона вменяются в обязанность бдительность, выдержка и неуклонная дисциплина. Революция в опасности. Да здравствует революционный гарнизон!»[45]

Главнокомандующий округа пытался найти опору в гарнизоне, для чего созвал отдельное совещание с участием представителей ЦИК и комиссара Временного правительства при штабе округа. На это совещание были вызваны из Смольного представители петроградского гарнизона. Однако прибывшая делегация во главе с подпоручиком Дашкевичем заявила, что все приказания, исходящие из штаба без контроля представителей Военно-революционного комитета при Петроградском совете, недействительны.

[43] *И. Подвойский.* Красная гвардия в Октябрьские дни, стр. 22, 23, 1926 г.
[44] «Красная летопись» № 6 (33), стр. 57, 1929 г.
[45] «Организация и строительство советов рабочих депутатов в 1917 г.», стр. 411.

Штаб округа оказался изолированным от гарнизона, контрреволюционные «вожди» оказались без масс.

4 ноября (22 октября) прошло как «день Петроградского совета», ознаменовавшийся массовой агитационной работой большевиков, десятками многолюдных митингов на фабрично-заводских предприятиях и в казармах. Эта массовая кампания еще раз засвидетельствовала перед лицом друзей и врагов боевую готовность петроградского пролетариата и революционных частей гарнизона итти под знаменем ленинской партии на вооруженное восстание.

В этот же день на происходившей в то время Петроградской общегородской конференции рабочей гвардии был утвержден «Устав рабочей Красной гвардии». Этот документ приобретает большую историческую ценность, так как в нем нашли отражение все стороны жизни и деятельности красногвардейских отрядов Петрограда.

Комплектование отрядов, их организационная структура, обязанности красногвардейцев, внутренний распорядок, управление отрядами, вопрос о командном составе и т. д. и т. п. — все это нашло отражение в принятом уставе. Устав рабочей Красной гвардии Петрограда в выгодную сторону отличается от красногвардейских уставов других городов и районов России.

Красная гвардия Петрограда возникла, росла и закалялась в боях, как вооруженная организация пролетариата, как основная, ведущая вооруженная сила Октября.

Сразу после окончания работ конференции было созвано экстренное заседание главного штаба Красной гвардии с представителями районов. Собрание избрало для ведения текущей работы бюро главного штаба, куда вошли 5 человек: В. Павлов, В. Трифонов, Потапов, К. Юренев, В. Юркин. Председателем главного штаба был избран К. Юренев, секретарем В. Павлов.

Красная гвардия была приведена в боевую готовность, все время находилась под ружьем, несла постоянные дежурства, разведку и патрулирование.[46]

Солдаты петроградского гарнизона в подавляющем большинстве шли под знаменами большевиков на штурм Временного правительства. Агенты российской буржуазии — меньшевики и эсеры — всячески пытались затормозить поступательный ход истории, отколоть массы от большевистской партии, внести колебания, посеять сомнения в возможности победоносного восстания. Будучи в меньшинстве в Петроградском совете, они не пропускали случая выступать на заседаниях Совета с демагогическими контрреволюционными речами. Но все подобные попытки соглашателей не находили никакого отклика у подавляющего большинства членов Совета.

Петроградский совет под непосредственным руководством большевиков вел лихорадочную работу. На заседании Совета 5 ноября (23 октября) был заслушан доклад Антонова-Овсеенко о деятельности

---

[46] *Е. Пинежский*. Красная гвардия, стр. 60. Между прочим автор пишет, что устав Красной гвардии был принят конференцией 5 ноября (23 октября) 1917 г., в то время как официальный документ, опубликованный в сборнике «Организация и строительство советов РД в 1917 г.», датирован 4 ноября (22 октября), стр. 397.

Военно-революционного комитета. В прениях по докладу выступили «фракционные» ораторы, меньшевик-интернационалист Астров, новожизненец Комаров, меньшевик Бройдо, эсер Каплан. Все эти ораторы призывали к отказу от «политической авантюры», от «ложного пути», рекомендовали следовать пословице — «семь раз отмерь, прежде чем один раз отрезать».

Петроградский совет по докладу Антонова-Овсеенко принял большевистскую резолюцию, подтверждавшую правильность всех мероприятий Военно-революционного комитета, констатирующую тесную связь, установленную Советом через комитет с гарнизоном города, и призывающую к еще более энергичной работе.

> «Петроградский совет поручает своему революционному комитету немедленно принять меры к охране безопасности граждан в Петрограде и решительными мероприятиями прекратить попытки погромных движений, грабежей и т. д. Вместе с тем Совет вменяет своим членам, располагающим необходимым временем, в прямую обязанность предоставить себя в распоряжение Военно-революционного комитета для участия в его работе». [47]

После этого заседание Совета, затянувшееся до поздней ночи, приняло постановление о Красной гвардии Петрограда. Организацию рабочей Красной гвардии Совет признал «неотложной задачей момента», и все дело организации и политического руководства ею взял в свои руки. Функции рабочей Красной гвардии формулировались теперь как борьба с контрреволюцией и защита завоеваний революции.

В тот же день Военно-революционный комитет опубликовал воззвание «К населению Петрограда», в котором говорил о назначении своих комиссаров при воинских частях гарнизона и особо важных пунктах города и окрестностей. Комиссары Военно-революционного комитета, являющиеся представителями Петроградского совета, неприкосновенны, и противодействие им будет рассматриваться как противодействие Совету. Дальше в воззвании говорилось:

> «Советом приняты все меры к охранению революционного порядка от контрреволюционных и погромных покушений. Все граждане приглашаются оказывать всемерную поддержку нашим комиссарам. В случае возникновения беспорядков надлежит обращаться к комиссарам Военно-революционного комитета в близлежащую воинскую часть». [48]

Сохранение революционного порядка в столице, переживающей последние часы перед началом вооруженной борьбы, действительно должно было стоять в центре внимания Военно-революционного комитета. Нужно было учитывать возможные провокационные выступления контрреволюционных сил, различные эксцессы и т. п., тем более что Временное правительство в эти дни стало подавать признаки жизни, пыталось выйти из состояния паралича и начать активную деятельность с целью разгрома сил революции.

Началась эта активизация Временного правительства с того, что начальник штаба Петроградского военного округа генерал Багратуни предъявил Военно-революционному комитету ультимативное требование отменить приказ по гарнизону о недействительности распоряжений штаба округа. Естественно, что этот ультиматум не имел ни-

---

[47] «Организация и строительство советов РД. в 1917 г.», стр. 413.
[48] Там же, стр. 415.

какой силы и был решительно отвергнут Военно-революционным комитетом. После этого штаб округа делает безрезультатные попытки привести в повиновение части гарнизона.

Главнокомандующий войсками округа Полковников издает серию приказов, запрещающих солдатам «всякие самостоятельные выступления», исполнение войсками гарнизона «каких-либо «приказов», исходящих от различных организаций», требующих отстранения комиссаров Военно-революционного комитета, производства расследования их «незаконных» действий для предания суду. Но выполнить эти приказы было некому, не все они даже доходили по назначению и большого распространения не имели.

Наступательную политику стала проводить и буржуазная юстиция. Министр юстиции в срочном порядке приказал прокурору палаты немедленно арестовать большевиков, участников событий 3—5 июля, проявивших себя противоправительственной деятельностью.

Наконец правительство стало стягивать в Петроград надежные войска. Из Петергофа, Гатчины, Ораниенбаума, Павловска и даже из Киева вызывались юнкера и ударники. Приводились в боевую готовность и различные военные школы в Петрограде. Прибывшие из Петергофа и Ораниенбаума юнкера были размещены в Зимнем дворце, где находилось Временное правительство. Часть юнкеров Петрограда также была переброшена в Зимний дворец. Охрана дворца была усилена отрядами юнкеров Михайловского, Владимирского и Павловского училищ. На площадь перед Зимним дворцом стягивались английские броневики с английской прислугой. За воротами дворца был расположен артиллерийский взвод (с орудиями) Михайловского военного училища. Временное правительство ожидало прибытия крупных частей и с фронта.

В ночь на 6 ноября (24 октября) по постановлению Временного правительства отряд юнкеров ворвался в типографию большевистских газет «Солдат» и «Рабочий путь» («Правда») и объявил их закрытыми.

Однако принятыми контрмерами Военно-революционный комитет обеспечил выход в свет очередных номеров газет. В типографию «Рабочий путь» и «Солдат» были сразу же посланы отряды Литовского полка и 6-го запасного саперного батальона, против которых юнкера оказались бессильны.

О попытке штаба закрыть газеты Военно-революционный комитет издал листовку, распространенную в десятках тысяч экземпляров. Вслед за этим полковым комитетам и комиссарам частей гарнизона была разослана телеграмма Военно-революционного комитета, требующая немедленного приведения частей в положение полной боевой готовности. В Смольный были вызваны усиленные караулы, устанавливались пулеметы.

Смольный стал жить боевой жизнью, в атмосфере кипучей революционной энергии, беззаветной преданности делу социалистической революции, он превращался в правительственный центр диктатуры пролетариата. В воздухе уже запахло порохом Октября. Военно-революционный комитет заседал непрерывно. Разрабатывался и уточнялся план наступления против правительства Керенского. Подво-

дились итоги, суммировались последние сведения, налаживалась и укреплялась связь с вооруженными революционными силами, посылались новые уполномоченные, давались новые задания, писались листовки, воззвания, обращения. В Смольный стекались сотни революционных бойцов, заражались там еще большей энергией и с новыми, возросшими силами спешно отправлялись по своим местам.

6 ноября (24 октября) Военно-революционный комитет дважды обращался с воззваниями к населению города. Оповещая о контрреволюционных мероприятиях правительства, о стягивании им юнкерских частей в город, Военно-революционный комитет еще раз ставил всех в известность, что он руководит отпором врагу. Дальше шло постановление комитета:

«1. Все полковые, ротные и командные комитеты, вместе с комиссарами совета, все революционные организации должны заседать непрерывно, сосредоточивая в своих руках все сведения о планах и действиях заговорщиков.

2. Ни один солдат не должен отлучаться без разрешения комитета из своей части.

3. Немедленно прислать в Смольный институт по два представителя от каждой части и по пяти от каждого районного совета.

4. Обо всех действиях заговорщиков сообщать немедленно в Смольный институт.

5. Все члены Петроградского совета и все депутаты на Всероссийский съезд советов приглашаются немедленно в Смольный институт на экстренное заседание».

В конце этого исторического обращения говорилось:

«Контрреволюция подняла свою преступную голову.

Всем завоеваниям и надеждам солдат, рабочих и крестьян грозит великая опасность. Но силы революции неизмеримо превышают силы врагов.

Дело народа в твердых руках. Заговорщики будут сокрушены.

Никаких колебаний и сомнений. Твердость, стойкость, выдержка, решительность!

Да здравствует революция!» [49]

Второе обращение Военно-революционного комитета еще раз предупреждало население города, что охрану революционного порядка берет на себя Петроградский совет. «Граждане! Мы призываем вас к полному спокойствию и самообладанию. Дело порядка и революции в твердых руках».

Фракция меньшевиков Петроградского совета обратилась со своим воззванием к рабочим и солдатам. Меньшевики призывали отказаться от вооруженного восстания, так как это, по их мнению, будет «торжеством контрреволюции», помнить о «революционном долге» и не следовать призывам большевиков. Другими словами, меньшевики как прислужники буржуазии под знаком «революционного долга» и во имя «революции» требовали отказаться от долга пролетарского революционера, от социалистической революции. Призывы меньшевиков и эсеров к рабочим и солдатам остались гласом вопиющего в пустыне. Массы на опыте работы меньшевиков и эсеров как правительственных партий убедились в их контрреволюционной сущности. Мень-

[49] *К. С. Еремеев.* Пламя, стр. 78, 79, изд. ЗИФ, 1930 г.

шевики, эсеры и прочие соглашатели выступали заодно с Временным правительством против пролетарской революции.

В течение дня 6 ноября (24 октября) штаб округа предпринимал меры к изоляции революционных центров Петрограда от всего города. Было дано распоряжение о выключении из телефонной сети всех аппаратов Смольного и о разводке всех мостов.

Перед Военно-революционным комитетом стояла задача немедленно парализовать эти мероприятия штаба округа. Была отправлена по городу группа членов Военно-революционного комитета с боевыми заданиями восстановить прерванное сообщение между районами и не допустить юнкеров к разводке мостов.

Одним из посланных с этой задачей был К. Еремеев, который должен был предотвратить разрыв сообщений с Выборгской и Петроградской сторонами. О своей поездке он пишет следующее:

> «На мотоцикле я быстро прибыл к Литейному мосту и уже застал здесь команду Саперного полка, которая разоружила группу юнкеров и поставила свой караул. На другом конце моста тоже была застава от Московского полка и Красной гвардии. Я проехал затем к Троицкому мосту, — и здесь уже стояла застава павловцев, а на другом конце команда, кажется, из Петропавловской крепости. Юнкера и здесь быстро смылись, без всякого сопротивления». [50]

Это свидетельство очевидца октябрьских дней проливает большой свет на боевую бдительность и постоянную готовность частей гарнизона и Красной гвардии. Именно эта неослабевающая бдительность явилась препятствием для приведения в исполнение приказов штаба округа. В результате начавшаяся было в некоторых местах разводка мостов была тут же приостановлена, и Смольный не был изолирован от районов. Таким образом и эти попытки контрреволюции были обречены на неуспех.

Тем временем в Зимнем дворце концентрировались части, призванные защищать Временное правительство. Георгиевские кавалеры, ударники, юнкера и часть женского батальона Бочкаревой — вот последний оплот Временного правительства.

Временное правительство заседало перманентно во дворце. «Совет республики» (предпарламент) заседал в Мариинском дворце. Керенский утром 7 ноября (25 октября) на машине под американским флагом выехал из Зимнего дворца на фронт (в Псков) для обеспечения переброски частей в Петроград с целью подавления революции. Диктатором Петрограда Временное правительство назначило одного из руководителей кадетской партии Кишкина, его помощником и начальником обороны Зимнего дворца был выделен Пальчинский.

Оставшиеся в Зимнем дворце министры с нетерпением ожидали помощи извне. Пальчинский, не получая никаких утешительных для себя сведений, успокаивал юнкеров и женщин-ударниц ложными рассказами об идущей помощи.

Смольный отдавал последние боевые приказы. Разрешались спешно вопросы продовольствия, транспорта, вооружения и т. д. и т. п. Штабу Красной гвардии было поручено озаботиться вооружением всех

---

[50] *Е. Еремеев.* Пламя, стр. 80.

рабочих города. В артиллерийские и оружейные склады и управления были посланы представители совета. В Петропавловскую крепость комиссаром был назначен Благонравов. Оттуда было получено много оружия для Красной гвардии.

Крепость, склады огнеприпасов и оружия, контроль над въездом и выездом из города находились в руках представителей Военно-революционного комитета. За Временным правительством было установлено регулярное наблюдение, мосты охранялись частями Военно-революционного комитета. Все было в полной боевой готовности.

В ночь на 7 ноября (27 октября) Главный штаб Красной гвардии приказал районам выделить отряды отборных красногвардейцев для посылки в Смольный. К ночи в 1 этаже Смольного собралось до 1500 красногвардейцев из различных районов города. Этот ударный отряд нес охрану Смольного, выделяя людей для производства обысков и захвата правительственных учреждений. Вся же остальная масса красногвардейцев находилась в своих районах и выполняла там аналогичную работу.

* * *

Началось вооруженное восстание в ночь на 7 ноября. Призывом к революционному историческому действию оружием послужило письмо Ленина в ЦК партии, написанное 6 ноября вечером. Ленин в этом письме настаивал на немедленном выступлении, — «яснее ясного, что теперь, уже поистине, промедление в восстании смерти подобно».

ЦК партии большевиков дал директиву Военно-революционному комитету начинать вооруженное восстание.

Немедленно были посланы отряды для занятия важных пунктов города. Рано утром 7 ноября вокзалы, телеграфы, телефоны, мосты, электрическая станция уже были заняты войсками Военно-революционного комитета.

В 10 часов утра Военно-революционный комитет выпускает следующее воззвание:

> «К гражданам России! Временное правительство низложено. Государственная власть перешла в руки органа Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов — Военно-революционного комитета, стоящего во главе петроградского пролетариата и гарнизона. Дело, за которое боролся народ: немедленное предложение демократического мира, отмена помещичьей собственности на землю, рабочий контроль над производством, создание советского правительства, — это дело обеспечено.
>
> Да здравствует революция рабочих, солдат и крестьян». [51]

В Военно-революционном комитете вырабатывался оперативный план захвата Зимнего дворца и ареста Временного правительства. На совещании присутствовали Бубнов, Антонов-Овсеенко, Чудновский, Подвойский и Еремеев. Подвойский сделал краткую информацию об обстановке. На стороне революции весь пролетариат города, преобладающее большинство гарнизона. Вооруженных сил достаточно. На стороне противника боевых сил мало: заняли нейтралитет следующие части гарнизона: 1, 4, 14 казачьи полки, инженерный полк, кавалерийские полки, артиллерийская и кавалерийская бригады, самокатный батальон, автомобильная школа, один автобро-

[51] «Организация и строительство советов РД в 1917 г.», стр. 416.

неотряд, Семеновский, Измайловский, Преображенский полки, некоторые училища и мелкие команды.[1] [52]

Было решено для операции по захвату Зимнего дворца привлечь наиболее стойкие части из гарнизона. Из Красной гвардии в операции приняли участие отряды главным образом из Выборгского и Василеостровского районов, как наиболее близких к месту боя и лучше подготовленных.

Идея плана штурма Зимнего дворца сводилась к тому, чтобы концентрировать удар красногвардейцев, солдат, матросов и поддержать их артиллерийским огнем с верхов Петропавловской крепости и стоявшего на Неве крейсера «Аврора».

Боевая диспозиция войск намечалась, по словам Н. И. Подвойского, следующая: центр наступления — Петроградский полк, левый фланг — Кексгольмский гвардейский полк и 2-й Балтийский флотский экипаж, правый фланг — Павловский полк и Красная гвардия.

Кроме этого ряд полков получил задания по охране мостов, переправ, районов, по занятию стратегических пунктов, ликвидации контрреволюционных гнезд и т. д. [53]

Сразу же после совещания Военно-революционного комитета для руководства выступлением во флотский экипаж был направлен Чудновский, в Павловский полк — Еремеев.

Одной жизнью с Петроградом жил и Кронштадт. Утром 7 ноября (25 октября) Кронштадт со всеми его пристанями походил на военный лагерь. Получив ночью приказ от Петроградского военно-революционного комитета, кронштадтцы готовились к поездке в Петроград для участия в борьбе против Временного правительства. К 10 часам утра отряд из матросов учебно-минного отряда, машинной школы и команды учебного судна «Океан» был посажен на заградитель «Амур» и ушел в Петроград. Вслед за этим на баржах и пароходах отправился сводный отряд кронштадтских рабочих, матросов и солдат под командой начальника городской милиции Иванова. Отряд насчитывал несколько тысяч человек. Затем из военной гавани вышел в Петроград линейный корабль «Заря свободы».

Десанты прибывших моряков были высажены на Неве и поступили в командование уполномоченного на это Военно-революционным комитетом Ф. Ф. Раскольникова.

Около 12 часов дня войска Военно-революционного комитета — красногвардейцы, матросы, солдаты Кексгольмского полка, при одном броневике, — окружили Мариинский дворец, где заседал «Совет республики». В 14 часов, по окончании сосредоточения войск, членам «Совета» и всем присутствующим во дворце было предложено немедленно оставить помещение, что и было выполнено.

---

[52] *К. Еремеев.* Пламя, стр. 90. Эти данные о частях, занявших нейтралитет, Еремеев приводит из доклада Подвойского на заседании Военно-революционного комитета.

Н. И. Подвойский же в своей книге «Красная гвардия в Октябрьские дни» Преображенский и Измайловский полки учитывает как части, принимавшие участие в восстании.

[53] *Н. Подвойский.* «Красная гвардия в Октябрьские дни», стр. 33, 34.

К этому времени матросы заняли Военный порт с его радиостанцией, главное адмиралтейство и арестовали штаб.

В 3 часа 35 мин. открылось заседание Петроградского совета, на котором выступил Ленин, встреченный бурными аплодисментами.

«Товарищи! — сказал он, — рабочая и крестьянская революция, о необходимости которой все время говорили большевики, совершилась.

Какое значение имеет эта рабочая и крестьянская революция? Прежде всего, значение этого переворота состоит в том, что у нас будет советское правительство, наш собственный орган власти, без какого бы то ни было участия буржуазии. Угнетенные массы сами создают власть. В корне будет разбит старый государственный аппарат и будет создан новый аппарат управления в лице советских организаций.

Отныне наступает новая полоса в истории России, и *данная третья русская революция должна в своем конечном итоге привести к победе социализма... В России мы должны сейчас заняться постройкой пролетарского социалистического государства. Да здравствует всемирная социалистическая революция!* [54]

Заседание Совета прошло с небывалым подъемом. Вождь Октября теоретическим прожектором освещал практический путь миллионов, восставших во имя власти совстов. В принятой Советом резолюции говорилось о победе восстания, о немедленном предложении мира, о немедленной передаче помещичьей земли крестьянству.

Тем временем победоносное восстание развивалось. У Временного правительства остался только Зимний дворец. Численность всех сосредоточенных правительством вооруженных сил во дворце не превышала 750—800 человек.

В 17 часов на углу Морской и Невского и на углу Мойки и Невского появились броневики Военно-революционного комитета. Все подходы к Зимнему дворцу были закрыты, с 18 часов ко дворцу уже никого не пропускали.

Вскоре войскам Военно-революционного комитета сдался и штаб округа. Руководители штаба — новый главнокомандующий войсками округа генерал князь Багратуни и др. — перебрались в Зимний дворец. Разосланные по городу патрули задерживали всех видных представителей старого режима — генералов, высших чиновников, титулованную знать.

Расположение частей Военно-революционного комитета, окруживших Зимний дворец, было примерно следующее:

У Александровского сада стоял броневой дивизион с пулеметами, Кексгольмский полк, 2-й Балтийский и Гвардейский экипажи моряков.

На углу Невского расположились матросы учебно-минного отряда. На Морской улице под аркой были установлены трехдюймовые орудия и броневой дивизион, там же стояли части Павловского полка и красногвардейцы Петроградского и Выборгского районов. На Полицейском мосту, на Мойке, расположилась пехота. По Мойке все время подходили красногвардейские отряды. Дворцовый мост со стороны дворца находился временно в руках юнкеров, со стороны же Адмиралтейства и на Васильевском острове — в руках матросов, кекс-

[54] *Ленин.* Соч., т. XXII, стр. 4.

гольмцев, финляндцев и Красной гвардии. Вскоре и здесь юнкера были оттеснены прибывшими матросами. У Троицкого моста и по набережной Петра Великого расположились матросы из Ревельского ударного батальона. У Зимней канавки стояли части Павловского полка. По Невскому, начиная от Казанского собора, в сторону штаба проход был закрыт. В этом месте были установлены трехдюймовые орудия на тракторных автомобилях. Эта часть была вызвана Временным правительством с фронта и отправлена на Лахту, но, перейдя на сторону Петроградского совета, она из Лахты прибыла на Невский. [55] Пушки Петропавловской крепости и крейсера «Аврора» были наведены на последнее убежище Временного правительства — Зимний дворец.

Военно-революционный комитет общее руководство штурмом Зимнего дворца решил сосредоточить в Петропавловской крепости. Крепость и крейсер «Аврора» были предупреждены о том, чтобы стрельбу из орудий производить из холостых патронов и начать ее только после получения ответа Временного правительства на предъявленный ему Военно-революционным комитетом ультиматум. Ультиматум требовал от Временного правительства очистить дворец, сдать оружие и самим сдаться на милость Военно-революционного комитета. Срок ответа предоставлялся в 20 минут. Однако ответа на ультиматум не последовало.

О настроении частей, блокировавших дворец, Н. И. Подвойский пишет следующее:

> «Войска с нетерпением ждали удара на Зимний, и каждая проволочка вызывала сильный ропот и возмущение. Передовые цепи горели нетерпением и беспрерывно требовали приезда руководителей и объяснения причин задержки... Цепи нервничали. Руководителям восстания приходилось десятки раз бывать на позициях и в каждой цепи доказывать, что задержка происходит потому, что в самом процессе наступления приходится организовываться, накапливать силы, в то же время группируя их, распределяя и перераспределяя...» [56]

Аналогичные характеристики настроения частей дают и другие участники восстания. Действительно, оттяжка времени не согласовывалась с наличием довольно значительных сил. Членам Военно-революционного комитета, руководившим штурмом Зимнего, приходилось все время разъезжать, проверять расположение частей, службу охранения и т. д.

В Зимнем дворце, среди защитников правительства, брожение стало усиливаться. Уход трех сотен казаков, юнкеров Михайловского артиллерийского училища, а затем 6 бронемашин из Автобронедивизиона деморализующе повлиял на оставшихся, паника среди них стала быстро расти.

Юнкера Ораниенбаумской школы прапорщиков, в поисках своего спасения, решили пригласить к себе члена Военно-революционного комитета Чудновского для переговоров о сдаче, гарантируя ему

---

[55] *Н. Подвойский.* Красная гвардия в Октябрьские дни, стр. 38, 39; «Красная летопись», № 2 (23), 1927 г., статья *А. Дрезена* «Петроградский гарнизон в Октябре», стр. 29.

[56] *Н. Подвойский.* Красная гвардия в Октябрьские дни, стр. 36, 37.

неприкосновенность. Чудновский отправился во дворец, но вопреки воле юнкеров был там арестован по приказу Пальчинского. Под давлением юнкеров Чудновский вскоре был освобожден, а вместе с ним из дворца ушла большая часть юнкеров Ораниенбаумской школы и некоторых других мелких частей.

Пребывание Чудновского, назначенного ВРК для организации штурма дворца, во дворце несколько отсрочило момент атаки. Только после возвращения его из Зимнего дворца, почти ровно в 21 час с орудий, установленных в Петропавловской крепости, около бывшего Зотовского бастиона, был сделан холостой выстрел по Зимнему дворцу. За первым последовали повторные холостые выстрелы. «Аврора» в свою очередь дала один холостой выстрел.

Боевой снаряд в Зимний дворец был послан только орудием, установленным у арки, выходящей на площадь перед дворцом. Снаряд попал правее ворот, в самый верхний карниз, пробил его и через чердак упал в помещение набережного корпуса. [57]

Выстрелы из орудий послужили сигналом к усиленной ружейно-пулеметной перестрелке. Огонь был весьма интенсивный с двух сторон. Особенно сильно обстреливались участки площади, освещаемые прожекторами со стороны Благовещенской площади. Пулеметы, расположенные у Главного штаба, работали беспрерывно. Стреляли по дворцу из двух броневиков со стороны Невского и одного — со стороны Марсова поля.

Затем началась атака дворца. Как будто промчавшимся сильнейшим вихрем были брошены на штурм Зимнего моряки сводного отряда, 2-й Балтийский экипаж, Кексгольмский и Павловский полки и красногвардейцы.

> «Это был героический момент революции, прекрасный, незабываемый. Во тьме ночной, озаренные бледным, затуманенным дымом, светом и кровавыми мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные, зловещие тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного ураганоподобного потока.
>
> Когда смолкли дикие завывания и грохот трехдюймовок и шестидюймовок с Петропавловской крепости, в воздухе, заглушая сухую непрерывную дробь пулеметов и винтовок, стояло сплошное победное «ура», страшное, захватывающее, объединяющее всю разнородную массу. Одно мгновение — и самые баррикады и их защитники и на них наступающие слились в одну темную сплошную массу, кипевшую как вулкан, а в следующий миг победный крик уже был по ту сторону баррикад. Людской поток заливает уже крыльцо, входы, лестницы дворца. По сторонам валяются трупы, громоздятся разваленные баррикады и стоят толпы людей без шапок, с бледными лицами, трясущимися челюстями, с поднятыми кверху, как призыв к пощаде, руками».

Так описывает штурм Зимнего Н. И. Подвойский. [58]

---

[57] Н. Подвойский пишет в цитированной книжке о том, что «Аврора» стреляла из шестидюймового орудия боевым снарядом, разорвавшимся в коридоре дворца. Ряд участников опровергают это. См. например «Красную газету» № 260, от 7 ноября 1928 г., статью И. Флеровского «Выстрел с „Авроры“».

[58] *Н. Подвойский.* Красная гвардия в Октябрьские дни.

В 1 час 50 минут 8 ноября (26 октября) небольшим отрядам атакующих удалось проникнуть в так называемую «галлерею 1812 года» и со стороны набережной по так называемому детскому подъезду. К 2 часам ночи Зимний дворец был весь занят войсками Военно-революционного комитета.

Член Военно-революционного комитета Антонов-Овсеенко объявил министров Временного правительства арестованными. Всего арестованных министров оказалось 15 человек; их под надежным усиленным конвоем отправили в Петропавловскую крепость, где они были размещены по камерам Трубецкого бастиона.

Комендантом Зимнего дворца был назначен Чудновский. Юнкера, ударники, женский батальон были обезоружены. Были приняты все меры к предотвращению нежелательных эксцессов — избиений, насилий, хищений из дворца, попоек в винных подвалах дворца и т. п. Необходимо констатировать, во имя чести революционных борцов Великого Октября, сохранение максимальной дисциплинированности частей Военно-революционного комитета, в особенности красногвардейцев. Сплоченность, организованность, дисциплинированность, полное единодушие вооруженных сил Октября было специально отмечено в резолюции Петросовета от 7 ноября (25 октября).

Милость победителя была настолько велика, что враги, только что сложившие оружие, получили право на свободу передвижения и действий. Классовый враг не преминул воспользоваться этой «слабостью» победителя, чтобы через несколько дней поднять восстание против новой власти, против диктатуры пролетариата.

Новая власть формировалась в процессе победоносного восстания, новое правительство сконструировалось после одержания полной победы над Временным правительством.

Открывшийся вечером 7 ноября (25 октября) II Всероссийский съезд советов стал перед фактом успешного вооруженного восстания. Абсолютное большинство съезда, созванного соглашательским ЦИК, оказалось на стороне большевиков. По точным данным бюро всех фракций к началу открытия съезда (считая беспартийных и сочувствующих, записавшихся во фракцию) делегаты делились следующим образом: большевиков было 390, эсеров — 160, социал-демократов (интернационалистов) — 14, социал-демократов (объединенцев-интернационалистов) — 6, украинцев — 7, меньшевиков — 72, итого 649 человек. Такое политическое лицо съезда вызвало сильнейшую реакцию старого ЦИК, который в своем органе «Голос советов» от 8 ноября объявил съезд частным совещанием, а не правомочным съездом.

Все работы съезда проходили под непосредственным большевистским руководством. Съезд санкционировал происшедшее свержение Временного правительства и принял активнейшее участие в разгроме буржуазной контрреволюции. Уход со съезда меньшевиков и эсеров поставил их официально (фактически — уже давно) в лагерь контрреволюции.

Революционные массы целиком одобрили работу съезда, оправдали его историческую миссию и встали на защиту советской власти.

«Уход со съезда делегатов меньшевиков и эсеров представляет собой бессильную и преступную попытку сорвать полномочное всероссийское представительство рабочих и солдатских масс в тот момент, когда авангард этих масс с оружием в руках защищает съезд и революцию от натиска контрреволюции.

... Уход соглашателей не ослабляет советы, а усиливает их, так как очищает от контрреволюционных примесей рабочую и крестьянскую революцию».

Так гласила резолюция съезда, принятая на первом заседании 7 ноября.

Съезд в связи с демонстративным уходом меньшевиков и эсеров не прекращал работы. Съездом было принято несколько обращений к широким трудящимся массам — к фронту, губернским и уездным советам, железнодорожникам, казакам, всем рабочим, солдатам и крестьянам — с призывом поддержать новую власть.

Декрет о земле удовлетворял вековые чаяния трудящегося крестьянства. Право частной собственности на землю отменялось навсегда, помещики изгонялись, все государственные, удельные, кабинетские и т. д. земли безвозмездно обращались во всенародное достояние и переходили в пользование всех трудящихся на них.

В четвертом пункте декрета был полностью опубликован крестьянский наказ о земле, составленный на основании 242 местных крестьянских наказов редакцией «Известий Всероссийского совета крестьянских депутатов».

Декрет, говоривший об уничтожении частной собственности на землю и наемного труда в деревне, возвещал начало классовой борьбы в самой деревне между беднотой и кулачеством.

Съезд принял и другой исторический декрет Октябрьской революции, декрет о мире. Всем воюющим народам и их правительствам съездом было предложено немедленно начать мирные переговоры и заключить мир без аннексий и контрибуций. Условия заключения мира предлагались не ультимативные. Советское правительство извещало, что охотно будет рассматривать и всякие другие условия. Переговоры должны вестись открыто с публикацией всех договоров. Тайная дипломатия советским правительством отменялась.

Съезд немедленно отменил смертную казнь, провозгласил полную свободу агитации на фронте, объявил об освобождении из-под ареста всех «политических преступников».

Исторические декреты Октября о земле и о мире были приняты съездом по докладу Ленина, восторженно встреченного съездом.

Наконец съезд сформировал и первое правительство диктатуры пролетариата. Главой правительства Совета народных комиссаров был избран вождь большевистской партии и мирового пролетариата Ленин.

Октябрьская революция победила. Основная идея ленинизма — диктатура пролетариата — воплотилась в плоть и кровь. Пятнадцатилетняя борьба Ленина и большевиков за чистоту учения Маркса—Энгельса, борьба за революционную программу передовой партии передового класса, за большевистскую тактику и организацию, борьба с оппортунизмом — социал-шовинизмом, главным врагом ре-

волюционного рабочего движения, внутрипартийная борьба на два фронта и с примиренчеством—привела к полной победе большевизма.

Закончился второй стратегический период исторического пути большевизма. Цель, поставленная Лениным в апрельских тезисах как непосредственная задача дальнейшей борьбы была достигнута. Правильность направления главного удара против меньшевиков и эсеров была подтверждена самой жизнью. Новая расстановка классовых сил, намеченная ленинской партией — пролетариат в союзе с деревенской беднотой при нейтрализации середняка и решительной борьбе с кулаком,—ускорила процесс перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую.

Вооруженная решениями своего VI съезда, партия бросила все силы на борьбу за массы и, завоевав их на свою сторону, твердо и смело повела эту политическую армию на Октябрьский штурм.

Штурм проводился открыто и с максимальной решительностью. Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде является классическим образцом вооруженной борьбы пролетариата за политическую власть. Подготовка и проведение восстания были подчинены правилам политического и военного искусства. Октябрьское восстание являлся «образцом тактики для всех».

Проблема восстания, разработанная Марксом— Энгельсом, нашла свое дальнейшее развитие в работах Ленина. Законы восстания, указанные Марксом — Энгельсом, были применены Лениным и всей большевистской партией к конкретным условиям России осени 1917 г. Октябрьское восстание полностью подтвердило прогноз Энгельса о характере будущих уличных боев пролетариата. Незадолго до своей смерти, в 1895 г., в введении к работе Маркса «Классовая борьба во Франции», оценивая опыт уличных боев прошлого, Энгельс писал:

> *«Будущая уличная борьба... должна будет вестись при помощи более значительных сил. Но последние предпочтут тогда... открытое наступление пассивной баррикадной тактике».* [59]

Это введение Энгельса было подвергнуто международными оппортунистами весьма существенным извращениям. Энгельс был превращен в сторонника во что бы то ни стало мирной, противонасильственной тактики. Только благодаря Октябрьской революции, создавшей специальный научный институт им. Маркса—Энгельса—Ленина, был восстановлен подлинный текст этой работы Энгельса.

Характер октябрьских уличных боев был исключительно наступательный. В этом был залог победы социалистической революции.

Победоносное Октябрьское восстание было результатом искусного руководства большевистской партией во главе с ее вождями Лениным и Сталиным.

---

[59] *Карл Маркс.* Избранные произведения в 2 томах, под ред. В. Адоратского, Институт Маркса—Энгельса — Ленина, т. II, стр. 147, Партиздат, 1933 г.

БАЛТИЙСКИЙ ФЛОТ В ДНИ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ[1]

ПЕРЕД ОКТЯБРЕМ[2]

В напряженной обстановке открылся 25 сентября 1917 г. II съезд моряков Балтийского флота.

Непосредственно предшествовавшие съезду неудачи русской армии на отдельных сухопутных фронтах, более чем достоверные сведения о готовившемся всеобщем наступлении немцев как на суше, так и на море порождали среди матросов тревогу за судьбы нараставшей революции и революционного Петрограда, так как они допускали возможность предательства как со стороны Временного правительства, так и со стороны командного состава флота и армии.

Эти предположения вполне подтверждались сведениями о решении Временного правительства перенести столицу из «мятежного» Петрограда в «белокаменную, благочестивую» Москву.

В газетах появилось заявление бывшего председателя IV Государственной думы, матерого вождя крупных дворян-землевладельцев — Родзянки:

> «Петроград находится в опасности. Я думаю, бог с ним, с Петроградом. Опасаются, что в Питере погибнут центральные учреждения. На это я возражаю, что очень рад, если все эти учреждения погибнут, потому что кроме зла России они ничего не принесли. Со взятием Петрограда флот все равно погибнет, но жалеть не приходится, — там есть суда совершенно развращенные».

Становилось вполне очевидным, что все находившиеся во враждебном, по отношению нараставшей революции, лагере готовились свести счеты с революционными рабочими и солдатами Петрограда и моряками Балтийского флота при помощи вооруженных сил Германии.

Однако это не только не размагничивало революционных рядов, а наоборот, теснее сплачивало и усугубляло их бдительность.

Балтийский флот готовился к последней и решительной схватке как с силами контрреволюции, так и с силами внешнего врага — немцами.

Несмотря на клеветнические заявления Керенского о том, что Балтийский флот является изменником «родины» и революции, Центро-

---

[1] Означенная статья является извлечением из прежних работ т. Дыбенко, сделанным самим автором.

[2] Здесь и дальше в статье в календарных датах везде старый стиль.

балт и судовые комитеты не покладая рук работали над укреплением моральной стойкости флота.

В те дни пишущий эти строки был председателем Центробалта. Для нас было ясно, что флот не должен потерять своей боеспособности, ибо на него выпадала историческая задача — защитить горячее сердце революции — Петроград, и в то время, когда коалиционное правительство, вместе со всей крупной и мелкой буржуазией, собиралось сдать Петроград немцам, матросы Балтийского флота, руководимые партией большевиков, готовились своею грудью и кровью защитить очаг революции.

Работа Центробалта и судовых комитетов, вернее работа большевиков, скоро дала свои результаты.

В грозные для флота дни создалась в нем небывалая сплоченность матросов под руководством большевиков.

Митинги, праздная болтовня, пустая демагогия — отошли в область преданий.

Приказы Центробалта и командующего Балтийским флотом выполнялись беспрекословно и точно. На кораблях и в командах Центробалтом была установлена железная революционная дисциплина.

Мне вспоминается один случай как доказательство этому.

По-северному ранние, робкие и мглистые сумерки уже давно окутывали Гельсингфорс. Трудовой день на кораблях закончился. Команды их сошли на берег. Матросы разбрелись каждый по своим делам. На многолюдных, по-европейски чистых улицах большого города их бушлаты мгновенно потонули в гуще пальто, котелков, шляп и белых воротничков.

В 20 часов была получена телеграмма из Або:

> «Направлении Гельсингфорса проследовала немецкая воздушная эскадрилья. Пролетая над городом, сбросила бомбы».

Одновременно от сторожевых миноносцев была получена радиограмма:

> «В море появилась немецкая эскадра».

Было отдано приказание сыграть на кораблях боевую тревогу. Воздух разорвался тревожным и заунывным ревом сирен. Ритмично громыхая машинами, подходили к берегу буксиры и катера. Со всех улиц сначала по одному, затем группами спешили к пристаням матросы. Скоро весь берег наполнился их характерными силуэтами.

Катера заполнялись с молниеносной быстротой. Никакой суеты, никакого шума. Сирены с неумолимой настойчивостью звали к себе все новые и новые группы матросов. Тяжело сопя и отдуваясь, поползли переполненные матросами катера и буксиры от берега к кораблям. Команды спешили занять свои боевые посты.

Ровно через 10—15 мин. в городе не оставалось ни одного матроса. Все были на своих местах, на кораблях и в командах.

На другой день был отдан приказ прекратить увольнение на берег. Приказ этот не только не встретил возражений со стороны матросов, а наоборот был с точностью выполнен.

Вскоре после описанного случая сведения о намерениях немец-

кого морского командования повести наступление на Петроград полностью подтвердились.

Немецкий флот, пользуясь полным и умышленным бездействием французского и английского флотов, ринулся своими главными силами в Балтийское море. Немецкая эскадра превосходила наши силы в несколько раз. Несмотря на это, моряки-балтийцы, жертвуя своей жизнью, встали грудью на защиту подступов к Петрограду.

> «Морские силы Рижского залива шлют привет, дорогие товарищи! Будьте стойки, умрите, но не уступайте наступающему извне врагу, посягающему на нашу революцию. По первому зову мы готовы и с вами умрем, но не допустим посягательств. Сообщите о себе.
> *«Рюрик», «Богатырь», «Олег» и «Андрей Первозванный».*

С таким радио обратились к нам команды перечисленных кораблей, находившихся на передовой линии.

Наступил час испытаний.

Корабли с гельсингфорсского и других рейдов вышли навстречу немцам. Миноносцы, шныряя по заливу, сторожили врага. Подводные лодки в открытом море, выставив свои перископы, как щупальцы спрутов, спокойно подстерегали вражеские суда.

В эти тяжелые дни испытаний 25 сентября открылся II съезд моряков Балтфлота.

Открытие съезда превратилось в грозную демонстрацию.

День выдался солнечный, по-осеннему безветренный. Чистые улицы и пристань Гельсингфорса под бледными желтоватыми лучами северного солнца выглядели как-то особенно нарядно и празднично. С 10 час. утра от пристани потянулись одна за другой колонны моряков-демонстрантов. Черные их шеренги, поблескивая острием штыков, наполняли улицы и площади бодрящими всплесками гордых и смелых революционных песен. В однообразном ритме шагов одна колонна сменяла другую.

Направление у всех демонстрантов одно — Брунс-парк, недалеко от которого пришвартовалась к берегу яхта «Полярная звезда», где собирались делегаты съезда.

Перемежаясь с черными колоннами матросов в сторону Брунс-парка шли и серые роты солдат крепостных полков.

Трехлетняя кровавая бойня, беспросветное, полное лишений и унижений прошлое и надежды на светлое будущее сплотили всех демонстрантов в единую семью, в стальную когорту борцов за революцию.

Прогуливающиеся по улицам и аллеям Брунс-парка шведские и финские буржуа с плохо скрытой враждебностью исподлобья осматривали стройные ряды демонстрантов.

Они видели перед собой организованную революционную силу. Эта организованность им была неприятна. Они задумали под флагом образования самостоятельного национального государства надеть новое ярмо на своих отечественных рабочих и крестьян. Для достижения поставленных целей им нужны были слабость и размагниченность в рядах революционных русских матросов и солдат, на знаменах которых написаны простые и понятные каждому слова: *«Пролетарии всех стран, соединяйтесь»*. И вот теперь при виде колонн демонстран-

тов вянут их надежды, как вянут желтые листья на деревьях Брунспарка.

Демонстранты требовали мира, передачи фабрик и заводов рабочим, земли — крестьянам. Они требовали вырвать власть из рук эксплоататоров трудового народа, возглавляемых коалиционным Временным правительством, и передать ее советам.

На их знаменах — грозные призывы к оружию против душителей революции: «Мир хижинам — война дворцам».

Отчетливо, как будто это происходило только вчера, я вижу себя среди делегатов съезда, выстроившихся на борту яхты «Полярная звезда».

На берегу тысячи демонстрантов. Съезд декларирует:

— Мы собрались, чтобы спаять вас всех воедино, сковать единой волей и вести на борьбу на баррикады.

Громкие раскаты «ура» были ответом на этот лозунг, под которым должен был пройти съезд.

В этом «ура» чувствовалась не только простая готовность итти в бой, а нечто гораздо большее: революционный энтузиазм, подлинный революционный героизм.

Массы рвались в бой. Мы, под руководством партии большевиков, обязаны были их вести на приступ буржуазных твердынь.

В 14 час. открылся II съезд. Деловито, без потери драгоценного времени прошло открытие съезда. В состав президиума были избраны: председатель — Дыбенко (большевик), вице-председатель — Уточкин (большевик), товарищ председателя — Тихомиров (большевик), секретари: Виноторский-Железняк (анархист), Перснев и Смирнов (левые эсеры), Громов (большевик).

Из приведенного списка видно, что съезд верил партии большевиков и шел за нею. В этом также убеждали и телеграммы и приветствия, полученные с кораблей от команд полков и отдельных организаций. Красною нитью проходит в них уверенность в том, что съезд бесповоротно наметил путь к тому, чтобы свалить ненавистное правительство Керенского.

Читая эти телеграммы, мы испытывали бодрую радость и невольно в душе смеялись над непризнанным трибуном Керенским, болтливым адвокатом, метившим в Бонапарты.

Было ясно одно: для Балтийского флота Временного правительства не существовало. Им руководила лишь вера в пролетарскую революцию и силу своего оружия, поднятого в защиту ее.

Эти настроения флота вполне естественно нашли свое отражение и в постановлениях съезда. В частности в принятой резолюции о «Демократическом совещании», «предпарламенте» и коалиционном министерстве, между прочим, говорилось:

> «Безответственному же министерству и выделенному из искусственно подтасованного Демократического совещания предпарламенту, отвергшему защиту интересов обездоленных классов, доверия и поддержки от революционного Балтийского флота не будет ни на ноту — для них поддержка и доверие — Государственная дума и корниловско-кадетские заговорщики».
>
> В этой же резолюции съезд требовал от ЦК немедленного созыва Всероссийского съезда советов и, в случае отказа его в этом, предлагал

инициативу созыва взять Петроградскому совету. Созыва Всероссийского съезда советов наш съезд требовал, исходя из того, что он «должен взять власть в свои руки».

После принятия резолюции нами была послана телеграмма всем флотам и армиям с предложением присоединиться к нам и поддержать наши требования.

Необходимо отметить, что съезд бурными аплодисментами приветствовал т. Антонова-Овсеенко, выступившего в качестве секретаря гельсингфорсской организации большевиков.

Антонов-Овсеенко, приветствуя съезд, подчеркнул, что, приняв резолюцию о передаче всей власти советам, мы заняли верные позиции в деле борьбы за освобождение обездоленных классов, в деле борьбы за право трудящихся.

В заключение он указал, что мы должны быть готовы к ожесточенным битвам с классовым врагом, потому что буржуазия легко власти не отдаст. Уловками, хитростью, предательством и открытой силой будет она отстаивать ее. К этому нужно быть готовыми. Нужно быть готовыми к тому, чтобы в ближайшие может быть дни пойти на баррикады.

По лицам делегатов я видел, что слова Антонова не только не вызвали тревоги или сомнения в них, а наоборот породили еще большую уверенность в правоте своего дела, еще большую решимость драться и умереть за торжество пролетарской революции.

После Антонова-Овсеенко слово было предоставлено Марии Спиридоновой — левой эсерке, высказавшейся за передачу власти в руки советов.

Дальнейшая работа II съезда Балтийского флота заключалась в мобилизации и расстановке сил к предстоявшим классовым битвам за торжество пролетарской революции, за торжество диктатуры пролетариата.

Одновременно с этой подготовкой к грядущим классовым боям съезд обеспечивал успех боевых операций против немецкой эскадры.

Мне памятен день, когда на заседание съезда прибыл руководивший операциями контр-адмирал Развозов.

Развозов, беря на себя руководство операциями, задал съезду вопрос: может ли он быть уверен в том, что все его боевые приказы будут выполняться беспрекословно?

На этот вопрос ему был дан ответ: «Ваш приказ в бою — закон. Тот, кто осмелится не исполнить боевого приказа, явится врагом революции и будет расстрелян».

Флот, в лице своих избранных представителей, не признавал интеллигентской сентиментальности. В минуту, когда революция была в опасности, съезд требовал от моряков полной сплоченности и сознания ответственности революционного долга. И каждый, кто проявил бы халатность и пренебрежение к интересам революции, был бы жестоко наказан.

В развернувшейся морской операции немецкая эскадра, благодаря своему качественному и количественному превосходству, имела успех. Однако этот успех обошелся ей недешево.

Немецкие морские офицеры убедились, что в бою они встретили не

развалившиеся, как уверял на всех перекрестках Керенский, анархические суда Балтийского флота, а Красный флот, спаянный единством большевистской воли и революционным энтузиазмом.

Несмотря на свой стратегический успех по прорыву первой оборонительной линии у островов Эзель, Даго, Моон и Вормс, немецкая эскадра отчетливо понимала, что при наступлении на вторую линию обороны она встретит еще большее геройское сопротивление моряков-балтийцев уже всего, некогда царского, а сейчас большевистского флота.

И вот в эти дни, когда флот с беззаветным мужеством и подлинным геройством защищал подступы к революционному Петрограду, истинный предатель революции — Керенский прислал обращенную к морякам-балтийцам гнуснейшую телеграмму:

«Настал момент, когда Балтийский флот ценой своей крови должен искупить свои преступления и предательства перед родиной».

Взрывом негодования встретили эту телеграмму моряки. В ней, как в зеркале, отразилось лицемерное и подленькое лицо незадачливого «временщика», пытавшегося уже проявленное геройство и мужество балтийцев приписать убедительности и силе своего слова.

Эта телеграмма послужила лишним агитационным средством к тому, чтобы Балтийский флот, отражая немецкое наступление одной рукой, другой с еще бо́льшим упорством и решимостью готовил поход на защиту революции Петрограда, поход против предателей угнетенных классов.

В доках день и ночь кипела работа. Приходили с позиций корабли, залечивали свои раны и снова уходили навстречу врагу. Другие корабли спешно готовились к битвам на другом, революционном фронте.

Еще большее геройство проявляли моряки-балтийцы в бою.

Вот как докладывал съезду об одном из морских сражений моряк Визянев с погибшего миноносца «Гром»:

«1 октября, примерно в полдень, нами были замечены на горизонте неприятельские корабли. «Гром» вместе с другими миноносцами и канонерской лодкой «Храбрый» снялись с якоря и пошли навстречу немцам. Не успел «Гром» пройти небольшое расстояние, как вместе только что оставленной им стоянки стали рваться снаряды крупных калибров с неприятельского дредноута, ведшего огонь из-за острова. Вскоре снаряды стали попадать и в наш миноносец. На «Громе» ими был пробит борт и испорчена машина. Эти повреждения не лишили мужества команды миноносца. Она под жесточайшим обстрелом немецких пушек, когда море вокруг буквально кипело в воронках рвущихся снарядов, продолжала с методической точностью вести огонь по немецким судам. Немцы, видя в «Громе» серьезного противника, сосредоточили на нем интенсивнейший артиллерийский обстрел. Одно орудие за другим замолкало на «Громе». Количество пробоин увеличивалось с каждой минутой. «Гром» уже не в состоянии был откачивать своими средствами воду, хлынувшую через пробоины. На помощь «Грому» поспешила канонерка «Храбрый». Под ураганным огнем немцев она пыталась взять наш миноносец на буксир. Это была незабываемая минута.

От гула рвущихся снарядов с трудом можно было услышать в двух шагах человеческий голос. Брызги воды, смешанные с ядовитыми газами взрывов, затрудняли дыхание. Наш всего полчаса тому назад гордый и отважный «Гром», израненный и истерзанный, захлебывался водой.

В этом хаосе звуков и движений, ежеминутно рискуя жизнью, матросы обоих кораблей пытались закрепить буксирный трос. Наконец это удалось. Канонерка потянула наш миноносец. Но в этот момент то ли от попавшего вражеского снаряда, то ли не выдержав тяжести наполнившегося водой миноносца,— трос лопнул. «Гром», скользнув несколько сажень по инерции, снова беспомощно закачался на кипящих волнах моря.

Немцы, видя аварию, обнаглели и двинулись своими превосходными силами к нашим судам с очевидным намерением расстреливать их в упор.

Только тогда команда с «Грома» стала переходить на «Храбрый».

Раненый машинист Симончук отказался перейти на канонерку и остался на миноносце, на котором он столько выстрадал в прошлом.

После того как «Храбрый» отошел от «Грома», на последнем взвился столб черно-желтого дыма, — оглушительный взрыв потряс воздух, и расколовшийся «Гром» сначала медленно, затем быстрее пошел ко дну. На том месте, где только что видели его истерзанный корпус, забурлила воронка воды, а через мгновение прокатились волны, покрывшие не дождавшийся светлых дней «Гром» и взорвавшего его машиниста Симончука.

«Храбрый» продолжал вести бой и на глазах у всех потопил два немецких миноносца.

Команда «Грома», перешедшая на канонерку, также принимала участие в бою, и многие из нее были уже убиты во время боя на «Храбром».

Доложив об этом сражении, Визянев просил съезд принять самые решительные меры к обузданию желтой прессы и правительства, называвших моряков-балтийцев предателями.

Здесь уместно отметить ту оценку, которую дал флоту в те дни один из талантливейших контр-адмиралов А. В. Развозов.

«Я не верил до этих пор в боеспособность флота, — говорил Развозов. — Теперь я преклоняюсь перед геройством флота и знаю, что новый немецкий поход нам не страшен — мы сумеем отстоять честь России».

Оценку, данную Развозовым, мы перефразировали, говоря: «Мы сумеем отстоять революцию».

5 октября съезд закончил свою работу.

Десять дней его заседаний явились историческими днями не только в жизни Балтийского флота, но и в подготовке Великого Октября.

Съезд открыто высказался за непризнание власти Временного правительства Керенского.

Съезд прямо и определенно высказался за передачу власти советам.

И наконец съезд мобилизовал и сорганизовал вооруженные силы как для отпора вторжения немецких войск и флота, посягавших на Петроград, так и для предстоявших схваток с классовым врагом.

Закрывая съезд, я как председатель его обратился к делегатам со следующими словами:

— В этот грозный час, когда мы находимся в окружении мировой буржуазии, когда хищники стараются проглотить нас, а вместе с нами — революцию, не только русскую, но и назревающую мировую, наш II съезд представителей Балтийского флота своей объединенной работой в эти короткие дни заседаний доказал, насколько мы представляем сплоченную массу, которая за конечные цели революции будет сражаться до последней капли крови, котрая призывает угнетенных всего мира сплотиться в единый фронт и встать против своих угнетателей и поработителей. II съезд далеко превзошел по своему значению I съезд, где не было единения и не было той сплоченности, которая проявлена в настоящий момент. Я верю, что, разъезжаясь по местам, мы не покладая рук будем работать, чтобы стальным кольцом сплотить всю массу и по первому призыву наших

йстинных вождей выступить на баррикады, дать открытый бой нашим речным угнетателям. Наш флот, который заклеймен желтой прессой и на который посягает мировой блок хищников буржуазии, должен напрячь последние силы и еще с большей энергией выступить на борьбу против своих вековых врагов. За единение флота, за его бесстрашные подвиги борьбы против угнетателей, под руководством большевиков — ура!

Под долго несмолкаемые крики «ура» делегаты разъезжаются на корабли, чтоб не опоздать организовать поход и быть своевременно готовыми к баррикадным боям.[2]

Через 8 дней после нападения немецкой эксадры на Балтийский флот гул вражеских пушек стал постепенно стихать. Немцы, прорвавшие моонзундскую оборонительную линию, заняли укрепленные острова Эзель, Даго, Моон и Вормс. Но эти потери не охладили веры Балтийского флота в свои силы.

Флот твердо удерживал вторую оборонительную линию и грудью стоял на защите Петрограда — оплоте и цитадели пролетарской революции.

После II съезда моряков Балтийского флота и Финляндского областного съезда в Петрограде открылся Северный областной съезд, на который съехались представители армии, флота, Финляндии, латышских стрелков и 23 советов.

Среди делегатов не было «демократов» по имени и лжесоциалистов на деле. Делегаты все, как один, были истинными представителями масс, с массами шли и разделяли требования масс — рабочих, солдат и матросов фронта в предстоявшей классовой битве.

Представители армий на съезде заявили:

«Армия не может дольше жить, — она разута, раздета и голодна. Надвигается зима. Солдаты изверились в лживых фразах Временного правительства и лжедемократии. Солдаты требуют мира. Спасение революции — захват власти советами и предложение немедленного перемирия на всех фронтах».

Делегат 40 тыс. латышских стрелков говорил:

«Наши силы и боевая мощь — в распоряжении съезда, но не Временного правительства, которое в течение семи месяцев обманывает армию и рабочих».

Я от имени Балтийского флота, делегатом которого являлся, обращаюсь к съезду со следующими словами:

«Спасти Балтийский флот, революционный Петроград и революцию может только Советское правительство, которое предложит мир всем народам. Флот категорически отказался выполнять какие бы то ни было приказы Временного правительства. Он выполнит приказы комиссаров советов и Советского правительства. Все силы и средства Балтийского флота — в распоряжение съезда. В любой момент флот по вашему зову готов к выступлению. Промедление в деле захвата власти и передачи ее в руки советов грозит волнениями на кораблях».

Таким образом Северный областной съезд выслушал истинный голос армии, флота и рабочих и сделал смотр вооруженным и организованным силам, поднявшим знамя борьбы за передачу всей власти советам.

Помимо этого съезд избрал из своей среды Северный областной ко-

---

[2] Из протокола заседания съезда 5 октября 1917 г.

митет, явившийся генеральным штабом подготовки и руководства боями против сил контрреволюции.

Областной комитет состоял из 17 человек, в том числе 11 большевиков и 6 левых эсеров. Во главе комитета стояли В. А. Антонов-Овсеенко и Н. В. Крыленко. В состав Областного комитета также вошел и я, с местопребыванием на гельсингфорсской базе Балтфлота.

После одного из заседаний съезда я был командирован в посад Колпино, на Ижорский завод. Мне было дано задание разбить на митинге выступающих там меньшевиков — Церетели и Дана.

Привлечь рабочих на свою сторону оказалось делом не трудным.

На мой ребром поставленный вопрос: «Флот хочет знать — с кем вы? С нами, матросами и солдатами, или с Временным правительством?», рабочими-ижорцами единогласно была принята резолюция:

«Долой коалиционное правительство — слугу империалистов! Вся власть советам!»

На этом митинге мне запомнился один эпизод.

Присутствовавший здесь Церетели после вынесения этой резолюции растерянно обратился ко мне со словами:

— Товарищ Дыбенко, вы призываете к вооруженному восстанию. Мы вынуждены вас снова арестовать...

На это я ответил:

— Да, я призываю к вооруженному восстанию, а насчет ареста посмотрим, кто кого.

Под теми же лозунгами, что и в Колпино, прошел митинг в Петрограде в цирке «Модерн», где рабочие и работницы Петрограда и солдаты петроградского гарнизона требовали немедленного свержения Временного правительства.

С бодрым настроением я вернулся в Гельсингфорс к флоту, — ясно, Временное правительство разлагается, не успев даже умереть, а флот не один, с ним петроградские рабочие и солдаты под руководством партии большевиков.

Мы стояли у порога величайших исторических событий.

ОКТЯБРЬ

В середине октября 1917 г. в Финляндии наступила самая неподдельная осень. Небо с утра окутывалось тяжелыми свинцовыми тучами. С моря дул холодный, пронизывающий ветер. Синевато-мутной ртутью вздымались холодные волны Финского залива. С утра до вечера моросил осенний назойливый дождь, временами то усиливаясь, то ослабевая. Ночами стояла непроглядная темень. Огни пристаней и рейда в мути дождя и испарений с моря казались еле мерцающими желтыми точками.

В эти нудные, холодные и тоскливые дни обыватель забился в свои теплые углы, отгородился от внешнего, неуютного мира стенами домов, плотными занавесями окон.

Тревога росла и в душах матросов. Все с нетерпением ждали сигнала начать поход на Петроград, поход на классового врага — буржуазию, на постылое Временное правительство. У матросов закрадывалось сомнение: «Не отложат ли еще?» Мысли о том, что еще придется ждать, еще больше усиливали нетерпение.

Дни казались годами. Хотелось как можно скорее ринуться в бой, пока не наступили холода, пока воды залива не сковали крепкие льды, пока свободен морской путь для кораблей.

В эти дни на кораблях внешне замерла жизнь. Все было готово к выступлению, и ждали только сигнала.

С кораблей все настойчивее и настойчивее шли запросы: «Что же медлите?»... «Скоро ли?»... «Когда же?»... На все эти запросы ответ был один: «Ждем приказа».

Команды кораблей неохотно удовлетворяются этим ответом и снова тоскливо ждут.

Ждут команды. Ждем мы.

Жизнь бурно кипит только на извечном бунтаре «Петропавловске». Корабль, выходя из гельсингфорского рейда, сел на мель. Вот уже третьи сутки не покладая рук день и ночь работает команда, разгружая корабль. Один за другим опускаются в свинцовую, ледяную воду. Боязнь не успеть снять с мели свой гигант к моменту выступления товарищей-балтийцев, не участвовать в предстоящих боях удесятеряет силы матросов.

Наконец к исходу третьего дня заработали машины. Кочегары, обливаясь потом около раскаленных топок, с методической точностью бросают в огнедышащие пасти печей все новые и новые порции угля и льют струи нефти. Яркими звездами вспыхивает угольная пыль и в без того белом пламени топок. Скованным зверем рычит и клокочет пар в котлах. Под его напором содрогается стальное тело корабля.

Заработали винты. Из-под их лопастей вздымаются кверху волны моря, окрашенные густою грязью дна.

— Полный ход! — команда с мостика.

Рванулся могучий великан вперед, загромыхал. Рванулся еще раз и, дрожа всем корпусом, понесся по морской шири.

В неописуемом восторге команда корабля кричала:

— Вперед, на Петроград!

Моряки-балтийцы с «Петропавловска» добились своего: они, так же как и все, примут участие в тех великих событиях, мечты о которых лелеяли столькими годами.

«Вперед, на Петроград» — желание балтийцев.

— Останьтесь на местах — приказа еще нет! — властный голос Центробалта.

И этому голосу подчиняются все. В этом видна стальная организованность — успех победы.

Но и Центробалту ясно, что откладывать немыслимо. Если откажутся все — флот не вытерпит, выступит один. Так бесповоротно он решил на своем съезде. Но ждет, когда призовет партия большевиков, ибо он ей верит.

Крепимся и ждем условного сигнала из Петрограда от Революционного областного комитета.

Этот сигнал засекречен и состоит в телеграмме, которую я должен получить за подписью Антонова-Овсеенко с невинным содержанием: «высылайте устав».

Это значит выслать в Петроград миноносцы и десант в 5000 человек. В секрете держу пароль. Планомерно, без излишней суеты ве-

дем подготовку. Времени осталось немного. Через несколько дней — съезд советов. День открытия его — роковой час. Постепенно, один за другим, в Петроград направляем для ремонта вышедшие из строя в последних боях корабли. Наивный Вердеревский, уже не говоря о Керенском, не совсем понимает, почему вопреки его воле посылаются корабли в Петроград.

У нас тревога за «Аврору». Крейсер «Аврора» спешно заканчивал ремонт в Петрограде и предназначался к отправке в Гельсингфорс на присоединение к своей бригаде. Необходимо его как можно дольше задержать в Петрограде. От имени Центробалта передаю председателю судового комитета «Авроры» Куркову:

«В случае, если последует приказ о выходе «Авроры» на рейд, приказ без санкции Центробалта не выполнять. Распоряжения Центробалта будут адресованы на ваше имя».

Установили со всеми условные переговоры. Один только флотский гвардейский экипаж в Петрограде да оборончески настроенный Центрофлот еще дышат керенщиной. Направляем и туда наших преданных и стойких товарищей.

Наступали последние дни. Все ждали развязки.

Вот примерно в какой хронологической последовательности протекали события:

В ночь на 22 октября телеграмма с «Авроры»: «Приказано выйти в море на пробу и после пробы следовать в Гельсингфорс. Как быть?» Центробалт отвечает: «„Авроре“ произвести пробу 25 октября».

Несмотря на угрозы и посылку к ней броневиков с юнкерами, «Аврора», получив в подтверждение распоряжения Центробалта приказ Петроградского революционного комитета, категорически отказалась выполнить приказ Временного правительства. Верный часовой остался на своем посту.

На повестке заседания Цетробалта 17 октября пунктом третьим стояло: «об образовании постоянных боевых взводов».

После моего доклада о необходимости организации боевых взводов и свободного батальона с непосредственным подчинением Центробалту, принимается единогласно следующее постановление:

«Центральный комитет Балтийского флота поручает судовым комитетам линейных кораблей и крейсеров, а также береговых частей, имеющих команды более 200 человек, срочно организовать постоянные боевые взводы, которые по первому требованию поступают в распоряжение Центробалта. О сформировании взводов срочно сообщить Центробалту, указав взводных командиров».

20 и 21 октября проверяются боевые взводы и назначенный состав. Подвозится необходимый запас продовольствия и вооружения для подготовляемых к отправке в Петроград отрядов. Идет усиленный ремонт предназначенных к походу миноносцев. В срочном порядке ремонтируется «Петропавловск», снятый с мели.

23 октября. С утра ведутся переговоры с левыми эсерами о совместном вооруженном выступлении. Прошьян и Устинов дают уклончивые ответы. Они не уверены в успехе и предлагают вести переговоры с меньшевиками.

К вечеру созывается общее собрание совета, судовых и полковых

комитетов. Собрание одушевлено одним желанием немедленного свержения коалиционного правительства. Меньшевики и правые эсеры пытаются на собрании протестовать, вносят свои предложения, предостерегают от «анархии» и «погромов». Выступают матросы, которые с негодованием заявляют, что это старая песня провокации гробовщиков революции. Левые эсеры, уверяющие, что за ними «половина» флота и стоящей в Финляндии армии, предлагают компромиссные решения.

Резко против всяких компромиссов выступают большевики.

К концу заседания оглашается резолюция Центробалта. В ней говорится, что никаких отступлений от решения съезда Балтийского флота, никаких компромиссов флот не признает. Если даже собрание вынесет обратное решение, фракции большевиков совета и Центробалта берут на себя ответственность за выступление. Члены Центробалта левые эсеры единогласно голосуют за резолюцию Центробалта.

В ночь на 24 октября арестовываем остатки представителей коалиционного правительства. Перед арестом Набокова перехватываем его разговор по прямому проводу с князем Львовым, где князь Львов сообщает, что в Петрограде начинается анархия. Большевики-де готовят вооруженное свержение правительства. С фронта вызваны войска. Керенского решено отправить в Японию, в целях ввода японских войск для подавления восстания.

Этот разговор был немедленно передан в Петроград Революционному комитету. Связь с Петроградом целиком и полностью перешла в наши руки.

В Гельсингфорсе царили полное спокойствие и тишина. Сопротивляться было некому, за исключением анархистов, которые пытались захватить здание матросского клуба, но вызванными с «Республики» патрулями были частью арестованы, часть же поспешили убраться. Город охранялся усиленными патрулями матросов и солдат.

24 октября. С самого утра в городе Гельсингфорсе спокойно. Были получены сведения о нападении белой гвардии финнов на поезда при их движении в Гельсингфорс. Для ликвидации белогвардейцев срочно был выслан отряд под командой Измайлова.

К 12 час. из Петрограда получили одну за другой телеграммы о готовящемся выступлении. Телеграммы Революционного комитета передаются северо-западному фронту. Связь с последними установлена. Обо всем информируем друг друга.

В Центробалте для руководства избрана тройка, в нее вошли: Дыбенко, Аверочкин и Измайлов.

Сделано распоряжение на всех кораблях, командах и пехотных частях держать наготове дежурные боевые роты. Кроме боевых рот также приказано держать на кораблях наготове еще по одной роте в полной боевой готовности. Погрузка огнеприпасов и продовольствия, их подвозка к товарной станции заканчиваются. Эшелоны для погрузки отрядов приказано составить к 18 час. Спешно ремонтируют миноносцы; ремонт должен закончиться к утру 25-го.

В 16 час. созывается пленарное заседание Центробалта и судовых комитетов, где еще раз все корабли заявили о своей полной готовности

и требовали немедленной посылки достаточных сил в Петроград. В 20 час. получена телеграмма из Петрограда: «Центробалт. Дыбенко. Высылай устав. Антонов-Овсеенко».

Флоту отдано приказание: «Боевым ротам прибыть на вокзал к 24 час.» На вокзале установлена наша комендатура. С утра 24 октября установлена наша комендатура на всех станциях до Петрограда. Порядок погрузки и следования эшелонов передан коменданту и старшим эшелонов.

23 часа 24 октября. Из Петрограда вызываю Баранова к прямому проводу. Подхожу к аппарату.

Б а р а н о в. Настроение тревожное. Можем ли надеяться на своевременную поддержку? Центрофлот в наших руках. Правительство растерялось. С минуты на минуту может начаться выступление. Не опоздаете ли притти на помощь?

Я. На рассвете выйдут миноносцы. Отправляю отряды.

Б а р а н о в. Передам Военно-революционному комитету.

В ночь с 24 на 25 октября. Гельсингфорс, окутанный ночным мраком, спал непробудным сном. Серые облака, обгоняя друг друга, спешили закрыть кое-где мерцающие звезды, покрыть небо непроглядной пеленой, создать непроницаемую темень глубокой осенней ночи. Наглухо заперлась буржуазия в своих особняках. Забился в свои конуры обыватель, дрожа за свое благополучие.

Иные переживания владеют матросами, сознавшими свою классовую сущность.

В России созван новый съезд советов, который может быть сегодня, может быть в эту темную ночь, когда многие беспечно спят, подобно грозовой туче, разошлет молниеносные вести: «Временное правительство свергнуто. Вся власть перешла в руки Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Предложен мир воюющим народам. Вся земля переходит в руки крестьян, а фабрики и заводы — рабочим. Нет больше владыки капитала, нет эксплоататоров и грабителей. Рабочий и крестьянин отныне владыка необъятной новой революционной России».

И тихо, словно боясь нарушить эти мысли, без сирен, не нарушая покоя спящих и не видящих восходящей новой зари, подходят к пристани один за другим катера и буксиры. Бесшумно, в гробовой тишине высаживаются боевые роты. Как бы по безмолвной команде выстраиваются и мерными, твердыми и уверенными шагами идут к вокзалу. На перроне нет праздной, гуляющей публики в разноцветных костюмах. В гробовой тишине, так соответствующей настроению минуты, проходят роты в черных и серых шинелях. Вагоны переполнены. Мерный стук колес, — и один за другим отходят эшелоны. Из отходящих эшелонов, как бы в вызов особнякам и виллам спящего города, несется громовое, долго нескончаемое «ура». В 8 час. отходит последний эшелон. Вдали замолкает стук колес, смолкает радостное «ура».

Моряки-балтийцы ринулись «в последний и решительный бой».

Проводив отряды, с вокзала спешим в Центробалт. Медленно выравниваясь в кильватер, один за другим мимо яхты «Полярная звезда», где размещен Центробалт, проходят миноносцы. Их стеньги украшены красными стягами с надписью: «Вся власть советам». Ко-

манда на миноносцах и остающихся кораблях стоит во-фронт. Оркестры музыки и громовые раскаты «ура» провожают уходящих в Петроград на борьбу. Брунс-парк, залитый словно ради этого дня взошедшим утренним солнцем, заполнен народом. Тысячи ликующих взоров рабочих и недоумевающих взоров обывателей провожают уходящие корабли.

Миноносцы, миновав гельсингфорсские ворота, прибавили ход, оставляя позади себя разрез пенистых волн спокойного с утра моря.

С «Республики» и «Петропавловска» беспрерывно звонят по телефону и спрашивают:

— А мы разве не пойдем в Петроград? У нас все готово. Мы ждем приказаний.

— Вы—резерв. Потребуетесь, и вас пошлем. Пока будьте наготове.

В 14 час. 25 октября получена телеграмма: приказ действующим армиям о том, что власть взята Всероссийским съездом советов.

Эта телеграмма немедленно была передана на все корабли и во все базы флота, а также 5-й и 12-й армиям.

В 16 час. была получена вторая телеграмма следующего содержания:

«Всем! Генеральный штаб сдался, и вся власть принадлежит Совету рабочих и солдатских депутатов».

В 20 час. у аппарата Баранов.

— Правительство Керенского свергнуто. Петропавловская крепость в наших руках. Зимний занят. «Аврора» ведет себя геройски. До сих пор из Гельсингфорса нет поддержки. Ленин избран главой правительства. Состав военной коллегии: Антонов-Овсеенко, Крыленко и ты. Ты должен немедленно выехать в Петроград.

Поздно ночью 26 октября, закончив формирование новых отрядов матросов с артиллерией, погрузив их в эшелоны и направив последние в Петроград, я получил возможность выехать на передовые позиции развернувшихся боев за власть советов.

27 октября утром оставляю своим заместителем в Центробалте т. Измайлова и выезжаю в Петроград. По пути обгоняю эшелоны с артиллерией и отрядами моряков и солдат. Настроение у всех бодрое, боевое. Все уверены в успехе.

28 октября. Рано утром поезд останавливается у Финляндского вокзала. Вокзал охраняется красногвардейцами и моряками. Прилегающие к Финляндскому вокзалу улицы пустынны. После долгих усилий наконец дозвонился по телефону в Центрофлот. Через полчаса в Смольном. По пути на улицах встречаю отдельные группы вооруженных рабочих, солдат. У Смольного дежурят броневики, самокатчики, красногвардейцы, солдаты. У входа в Смольный часовые требуют пропуск. После долгих переговоров удается проникнуть в Смольный. По лестницам огромнейшего здания взад и вперед снуют массы народа, идущих группами, о чем-то громко разговаривающих, спорящих, жестикулирующих. С трудом разыскиваю комнату, где помещается т. Подвойский. Захожу к нему.

П о д в о й с к и й. Вы приехали? Вот и хорошо. С вами прибыли отряды матросов? А артиллерия? Сколько? Миноносцы и броненосцы пришли? — засыпает целым рядом вопросов.

Отвечаю ему: Позвольте, товарищ Подвойский, броненосцев мы пока не посылали и посылки их от нас никто не требовал. Я считаю, что судов здесь в Петрограде имеется вполне достаточно. 3 тыс. моряков уже прибыли и находятся в распоряжении Петроградского революционного комитета. В эшелонах еще следует до 1500 человек и 2 батареи. К вечеру они прибудут в Петроград.

П о д в о й с к и й. Но они нужны немедленно. Наши части оставили Гатчину. Керенский двигается с войсками с фронта на Царское и Петроград. Поезжайте сейчас же в Царское, узнайте, что там делается, и немедленно сообщите.

По тону разговора с т. Подвойским было видно, что дело серьезное; незнание, где и что творится, создавало ложное представление. Не было и не чувствовалось еще полной уверенности в благоприятном для нас исходе борьбы, особенно с подходом войск с фронта во главе с Керенским. Сколько именно прибыло с фронта войск и какие, никто не знал.

Быстро закончив разговор с Подвойским, ухожу от него, чтобы отправиться в Царское. На лестнице Смольного встречаю Антонова-Овсеенко. От него узнаю, что он едет на Путиловский участок. Решаем ехать пока вместе. С большим трудом находим автомобиль.

При посадке в автомобиль двое в штатском назойливо настаивают, чтобы их взяли с собой. По виду оба журналисты. Как впоследствии оказалось, один из них был Джон Рид, который написал знаменитую книгу «Десять дней, которые потрясли мир». Антонов-Овсеенко разрешил одному из них ехать вместе.

Только в автомобиле дали себя чувствовать бессонные ночи, нервная напряженная обстановка и усталость.

При выезде за город к нашему несчастью сломался автомобиль. Какая неудача! Мы стояли беспомощно на дороге. Мимо нас последовала саперная рота под командованием т. Бакланова. Мы пытались найти телефон, дозвониться в Смольный, вызвать другой автомобиль. Наши попытки оказались тщетными.

Вдруг неожиданно для нас с противоположной стороны мчится чей-то автомобиль. Мы его останавливаем. В автомобиле довольно упитанный, в роскошной шубе господин. Спрашиваю:

— Вы разрешите в вашем автомобиле доехать до Царского по срочным делам? Я запишу ваш адрес и, по миновании надобности в автомобиле, возвращу его вам. Через несколько минут будет исправлен наш автомобиль, и вы доедете на нем.

Пассажир возмутился:

— Позвольте, я итальянский консул, пользуюсь правом неприкосновенности.

— Что же делать? Дело революционное, спешное. Вам придется все же выйти из автомобиля.

Поморщившись, с явной злобой, господин медленно выходит из автомобиля.

Едем дальше.

По дороге в Царское тянется нескончаемая вереница отдельных групп вооруженных рабочих — зарождающаяся новая Красная гвардия, отдельные группы солдат.

Взяв подъемы, въехали в улицу, переполненную вооруженными людьми. С появлением автомобиля ожили, встрепенулись. Взоры устремились в сторону автомобиля. На лицах вопрос: «Что делать? Куда итти? Какие будут приказания?»

Автомобиль остановился. Спрашиваю:

— Что это?

Сразу несколько голосов ответило:

— Пулково.

— Где штаб? Кто вами командует и где ваши командиры?

Несколько человек отвечают вместе, что штаб в конце улицы на правой стороне и что командиров у них нет, но ими выбран старший.

Красногвардеец, подсевший на автомобиль, чтобы указать расположение штаба, рассказывает:

— Керенский занял Царское, и мы отступили в Пулково, а теперь не знаем, что делать. Нужно ли оставаться здесь или итти в Петроград? Распоряжений мы ниоткуда не получаем.

На краю Пулкова в небольшой избе расположен «штаб». В то время этот «штаб» казался штабом,—в действительности же он состоял из бывшего полковника Вальдена, растерянно и беспомощно разводившего руками, упорно смотревшего на карту и недоуменно бормотавшего: «Разрешите доложить, у нас никого не осталось. Все разбегаются и на ночь уходят по домам. Гвардейские полки без сопротивления отступают от Царского. Есть сведения, что часть их сдалась и перешла на сторону Керенского. Задержать уходивших нет возможности».

В дополнение к этому «штабу» входит человек в военной форме, вооруженный револьвером и шашкой, очевидно бывший офицер, и докладывает: «Царское занято Керенским. В Царское прибыло множество казаков с артиллерией и бронепоездом. Части разбегаются, и Пулково остается беззащитным. Необходимо задержать бегущих, привести их в порядок и установить хотя бы на ночь охранение и наблюдение за Царским, пока не подойдут регулярные части».

Беспомощность данного «штаба», его растерянность и полное непонимание, что в сущности творится кругом, вселяли тревогу. Этот, несколько раз раненый в империалистическую войну, полковник Вальден, имевший боевые заслуги, очутившись вероятно помимо своей воли в обстановке гражданской войны, совершенно растерялся и не знал, что делать с этими вооруженными толпами рабочих и солдат. Он привык и знал, как командовать ротой, батальоном и полком, он знал, как организовать оборону на участке своей части, но он совершенно не понимал, что нужно и можно делать с этими вооруженными рабочими и солдатами, которые не имели командиров и не умели писать по-военному донесения, как можно эту неорганизованную, но вооруженную толпу превратить в грозную силу, способную с величайшим энтузиазмом драться и умирать за дело пролетарской революции.

Выслушав доклад полковника Вальдена и его адъютанта, выходим из избы, чтобы взять в свои руки эту вооруженную, по мнению адъютанта, бегущую массу и организовать оборону Пулкова.

Через несколько секунд по выходе из избы со стороны Царского начался обстрел Пулкова артиллерией. Один из первых разорвавшихся в Пулкове снарядов разрушает наполовину избу, где лишь

несколько минут тому назад помещался «штаб». Обстрел артиллерией Пулкова действительно вселяет панику среди скопившихся на улице красногвардейцев.

Отдельные группы солдат, уходившие из Царского, старались не задерживаясь проскользнуть в Петроград. Они рассказывали, что Керенский, заняв Царское, предъявил им ультиматум — сдать оружие. Получив отрицательный ответ на свое предложение, открыл по их казармам артиллерийский огонь, разрушил казармы и многих захватил в плен. Полк понес значительные потери. Царское наводнено казаками, которые жестоко расправляются с большевиками и сочувствующими им.

С трудом удается задержать всех стремящихся уйти, разбить по группам, назначить старших в группах и добиться, чтобы они самовольно, без приказания «штаба», не оставляли позиций.

Красногвардейцы, оставаясь в Пулкове, засыпают вопросами: «Где же матросы? Скоро ли придут на помощь?»

Уверил, что матросы движутся на фронт, что с ними следует артиллерия. Окрыленные надеждой на скорую помощь матросов, красногвардейцы постепенно, по распоряжению полковника Вальдена, занимают позиции на Пулковских высотах.

Срочно возвращаюсь в Смольный. Встречаю Владимира Ильича. Он спокоен. Увидев меня, спрашивает:

— Ну что, как дела на фронте?

Сообщаю о положении и заявляю:

— Я еду в Морской революционный комитет и сейчас двину матросские отряды, которые должны сегодня прибыть из Гельсингфорса, в противном случае Керенский может быть в Петрограде.

Владимир Ильич безмолвным кивком головы одобряет мое предложение. Ухожу. В течение ночи удается двинуть к Пулкову 2 отряда моряков. Прибывшая из Финляндии артиллерия, выгрузившись, к ночи 29 октября также прибыла в Пулково.

Весь день 30-го войска Керенского после занятия Царского оставались пассивными и тем самым дали возможность Военно-революционному комитету не только подтянуть, но и подкрепить Красным и Колпин м сгруппировать отряды моряков и пехотные части.

Боевое настроение Пулковского отряда было на высоте. С прибытием на фронт артиллерии моряки потребовали немедленного перехода в наступление. Это требование диктовалось еще и тем, что в связи с наступающими холодами моряки чувствовали себя недостаточно тепло одетыми. Они просто заявили: «Какого чорта стоять на месте, на позициях, поскорее всадить штык в спину Керенскому, и дело с концом. Тогда можно и на корабли».

Им казалось, что с разгромом Керенского будет покончено со всей контрреволюцией.

ПОСЛЕДНИЙ УДАР ПО КЕРЕНСКОМУ

31 октября 1917 г. В течение дня войска «демократического» правителя Керенского, под руководством генерала Краснова, вели наступление на отряды моряков, питерских рабочих и солдат петро-

градского гарнизона, защищавших Пулково, преграждавшее дорогу к революционному Петрограду, где формировалась в тот момент еще невиданная в мире власть советов.

Первая конная атака казаков красновского 3-го конного корпуса, проведенная после артиллерийской подготовки, была отбита нашим ружейным и пулеметным огнем.

Через час, при поддержке пехоты и под защитой артиллерийского огня батарей и бронепоезда, повели вторичное наступление. Повторная энергично начатая атака сломилась об упорную стойкость революционных моряков Балтфлота. Казаки, понеся значительные потери, стали поспешно отступать.

Моряки, ободренные успехом, повели энергичное преследование беспорядочно отступавших частей генерала Краснова и одновременно атаковали бронепоезд, стараясь его отрезать.

Войска Керенского — Краснова, не оказывая никакого сопротивления, поспешно отходили по направлению к Гатчине.

Наши отряды заняли Царское Село.

Наступил темный осенний вечер. Темнота рождала настороженность. Первый успех боя создавал организованную сплоченность в среде защитников нового, нашего советского Петрограда.

В 11 час. вечера в Царское из Гатчины, где находилась «штаб-квартира» Керенского, без ведома его и Краснова, прибыла казачья делегация из двух казаков и одного офицера с предложением вступить с ними в переговоры.

Офицер заявил нам, что если мы теперь же решим вести наступление, то казаки и юнкера, находящиеся под командой Краснова, окажут упорное сопротивление, что в Гатчине ожидается подход батальона ударников, которые усилят отряд.

Передо мной с полной очевидностью встало решение, что терять времени нельзя.

Не ставя в известность Смольный, невзирая на протест моряков — отпустить меня одного, я решаю выехать для переговоров в Гатчину.

Два часа ночи, 1 ноября. Темнота — зги не видно. Вся окружающая обстановка, бывшая днем такой ясной, кажется какой то чужой, незнакомой.

На плохоньком санитарном автомобиле, по невероятно грязной дороге, я вместе с казачьей делегацией и сопровождавшим меня матросом Трушиным выезжаю в Гатчину.

По пути к Гатчине нас останавливают казачьи заставы, но после переговоров с казачьим офицером пропускают.

Часам к трем с половиной, по темным, безлюдным улицам Гатчины, окаймленным черными силуэтами безмолвных домов, подъезжаем к Гатчинскому дворцу. Прилегающая к нему площадь слабо освещена.

Автомобиль останавливается у ворот.

Дежурный офицер подходит к нам и, обращаясь ко мне, спрашивает:

— Вы кто?

— Я прибыл для переговоров с казаками.

— Я вынужден вас арестовать. Будьте добры сдать ваше оружие.

— Оружие мое — револьвер, — отвечаю, — я не сдам. Если же вы посылали к нам делегацию, для того чтобы захватить одного из нас как заложника, то этим вы не достигнете цели. Знайте, что мой арест вам дорого обойдется.

Шум подошедшего автомобиля и мой разговор с дежурным офицером привлекают внимание группы казаков, которые, окружив нас кольцом, требуют немедленно освободить меня и приглашают к себе в казармы.

Имея поддержку казаков, обращаюсь к ним с вопросом:

— Керенский здесь?

— Да.

— Я требую, чтобы к нему был приставлен надлежащий караул. В случае его побега, вы отвечаете.

Казачий офицер из делегации остался у дворца с целью усилить караул за Керенским.

Я прохожу в казачьи казармы. Полумрак. Казармы переполнены только что проснувшимися казаками. Усталые неумытые лица. Многие, лежа на нарах и свесив с растрепанными чубами головы, посматривали на нас. Среди казаков было много офицеров и юнкеров.

Не теряя времени, рассказываю собравшимся о перевороте, о развернувшихся событиях, о том, что Временное правительство низложено и что попытка Керенского снова захватить власть и посадить «демократическое» правительство — бессмысленна и безусловно обречена на неудачу. Его поход даст только лишние жертвы со стороны казаков.

Дальше развиваю свою мысль:

— Керенский снова пытается вас, казаков превратить в жандармов и возбудить всеобщую народную ненависть к вам, возбудить преследование вас.

Некоторые офицеры из числа присутствующих стараются перебить меня выкриками:

— А немецкие шпионы в вашем правительстве — Ленин и Троцкий?

— Не немецкие шпионы взяли власть, а рабочие, крестьяне и солдаты. Флот первый доказал свою преданность революции в моонзундских боях, он же первым выступил и на защиту советской власти.

Казаки, искоса посматривая на офицеров, негромко заявляют:

— Правильно, матросы — наша братва, мы с ними пойдем.

Через час казармы не вмещают всех собравшихся казаков и юнкеров.

К 8 час. утра удается добиться согласия казаков немедленно арестовать Керенского.

Из казармы, в сопровождении неизменного спутника — матроса Трушина и нескольких сот казаков, направляюсь во дворец, в казачий комитет.

Около 10 час. собирается комитет, почти целиком состоящий из офицеров. Обращаюсь к казакам:

— Позвольте, ведь у вас офицерский комитет, а не казачий. Где же казаки в вашем комитете?

Прислушиваюсь, как на это будут реагировать казаки.

Из глубины казачьей массы несется дружный возглас:

— Правильно!

На этот раз офицерство не рассчитало: оно в полном составе собралось в зале заседания комитета, предоставив решить этот вопрос самим казакам.

Перед дворцом в течение получаса происходят перевыборы комитета. Казаки просто избирали своих представителей: не голосуя, выкрикивали фамилии и тут же посылали в комитет.

Долго убеждаю новый комитет в необходимости немедленного ареста Керенского, заявляя, что двенадцатый час на исходе, что я отпущен моряками до определенного срока, после чего моряки начнут обстрел Гатчины и перейдут в наступление. Керенский вероятно был разбужен шумом возле самого дворца, — он помещался всего через одну комнату от зала заседания комитета (во все время моих переговоров с комитетом адъютант Керенского, приоткрыв дверь в зал заседания, подслушивал).

Что же делалось в это время в штабе 3-го конного корпуса генерала Краснова и низложенного правителя Керенского? В брошюре «Гатчина» Керенский эти моменты описывает так:

> «Около 10 час. утра меня внезапно будят. Совершенно неожиданное известие: казаки-парламентеры вернулись с матросской делегацией во главе с Дыбенко. Основное условие матросов — безусловная выдача Керенского в распоряжение большевистских властей. Казаки готовы принять это условие».

Получив такое сообщение, Керенский немедленно вызвал к себе генерала Краснова, чтобы выяснить, согласны ли на его арест сам Краснов и офицеры 3-го конного корпуса. Генерал Краснов описывает в своих письменных показаниях последнее свидание с Керенским следующим образом:

> «Около 15 час. (на самом деле — около $11^1/_2$ час , как это было доложено мне матросом Трушиным — *П. Д.*) 1 ноября меня потребовал верховный главнокомандующий (Керенский). Он был очень взволнован и нервен.
>
> — Генерал, — сказал он, — вы меня предали... Тут ваши казаки определенно говорят, что они меня арестуют и выдадут матросам...
>
> — Да, — отвечал я, — разговоры об этом идут, и я знаю, что сочувствия к вам нигде нет.
>
> — Но и офицеры говорят то же?
>
> — Да, офицеры особенно недовольны вами.
>
> — Что же мне делать? Приходится покончить с собой.
>
> — Если вы — честный человек, вы поедете сейчас в Петроград с белым флагом и явитесь в Революционный комитет, где переговорите как глава правительства.
>
> — Да, я это сделаю, генерал.
>
> — Я дам вам охрану и попрошу, чтобы с вами поехал матрос.
>
> — Нет, только не матрос. Вы знаете, что здесь Дыбенко?
>
> — Я не знаю, кто такой Дыбенко.
>
> — Это — мой враг.
>
> — Ну, что же делать? Раз ведете большую игру, то надо и ответ дать.
>
> — Да, только я уеду ночью.
>
> — Зачем? Это будет бегство. Поезжайте спокойно и открыто, чтобы все видели, что вы не бежите.
>
> — Да, хорошо. Только дайте мне конвой надежный.
>
> — Хорошо.
>
> Я пошел вызвать казака 10-го Донского казачьего полка Русакова и

приказал назначить 8 казаков для охранения верховного главнокомандующего.

Через полчаса пришли казаки и сказали, что Керенского нет, что он бежал. Я поднял тревогу и приказал его отыскать, полагая, что он не мог бежать из Гатчины и скрывается где-либо здесь же».

В то время, когда Керенский вел переговоры с генералом Красновым, мне еще долго пришлось убеждать комитет, чтобы дали согласие арестовать Керенского. [3]

Около $12^1/_2$ час. наконец мне удается склонить комитет арестовать Керенского. Вопрос ставится на голосование. В это время входит в зал дежурный офицер и читает телеграмму: «Из Луги отправлены 12 эшелонов ударников. К вечеру прибудут в Гатчину. Савинков».

Телеграмма вызвала среди казаков замешательство, нерешительность. Настроение стало колебаться. Мне предъявили контртребование: подписать договор, в котором казаки отказываются от вооруженной борьбы с нами, но с тем, чтобы их пропустили на Дон и Кубань с оружием в руках и чтобы в правительстве не было Ленина...

Нужно, с одной стороны, выиграть время для подхода отряда моряков, чтобы Гатчину захватить врасплох, с другой — без промедления, до прибытия ударников, арестовать Керенского.

Одинаково старался выиграть время очевидно и Краснов до подхода ударников. Для достижения своей цели, совершая «стратегический ход», я решаюсь подписать договор. Не казаки избирали Ленина, не они и будут его отстранять.

Договор подписан. Выносится единогласное постановление об аресте Керенского. Цель достигнута. Между тем Керенский, следивший за ходом переговоров, не нашел мужества в последний момент появиться среди казаков и заявить, что он готов погибнуть на своем посту, но не согласен с заключением позорного для казаков договора. Переодевшись, он позорно бежал, покидая введенных им в заблуждение казаков. Матрос Трушин, все время следивший за Керенским, поспешно сообщил:

— Керенский, переодевшись, прошел через двор. Пусть! Его бегство есть его политическая смерть.

Казаки, направившиеся арестовать Керенского, вернулись и доложили, что Керенский бежал. Возмущение бегством Керенского было громадно; казаки и юнкера тут же послали телеграмму:

«Всем, всем! Керенский позорно бежал, предательски бросив нас на произвол судьбы. Каждый, кто встретит его, где бы он ни появился, должен его арестовать как труса и предателя.

Казачий совет 3-го корпуса».

К моменту отправки телеграммы к казачьим заставам подходили Финляндский полк и отряд моряков. Заставы сообщили об их приближении. Я отдал распоряжение немедленно пропустить их. В этот момент в зал вбежал запыхавшийся Войтинский. Он потрясал телеграммами, полученными от Савинкова и из ставки, где сообщалось о приближении ударников. Всячески пытаясь изменить настроение казаков,

[3] Керенский в своей брошюре «Гатчина» пишет, что в это время, т. е. в 10 час. утра 1 ноября, дворец был наводнен казаками и матросами и возле его комнаты стоял смешанный караул также из казаков и матросов. На самом деле до 17 час. со мной был единственный матрос Трушин.

он убеждал их, что Керенский не бежал, что он выехал навстречу подходящим войскам. Но доверие к ставленникам Керенского уже было подорвано. В ответ на речь Войтинского его тут же арестовали (позднее Войтинский бежал при помощи юнкеров).

Вскоре после того в Гатчину вступили Финляндский полк и отряд моряков, а через 2 часа юнкера и казаки были обезоружены. Оставался еще генерал Краснов, — надо было и его арестовать. В $6^1/_2$ часов вечера вместе с командиром Финляндского полка мы вошли в кабинет Краснова. При нашем появлении высокий, седеющий, красивый, со строгим и спокойным выражением глаз, генерал Краснов поднялся нам навстречу.

— Генерал Краснов, именем Совета народных комиссаров вы и ваш адъютант арестованы.

К р а с н о в. Вы меня расстреляете?

— Нет. Мы вас немедленно отправим в Петроград.

К р а с н о в. Слушаюсь.

Тут же были арестованы и 2 адъютанта Керенского.

В эту же ночь несколько казачьих офицеров, напившись пьяными, пытались поднять восстание среди казаков и юнкеров, но были тут же расстреляны.

Для защиты Гатчины против приближающихся батальонов ударников имелось налицо не более 500 матросов, один батальон Волынского полка и около 150 человек красногвардейцев.

Я вместе с Сиверсом решили послать навстречу ударникам делегацию, предложив им сдаться.

В 8 час. утра 3 ноября эшелоны ударников подошли к Гатчине на расстояние 5 верст.

Я отправляюсь для переговоров с ними, а т. Сиверс с незначительным отрядом моряков занимает впереди Гатчины позиции и выставляет одну батарею.

Приближаюсь к ударникам во главе большого, но пустого эшелона, наскоро сформированного перед этим из пустых вагонов. На нашем паровозе несколько матросов с пулеметами. Не доходя с версту до ударников, останавливаю эшелон и иду к ударникам. Предлагаю им немедленно сдаться, грозя в противном случае открыть по их эшелонам артиллерийский огонь.

Ударники, числом до 3000, колеблются и, после кратких переговоров, переходят на нашу сторону. Лишь незначительная группа офицеров, отстреливаясь, пытается бежать, но их сами ударники рассеивают пулеметным огнем.

Через некоторое время ударники мирно вступают в Гатчину. Для ознакомления с событиями они посылают свою делегацию в Петроград к Владимиру Ильичу.

Безумная попытка Керенского вырвать власть из рук советов безвозвратно рухнула.

Своим позорным бегством Керенский бесславно закончил свой недолгий исторический путь.

Убегая, Керенский пытался в последний раз оповестить через эсеровскую газету о своем спасении от личной мести своего «злейшего врага» Дыбенко.

Но кто в эти минуты думал о личной мести по отношению к трусливому и жалкому «полководцу» без войск?

Мощными потрясающими ударами восставшего рабочего класса разрушались все устои буржуазного владычества. И именно от этих титанических усилий проснувшегося гиганта пришлось бежать самовлюбленному «трибуну», могущему противопоставить идущей буре классовой борьбы только жалкую трусость и ложь.

Политические мертвецы уходили со сцены, а Октябрьская революция ширилась и крепла.

Наступила первая как бы спокойная ночь после занятия Гатчины и разоружения юнкеров, ударников и казаков 3-го казачьего корпуса.

Только сутки тому назад ярко освещенный Гатчинский дворец, приютивший на час неудачника «полководца» без войск, теперь неясным, темным силуэтом тонул во мгле холодной осенней ночи. Слабо мерцавший свет электрических лампочек тусклыми желтыми пятнами освещал безлюдные улицы. Жизнь городка после только что пролетевшего шквала как будто замерла. Гатчинский дворец, где раньше задавались пиры, где скользили по ярко навощенному полу, отражавшему тысячи огней, изысканно одетые пары, где сильные мира сего вершили судьбы обездоленных масс, где безудержно процветала вакханалия, — спит, погруженный в темноту. Сегодня он занят теми, которые пришли из далеких необъятных просторов родной земли, которые на своих спинах вынесли всю тяжесть кабалы помещиков и фабрикантов и в сердцах которых выковывалась железная воля к победе, к торжеству рабочего класса. Эти бойцы, составившие отряды моряков, красногвардейцев и волынцев, еще вчера с безумной храбростью, со штыками наперевес, бросавшиеся на бронепоезд, отражавшие казачьи атаки, уничтожавшие последний оплот Временного правительства, сейчас спят безмятежным сном уставших от бессонных ночей и битв людей. Проснувшись, они снова будут готовы ринутья в бой, но на этот раз не с войсками трусливого «полководца» Керенского, а со всеми объединяющимися классовыми врагами, которые вместе со своими руководителями — белогвардейскими генералами группируются на Дону, Кубани, Тереке и пр.

Зажглась утренняя заря после первой безмятежно проведенной бойцами ночи. Осеннее солнце всеми цветами радуги играло на только что выпавшем пушистом снегу. Легкий морозный воздух звенел громкими свежими голосами отдохнувших за ночь бойцов, выстраивавшихся на площади перед Гатчинским дворцом. Красногвардейцы и моряки с радостными лицами и по-детски расплывающимися улыбками шутят, пускают остроты. Кажется, что если бы сейчас перед ними появился жалкий трус и подлый предатель Керенский, они бы не стали мстить ему как человеку. Наоборот, они вернее всего стали бы с любопытством его рассматривать, может быть даже пощупали бы его, чтобы понять этого человека, который с первых дней революции и до вчерашнего дня был у власти, обманывал солдат и моряков, являясь прислужником буржуазии, был ярым врагом передачи власти рабочим, крестьянам, солдатам и морякам.

Шутки и остроты кончены. Команда подана. Снова суровые, с пол-

ными отваги лицами, двинулись отряды на вокзал в эшелоны. Они спешат на помощь московским рабочим, они спешат туда, где нужна их помощь, где одним мощным ударом разметут контрреволюцию.

Ко мне, находившемуся вместе с Сиверсом на площади, подходит комендант и сообщает, что здесь в Гатчине находится кто-то из великих князей, как быть с ними? Пока около их дома выставлен караул. И никто из находящихся на площади моряков и красногвардейцев не бросился к дому с порывом мести, никто из них не загорелся страстным желанием тут же, сейчас же произвести расправу с одним из своих вековых тиранов. Наоборот, бывшего великого князя, кажется Кирилла Владимировича, и его жену охраняли красногвардейцы-путиловцы.

Я совместно с т. Сиверсом после поверки часовыми наших пропусков входим в дом.

Навстречу нам из-за портьеры выходит высокий, худощавый, несколько сгорбленный мужчина. Он весь дрожит, пытается что-то говорить, но взамен слов у него получается какое-то бессвязное бормотанье. На помощь ему приходит его жена, сохраняющая достаточное самообладание. Она холодными, умными глазами измеряет нас с головы до ног.

На вопрос, обращенный к вышедшему мужчине: «Вы будете князь?» она отвечает:

— Да, — и в свою очередь задает нам вопрос: — Вы нас арестуете и тотчас расстреляете? — Сказав это, она пытливо смотрит на нас, словно желая прочесть на наших лицах ответ на свои слова.

— Нет, мы вас арестуем и отправим в распоряжение правительства.

Через полчаса те же красногвардейцы и моряки, с полным спокойствием и выдержкой, конвоировали их в Петроград, ибо они понимали, что первыми октябрьскими победами далеко еще не исчерпана классовая борьба, они понимали, что неизмеримо бо́льшие задачи, чем расправа с этими жалкими обломками пережитого строя, стоят перед нами.

Контрреволюция организовывалась. Уже предвиделись многочисленные фронты.

Далекие, но незабытые картины борьбы и побед первых дней революции невольно встают в памяти. Они волнуют своим героизмом, я переживаю их так, как будто они были только вчера.

Среди рабочих-путиловцев, участвовавших в боях под Гатчиной и Красным Селом, было очень много молодежи.

Мое внимание привлекли два парня, из которых младшему едва ли минуло 16 и старшему 18 лет. Они были со своим отцом, крепким рабочим, в глазах которого светилась молодая энергия, не сломленная долгими годами тяжелого труда и лишений.

Невольно заинтересовавшись тем, что толкнуло старика-отца подвергнуть смертельной опасности своих сыновей, я задал ему вопрос:

— Зачем ты взял с собой ребят?

— Пусть учатся, как надо уничтожать издевавшуюся над нами буржуазию, — был его ответ, сопровождаемый суровым блеском вдруг ставших холодными глаз.

После ликвидации Гатчины возвращаюсь в Петроград. Быстро наступает осенний вечер. Петроград в вечерней мгле, окутанный серым туманом, кажется пустынным и мертвым. На улицах, несмотря на ранний час, тишина. Жизнь замерла. Автомобиль с легким шелестом резиновых шин режет простор безлюдных улиц. Встречаются патрули, отдельные часовые греются у разложенных на улицах костров. Но не только в вечерние часы был пустынен и необычен Петроград в первые дни Октября. И днем он не имел того своего типичного лица, к которому все так привыкли. На улицах не видно было самодовольного, с вылощенным лицом, крупного чиновника, с олимпийским спокойствием направлявшегося в свое министерство. Не видно было и скромных канцеляристов, мелкой трусцой спешащих занять свои столы в 1001-м делопроизводстве бесчисленных департаментов. Курьеры не проносили по улицам огромных казенных портфелей, набитых сотнями отношений, отзывов, докладов, записок и прочего бумажного творчества, посылаемого из одного учреждения в другое. Не неслись развинченной походкой от бесконечной ходьбы почтальоны, разносящие деловые, коммерческие и всякие другие письма, ибо почта и телеграф бездействовали, как бездействовали все правительственные учреждения.

Саботаж вчерашних хозяев положения царил всюду. Чиновники и вся интеллигенция (за самым ничтожным исключением) к нам не пришли, они не захотели притти на помощь рабочему, матросу и солдату в их строительстве новой жизни. Все учреждения были пусты. По бесчисленным комнатам и коридорам канцелярий гулко раздавался каждый шаг. Пыль оседала на папках старых дел, словно хороня и предавая забвению «творения великих государственных мужей», принесших столько страданий обездоленному, закрепощенному люду.

На смену этим «мужам», искушенным в делах царского и буржуазного правительства, в деле защиты дворянского буржуазного режима, воодушевленные идеей пролетарской и невиданной в мире революции, перестраивая на ходу, многое создавая заново, они формировали новые аппараты управления, как органы советской власти.

Крепко веря в себя, в силы своего класса и руководство партии большевиков и в свою правоту, рабочие без страха взяли аппарат управления государством в свои руки.

Часть моряков-балтийцев ушла работать в комиссариат по морским делам. Другая часть уходила на фронты доканчивать борьбу с контрреволюцией, которая с каждым днем организовывалась и крепла вокруг будущих своих столпов — Корнилова, Дутова, Каледина и др.

Моряки не только сумели восстановить пульс биения жизни морского комиссариата, но они помогли своими силами и другим ведомствам, где саботаж старых работников был направлен к тому, чтобы прервать жизнь всех нервных центров страны и тем убить революцию.

Народные комиссариаты: иностранных дел, социального обеспечения, путей сообщения и др., все обращались за помощью к морякам и просили дать людей для работы.

Яркой картиной того, как протекала работа центральных правительственных органов, мог служить комиссариат собеса. Там даже

спустя две недели после Октябрьского переворота работали только три человека: тт. Коллонтай, Егоров и бывший курьер. Ими тремя ограничивались все силы этого органа.

Вспоминается телефонный звонок ко мне т. Менжинского (я тогда возглавлял комиссариат по морским делам) с просьбой дать ему вооруженный отряд моряков-красногвардейцев, чтобы занять Государственный банк и по постановлению Совета народных комиссаров вступить в распоряжение государственными деньгами. Отряд был дан. Все чиновничество, в том числе и банка, и почтово-телеграфного ведомства, и транспорта (последние при поддержке Викжеля), старались всеми мерами всячески подорвать работу советской власти.

Их упорное сопротивление однако разбивалось об энергию рабочих и моряков-балтийцев, с настойчивою решимостью проводивших укрепление государственного аппарата, его работоспособность.

В общем ряду правительственных учреждений было одно, которому советская власть предоставляла полное право самого злостного саботажа, полную возможность отказаться от всякой работы, — это учреждение было святейший синод. Однако и последний свое положение использовал на борьбу против власти рабочих и крестьян. Иногда методы его борьбы были прямо-таки смехотворны. Так, например, он постановил предать анафеме большевиков, пророчествовал, проклинал и юродствовал. Анафему провозглашали и «вкупе» и «единолично». Так, например, «персональной анафеме» были преданы я и Коллонтай.

Обращать внимание на анафему было некогда, а на то продовольствие, которое эшелонами скрывалось монахами в Александро-невской лавре, пришлось обратить внимание и послать отряд моряков под командой т. Мясникова (впоследствии павшего от руки белогвардейца при переезде правительства в Москву), который с успехом и быстро направил запрятанное продовольствие на фронт, где испытывался голод.

Время шло, ширились фронты борьбы. Жизнь на заводах замирала. Рабочие уходили на передовые линии отстаивать завоевания Октября.

В те дни не только никто не мечтал о новых заводах-гигантах, которые мы создаем теперь, но и о той могучей деятельности наших старых заводов, которую мы наблюдаем сейчас.

Малодушные не верили в победу рабочего класса, руководимого партией большевиков.

В ноябре 1917 г. на одном из заседаний Совета народных комиссаров, происходившем в одной из маленьких боковых комнаток Смольного, едва вмещавших всех комиссаров, с раздражением и горячностью приводились доказательства невозможности удержать власть без помощи предателей-меньшевиков. Среди большевиков нашлись люди, которые не верили в творческие силы рабочего класса, они призывали к капитуляции.

Ильич со спокойной уверенностью выслушивал этих панически настроенных людей. Ироническая улыбка блуждала на его выразительном лице и он только подгонял говоривших замечаниями:

— Ну, дальше, дальше... Все?

Когда весь запас доказательств был приводившими их исчерпан, Владимир Ильич поднялся и сказал:

— Вы испугались революции? Вы боитесь, что не удержите ее? Рабочие, солдаты и матросы начали ее, они ее и удержат и расширят. Я предпочитаю остаться с двадцатью стойкими рабочими и матросами, чем с тысячей мягкотелых интеллигентов.

После этих слов он быстро покинул комнату. Воцарилась мертвая тишина. Недоумение и беспокойство отразились на лицах.

На другой день вся страна Советов и весь мир знали, что победила непреклонная воля Ильича.

Ильич безошибочно предвидел историческое будущее великого Октября.

Л. Быстрова

БОРЬБА ЗА УКРЕПЛЕНИЕ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

ПЕРВЫЕ ШАГИ ДИКТАТУРЫ ПРОЛЕТАРИАТА

На другой же день после Октябрьской победы перед пролетариатом, взявшим власть в свои руки, и его авангардом — партией большевиков, возглавившей новое правительство, встали задачи неслыханной трудности. Нужно было разбить старую буржуазную машину государственного управления и построить новую, пролетарскую, организовать рабочий контроль над производством, национализировать банки, чтобы, преодолев страшный голод и разруху всего народного хозяйства, беспрерывно и упорно искореняя самые основы экономического господства буржуазии, начать социалистическое преобразование страны. В первую очередь нужно было укрепить власть советов, распространить ее по всей территории громадной страны, сломить бешеное сопротивление капиталистов и помещиков, разгромить кулачество, нейтрализовать среднее крестьянство, вырвать последние корни влияния мелкобуржуазных партий и т. д., дать землю крестьянам и немедленно заключить мир.

Уже первые декреты советской власти обеспечили ей горячее сочувствие и поддержку самых широких масс трудящихся. Страна была измучена бесконечной войной. Оборванная, полуголодная армия с ужасом ждала новой зимней кампании и готова была бросить окопы и ринуться в тыл. Вопрос о мире и земле стоял так остро, что даже совет Республики (пресловутый предпарламент) 24 октября под непосредственной угрозой восстания вынужден был принять резолюцию с предложением Временному правительству издать закон о земле и предложить союзникам мирные переговоры. Но было уже слишком поздно. Это вынужденное, нерешительное обещание уже не могло обмануть массы. 8-месячный опыт коалиций достаточно убедил их, что только советская власть и большевики могут дать мир и землю, что, не порвав с соглашателями, не свергнув буржуазию внутри страны, невозможно добиться и мира. Декрет о мире, принятый на II съезде советов, обеспечивал большевикам поддержку всего народа за исключением кучки капиталистов и их сторонников.

Одновременно было решено опубликовать все тайные договоры царского и Временного правительств, чтобы вскрыть грабительские цели войны и доказать народам, что Советское правительство решительно порывает с империалистической политикой. Советская власть установила совершенно неслыханные для буржуазного мира способы

дипломатических сношений с иностранными государствами — полная ясность и отсутствие дипломатической тайны. В первую советскую (мирную) делегацию на ряду с Караханом и Сокольниковым вошли: рабочий Обухов, крестьяне Столиков и Романов, матрос Олич и солдат Беляков.

Целый ряд декретов полностью и навсегда покончил с национальным угнетением. 2 ноября было провозглашено «право народов на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных государств». 18 декабря признана независимость Финляндии, 23-го — Украины. Во второй половине декабря Совнарком обратился ко всем мусульманам России и Востока с извещением, что тайные договоры свергнутого царя о захвате Константинополя, подтвержденные Керенским, ныне порваны и уничтожены. Республиканская Россия и ее правительство—СНК против захвата чужих земель. Народы Востока извещались, что договор о разделе Персии тоже «порван и уничтожен», как и договор о разделе Турции. Этот декрет имел громаднейшее всемирно-историческое значение в деле завоевания симпатий народов Востока на сторону советской власти и сильно обеспокоил империалистические государства, которые получили от победы пролетариата в России страшно тяжелый удар.

Так одним ударом было уничтожено вековое неравенство национальностей, носившее в старой России особенно дикие и подлые формы, и была положена основа новых отношений между народами, населяющими страну, отношений, основанных на полном равенстве и добровольном союзе.

Рядом декретов были положены основы социалистического производства и планомерного руководства всей хозяйственной жизнью страны. Декрет о рабочем контроле (14 ноября) установил, что «решения рабочего контроля обязательны для владельцев предприятий». В стране была страшная разруха, и война еще не кончилась. У рабочего класса еще не было опыта в управлении. Необходимые технические силы — специалисты всякого рода — саботировали. Первые шаги советской власти в отношении овладения производством отличались поэтому осторожностью. Рабочий контроль над производством вызвал такой бешеный саботаж предпринимателей, умышленно тормозивших и разрушавших производство, что очень скоро был заменен национализацией, на первых шагах применявшейся как репрессия в отношении особенно злостно саботировавших предпринимателей. В Петрограде первыми были национализированы Путиловский завод, Семянниковский, Сестрорецкий, электрические предприятия — «Общество 1886 г.» и «Электропередача». Последние были конфискованы в виду их общегосударственного значения.

Положением о Высшем совете народного хозяйства (принято 1 декабря 1917 г. и опубликовано 5 декабря) было положено начало планового государственного регулирования всей промышленности. ВСНХ было предоставлено право «конфискации, реквизиции, секвестра, принудительного синдицирования различных отраслей промышленности и торговли и прочих мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов».

Декретом о национализации банков был нанесен удар и по самой

основе могущества буржуазии, ее самому жизненному нерву — банкам и вложенным в них капиталам. После Октября переходной мерой было введение контроля над деятельностью банков. Но с помощью саботажников-чиновников громадные суммы, не менее 300—350 млн., ежемесячно уплывали из банков и на саботаж, и на выдачу вкладов собственникам, и на контрреволюционные цели, и контрреволюционным газетам и т. д. Контроль был явно недостаточен. 14 декабря 1917 г. был принят и 17 декабря проведен в жизнь в Петрограде декрет о национализации банков и объединении всех частных банков в один Государственный. Все сейфы и кладовые банков были опечатаны. В банки была введена военная охрана. Владельцам капиталов было разрешено брать только по 250 руб. в месяц. Буржуазия не ожидала таких решительных действий и не успела вынуть все свои вклады. Национализация банков подорвала самые корни власти капитала в СССР и нанесла громадный удар капиталу международному, который был тесно связан с русским.

Декрет о печати передавал в руки трудящихся типографии и запасы бумаги буржуазных газет. 1 ноября была установлена государственная монополия на объявления в газетах. В первые же дни октября были изданы декреты о 8-часовом рабочем дне (29 октября), о государственном страховании рабочих, об охране труда, об ограничении труда женщин и детей, о рабочей милиции и т. д. и т. п.

28 октября права городских самоуправлений были значительно расширены. Им было предоставлено право конфисковать, реквизировать и секвестровать в свою пользу излишнюю площадь частных помещений, а также принадлежащие частным лицам или учреждениям склады продуктов, аппараты, орудия, транспортные средства, склады и пр., «секвестровать в свою пользу всякое, находящееся в черте города торговое или промышленное заведение или предприятие». Городское самоуправление имеет право на основании утвержденных им правил и норм вселять в имеющиеся жилые помещения граждан, нуждающихся в помещении или живущих в перенаселенных или опасных для здоровья квартирах. [1]

Расширение прав органов самоуправления в жилищном вопросе положило конец наглому произволу домохозяев, наживавшихся на неимоверном повышении квартирной платы и безжалостно выкидывавших на мороз рабочие семьи. Началось вселение рабочих из подвалов в буржуазные квартиры.

17 ноября был издан декрет о реквизиции у богатых классов по одному теплому одеялу и по одной теплой вещи (полушубок, куртка, валенки, рукавицы и т. п. с каждой богатой квартиры) для солдат на фронте. Началась решительная борьба со спекуляцией и т. д. и т. д.

С первых же шагов советской власти был разрушен старый буржуазный суд — это «слепое и тонкое орудие беспощадного подавления эксплоатируемых, отстаивающее интересы денежного мешка», как охарактеризовал его Ленин,[2] и было положено начало новым пролетар-

[1] Декрет был опубликован 12 октября 1917 г.
[2] Речь на III съезде советов (*Ленин*. Соч., т. XII, стр. 212), изд. 2-е.

ским народным судам. [3] Были сделаны первые шаги к всеобщему вооружению народа и организации социалистической Красной армии.

«Когда начатая нами работа будет закончена, — говорил Ленин на III съезде советов, — советская власть будет непобедима».

Каждый почти день какой-нибудь новый декрет предоставлял новые права трудящимся, улучшая их положение, подрывая самые основы капиталистического господства, устанавливая новые отношения.

Конечно не все декреты советская власть могла осуществить немедленно. Для проведения в жизнь многих из них нужно было сначала преодолеть разруху, вызванную войной, и добиться развития производительных сил, вытекающего из эпохи диктатуры пролетариата.

«Нельзя декретировать социализм, — говорил Ленин, — и преподнести его массам готовеньким, вполне законченным. Сами массы своей повседневной борьбой, своей готовностью к преодолению всяческих трудностей, иногда и лишений, ради достижения конечной цели приближают свое полное освобождение.

«Чтобы стать господствующим классом и окончательно победить буржуазию, пролетариат должен *научиться* [4] этому, ибо сразу ему неоткуда взять такое уменье. А научиться надо в борьбе. А учит только серьезная, упорная, отчаянная борьба. Чем более крайним является сопротивление эксплуататоров, тем энергичнее, тверже, беспощаднее, успешнее будет подавление их эксплуатируемыми. Чем разнообразнее будут попытки и потуги эксплуататоров отстоять старое, тем скорее обучится пролетариат выгонять своих классовых врагов из их последних закоулков, подрывать корни их господства, устранять самую почву, на которой наемное рабство, нищета масс, нажива и наглость денежного мешка могли (и должны были) произрастать...

«Победа будет на стороне эксплуатируемых, ибо за них жизнь, за них сила числа, сила массы, сила неисчерпаемых источников всего самоотверженного, идейного, честного, рвущегося вперед, просыпающегося к строительству нового, всего гигантского запаса энергии и талантов так называемого «простонародья», рабочих и крестьян. За ними победа» [5].

Октябрьская революция мимоходом, как побочный продукт своей *основной* социалистической работы, в самый короткий срок начисто уничтожила также все остатки средневековья и этим завершила то, что не могла сделать революция буржуазно-демократическая. Только пролетарская революция могла завершить ее задачи и это было чрезвычайно важно для победоносного исхода социалистической революции.

Эсеры и меньшевики все 8 месяцев не смели даже прикоснуться к привилегиям крепостников-помещиков, «благородного» дворян-

---

[3] Декрет Совета народных комиссаров о пролетарских выборных судах от 24 ноября 1917 г. Тогда же для борьбы с контрреволюцией были созданы революционные трибуналы. 20 декабря была организована ВЧК.

[4] Подчеркнуто у Ленина.

[5] *Ленин.* Соч., т. XXII, стр. 157, изд. 2-е.

ского сословия и их поместьям, не провели даже закона об уничтожении монархии. Россия до самого Октября не была провозглашена республикой. Попрежнему действовал царский свод законов в судопроизводстве. Даже комиссия по приему прошений «на высочайшее имя» преблагополучно продолжала существовать. Неравноправие женщин в семье, браке, в общественной жизни, национальное неравенство, привилегии православного духовенства и православной религии, чины, ордена, высокие оклады и пенсии бывшим царским сановникам и т. д. и т. д. — все это оставалось в полной неприкосновенности.

Октябрьская пролетарская революция в самый короткий срок с корнем вырвала все остатки средневековья и произвела такую основательную чистку всей этой вековой плесени и гнили, какой не производила еще ни одна буржуазно-демократическая революция. Социалистическая революция «походя и мимоходом» решила вопросы буржуазно-демократической революции и закрепила ее дело.

Сословия и всякие сословные национальные и религиозные ограничения были отменены 10 (23) ноября. Все гражданские чины, ордена, привилегии были разом уничтожены без остатка.

31 октября (13 ноября) постановлением о волостных земельных комитетах на них возлагались:

«скорейшая и окончательная ликвидация всех пережитков крепостного строя, сохранившихся в деревне, полное уничтожение всех кабальных отношений, как-то: испольщины, отработочной системы, натуральной аренды и пр.».

Уничтожено было полностью и особенно гнусное и лицемерное неравенство женщины в браке и в отношении к ребенку, родившемуся вне брака, — 20 декабря был издан декрет о гражданском браке и об уравнении в правах брачных и внебрачных детей. В дальнейшем советская власть начала принимать целый ряд мер, чтобы освободить женщину и от экономического и домашнего рабства и вовлечь ее в управление государством.

29 декабря была опубликована декларация Наркомпроса, устанавливающая единую светскую школу, всеобщее обязательное бесплатное обучение, школы для взрослых, помощь народным массам в их стремлении к образованию, к ликвидации неграмотности в кратчайший срок и т. д. 1 января было запрещено преподавание каких бы то ни было вероучений во всех без исключения школах. Пролетарская железная метла принялась энергично чистить школы от всех архаических пережитков.

20 января 1918 г. был выпущен декрет о свободе совести. Духовенство было лишено казенных субсидий и изгнано из школ, больниц и армии.

В армии была произведена решительная демократизация. Смертная казнь, введенная Керенским, отменена. Немедленно же были освобождены солдаты, томившиеся в тюрьмах за так называемые политические преступления. Из Двинской тюрьмы было освобождено 800 человек, из Минской — около 6000, в Киеве — 535 подследственных солдат-большевиков и т. д. и т. д.

«За какие-нибудь 10 недель, — говорил Ленин, — начиная с 25 октября (7 ноября) 1917 г. до разгона Учредилки (5 января 1918 г.), мы сделали в этой области в тысячу раз больше, чем *за восемь месяцев* [6] своей власти сделали буржуазные демократы и либералы (кадеты) и мелкобуржуазные демократы (меньшевики и эсеры)...

Они только махали картонным мечом и даже монархии не уничтожали, мы выкинули вон всю монархическую нечисть, как никто, как никогда. Мы не оставили камня на камне, кирпича на кирпиче в вековом здании сословности». [7]

Завершение пролетарской революцией походя и мимоходом буржуазно-демократической революции, особенно уничтожение помещичьего землевладения и привилегий дворянского сословия и дальнейшая правильная тактика в отношении крестьянства решили важнейший вопрос пролетарской революции — за кем пойдет трудящаяся крестьянская масса — за буржуазией или за пролетариатом, по пути капиталистического развития или социалистического.

ДВА МИРА

Этот первый период советской власти справедливо назван Лениным «триумфальным шествием революции». Каждый день приносил весть о новой победе диктатуры пролетариата. Город за городом, уезд за уездом, губерния за губернией провозглашали власть советов.

Широчайшие массы рабочих и крестьян из первых же декретов Октября убедились, что новая власть — их собственная власть, власть трудящихся и угнетенных и осуществляет их самые заветные чаянья и надежды.

«Победа этой советской власти, товарищи, — говорил Ленин на III съезде советов, — достигается тем, что с самого начала она стала осуществлять исконные заветы социализма, последовательно и решительно опираясь на массы, считая своей задачей самые забитые слои общества пробудить к живой жизни, поднять к социалистическому творчеству». [8]

Рабочим декреты Октября несли освобождение от ига капитала, и с беззаветным героизмом и энтузиазмом они дрались в рядах Красной гвардии за свою социалистическую революцию. Крестьянству нужны были мир и земля. Помещичья кабала и малоземелье и война довели его до полного разорения. Февральская революция оживила его надежды. Партия эсеров, больше всего болтавшая о земле и воле, в первый период после февраля имела и в деревне и среди солдат шумную популярность. Однако и от селянского министра — самого В. М. Чернова — крестьяне получили только разгоны земельных комитетов, карательные экспедиции да ничего не стоящие обещания Учредительного собрания, которое когда-то соберется и все рассудит. До Учредительного собрания землю брать запрещалось. Учредительное собрание откладывалось до окончания войны. Окончание войны — до победного конца. А для победного конца нужно было снова итти в наступление и получить... три аршина земли где-нибудь на Стоходе или у Калиша.

[6] Подчеркнуто Лениным.

[7] *Ленин*. К четырехлетней годовщине Октябрьской революции. Соч., т. XXVII, стр. 25, изд. 2-е.

[8] Там же, стр. 211.

Победа пролетарской революции сразу дала крестьянству землю, возглавила борьбу крестьянства против помещиков и осуществила то сочетание пролетарской революции с крестьянской войной, о которой говорил еще Маркс.

«Конфискация всей частновладельческой земли, — говорил Ленин, — означает конфискацию сотен миллионов капитала банков, в которых эти земли большей частью заложены. Разве мыслима такая мера без того, чтобы революционный класс революционными мерами сломил сопротивление капиталистов? При этом речь идет о наиболее централизованном банковском капитале, который миллиардами нитей связан со всеми важнейшими центрами капиталистического хозяйства громадной страны и который может быть побежден не менее централизованной силой городского пролетариата». [9]

Первым же шагом победившего пролетариата была передача земли крестьянам, чем был закреплен тесный союз пролетариата с крестьянством.

«Сначала положение было таково, — говорил Ленин, — что мы видели напор всего крестьянства против власти помещиков. Против помещиков шли одинаково и бедняки и кулаки, хотя конечно с разными намерениями: кулаки шли с целью отобрать землю у помещиков и развить на ней свое хозяйство. Вот тогда и обнаружились между кулаками и беднотой различные интересы и стремления... Беднота непосредственно этот переход земли от помещиков могла использовать очень мало, ибо у нее не было для этого ни материалов, ни орудий. И вот мы видим, что беднота организуется, чтобы не дать кулакам захватить землю». [10]

Десятки миллионов десятин помещичьей земли получило крестьянство без всякого выкупа. Крестьяне перестали платить до полумиллиарда арендной платы. Революция освободила и отрубников и хуторян от уплаты громадных долгов крестьянскому банку и все крестьянство от непомерно тяжелых налогов и недоимок. Громадное количество помещичьего инвентаря перешло также в руки крестьянства. Декрет о земле помог большевикам завоевать крестьянство в течение нескольких недель, организовать самые отсталые слои деревенской бедноты под лозунгами пролетарской революции и подготовить тем самым условия для разгрома кулачества.

В момент Октябрьского восстания Центральный исполнительный комитет советов крестьянских депутатов был правоэсеровским. Он вел борьбу с большевиками от имени всего крестьянства, требовал образования однородного социалистического правительства без большевиков и всячески противился созыву II съезда крестьянских депутатов. Но уже 3 (16) ноября в самом Исполкоме произошел раскол, и половина его членов отошла к левым эсерам. Председателю ЦИК советов крестьянских депутатов пришлось назначить съезд на 30 ноября (13 декабря). Правые эсеры попытались созвать его в Могилеве, где они в это время стряпали «социалистическое» правительство. Но съехавшиеся делегаты ехать туда не пожелали.

10 (23) ноября крестьянский съезд пришлось открыть под давлением делегатов левых эсеров и большевиков. Правые эсеры несколько раз уходили со съезда и в конце концов откололись. А съезд заслушал

[9] *Ленин.* Соч., т. XIV, ч. 2, стр. 79, изд. 1-е.
[10] *Ленин.* «О продналоге», Соч., т. XVIII, ч. 1, стр. 196, изд. 1-е.

доклад Ленина (14 ноября), в конце которого он предложил признать, что

> «осуществление полностью всех мероприятий, составляющих закон о земле, возможно только при успехе начавшейся 25 октября рабочей социалистической революции, ибо только социалистическая революция в состоянии обеспечить безвозмездный переход земли к трудовому крестьянству... Необходимым условием победы социалистической революции является полный союз трудового, эксплуатируемого и трудящегося крестьянства с рабочим классом — пролетариатом — во всех передовых странах. Такой союз... один лишь обеспечит победу социализма во всем мире». [11]

Заслушав еще ряд приветствий: от Красной гвардии, от социалистической партии Америки и от ВЦИК (т. Свердлова), предложившего слить оба ЦИК, съезд со знаменами отправился в Смольный, где был торжественно встречен Красной гвардией.

15 (28) ноября было заключено соглашение с левоэсеровским президиумом крестьянского съезда и Викжелем. ЦИК пополнился 108 представителями от крестьянского съезда, 100 — от армии и флота и 50 — от профессиональных объединений. В основу соглашения были положены декреты II съезда советов и декреты, выпущенные советской властью. На торжественном совместном заседании ВЦИК, чрезвычайного крестьянского съезда и Петроградского совета законы о земле, о рабочем контроле были торжественно подтверждены.

Трудно передать громадный энтузиазм, который охватил это объединенное собрание. Один старик крестьянин, приветствуя собрание, заявил, что он, идя на это собрание, где закрепился союз всех трудящихся, летел как на крыльях.

Декрет о земле сразу же тесно спаял широкие массы крестьянства с советской властью.

С первых же дней Октябрьской революции в Смольном появились ходоки-крестьяне, требующие ответа и разъяснения, как им быть с землей и помещиками. Весь аппарат Совнаркома состоял тогда из 2—3 человек. Владимир Ильич сначала лично принимал этих ходоков, расспрашивал их о настроении деревни, давал указания и т. д. Крестьяне уходили от него в восторге.

Но очень скоро выяснилось, что невозможно самому Ленину принимать эти бесчисленные делегации крестьян. Ленин написал ответ ходокам, который стали раздавать им на руки. Интересно, что у Совнаркома в этот момент не было даже собственной машинистки. Тов. Горбунов, тогдашний секретарь Совнаркома, сам кое-как размножал ответ на машинке.

> «Власть в государстве перешла отныне всецело в руки советов рабочих солдатских и крестьянских депутатов,—говорилось в ответе.—... Помещичья собственность на землю II Всероссийским съездом советов *отменяется*... Все помещичьи земли полностью и целиком поступают в руки советов крестьянских депутатов». [12]

Дальше подчеркивалась необходимость учета, полного порядка, сохранения бывшего помещичьего имущества, которое стало общена-

---

[11] *Ленин*. Соч., т. XXII, стр. 83, изд. 2-е.
[12] Там же, т. XII, стр. 52 — 53.

родным достоянием, и что постановления местных органов советской власти являются з а к о н о м.

> «Совет народных комиссаров призывает крестьян самих брать всю власть на местах в свои руки. Рабочие полностью, всецело и всемерно поддержат крестьян, наладят производство машин и орудий и просят крестьян помочь подвозом хлеба». [13]

Завершив мимоходом буржуазно-демократические преобразования, пролетариат обеспечил себе, как отмечал т. Сталин, временную и условную поддержку в борьбе с помещиками всего крестьянства, облегчил себе нейтрализацию середняков в борьбе за пролетарскую диктатуру. Но декрет о земле не вносил «успокоения» в деревне: уничтожая помещичью эксплоатацию, он открывал широкую дорогу для развития классовой борьбы в крестьянстве. Организуя бедноту, этот оплот социалистической революции в деревне, нейтрализуя середняков, пролетариат подготовил условия для разгрома кулачества, для подъема революции в деревне на высшую ступень.

Меньшевики, эсеры, кадеты сначала просто не верили, что большевики смогут провести постановление советской власти в жизнь. Деятельность Совета народных комиссаров, выпускавшего декрет за декретом, они называли «декретоманией», а сами декреты — «агитками», «бумажками», «заборными декретами».

Чернов, издеваясь над декретами большевиков, говорил на конференции эсеров:

> «Что же такое декреты большевиков, сыплющиеся на страну, словно из рога изобилия? Законы? Нет, товарищи, это обычные митинговые резолюции, по недоразумению претендующие на законодательный характер».

Однако очень скоро всем врагам советской власти на собственном горьком опыте пришлось убедиться, что эти «митинговые резолюции» имеют силу самого настоящего закона и неуклонно проводятся в жизнь.

Декреты действовали лучше всяких агитаторов. Везде, куда они проникали, они помогали организации вокруг пролетариата и его партии трудящихся масс для решительной, не на жизнь, а на смерть, борьбы за власть советов. Это были снаряды громадной разрушительной силы, штурмовавшие старый мир. Они ясно показывали массам классовый характер новой власти, что эта энергичная, твердая, крепкая, действенная, суровая к врагам революции, есть их собственная подлинно пролетарская власть.

Тысячи агитаторов-большевиков понесли эти декреты в провинцию, по городам и деревням, — часто пешком по проселочным дорогам. Эти агитаторы—рабочие, работницы, солдаты с фронта, полуграмотные, голодные, бедно одетые, часто еще слабо разбирались в программе и тактике партии.

Но их простая агитация за контроль над производством, за землю, за мир, за власть советов была понятна массам и вызывала их горячее сочувствие. Великолепные ораторы в белых манишках — эсеры и меньшевики — ничего не могли противопоставить ей, кроме пресло-

---

[13] *Ленин*. Соч., т. XII, стр. 52—53, изд. 2-е.

вутого Учредительного собрания, до созыва которого надо погодить с проведением необходимейших и насущнейших для трудящихся масс мероприятий.

Декрет о земле и о мире переходил в деревне из рук в руки, весь замусоливался, зачитывался до дыр. По этому декрету советской власти крестьяне выгоняли помещиков из их насиженных дворянских гнезд, делили землю, и в деревне водворялась власть советов.

Эсеры и меньшевики, еще вчера мнившие себя выразителями мнения всех живых сил демократии, еще так недавно имевшие на своей стороне большинство, с головокружительной быстротой теряли последние остатки влияния в массах.

У меньшевиков в деревне абсолютно не было сторонников. В промышленных центрах из рабочей верхушки за ними продолжали итти только ничтожнейшие группки и часть мелкобуржуазной интеллигенции. Даже меньшевистски настроенное собрание в Петрограде категорически отказывалось, например, включить в избирательные списки в Учредительное собрание Церетели. Меньшевика Ермanского в Псковской губернии в первый раз встретили хорошо. А всего через $1^1/_2$ недели, когда он отправился агитировать за Учредительное собрание против советов, он мог уйти с собрания только под охраной части своих сторонников, так «пылко» солдаты поддерживали его оппонента—большевика.

Эсеры сами должны были признать провал своего влияния среди солдатских масс. Эсер Утгоф жаловался в эсеровском журнале «За народ», что на его доклад об Учредительном собрании в Бутырском полку пришло мало народу. Председатель крестьянской секции сказал: «Вот если бы вы не об Учредительном собрании говорили, а о мире, то народу было бы много». Так было во всех полках. В одном полку сам председатель эсеровского комитета заявил, что «солдат ничто не интересует, кроме мира». Самому Утгофу из его поездки по фронту пришлось сделать вывод: «Две вещи не будут слушать ни в коем случае: это проповедь продолжения войны и защиту Керенского».

«Авксентьеву так и не удалось убедить эсеров-солдат на юго-западном фронте, где влияние большевиков было сравнительно слабым, что им нельзя отстаивать лозунг: «Вся власть советам». [14]

Победа пролетариата в Петрограде и в Москве обеспечивала переход власти в руки советов и в провинции. Саботаж почты и телеграфа задержал переход власти в руки советов в некоторых местах, отдаленных от центров. Сначала советская власть победила в промышленных центрах, где были сильные организации большевиков, готовившиеся к восстанию по указанию ЦК. Там переход власти в руки советов совершился легко. Известие о свержении Временного правительства в Петрограде принималось с непередаваемым энтузиазмом. Сейчас же большевистские организации принимали меры по мобилизации сил революции и созданию органов диктатуры пролетариата, организовывались военно-революционные комитеты и т. д. В крупных

---

[14] *Н. Рубинштейн.* К истории Учредительного собрания, стр. 52, Гиз, 1931 г.

торговых центрах, где на ряду с многочисленным пролетариатом были значительные силы и у буржуазии, например в Москве, борьба принимала острый, иногда кровавый характер. Там, где силы пролетариата были очень слабы и преобладали мелкобуржуазные элементы даже в советах, борьба сильно затянулась.

Но везде революция побеждала.

В деревнях, там, где классовая борьба между беднотой и кулаками еще не развернулась в полной мере, крестьяне брали землю стихийно, неорганизованно. Но и здесь переход земли в руки крестьян и необходимость удержать ее и быстро обостряющиеся классовые противоречия ускоряли организацию бедноты и советской власти. Там, где беднота была уже организована или вследствие близости к промышленным центрам было сильно влияние промышленных рабочих, декрет о земле осуществлялся планомерно, и беднота сразу же начинала борьбу за власть. Возникали военно-революционные комитеты, отряды Красной гвардии и т. д.

> «Советы»—форма демократизма, не имеющая себе равной ни в одной из стран, — говорил Ленин.
>
> «Кто борется против помещиков, идет в советы? Советы обнимают всякого и каждого, кто не желает бездействовать и идет по пути творческой работы. Они покрыли сетью всю страну, и чем гуще будет эта сеть народных советов, тем менее будет возможность эксплуатации представителей трудового народа, ибо существование советов несовместимо с процветанием буржуазного строя». [15]

Декреты Октября сыграли громадную роль в мобилизации сил революции. Сами трудящиеся массы под руководством партии большевиков принялись, засучив рукава, рубить лес и корчевать пни помещичьей и капиталистической эксплоатации, преодолевая бешеное сопротивление буржуазии и ее подголосков.

Крепкая рука пролетарской диктатуры сразу же взяла буржуазию за горло. Представители имущих классов все поставили на карту, ибо это для них был последний и решительный бой с пролетариатом.

Против большевиков объединились все контрреволюционные силы. Дворяне-помещики, высшие царские бюрократы, черносотенное духовенство, генералы, офицеры, буржуазия, эсеры и меньшевики — все оказались в одном лагере. Между кадетами и монархистами стерлась последняя грань. Идеологи мелкой буржуазии и интеллигенции — партии эсеров и меньшевиков—открыто перешли на ту сторону баррикады. 8 месяцев они поддерживали буржуазию и пришли в бешенство, когда пролетариат сам взял власть в свои руки.

Эсеры и меньшевики были послушным орудием в руках капиталистов. Буржуазии была нужна эта «необходимая ступенька назад к капитализму», как назвал Ленин эсеровщину и меньшевизм. Сам Милюков, лидер кадетов, признал, что поскольку эти «социалистические партии желают взять на себя труд борьбы с большевиками, им «честь и место».

---

[15] *Ленин*. Речь о роспуске Учредительного собрания на заседании ВЦИК 6 января 1918 г. Соч., т. XXII, стр. 184, изд. 2-е.

«Этих мещанских Нарциссов [16] — меньшевиков, эсеров, беспартийных — настоящая буржуазия сотнями одурачивала и прогоняла во всех революциях, десятки раз во всех революциях, десятки раз во всех странах. Это доказано историей. Это проверено фактами. Нарциссы будут болтать. Милюковцы и белогвардейцы будут дело делать», говорил Ленин». [17]

Такова неизбежно роль всех мелкобуржуазных партий, потому что других путей в настоящий период обострения классовой борьбы нет и не может быть: или с буржуазией по пути к контрреволюции, или с пролетариатом по пути пролетарской революции.

«Буржуазия есть действительная классовая сила, которая при капитализме неизбежно господствует и в монархии и в самой что ни на есть демократической республике, пользуясь также неизбежно поддержкой всемирной буржуазии. А мелкая буржуазия, т. е. все герои II Интернационала и Интернационала «Два с половиной», не может быть не чем иным, по экономической сути дела, как выражением классового бессилия, — отсюда колебания, фраза, беспомощность. В 1789 г. мелкие буржуа могли еще быть великими революционерами; а в 1848 г. они были смешны и жалки; в 1917 — 1921 гг. они — отвратительные пособники реакции, прямые лакеи ее, по их действительной роли, все равно, зовут ли их Черновыми и Мартовыми или Каутскими, Макдональдами и т. д. и т. д.» [18]

Победа пролетариата в глазах этих лжесоциалистов была страшным непоправимым несчастием, свержение господства капитала, веками державшего под гнетом трудящиеся массы, — совершенно невероятным. Ни эти верные слуги капитала, ни сама буржуазия не верили, что этот «кошмар», как они называли победу большевиков, этот «грезофарс», по определению Плеханова, продолжится больше нескольких дней.

Враги советской власти со злорадством пророчили ей близкую гибель.

Еще 24 октября, накануне революции, Дан на экстренном заседании меньшевистско-эсеровского ЦИК пророчествовал, что

«массы, обманутые большевиками, низвергнут эту власть столь же быстро, сколь скоро она будет захвачена... Враг приближается к столице... Всему хозяйству страны угрожает разруха. Провинция, узнав о захвате власти большевиками, лишит Петроград хлеба... Управлять государством в настоящий момент, нашим государством, — каторжная задача, и никакая власть, ни Керенского, ни советов вполне справиться с этой задачей не сможет... Победа большевиков будет недолговечна». [19]

Эсеры и меньшевики, демонстративно покидая II съезд советов, возлагали на большевиков всю «ответственность за последствия их безумного и преступного шага», как они называли победоносное восстание петроградского пролетариата.

По их мнению, большевики были изолированы от «всех живых сил демократии». Рабочие, солдаты, крестьяне, с громадным энтузиазмом

---

[16] То есть самовлюбленных.

[17] *Ленин*. О продовольственном налоге. Соч., т. XVIII, стр. 230, изд. 1-е.

[18] Там же.

[19] Архив революции 1917 г. «Октябрьский переворот». Факты и документы. Составил А. Л. Попов под редакцией Н. А. Рыжкова. Петроград, 1917 г., изд. «Новая эпоха».

встретившие пролетарскую революцию, в их глазах «живыми силами демократии» конечно не были. «Взбунтовавшаяся чернь» — так назвал Керенский восставшие трудящиеся массы на последнем заседании предпарламента 24 октября.

Эсеры и меньшевики ушли со съезда, умыв руки, но не для того, чтобы уступить свои позиции большевикам, а чтобы начать бешеную борьбу против пролетарской революции. Тотчас же городская дума,[20] где большинство принадлежало эсерам, стала центром, вокруг которого стали группироваться все контрреволюционные силы.

Когда II съезд советов под отдаленный грохот орудий в залитом огнями Белом зале Смольного с энтузиазмом принимал весть о переходе власти в руки советов, эсеро-кадетская городская дума отправлялась «умирать» в Зимний дворец вместе с Временным правительством. Этот «героический акт» окончился смехотворно. Потолкавшись около матросской заставы, думцы позорно вернулись обратно и... стали есть хлеб и колбасу, которые несли для своих осажденных «избранников».[21]

24 октября они организовали Комитет спасения родины и революции для борьбы с насильниками большевиками, свержения советской власти и восстановления Временного правительства.

27 октября «Правда» писала об ушедших со съезда меньшевиках и эсерах:

> *«Они хотят, чтобы мы одни справились с страшными затруднениями, вставшими перед страной. Эсеро-меньшевистский блок выступает ныне как одно из препятствий в деле осуществления революционно-пролетарской программы.*
>
> *Что же, мы берем власть одни, опираясь на голос страны и в расчете на дружную помощь европейского пролетариата, но взяв власть, мы применим к врагам революции и ее саботерам железную рукавицу. Они грезили о диктатуре Корнилова, о восстановлении порядка. Мы им дадим диктатуру пролетариата и революционный порядок»* («Правда» № 170, 1917 г.).

Все средства борьбы считались допустимыми против «захватчиков власти». Не было той низкой клеветы, того грубого ругательства, гнусного измышления, которое озлобленные неудачей враги революции не пустили бы против рабочих, солдат и крестьян и партии большевиков, руководившей их борьбой. Бесчинства «разнуздавшейся солдатни», грабежи, насилия, «зверства» большевиков не сходили со столбцов антибольшевистских газет. Сначала продажные перья на все лады расписывали «ужасы» при взятии Зимнего дворца, при подавлении юнкерского восстания и т. д.

10 иностранных журналистов, во главе с Джоном Ридом, лично присутствовавшие при взятии Зимнего дворца, написали опровержение.

Комиссии, отправленные по требованию большевиков из городской

---

[20] Выборы в городскую думу производились еще в августе. Эсеры получили 75 мест, кадеты — 44, меньшевики-интернационалисты — 8, народные социалисты — 2, «Единство» — 2 и большевики — 67 мест. Городским головой был правый эсер Шрейдер.

[21] «Красная летопись» № 2 (23), 1927 г. *Мальчик.* Петроградская Центральная городская дума в феврале — октябре 1917 г.

думы, главной рассадницы всех диких слухов, для расследования положения ударниц, юнкеров и арестованных министров Временного правительства, вынуждены были заявить, что ударниц никто не обижал, их даже не арестовали. Сами ударницы поместили в газетах опровержение. На этих защитниц Временного правительства и на само правительство, прибегнувшее к их защите, сыпались только насмешки матросов и красногвардейцев. Юнкера оказались здравы и невредимы. Министры заявили, что жаловаться им не на что, что Красная гвардия, в сущности, спасла их от самосуда толпы, которая хотела с ними расправиться, когда их, арестованных, вели в Петропавловскую крепость.

В каждом номере «Правды» появлялось опровержение матросов и солдат на взводимую на них клевету. А в буржуазных и меньшевистско-эсеровских газетах появлялась какая-нибудь новая очередная грязная выдумка.

Перед Октябрьской революцией в Петрограде орудовали всевозможные бандитские шайки. После победы Красная гвардия повела решительную борьбу с преступными элементами. Сам, еще не смещенный, начальник милиции должен был заявить городской думе: «Вопреки ожидания, в городе всюду спокойно и порядок ничем не нарушался» [22]. Это не мешало контрреволюционным газетам расписывать ужасы о грабежах и убийствах.

Действуя по указке буржуазии, вся антибольшевистская печать вела бешеную травлю советской власти, большевиков и восставших рабочих и крестьян.

«Искра» — орган меньшевистско-оборонческого комитета — выходила с громадной надписью во всю полосу: «Против бонапартистов, против разбойников темной ночи, против чудовищных контрреволюционеров, режущих ножами революцию».

Первые шаги советской власти в отношении контрреволюционной печати были очень мягкими. В момент восстания были закрыты только буржуазные газеты «Речь», «День» и орган монархистов «Новое время». 27 октября появился декрет о печати. Большая часть декрета посвящена разъяснению массам необходимости проведенной меры.

> «Рабочее и крестьянское правительство обращает внимание населения на то, что в нашем обществе за этой либеральной ширмой (свободой печати) фактически скрывается свобода для имущих классов, захватив в свои руки львиную долю всей прессы, невозбранно отравлять умы и вносить смуту в сознание масс... В критический момент, когда новая власть, власть рабочих и крестьян, только упрочивается, невозможно было целиком оставить это оружие в руках врага, в то время как оно не менее опасно в такие минуты, чем бомбы и пулеметы, — вот почему и были приняты временные и экстренные меры пресечения потока грязи и клеветы, в которых охотно потопила бы молодую победу народа желтая и зеленая пресса».

Декрет однако дал первое предостережение: газеты, призывающие к неповиновению рабочему и крестьянскому правительству, сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов и т. д., будут закрываться.

[22] «Рабочая газета» № 198, от 28 октября 1917 г.

Первое время, пока аппарат советской власти еще не окреп, газеты просто игнорировали этот декрет. В их руках были типографии, бумага, деньги, которыми обильно снабжали их русская буржуазия и союзники.

Так на издание эсеровской газеты «Воля народа», как разоблачила это левоэсеровская газета «Знамя труда», Брешко-Брешковская получила из каких-то кругов 100 000 руб., с условием агитировать в газете, что основные законы о земле и т. д. должны проводиться только Учредительным собранием. «Воля народа», «Земля и воля» (в Москве) и «Народная правда» получили из американских источников 2 100 000 руб. Народные социалисты получили щедрую помощь на издание своей газеты «Народное слово» от союзников. Такая же помощь оказывалась всем врагам советской власти справа налево: «Единство» существовало на субсидии, получаемые из французского посольства, «Новая жизнь» получила через Сибирский банк полмиллиона от банкира Грубе и т. д. и т. д.

Буржуазная и эсеро-меньшевистская печать дружно призывала к свержению советской власти, пугала восставших рабочих и крестьян трудностями, предрекала близкую гибель советов.

В долгосрочность диктатуры пролетариата не верили и союзники. На заседании Совета республики (в предпарламенте) накануне Октября приводились цитаты из «Таймса». В этой почти официозной буржуазной газете писали, что «быть может пришествие большевистского правительства — необходимый недуг, через который России придется пройти, чтобы народ окончательно разочаровался в большевиках». Корреспондент «Таймса» был «достаточно осведомлен», что

> «методами мирного воздействия страна никогда не будет освобождена от их зловредного влияния. Против их имеется только одно лекарство: Керенский указал на него, когда предложил генералу Корнилову отправить кавалерийскую дивизию в Петроград для усмирения большевиков. Свист картечи является единственным лекарством от «большевизма». [23]

Все силы контрреволюции объединились на другой же день после Октября, чтобы преподнести восставшим рабочим и крестьянам это «лекарство».

ПОХОД КЕРЕНСКОГО

Делегаты II съезда еще не успели разъехаться по местам, чтобы привезти в провинцию и в армию весть о победе пролетарской революции в Петрограде, как уже начался первый вооруженный поход контрреволюции против советской власти.

Керенский, бежавший из Зимнего дворца под американским флагом в автомобиле, выпрошенном его адъютантом в посольстве, бросился за надежными частями с фронта, которые должны были, согласно распоряжениям Временного правительства, готовившего подавление революции, прибыть в Гатчину еще 24 октября.

Но в Гатчине никаких эшелонов с фронта не оказалось. Самого Керенского «весьма внимательно рассматривали какие-то солдаты» из

[23] «Известия ЦИК советов рабочих и солдатских депутатов» от 13 октября 1917 г.

открытых дверей в квартире коменданта. «Как будто повинуясь какому-то внутреннему голосу», по его словам (а по-нашему — попросту струсив), Керенский двинулся дальше в ставку Северного фронта, «даже не напившись чаю».[24] В Пскове уже действовал Военно-революционный комитет и имелся приказ об аресте бывшего премьер-министра и главковерха. Никаких «верных частей» он получить не смог. Зато нашел деятельного помощника в лице меньшевика Войтинского.

Его поддержал корниловец, генерал Краснов, двинувший на Петроград находившиеся в Острове под его командованием части 3-го конного корпуса. Краснову удалось собрать силы из 10 сотен казаков, $1^1/_2$ дивизии легкой артиллерии при двух моторах, броневого поезда и броневика, как показывали 14 ноября 1917 г. допрошенные прапорщики. Сам Краснов в своих воспоминаниях рассказывает, что у него было всего 8 сотен, т. е. 480 конных и 320 спешенных казаков при 12 орудиях. Возможно, что после позорного разгрома его авантюры он преуменьшил свои тогдашние силы в своих мемуарах, написанных им уже в эмиграции.

Отряд генерала Краснова был единственной военной силой, которой располагал Керенский. Солдаты, которых он гнал в наступление и для которых ввел смертную казнь, его ненавидели.

Среди командного состава Керенский тоже потерял всякий авторитет. Сам Краснов, ставший во главе отряда, говорит, что Керенского в армии ненавидели.

Драться за восстановление правительства Керенского у генералов не было никаких оснований.

Но развернуть перед солдатскими массами свой собственный монархический флаг им было слишком рискованно. Гораздо удобнее было итти под лозунгом «защиты революции от анархии и от узурпаторов власти — большевиков». «Социалист» Керенский был удобной ширмой для контрреволюции.

Керенский уверял Краснова: «Вся армия стоит за мной против этих негодяев. Я сам поведу ее, и за мной пойдут все. Там никто им не сочувствует». Краснову были обещаны все части 3-го конного корпуса, Донская и Уссурийская дивизии, 1-я кавалерийская и весь 7-й армейский корпус, мелкие части, целый ряд других частей, которые Керенский намеревался снять с фронта и бросить на Петроград. С такими силами Краснов не сомневался в успехе. [25]

Но Краснову—Керенскому очень скоро пришлось убедиться в том, что широкие массы рабочих и солдат решительно против разгрома революции.

Железнодорожные рабочие всячески препятствовали продвижению отряда Краснова вперед—выехать из Острова ему удалось только применив силу.

> «Мы сели в вагон, отдав приказание двигать эшелоны. Паровозы свистят, маневрируют. По путям ходят солдаты с тровского гарнизона, число их увеличивается, а мы все стоим, нас никуда не прицепляют и никуда не

---

[24] *Л. Ф. Керенский.* Гатчина.

[25] «Октябрьская революция». Мемуары. Составил С. А. Алексеев, Гиз. 1926 г. *Краснов.* На внутреннем фронте, стр. 53.

двигают, — рассказывает Краснов. [26] —Я вышел и пригрозил расправой. Полная угодливость на словах и никакого исполнения. Командир енисейской сотни, есаул Коршунов, начальник конвоя, служил когда-то помощником машиниста. Он взялся провести нас, стал на паровоз с двумя казаками, и дело пошло».

Мимо Пскова Краснов проскочил полным ходом, так как туда уж дали знать, что едет Керенский с казаками, и на станции собралась громадная, в несколько тысяч, толпа солдат, наполовину вооруженных.

Прибывшим в Гатчину двум сотням 10-го Донского полка пришлось пробиться силой. На всех станциях их ожидали препятствия. Телеграмма и приказы Керенского не отправлялись.

На рассвете (27 октября) отряд Краснова после ряда задержек в пути со стороны рабочих железнодорожников прибыл в Гатчину, а в 3 часа дня после небольшого боя Гатчина была взята.

Солдатская масса, настроенная сочувственно к большевикам, не проявила однако желания начать бой с казаками и занимала позицию нейтралитета.

Правда, против численно преобладавших солдат и матросов, вооруженных только винтовками, стояла артиллерия. Не оказал сопротивления и гатчинский гарнизон, то же происходило и на Варшавском вокзале в Гатчине, где была взята в плен рота с 14 пулеметами.

Находившиеся в Гатчине юнкера от участия в боях против красных отказались, но согласились нести караульную службу. Заняв Гатчину, Керенский выпустил приказ ко «всем частям Петроградского гарнизона, по недоразумению и заблуждению примкнувшим к шайке изменников родины и революции, вернуться немедля ни часу к исполнению своего долга».

Генерал Краснов обратился с воззванием «ко всем солдатам и доблестным казакам, оставшимся верными своей солдатской присяге, итти и спасти Петроград от анархии, насилия и голода, а Россию — от несмываемого пятна позора, наброшенного кучкой невежественных людей, руководимых волей и деньгами императора Вильгельма».

Керенский рассылал в ставки всех фронтов, во все армейские комитеты приказы о присылке с фронта для подавления восставшего Петрограда.

И ставка и меньшевистско-эсеровские армейские комитеты употребляли все усилия, чтобы исполнить эти приказы низложенного главковерха, и слали в Гатчину телеграммы о высылке частей. Генерал Духонин ответил, что он вместе с армейским комитетом и комиссаром организует посылку подкреплений. С фронта снимался дивизион броневых машин, считавшийся у ставки «надежным», несколько казачьих частей, пехота и т. д. и т. д. Эсеры и меньшевики рассылали своих комиссаров во все части фронта, чтобы ускорить их отправку и придвинуть их к Петрограду. По расчетам Керенского уже к вечеру 27 октября должны были прибыть в Гатчину первые отряды пехоты.

С утра 28 октября началось наступление на Царское Село.

---

[26] «Октябрьская революция». Мемуары. Составил С. А. Алексеев, изд. 2-е. *Краснов.* На внутреннем фронте, стр. 57.

В Царском Селе был гарнизон в 16 тыс. солдат. Но солдаты, хотя и сочувствовали большевикам, настроены были пассивно. Только небольшая часть их выставила цепи против Краснова. Их сопротивление было легко сломлено. Казаки вошли в город при колокольном звоне всех церквей. А в самом Царском Селе громадная толпа вооруженных солдат дала разоружить себя казакам почти без сопротивления.

В Царское прибыл батальон самокатчиков. На этот батальон Временное правительство возлагало особые надежды. После отступления на фронте ему было роздано 200 наград. Готовя подавление революции, Керенский вызвал его с фронта (из Бессарабии) в Петроград. В момент переворота батальон был уже в пути.

Но прибыв 24 октября на станцию Передольское, солдаты самовольно вышли из вагонов и потребовали митинга. Напрасно командир батальона уговаривал их, грозил расформированием и расстрелом, льстил их самолюбию и т. д., солдаты постановили считать посланную им телеграмму Временному правительству с обещанием поддержки недействительной и потребовали докладчика из Смольного. 25 октября батальон прибыл на станцию Новинка, заслушал представителей Военно-революционного комитета и... выбрал большевиков и им сочувствующих на II съезд советов.

Но настроение батальона не было стойким. Прибыв вечером 27-го в Царское, он раскололся. Часть направилась в Петроград, отнюдь не для цели подавления, а часть дала разоружить себя казакам Краснова.

Краснов приказал самокатчикам наступать. Но из всего батальона нашлось только 3 рядовых солдата да 3 или 4 офицера, которые согласились принять участие в борьбе против Петрограда. Краснов применил репрессии: запер солдат в вагонах, лишил их продовольствия, отобрал часть оружия. Самокатчики не сопротивлялись, но и в бой итти упорно отказывались.

28-го в Царское прибыли 3 сотни 1-го Амурского казачьего полка. Но казаки тоже заявили о своем нейтралитете: «в братоубийственной войне принимать участие не будем». И отказались даже выставить заставы и сменить усталых донцов.

Отказалась выступить за Краснова и пулеметная команда 14-го Донского казачьего полка, стоявшая в Царском. На все уговоры Краснова о «любви к Дону» и т. д. они отвечали: «Мы за Ленина, потому что Ленин за мир».

Напрасно и 29-го и 30-го Краснов и Керенский ожидали подкрепления.

Кроме юнкеров и офицеров, бежавших из Петрограда, да эсеровских лидеров, никаких сил не прибыло. Да царскосельская молодежь, студенты, лицеисты и кадеты, кто верхом, кто на велосипеде, кто на извозчике, поддерживала связь с Красновым, сообщая обо всем, что творилось у него в тылу.

Ни одной части не удалось протолкнуть с фронта и заставить драться за Временное правительство. Например броневой дивизион, расквартированный в Двинске, считался верным оплотом. И вдруг оказалось, что и он настроен большевистски. Командир брался вести

броневики, но ему удалось продвинуться только до Режицы,[27] а там самому командиру пришлось бежать от солдат.

Броневой дивизион из Пернова не мог двинуться, так как тяжелая артиллерия пригрозила открыть орудийный огонь, если он посмеет итти на помощь Керенскому. «Благонадежная 12-я армия» была парализована латышскими стрелками. Впрочем, на поверке оказалось, что за Временное правительство был только эсеровский комитет этой армии, не выражавший настроения солдатской массы.[28]

Со всеми подкреплениями, отправленными в помощь Керенскому, происходило одно и то же. Если их удавалось сдвинуть с места, они застревали на какой-нибудь станции или задержанные рабочими железнодорожниками или потому, что сами солдаты не желали дальше двигаться. Солдаты вылезали из вагонов. Агитаторы-большевики разъясняли им, куда и зачем их гонят, и солдаты из «надежной» для Временного правительства части становились нейтральными или большевистски настроенными и не обнаруживали ни малейшего желания драться за Временное правительство.

Бывший правый эсер А. Ю. Фейт, вызванный в качестве свидетеля, показывал на процессе эсеров:

> «По поручению ЦК (эсеров) я отправился в Гатчину, Царское Село и дальше по Балтийской дороге с целью собрать те воинские части, которые могли бы стать на защиту Временного правительства. И я должен сказать, что тут я наблюдал то же явление, что и в Петрограде: приезжая в то или другое место, я сносился с гарнизонным комитетом, иногда доходил до комитета полкового, и везде получал заверение в полной готовности той или другой части выступить на защиту Временного правительства. И когда через несколько часов я возвращался, чтобы взять эту часть и вести в Гатчину, оказывалось, что эта часть уже отказывается выступать».[29]

В Гатчине и Царском Селе даже те несколько сотен казаков, которые пошли с генералом Красновым, все больше обнаруживали признаки колебания. Они требовали пехоту. Если нет пехоты, значит вся она с большевиками. «Все против нас», заявили они Краснову. Краснов требовал у «народного социалиста» Станкевича, комиссара Временного правительства: «Дайте нам пехоту, примите какие угодно меры — только дайте хоть один батальон, чтобы было кого показать».[30]

Краснов не мог получить не только батальона, но даже роты. Из всего 16-тысячного гарнизона Царского Села не нашлось даже самого маленького отряда солдат, который можно было бы уговорить или заставить итти за Временное правительство.

Но если солдатская масса решительно отвернулась от Временного правительства, зато в лагерь Краснова—Керенского со всех концов потянулись контрреволюционеры разных мастей. Сам Керенский в своих мемуарах дает яркую картину того, что представляла эта армия «защитников родины и революции».

> «Наше появление в Гатчине привлекло сюда значительное количество офицеров. Это придавало нашему лагерю довольно своеобразный вид и

[27] *М. Н. Покровский.* Очерки Октябрьской революции. Сборник статей 1917 — 1927 г., стр. 220, Москва, 1929 г.

[28] Там же, стр. 270.

[29] Там же, стр. 299. Что установил процесс так называемых эсеров.

[30] «Октябрьская революция». Мемуары. Составил С. А. Алексеев. *В. Б. Станкевич*, Октябрьское восстание, стр. 217.

весьма настораживало казачью массу; настораживало тем более, что им приходилось слышать в этой офицерской толпе разговоры и выражения достаточно «старорежимные».[31]

Вся эта контрреволюционная банда не стеснялась высказывать свои монархическо-черносотенные чаяния и надежды. Для них сам Керенский был слишком левым.

В лагере Краснова—Керенского оказались только оборонцы — соглашатели всех мастей, служащая интеллигенция, чиновничество, кадеты, монархисты с В. М. Пуришкевичем во главе, юнкера, офицеры, монархически настроенные казаки. Но и среди этих сил «демократии», как громко именовали эсеры и меньшевики противников пролетарской революции, не было единства. Разлад и разложение царили в лагере контрреволюции.

Против него стоял могучий союз пролетариата и беднейшего крестьянства, руководимый партией большевиков с несравненным вождем т. Лениным во главе. В этом лагере была твердая уверенность в победе, непоколебимая решимость довести борьбу до конца, энтузиазм, творческая энергия, сплоченность, организованность.

Два мира стояли один против другого.

Краснову—Керенскому, как мы видели, не удалось собрать сколько-нибудь значительные силы. Но силы революции еще не были организованы. Некоторые солдатские части, крайне уставшие от бесконечной войны, не обнаруживали желания действовать активно. На ряду с революционными полками были и соблюдавшие нейтралитет, пассивно ожидавшие исхода борьбы. Только рабочая Красная гвардия, составлявшая главную силу революции, и матросы, дравшиеся с громадным энтузиазмом, были организующей силой революционных войск, только они спасли Петроград от нашествия Краснова и Керенского.

Вот как описывает генерал Краснов Красную гвардию и матросов (обученные военные части, состоящие из тех же рабочих) под Пулковом в своих мемуарах:

«Все склоны Пулковской горы изрыты окопами и черны от Красной гвардии... Они то рассыпаются в цепи, то сбиваются в кучи... В бинокль видно, что это — не солдаты. Цепи двух видов. Одни в черных штатских пальто, идут неровно, то подаются вперед, то бегут назад, это — Красная гвардия. Другие, одетые в черные короткие бушлаты, наступают, соблюдая строгое равнение, быстро залегают, применяясь к местности, это — матросы. Красная гвардия в центре, на Пулковской горе, матросы по флангам. Три броневика работают по шоссе. Они снабжены пушками и обстреливают Редкое Кузьмино. Другой артиллерии пока нет».[32]

Прошло всего несколько дней с момента победы, и советская власть еще не успела окрепнуть. Военный аппарат был еще в самом начале организации, а старый саботировал. Подступы к Петрограду еще не были укреплены. Артиллерия в первые дни боев почти отсутствовала.

---

[31] *А. Керенский*. Гатчина.

[32] «Октябрьская революция». Мемуары. Составил С. А. Алексеев. Гиз, 1926 г., стр. 73. *Краснов*. На внутреннем фронте.

Между тем весть об Октябрьской революции разнеслась по всей России с молниеносной быстротой. В целом ряде промышленных городов были организованы военно-революционные комитеты, и шла борьба за власть.

Кое-где, особенно в непромышленных городах, где силен был торговый капитал и среди населения преобладала городская мелкая буржуазия, интеллигенция и обыватели, временно победила контрреволюция. В Оренбурге — Дутов, в Новочеркасске — Каледин собирали контрреволюционных кулаков против большевиков. В Москве Военно-революционный комитет только что организовался, и действия его первое время были нерешительными.

Исход борьбы в Петрограде и в Москве должен был решить судьбу пролетарской революции.

МЯТЕЖ ЮНКЕРОВ И РАЗГРОМ КОНТРРЕВОЛЮЦИИ

Занятие Керенским Гатчины и Царского Села окрылило надежды контрреволюционного лагеря. В Городской думе были уверены, что большевики продержатся не больше двух дней. Циркулировали слухи «из достоверных источников», что с Керенским идет громадная армия.

Буржуазия обнаглела. На Невском открыто велась агитация против советской власти. Буржуазная толпа разоружала одиночек красногвардейцев. В городской думе обсуждали вопрос, как быть с большевиками.

> «Кадеты настаивали на том, чтобы к большевикам отнеслись беспощадно, чтобы их вешали и расстреливали, эсеры же требовали «мягкого» обращения с побежденными революционерами».[33]

Ненависть всех этих «живых сил» «демократии» против большевиков не имела границ. Эсеры и кадеты в городской думе встретили гласных большевиков, когда они явились на заседание, прямо звериным ревом: «Убийцы! В тюрьму! На виселицу!»

Бороться с городской думой, центром контрреволюции, было трудно, так как в ее руках находился весь городской продовольственный аппарат. Малейшая заминка в его работе могла вызвать настоящую катастрофу, так как Петроград находился накануне голода. Еще непосредственно перед Октябрьской революцией вопрос о снабжении Петрограда и армии неоднократно ставился и в меньшевистско-эсеровском ЦИК и в городской думе.

Дума прекрасно учитывала неуязвимость своей позиции и держала себя в высшей степени вызывающе.

«Комитет спасения родины и революции», организованный ею, руководил борьбой за свержение власти советов. В его состав вошли: представители городской думы, разогнанного Демократического совещания (предпарламента, меньшевистско-эсеровского ЦИК I созыва, заявившего, что II съезд советов был неправомочен его переизбирать), Совета крестьянских депутатов, некоторых фронтовых организаций, покинувших съезд фракций эсеров и меньшевиков, централь-

---

[33] «Октябрьская революция». Мемуары. Составил С. А. Алексеев. 1926 г., стр. 297. *Ан—ский*. После переворота 25 октября 1917 г

ных комитетов партий: эсеров, меньшевиков, народных социалистов, «Единства», Викжеля, Почтеля, ряда саботажных и монархических организаций и т. д.

Чтобы дезорганизовать всю работу государственного аппарата, сделать для большевиков невозможным овладение властью и управление страной и чтобы восстановить против них широкие массы, был организован саботаж служащих.

Комитет спасения, эсеры и меньшевики и буржуазные газеты, все дружно призывали население к свержению советской власти.

27 октября Комитет спасения родины и революции выпустил воззвание, в котором извещал население, что берет на себя инициативу воссоздания Временного правительства, и призывал граждан:

> «Не признавайте власти насильников (большевиков). Не исполняйте их распоряжений. Встаньте на защиту родины и революции. Поддержите Всероссийский комитет родины и революции».[34]

Центральный комитет эсеров призывал «оказать полнейшее содействие командному составу в деле окончательной ликвидации безумной затеи (большевиков) и к объединению вокруг Комитета спасения родины и революции, долженствующего создать однородную революционно-демократическую власть».

Монархистов, кадетов, эсеров и меньшевиков — всех объединила бешеная злоба против советской власти.

В Петрограде готовился военный заговор.

Для его организации Комитет спасения выделил военную комиссию.

В лагерь Керенского была послана делегация во главе с эсерами Гоцем, Черновым, Зензиновым. Делегацию задержали красногвардейцы. Но Гоцу, Чернову и другим эсерам все-таки удалось пробраться в Гатчину. Эсеры послали в помощь Керенскому свою боевую дружину.

Военным руководителем восстания был назначен монархист полковник Полковников, бывший ставленник Керенского. Во главе военной организации, подготовлявшей заговор, стояли эсеры Авксентьев и Гоц. ЦК партии руководил подготовкой вместе с Комитетом спасения.

Восстание должно было начаться в момент, когда войска Керенского близко подойдут к Петрограду. Заговорщики рассчитывали, что главные силы большевиков будут отвлечены на борьбу с Керенским.

Заговор опирался на тех же юнкеров, которые защищали Временное правительство в Зимнем дворце. При взятии Зимнего дворца часть их была разоружена и отпущена на честное слово, что они не будут больше принимать участия в борьбе с советами. В юнкерские училища еще при Керенском, готовившем подавление революции, было свезено много разного оружия. Эсеры рассчитывали на Константиновское артиллерийское, Михайловское артиллерийское, Павловское, Владимирское пехотное и Николаевское артиллерийское юнкерские училища и надеялись вывести казаков и некоторые дру-

[34] «Дело народа», «Солдатский голос» и другие газеты от 9 ноября 1917 г.

гие воинские части, в которых считали свое влияние достаточно сильным.

28 октября (ст.ст.) на совместном заседании военных комиссий Комитета спасения и ЦК партии эсеров был принят подробный план выступления. По расчетам Комитета спасения, «армия» Керенского уже к 12 часам дня на другой день должна была вступить в Петроград.

Вот как описывал этот заговор один из его участников:[35]

«Сначала мы захватываем телефонную станцию, Михайловский манеж, где стояли броневики, и начинаем восстание в Николаевском инженерном замке. Другой центр восстания на Васильевском острове: владимировцы и павловцы, которые соединяются и захватывают Петропавловскую крепость, где у нас связи с самокатчиками. Затем мы соединяемся и общими силами занимаем Смольный. Нам был известен пароль караула на телефонной станции, и мы имели пропуска для свободного движения по городу, мы имели также связь с Михайловским броневым манежем, в котором имелись машины и где были свои люди.

Затем, в виду приближения Керенского, на гатчинском фронте, на этом же заседании (28 октября — 10 ноября вечером) решено было начать восстание немедленно. Мы вызвали дежурные связи, были назначены эмиссары, которые должны были руководить выступлением, в каждом училище были написаны приказы в каждую часть выступить туда-то и занять то-то. Подписывал их все Авксентьев как председатель Комитета спасения родины и революции. Затем мы организовали штаб из Полковникова, начальника штаба Краковецкого, его помощника Кашина, меня, Синани (меньшевика) и еще нескольких лиц, которых я не помню... и перешли в Николаевский инженерный замок, который стал центром восстания.

Михайловский броневой манеж был занят нами без сопротивления благодаря связям.[36] Оттуда было выкачено 3—4 броневых машины, которые привели к нам к Николаевскому инженерному замку. Другой отряд, зная пароль на телефонную станцию, обезоружил караул и занял ее. После этого все телефоны Смольного были выключены и оставлены лишь те, которые были нам нужны.

Владимировцы тоже выступили. После развития операций вокруг Полковникова стал собираться еще ряд военных лиц определенно монархического покроя; их использовали».

Вообще монархисты приняли активное участие в юнкерском восстании и в авантюре Керенского.

Ночью на 29 октября полковник Полковников издал грозный приказ войскам петроградского гарнизона: не исполнять никаких приказаний Военно-революционного комитета, арестовать его комиссаров, прислать представителей от каждой части в Николаевский инженерный замок. «Все, не исполнившие этого приказа, будут считаться изменниками революции, изменниками родины».

Комитет спасения в своем воззвании за подписью Авксентьева, Гоца, Синани и Брауна заранее извещал о своей победе и призывал: «Мятеж большевиков близок к концу... Помогайте Временному правительству и товарищу Керенскому! Спасайте родину и свободу!»

Освобожденные большевиками из Петропавловской крепости бывшие министры-«социалисты» Временного правительства тоже послали «всем, всем» телеграмму о победе над большевиками.

---

[35] Показание Брауна. Процесс эсеров в 1922 г. Заседание Верховного трибунала от 12 июня, стр. 13. *В. Владимирова*. Год службы «социалистов» капиталистам. ГИЗ. 1927 г.

[36] Был перерезан сонный караул.

Итак, утром 29 октября меньшевики и эсеры во всеуслышание торжественно заявили о своей победе.

К вечеру того же дня они уже вопили о бесчеловечной и жестокой расправе большевиков и матросов «с детьми-юнкерами».

Восстание великовозрастных «детей-юнкеров» стоило жизни нескольких сот рабочих, матросов и солдат, но было подавлено быстро и решительно.

Военно-революционному комитету стал известен план восстания, так как у арестованного правого эсера Брудерера, эмиссара Владимирского юнкерского училища, был найден приказ и дислокация восстания. Тотчас же были приняты все меры. Все районы были подняты на ноги.

Юнкерские училища были окружены Красной гвардией и матросами. Им было предложено сдаться с гарантией безопасности. Юнкера открыли стрельбу из винтовок и пулеметов. Особенно долго сопротивлялось Владимирское юнкерское училище, против которого пришлось пустить в ход артиллерию и броневик. К 4 часам дня восстание было ликвидировано. Была занята и телефонная станция.

Несмотря на все усилия эсеров, ни одна воинская часть не присоединилась к мятежу. Керенский пишет в своих мемуарах: «Старик Н. В. Чайковский вместе с Авксентьевым ездил в казармы умолять казаков о помощи». Но все было тщетно. Казаки твердо держали нейтралитет.

И так было во всех частях, на которые рассчитывали эсеры. Кроме юнкеров и монархистов, никаких сил у них не оказалось.

Буржуазия и ее подголоски считали свержение советской власти легким делом. Быстрое и решительное подавление юнкерского восстания сразу показало им, что советская власть достаточно сильна, чтобы расправиться со своими врагами, что победивший пролетариат без боя не отдаст своих завоеваний, что в этом бою широкие трудящиеся массы будут всецело на стороне большевиков.

Военно-революционный комитет, руководимый партией большевиков, развил громадную энергию.

Рабочий класс тесно сплотился вокруг своей партии и советской власти. На заводах и фабриках выносились резолюции о поддержке советской власти.

> «Коалиционное правительство в течение 7 месяцев ничего, кроме массовой безработицы, явного противодействия всем стараниям рабочих наладить расшатанную промышленность и угроз совершенно разбить организацию рабочего класса, нам не дало, чем вынудило трудящиеся классы брать власть в свои руки, — вынесли резолюцию рабочие трамвайного парка. — Все, как один человек, будем защищать до последней капли крови свое революционное правительство. Проклятье всем, идущим против народной власти. Долой лже-социалистов!»

Рабочие пищевики заявили, что «правительству, созданному на обломках старого режима, ничего не сделавшему для народа, доведшему страну до полного экономического развала и низложенному теперь волею революционного народа — возврата нет».

Рабочие Путиловской верфи обещали защищать свое революционное правительство до последней капли крови, выражали свое не-

годование против соглашателей и предлагали решительно бороться с контрреволюцией.

Обуховцы обещали грудью поддерживать правительство, созданное II съездом советов. Рабочие завода Розенкранца, приветствуя Военно-революционный комитет «за то, что он стал на путь борьбы, а не соглашения с буржуазией — врагами рабочих и беднейших крестьян», призывали: «Товарищи, идите этим путем, как бы он ни был тяжел, на этом пути мы вместе с вами умрем или победим!»

Работницы и рабочие фабрики Воронина требовали тяжелой кары изменникам народа. Рабочие завода «Промет» протестовали против организации Комитета спасения и выносили ему свое полное осуждение.

Рабочие Сестрорецкого завода заявили, что малейшее посягательство на советы будут считать посягательством на революционную власть солдат, рабочих и крестьян.

Весь рабочий Петроград поднялся на защиту власти советов.

Товарищ Ленин сам непосредственно руководил мобилизацией сил для борьбы Петрограда с бандами Керенского. Он лично по прямому проводу запрашивал Гельсингфорсский областной комитет армии и флота, сколько штыков, готовых сражаться, может выставить армия, сколько времени потребуется на их доставку, обеспечены ли они продовольствием и т. д.; запрашивал Центробалт о присылке линейного корабля «Республика» и двух миноносцев для защиты Николаевской железной дороги и подступов к ней и т. д. и т. д. Он призывал всю партию, весь рабочий класс мобилизоваться на защиту диктатуры пролетариата, не терять ни одного часа, ни одной минуты,

> «чтобы дальше все шло так же победоносно, как до сих пор. За Керенским не пойдут ни рабочие, ни крестьяне, он смог опереться только на корниловцев... Нельзя ни одного часа терпеть восстание Керенского».

Ленин настаивал на немедленной организации штаба, сосредоточении материальных сил, обеспечении солдат всем необходимым, учил командный состав, как надо работать, чтобы организовать победу:

> «Беритесь за дело сами, проверяйте все сами, учитывайте каждый запас, всякий шаг — это лучшая гарантия успеха». [37]

О том, как Ленин руководил работой по обороне Петрограда, есть очень интересные воспоминания т. Подвойского, которому партия поручила тогда оборону Петрограда.

Тов. Подвойский рассказывает, что вначале положение было критическое. К организации полков из солдат и красногвардейцев только что приступили. Многие рабочие впервые брали в руки ружья. Отряд, посланный навстречу бандам Керенского — Краснова, вынужден был отступить. На фронте были беспорядок и неразбериха.

> «Для врага ничего не стоило при нашей разобщенности и неналаженности командования раздавить нас самыми незначительными силами

[37] *Ленин.* Соч., т. XXII, стр. 27 — 32.

и среди паники, которая была бы принесена отступавшими отрядами, произвести в Петрограде контрреволюционный переворот».[38]

Ленин, следивший с напряженным вниманием за ходом восстания белогвардейцев, учел критическое положение на фронте. Неожиданно он явился в кабинет т. Подвойского вместе с т. Сталиным и потребовал подробного доклада о положении дел.

«На мой вопрос, что означает этот приезд, — рассказывает т. Подвойский, — недоверие к нам или что другое, Ленин просто, но твердо ответил: «Не недоверие, а просто правительство рабочих и крестьян желает знать, как действуют его военные власти».

В этот момент я впервые почувствовал, что у нас диктатура, что у нас — сильная, твердая рабочая власть...

Тов. Антонов стал излагать общий план операций, указывал по карте расположение наших сил и вероятное расположение противника. Ленин впился в карту. С остротой самого глубокого и внимательного оператора, стратега и полководца он затребовал объяснений, почему этот пункт не охраняется, почему тот пункт не охраняется, почему предполагается тот шаг, а не иной, почему не вызвана поддержка Кронштадта, почему не закрыт такой-то проход.

Этот вдумчивый и строгий анализ показал нам, что мы, действительно, допустили целый ряд оплошностей, не проявили той чрезвычайной активности, которой требовал момент»...

Ленин хотел быть все время в курсе событий. На другой день он потребовал, чтобы ему поставили стол в кабинете Подвойского, и через каждые 5 — 10 минут посылал к нему кого-нибудь на помощь: то по снабжению, то по подрывному делу, то по мобилизации рабочих, то летчика, то агитатора, а иногда и сам, выходя из кабинета, непосредственно давал распоряжения.

«Работа закипела, но Ленина это не удовлетворяло: ему казалось, что работа все еще идет медленно, нерешительно, неэнергично, и он принялся сам вызывать в свой кабинет представителей организаций и заводов и информировался у них о состоянии вооружения рабочих, о технических средствах и о том, что можно вообще получить от них для обороны и чем их завод может быть для этого полезен.

Тут появились приказы путиловцам бронировать площадки паровозов, ставить имеющиеся на Путиловском заводе пушки, везти на позиции блиндажи. Нарвскому району приказывалось реквизировать у извозчиков лошадей для отправки имевшихся на заводе сорока готовых пушек. По различным заводам, организациям были посланы комиссары, чтобы взять от них, что потребно для обороны... В сущности, создалось два штаба: в кабинете Ленина и в моем...

Ленин мобилизовал всех и вся на оборону, не вмешиваясь в оперативные распоряжения. Параллелизм в работе нервировал т. Подвойского и он как-то раз «потребовал освободить его от командования по обороне», но получил суровый отпор от Ленина.

Когда на следующий день было созвано совещание из представителей рабочих организаций, районных советов, фабрично-заводских комитетов, профессиональных союзов и воинских частей, то для командования выяснилось все громадное значение параллельной работы Ленина. Все силы и средства оказались мобилизованными на оборону. Массы почувствовали железную волю и план, в котором

[38] *Подвойский*. Военная организация РСДРП(б), «Красная летопись» № 8, стр. 38, 39.

каждый находил свое место. «Все было стройно пригнано, закреплено».

Вся партия большевиков мобилизовалась на борьбу. Не было ни одного самого маленького предприятия, где большевики не вели бы неустанной работы.

По призыву партии поднялся весь рабочий Ленинград, проявляя чудеса героизма, самодеятельности, бдительности к контрреволюции. На орудийных и патронных заводах с лихорадочной поспешностью изготовлялись снаряды и патроны, снаряжались пушки. Рабочие организации разыскивали спрятанное старым командованием и вооружение и военное оборудование, обнаруживали запасы продовольствия, бензина, фуража и т. д. и т. д. Тысячи молодых рабочих записывались в Красную гвардию, брали винтовки и шли с решимостью или победить или умереть. Работницы и слабосильные шли рыть окопы, устраивать проволочные заграждения, строить баррикады на подступах к Петрограду, ухаживать за ранеными, в санитарные отряды, в интендантскую часть и т. д.

С появлением артиллерии и настроение солдатских частей переломилось и стало уверенным. Часть за частью изъявляла готовность драться с Керенским.

«Всю ночь на 29 октября шли революционные войска на фронт, и движение носило величественную картину революционного энтузиазма». [39]

По грязи пригородных дорог, под темным осенним небом шли рабочие красногвардейцы, вооруженные винтовками, шли матросы, везли пушки, снаряды и т. д. Шли за ними солдатские части.

Красногвардейцы и матросы дрались с необычайным упорством и героизмом. Красногвардейцы, часто имевшие мало патронов, не всегда даже штыки у винтовок, бросались на казаков и стаскивали их с лошадей. Матросы, расстреляв все патроны, под огнем артиллерии Краснова бросались в штыковую атаку. Даже генерал Краснов должен был признать упорство в борьбе Красной гвардии: «Рабочие очень воинственно настроены и хорошо организованы». [40]

30 октября Краснов в бою под Пулковом был выбит со своих позиций и должен был отступить сначала в Царское Село, а потом в Гатчину. Это решительное поражение еще больше внесло колебаний в ряды казаков. Краснов в своих мемуарах рассказывает, что в ночь на 31 октября казаки отказывались брать снаряды и патроны.

1 ноября казаки были окружены в Гатчине. Явилась делегация матросов во главе с Дыбенко. Среди казаков велась усиленная агитация. Казаки воевать больше не хотели и согласились выдать Керенского.

Керенский узнал о состоявшемся решении и бежал, переодевшись женщиной. Еще 30-го, уже предчувствуя свое поражение, он позаботился обеспечить «родину и революцию» «законным» правительством. «На всякий случай», как пишет он в своих мемуарах, он передал права и обязанности премьер-министра правому эсеру Авксентьеву,

[39] «Правда» от 11 ноября 1917 г.

[40] Октябрьская революция. Мемуары. Сост. С. А. Алексеев. *Краснов.* На внутреннем фронте.

«чтобы сохранить, — по его собственному выражению, — бесспорной формальную преемственность власти, полученной Временным правительством из рук последнего законного представителя павшей династии», [41] т. е. Николая Романова.

Подписывая свое отречение, Николай Романов «высочайше» поручил князю Львову составить новый кабинет министров. Князь Львов и был первым премьер-министром Временного правительства. Как видим, эсер Керенский был очень озабочен, чтобы власть исходила именно от последнего «самодержца» Николая Кровавого. Понятно, в его глазах такая власть была бы законной, а власть, полученная не «из рук» павшей династии, а от пролетарской революции, была властью узурпаторов.

2 ноября генерал Краснов был привезен в Смольный и отпущен под честное слово, что впредь он не будет принимать участие в гражданской войне.

Одновременно с ликвидацией похода Керенского было разгромлено и восстание юнкеров в Москве.

ВИКЖЕЛЬ

Первая попытка свергнуть советскую власть силою оружия была отбита. Контрреволюция была разгромлена и в Петрограде и в Москве. Советская власть побеждала и в провинции. В целом ряде крупных промышленных центров: Иваново-Вознесенске, Ярославле, Твери, Нижнем-Новгороде, Екатеринбурге, Перми, Туле, Владимире, Баку и т. д. и т. д. власть перешла в руки советов. И в отдаленной Сибири в ряде городов: Красноярске, Иркутске, Чите, Омске, Ачинске и т. д. советы победили. На фронте одна воинская часть за другой выносили резолюции за власть советов. Во многих местах шла борьба, но силы контрреволюции явно таяли. Разрасталось крестьянское восстание. Началось триумфальное шествие революции.

Но на ряду с вооруженными попытками свергнуть советскую власть были попытки разоружить ее и другим путем — заставить отказаться от завоеваний Октября, пойти на гнилой компромисс, на соглашение с теми самыми партиями, которые 8 месяцев всячески поддерживали буржуазию, в июльские дни вызывали пулеметы и броневики против мирной демонстрации рабочих, подготовляли ликвидацию советов, закрывали глаза на подготовку Временным правительством эвакуации Петрограда и т. д. и т. д.; на соглашение с теми самыми партиями, которые подняли против советской власти вооруженный мятеж, готовили разгром революции в тесном союзе с генералами корниловцами и не отказались от попыток свергнуть советскую власть и в дальнейшем.

На II съезде советов фракция меньшевиков-интернационалистов предложила съезду признать, что захват власти является военным заговором большевиков, что он грозит гибелью революции,

«что единственным исходом из этого положения могло бы быть соглашение между восставшей частью демократии и остальными демократическими организациями об образовании демократического правительства,

[41] *А. Ф. Керенский.* Гатчина.

которое было бы признано всей революционной демократией и которому могло бы сдать власть Временное правительство безболезненно».

С таким же требованием обратились к съезду и социал-демократы интернационалисты (новожизненцы) и левые эсеры.

Их ультиматумы были отвергнуты, и они ушли со съезда.

Левые эсеры остались на съезде, вошли во ВЦИК, принимали участие в борьбе советов, но все время колебались между большевиками и контрреволюционными соглашателями, ставили ультиматумы, кричали «о красном терроре», грозили уходом из ВЦИК, отказывались войти в Совнарком, вели на низах агитацию за соглашение всех партий, за прекращение гражданской войны, что на деле означало капитуляцию перед контрреволюцией.

«Мы в качестве победителей, — говорил левый эсер Малкин, — должны действовать снисходительно и предложить «демократии» более приемлемые условия соглашения».

Соглашатели повели энергичную кампанию в газетах, особенно в газете «Новая жизнь» за мирное соглашение всех партий против диктатуры пролетариата. Их агитаторы старались сбить рабочих и солдат с правильного революционного пути, пугали изоляцией пролетариата, трудностями, голодом, бедствиями гражданской войны, если большевики не пойдут на соглашение, умалчивая о том, что сами же меньшевики и эсеры покинули съезд и начали вооруженную борьбу с советской властью.

Наиболее крупную роль в этой кампании давления на большевиков в сторону гнилого компромисса сыграл Викжель.

Викжель — исполнительный комитет профессионального союза железнодорожников — был избран 25 августа (7 сентября) 1917 г. на Всероссийском съезде железнодорожников.[42] Выборы на этот съезд производились не от железнодорожных профсоюзов,[43] а от железных дорог совместно с администрацией и служащими. Система выборов была построена таким образом, что в итоге на 600 слишком делегатов съезда только 78 было рабочих железнодорожников, подавляющая же масса была из служащих и администрации. Представители целого ряда рабочих профсоюзов, например, кондукторов, смазчиков, машинистов и др. даже не получили на нем права решающего голоса и с протестом покинули съезд. Съезд был настроен антибольшевистски. Назревавшую тогда забастовку железнодорожников он запретил, не желая создавать затруднения буржуазному Временному правительству. Против его решений тогда же, во время съезда, рабочие железнодорожники Петроградского узла (17 000 человек) послали телеграфные протесты.

В избранном на этом съезде Викжеле большинство имели представители железнодорожного чиновничества и мелкой буржуазии.

Еще на II съезде советов (26 октября) представитель Викжеля выступил с заявлением, что считает съезд неправомочным, что нет

---

[42] Происходил с 15 (28) июля по 25 августа (7 сентября) в Москве.

[43] Профсоюзы строились по профессиям: кондуктора отдельно, смазчики отдельно, машинисты отдельно и т. д.

авторитетной для всей страны власти, что он относится отрицательно к захвату власти одной партией, что власть

«должна быть революционно-социалистической, ответственной перед полномочным органом всей революционной демократии». [44]

Впредь до организации такой власти Викжель брал на себя управление железными дорогами. Все распоряжения, касающиеся путей сообщения, должны были исходить только от него. Он заявил, что не пропустит контрреволюционных войск к Ленинграду и будет пропускать войска только по распоряжению ЦИК (прежнего созыва, меньшевистско-эсеровского) или того полномочного органа, который будет создан городской думой и другими революционными организациями.

«Если же по отношению к железнодорожникам будут применены репрессивные меры, *то союз лишит Петроград продовольствия*».

Для управления министерством путей сообщения Викжель на другой день же выделил бюро из пяти лиц.

Это выступление Викжеля вызвало крики негодования и презрения со стороны делегатов рабочих железнодорожников. Выступавшие вслед за ним рабочие заявили, что вся железнодорожная масса высказывается за передачу власти советам, что Викжель является политическим трупом и масса железнодорожных рабочих давно от него отвернулась.

Викжель обратился ко «всем, всем» с телеграммой, где заявил о своем нейтралитете. Только той организации, которая примет его платформу, он считал возможным предоставить свой технический аппарат. Все органы союза он призывал мешать всеми мерами движению войск обеих сторон.

29 октября, в день разгрома юнкеров, он опять обратился ко «всем, всем» с новой телеграммой. Под угрозой железнодорожной забастовки «с 12 час. ночи на 30 ноября» он ультимативно требовал прекращения военных действий в Петрограде и в Москве.

«Единственным спасением» он признал — однородное социалистическое правительство, в создании которого должны принять участие все социалистические партии от большевиков до народных социалистов включительно» и которое существовало бы только до созыва учредительного собрания.

Но у самого Викжеля было немало оснований сомневаться, что массы железнодорожников дружно подхватят его призыв к забастовке против большевиков. Угрозой забастовки, которая привела бы к неисчислимым бедствиям, он надеялся заставить большевиков пойти на компромисс. Свою телеграмму он огласил на заседании Всероссийского ЦИК и потребовал участия большевиков в созываемом им совещании для соглашения всех социалистических партий по вопросу о власти. Левые эсеры тоже предъявили ВЦИК свой ультиматум.

Мы уже говорили, что массы железнодорожников уже не шли за Викжелем. Поведение Викжеля во время железнодорожной заба-

[44] II Всероссийский съезд советов 1917 г. в документах и материалах, под ред. М. Н. Покровского и Я. А. Яковлева, стр. 89, 90, 1928 г.

стовки, возникшей вопреки всем его стараниям предотвратить ее, окончательно открыло им глаза на истинные цели соглашателей.

Но в его руках был аппарат управления железными дорогами. Малейшая заминка в снабжении продовольствием при тогдашнем катастрофическом положении могла бы поставить и солдат на фронте и ведущих героическую борьбу за власть советов рабочих Петрограда и Москвы под угрозу голода. Важно было оттянуть время, пока контрреволюция не была еще окончательно разгромлена под Петроградом и в Москве. Поэтому, заранее зная, что из этих попыток договориться с явными врагами и предателями ничего не выйдет, ЦК партии решил пойти на переговоры, отнюдь не прекращая однако военных действий против контрреволюции, идя на переговоры для дипломатического прикрытия военных действий. В тот же день ВЦИК выделил своих представителей на это совещание.

Викжель торжествовал. Тотчас же им была разослана телеграмма «всем, всем» о приостановке железнодорожной забастовки.

Но «стачечные комитеты, — заявил он, — остаются на местах в полной готовности. Всякие передвижения войск для участия во внутренней борьбе должны быть немедленно прекращены. Стратегические передвижения войск и группировки для внешнего фронта ни в коем случае не должны прекращаться». [45]

Вечером того же дня собралось это пресловутое совещание, получившее в дальнейшем название согласительной комиссии. На совещании участвовали представители Совета народных комиссаров, ВЦИК, Комитета спасения родины и революции, городской думы, Исполнительного комитета крестьянских депутатов, союза служащих, самого Викжеля и всех партий (кроме кадетов).

На совещании меньшевики и эсеры заняли самую непримиримую позицию. Они считали, что старая власть существует, несмотря на то, что министры арестованы. Все, что произошло, они объявили мятежом, который нужно ликвидировать вооруженной рукой. Представитель ЦК эсеров заявил, что «с большевиками надо разговаривать не словами, а оружием», а представитель Комитета спасения родины и революции, меньшевик Вайнштейн, что «никакие разговоры с большевиками невозможны, возможна лишь немедленная ликвидация большевистской авантюры».

Накануне, на запрос Викжеля, Комитет спасения ответил, что предлагает Керенскому

> «войти в Петроград победителем, восстановить старое правительство, а потом можно будет образовать и социалистическое министерство, но без большевиков». [46]

Предложение комитета спасения — образовать однородное «социалистическое» правительство без большевиков поддержали и представители служащих государственных учреждений.

В таком же духе высказывались и представители меньшевиков, вполне поддержавших Комитет спасения. Дан предлагал больше-

[45] Этим оставлялась лазейка для ставки, которая готовила кулак против большевиков.

[46] *Вомпе.* Дни Октябрьской революции и железнодорожники.

викам сдаться на милость только что потерпевшей жестокое поражение «демократии», пробовал взять большевиков на испуг и требовал ликвидации «заговора», роспуска Военно-революционного комитета, признания съезда советов несостоявшимся, предлагая соглашение на основе предложения Комитета спасения, т. е. «образования демократической власти без большевиков».

При этом Дан все-таки учитывал, что правительство, организованное без большевиков и против них, не будет прочно, так как широкие рабочие и солдатские массы, только что совершившие революцию, будут против, и считал, что большевики «морально и политически обязаны опубликовать акты, в которых обязуются поддерживать эту новую власть и не свергать ее».

Итак, меньшевики и эсеры предлагали исключить из правительства партию пролетариата, за которой шли массы рабочих и крестьян, но зато включить в правительство трудовиков энесов — замаскированных кадетов, не пользующихся никаким влиянием в трудящихся массах, а большевиков обязать поддержать эту власть, где их не будет и которая будет с ними расправляться!

Представитель Викжеля пытался склонить совещание к соглашению.

Меньшевики-интернационалисты тоже старались занять «примирительную» позицию, выгодную для них, так как, выступая перед отсталыми слоями рабочего класса и перед мелкой буржуазией в роли миротворцев, выставляя большевиков единственными виновниками гражданской войны, которая якобы возникла вследствие их нежелания итти на соглашение с другими партиями, и играя на трудностях, разрухе и голоде, они еще надеялись завоевать себе сторонников. Но по существу они, так же как и меньшевики-оборонцы и правые эсеры, занимали контрреволюционную позицию, требовали разоружения пролетариата и отказа его от плодов победы.

Например Абрамович настаивал на ответственности правительства не только перед советами, но и «учреждениями, вышедшими из всеобщего избирательного права», т. е. городскими думами, земствами и т. д.

Объединенные интернационалисты-новожизненцы елейно призывали большевиков «к умеренности», «к величайшей умеренности». Левые эсеры предлагали вместо ВЦИК, избранного II съездом советов, создать новый Исполнительный комитет из 40% оборонцев и 20% интернационалистов.

От большевиков выступили Сокольников и Каменев. Большевики заявили, что соглашение возможно и необходимо, но только: 1) на основе программы, возвещенной съездом советов, 2) ответственности правительства перед Всероссийским ЦИК советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, 3) в пределах всех партий, входивших в советы, т. е. от большевиков до энесов включительно. Что же касается состава правительства, то так как Всероссийский центральный исполнительный комитет советов является органом, перед которым правительство ответственно, то только от него зависит изменение состава правительства.

Предложение большевиков вызвало бешеную злобу меньшевиков

и эсеров. После долгих совещаний, уже в 6 час. утра они выдвинули свои условия соглашения:

1) Большевики должны объявить, что все полки переходят от Военно-революционного комитета в распоряжение городской думы; 2) рабочие должны разоружиться и не сопротивляться прибывающим войскам Керенского; 3) выпустить арестованных Военно-революционным комитетом; 4) распустить Военно-революционный комитет.

По исполнении этих условий «меньшевики и эсеры обещали поговорить с Керенским, чтобы его войска не чинили насилий над Петроградом, когда они войдут в город. На случай, если рабочие забаррикадируются, Керенский не будет иметь права вводить войско в рабочие кварталы и брать баррикады силой, пока рабочие не успокоятся». Большевики заявили в ответ, что если они предлагают эти условия в насмешку, то теперь не время смеяться, а если они говорят серьезно, то они предлагают предательство революции. «Если вы хотите пропагандировать сдачу на милость Керенскому и Савинкову, Корнилову и Каледину, то делайте это сами. Мы будем с вами бороться. Если Керенский сюда придет, то не Даны и Либеры уговорят его: он задушит рабочее движение на много лет». [47]

> «Если вы хотите сражаться с нами, то вы будете сражаться с миллионами рабочих солдат и крестьян, волю которых мы стараемся выявить. Перед вами две перспективы: или «большевистский заговор» будет раздавлен, и тогда на очереди казачья диктатура, — или мы победим, так как массы идут за нами, и тогда власть твердо будет находиться в наших руках».

Десять часов под-ряд продолжалось это совещание, но, как и ожидали большевики, идя в эту говорильню, не пришло ни к чему. Правые эсеры и меньшевики надеялись еще на разгром революции бандами Керенского. А угрозы Викжеля железнодорожной забастовкой и голодом только крылили их надежды.

Не придя ни к какому соглашению, совещание под давлением «миротворцев» Викжеля левых эсеров выбрало бюро, в которое вошли представители всех партий, в том числе и от большевиков (3). Этому бюро было поручено столковаться о составе правительства.

Бюро тоже ни к чему не пришло. Единственная уступка, на которую пошли эсеры и меньшевики, — отказ от цензовых элементов в правительстве.

На следующем заседании 10 октября главной целью всех соглашателей было добиться от большевиков перемирия, чтобы Керенский и юнкера в Москве, тогда еще не разгромленные, могли укрепить свои позиции.

Ничего не добившись, согласительная комиссия снова собралась вечером того же дня.

Это заседание было особенно бурным. Меньшевики и эсеры встретили большевиков настоящей истерикой — вечером стал известен приказ Военно-революционного комитета об аресте организаторов юнкерского мятежа, Гоца и Авксентьева. Оборонцы, сами принимав-

---

[47] «Известия совета рабочих и солдатских депутатов» № 212, от 31 октября (ст. ст.) 1917 г.

шие участие в подготовке восстания юнкеров и собиравшиеся арестовать комиссаров Военно-революционного комитета, вопили теперь о красном терроре, о том, что большевики опозорили революцию, и требовали, чтобы они отказались «от всяких террористических мер и от исключительных судов». В таком духе была принята ими и резолюция.

Когда стало известно, что дела Керенского далеко не блестящи, эсеры и меньшевики «великодушно» согласились под давлением тех же миротворцев из Викжеля допустить некоторых большевиков по их выбору в правительство. Против участия в правительстве Ленина они с бешенством возражали.

Эсеры выдвинули проект организации вместо ВЦИК нового органа верховной власти — Временного народного совета, который существовал бы только до Учредительного собрания. Состав его предполагался такой, что большевики совершенно потонули бы в массе оборонцев и даже кадетов (от городских дум). Этим проектом и занялось бюро совещания.

Каменев, выделенный ЦК в согласительную комиссию, нарушил партийную дисциплину, превысил свои полномочия и, пойдя на поводу у соглашателей, всерьез принялся обсуждать на бюро состав этого нового предпарламента. Это было не случайно: Каменев считал, что спасение революции в соглашении с контрреволюционными эсерами и меньшевиками, в возврате к дооктябрьским позициям.

Ан-ский, представитель в бюро от Петроградской городской думы, пишет в своих мемуарах: «поздно ночью 31 октября, после долгого мучительного пятичасового заседания» соглашение было наконец достигнуто. Вслед за тем на очередь опять был поставлен вопрос о перемирии. По словам того же Ан-ского

> «антибольшевики энергично требовали прекращения кровопролития, и Каменев согласился с нашим требованием. Он выразил уверенность, что советы рабочих депутатов согласятся с условиями, выработанными нашим совещанием. Поэтому он считает возможным принять меры для приостановки военных действий на петроградском фронте. Составлен был протокол соглашения, и решено было в ту же ночь доставить его вместе с препроводительным письмом совещания на оба фронта, в главные штабы обеих армий. В письме указывалось на необходимость заключения перемирия». [48]

Но когда Ан-ский вместе с представителем Викжеля явились в Смольный в Военно-революционный комитет за пропуском в Гатчину к Керенскому, им ответили:

> «Вам уже незачем ехать на фронт... и уже поздно входить в какие-либо соглашения с контрреволюционерами... потому что банда Керенского разбита наголову. Казаки сдались, а сам Керенский окружен. В настоящий момент он, наверное, взят в плен и через несколько часов его привезут сюда. Вы, как видите, несколько запоздали с своим соглашением».

Проект Временного народного совета, утвержденный бюро вместе с большевиками, на другой день обсуждался в согласительной комиссии, которая занялась его подробной разработкой. Тот же Ан-

---

[48] «Октябрьская революция». Мемуары *О. Ан-ского*. «После переворота 25 октября 1917 г.», стр. 306 — 307.

ский докладывал Городской думе, что на этом заседании обсуждались уже и кандидатуры будущих членов правительства. На пост министра-председателя эсеры выдвигали Чернова и Авксентьева. Авксентьева отвели большевики, но Каменев, входивший в согласительную комиссию от большевиков, «на кандидатуре Ленина не настаивал». Обсуждались кандидатуры и других министров. Ленина среди них не было.

В состав будущего верховного органа — Народного совета — по решению этого совещания должны были войти: по 100 представителей от советов и городских дум (поровну), 75 от Совета крестьянских депутатов (тогда еще не переизбранного и правоэсеровского) и по нескольку представителей от профсоюзов, в том числе и Викжеля. Правительство было бы ответственным не перед ВЦИК советов, а перед этим новым демократическим органом, который сам существовал бы только до Учредительного собрания.

Каменев превысил свои полномочия, согласившись на предложение эсеров. Накануне он защищал «честную коалицию партий, входящих в советы». Уже на первом совещании согласительной комиссии он заявил, что для Всероссийского центрального исполнительного комитета на первом месте стоит программа правительства и его ответственность, а отнюдь не его личный состав.

Отказавшись защищать линию партии, он совершил чудовищное нарушение партийной дисциплины. Это была полная капитуляция перед контрреволюционными соглашателями.

Его согласие на Народный совет было отказом от диктатуры пролетариата, от власти советов, от декретов II съезда советов, прямым предательством социалистической революции: соглашатели и «миротворцы» ликовали.

На заседании ЦК 1 ноября Ленин настаивал, чтобы политика Каменева была прекращена в самом начале.

> «Разговаривать с Викжелем теперь не приходится. Нужно отправлять войска в Москву. Во ВЦИК Викжеля впускать нельзя. Переговоры должны были быть как дипломатическое прикрытие военных действий. Единственное решение, которое правильно, — это уничтожить колеблющихся и самим стать решительными... Нужно притти на помощь москвичам. Победа наша обеспечена... Мы должны апеллировать к массам, и они его (Викжеля) сбросят... Викжель стоит на стороне Калединых и Корниловых. Колебаться нельзя. За нами большинство рабочих и крестьян и армии». [49]

Каменев считал соглашение необходимым и неизбежным.

Большинство членов ЦК отстаивало точку зрения Ленина.

В итоге резкой критики позиции, занятой Каменевым в Совещании, ЦК принял резолюцию:

> «Считая, на основании опыта предшествующих переговоров, что соглашательские партии ведут эти переговоры не с целью создания объединенной советской власти, а с целью внесения раскола в среду рабочих и солдат, подрыва советской власти и окончательного закрепления левых эсеров за политикой соглашательства с буржуазией, ЦК постановляет: разрешить членам нашей партии, в виду уже состоявшегося решения ЦИК, принять сегодня участие в последней попытке левых эсеров создать так

[49] *Ленин.* Соч., т. XXII, стр. 35, изд. 3-е.

называемую однородную власть с целью последнего разоблачения несостоятельности этой попытки и окончательного прекращения дальнейших переговоров о коалиционной власти».

Эта резолюция была принята большинством голосов, 4 члена ЦК были против. Ясно, что они обязаны были подчиниться партийной дисциплине.

На этом же заседании был принят ультиматум левым эсерам, который и был принят большевистской фракцией ВЦИК и оглашен на заседании ВЦИК в ту же ночь на 1 ноября. Текст ультиматума был следующий:

«Считая соглашение социалистических партий желательным, ВЦИК заявляет, что соглашение может быть достигнуто только на следующих условиях: 1) признание программы советского правительства, как она выражена в декретах о земле, мире и обоих проектах о рабочем контроле, 2) признание необходимости беспощадной борьбы с контрреволюцией (Керенский, Корнилов, Краснов), 3) признание II Всероссийского съезда советов единственным источником власти, 4) правительство ответственно перед ВЦИКом, 5) отклонение представительства во ВЦИКе организаций, не входящих в состав советов, 6) дополнение ВЦИКа представителями от непредставленных в нем советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Совета профсоюзов, союза фабзавкомов, Викжеля, почт-телеграфного союза и — только после перевыборов Всероссийского совета крестьянских депутатов». [50]

Эта резолюция встретила бурные возражения со стороны левых эсеров, но после прений была принята единогласно при одном воздержавшемся.

Между тем разгром контрреволюции и в Москве и в Петрограде заставил меньшевиков несколько изменить свою непримиримую позицию.

В тот же день 1 ноября ЦК меньшевиков принял резолюцию, в которой признал:

«что все другие соображения должны отступить на задний план перед необходимостью во что бы то ни стало не допустить кровопролития, междоусобия в рабочей (!) среде и разгрома рабочего (?!) движения».

Для этой цели — предотвращения разгрома «рабочего» движения (в Москве — юнкеров, в Ленинграде — казаков генерала Краснова, в провинции — городских дум и комитетов спасения и безопасности) он постановил: «принять участие в попытке организовать однородную власть, включающую в себя социалистические партии от энесов до большевиков».

После оглашения резолюции, принятой ЦИК по предложению фракции большевиков, меньшевики и правые эсеры ушли из согласительной комиссии и подняли целую кампанию против непримиримости большевиков и за соглашение всех партий на демократической основе, прекращение «политического террора», восстановление свободы печати и других демократических свобод и объявление перемирия на всех фронтах гражданской войны, — как раз в это время советы овладевали город за городом в провинции.

Викжель 3 ноября снова созвал совещание. Но правые эсеры и

---

[50] «Пролетарская революция» № 11, 1927 г. Протоколы ЦК № 33.

меньшевики на это совещание не явились. Их место заняли меньшевики-интернационалисты.

Мартов и Абрамович ультимативно требовали прекращения вооруженной борьбы и «террора» и открытия буржуазных газет как первого условия дальнейших переговоров. Тов. Сталин от имени ЦК большевиков категорически возражал против требований Мартова и заявил, *что никаких гарантий прекращения вооруженной борьбы дано быть не может.*

«Террор» заключался в том, что Терещенко, Кишкин и Пальчинский находились еще под арестом. Министры-социалисты все были на свободе и даже собирались в частных квартирах, изображая из себя Временное правительство. Собирался и старый Центральный исполнительный комитет. И Петроградская городская дума не почувствовала еще на себе железной руки пролетарской диктатуры. Комитет спасения был закрыт только 10 ноября (ст. ст.). Партии меньшевиков и эсеров тоже существовали легально и выпускали свои газеты. Вся эта публика дружно руководила саботажем служащих, готовила заговоры, призывала в своих газетах к свержению советской власти и т. д. и... кричала о терроре большевиков. Никакого террора не было, победивший пролетариат слишком гуманно обращался с побежденным врагом.

Затея Викжеля потерпела полный крах. Председатель Викжеля уныло информировал об этом Московское бюро, — конечно, по его словам, во всем были виноваты большевики. «Соглашение... расстроилось в виду того, что под Гатчиной войска Керенского разбиты, и он бежал». 20 ноября в «Правде» появилось заявление Петроградского совета, окончательно разочаровавшее всех соглашателей:

> «Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов единогласно постановил: прекратить все переговоры о соглашении с меньшевиками и эсерами. Меньшевики и эсеры предлагают рабочим разоружиться, а пока они дают эти предательские советы, офицеры и юнкера вооружаются и ждут Каледина. Рабочие и солдаты! Гоните прочь проповедников соглашения, обманывающих вашу революционную бдительность».

Викжель существовал еще три месяца, пока не был переизбран и заменен Викжедором.

Попытка Викжеля не увенчалась успехом, потому что железнодорожные массы уже давно отвернулись от своих вождей. Мы уже отмечали, как встретили ультиматум Викжеля делегаты II съезда железнодорожники рабочие. После съезда, когда Викжель развил свою деятельность, низы выносили сотни резолюций, клеймящих позором политику Викжеля и требовавших от него поддержки советской власти. Рабочие 1-го и 2-го участков службы тяги Северо-западных железных дорог требовали даже от советской власти ареста Викжеля. Вопреки Викжелю и его «нейтралитету» низы пропускали красногвардейцев и задерживали поезда с белыми.

Викжель был такой же кучкой разоблаченных перед массами генералов без армии, как и ЦИК старого союза и многие другие организации, еще так недавно имевшие вес и значение, а теперь начавшие бешеную, но бессильную борьбу с советами.

Чтобы сломить бешеное сопротивление врагов пролетарской революции, нужно было их решительное подавление, твердая, непреклонная политика, железная диктатура пролетариата.

«Чем тверже будете вы, солдаты и рабочие, тем большего мы достигнем», говорил Ленин в эти дни.

«Мы не хотим, — говорил он вместе с тем неоднократно, — чтобы массы нам верили на слово... Мы хотим, чтобы массы опытом избавились от своих ошибок».

Но в момент, когда нужно было величайшее напряжение всех сил, полное единство, чтобы закрепить победу пролетарской революции, внутри партии нашлась кучка правых оппортунистов, которая продолжала борьбу против твердой линии Ленина, Сталина и других членов ЦК, сплотившихся в борьбе за укрепление диктатуры пролетариата вокруг вождя мировой пролетарской революции.

Еще на апрельской конференции один из представителей правого крыла, Ногин, доказывал, что:

> «В процессе развития самые важные функции советов отпадают. Целый ряд административных функций передается городским, земским и т. д. учреждениям. Если мы будем рассматривать дальнейшее развитие государственного строительства, мы не можем отрицать, что будет созвано Учредительное собрание, а за ним парламент. Таким образом выходит, что советы отмирают. Однако, это не значит, что советы позорно кончают свое существование. Они только передают свои функции». [51]

Итак, по мнению Ногина, венцом революции в России была демократия с парламентом и т. д. Советы, как временные органы революции, по достижении этой конечной цели должны были отмереть.

Зиновьев и Каменев, лидеры правой оппозиции, накануне и сразу после Октябрьской революции защищали «комбинированный тип государства».

Зиновьев писал в «Рабочем пути» 4 (17) октября 1917 г.:

> «Если нашей революции не суждено погибнуть, если ее дело победит, то мы увидим на практике комбинированный тип республики Советов и Учредительного собрания. Если то, что мы называем «второй революцией»... может произойти мирно, то только по пути *такой* республики».

О комбинированном типе государства — Учредительное собрание плюс советы — писали Зиновьев и Каменев и в своем письме «к текущему моменту», борясь накануне вооруженного восстания с «гибельной», по их мнению, не «мирной» политикой Ленина.

Советы, по мнению этой «парочки товарищей», должны были быть только «револьвером, приставленным к виску правительства с требованием созыва Учредительного собрания и отказа от корниловских попыток», а не органом власти, не формой диктатуры пролетариата.

От своей борьбы за демократию, против диктатуры пролетариата и беднейших слоев крестьянства, за курс на оппозиционное большинство в полновластном демократическом Учредительном собрании,

[51] Общегородская и всесоюзная конференция РСДРП(б) в апреле 1917 г., стр. 69.

за комбинированный тип государства они не отказались и после победоносного вооруженного восстания. Диктатуру пролетариата они считали несвоевременной и обреченной на гибель. Они вносили дезорганизацию в среду революционного пролетариата, беззаветно дравшегося под руководством своей партии против контрреволюции, за диктатуру пролетариата. Они требовали капитуляции партии перед контрреволюционными соглашателями. Мы уже отметили целый ряд нарушений постановлений ЦК, решительно осудивших их линию.

Они не верили в возможность социалистической революции в нашей стране, не верили, что крестьянство поддержит пролетариат, что большевики смогут удержать власть в своих руках, пугались трудностей, которые должна была преодолевать советская власть, не верили в силы пролетариата, боялись его изоляции. Поэтому они были за соглашение с представителями «демократической» контрреволюции на основе не социалистической, а буржуазно-демократической революции и настаивали на участии меньшевиков и эсеров в правительстве, за «закрепление уже завоеванных позиций», а не за дальнейшее движение вперед к социализму.

2 ноября, в связи с внутрипартийными разногласиями, ЦК принял резолюцию Ленина, в которой говорилось:

«1)... Уступки ультиматумам и угрозам меньшинства советов равносильны полному отречению не только от советской власти, но и от демократизма, ибо такие уступки равносильны боязни большинства использовать свое большинство...

2)... Не исключая никого со II съезда советов, ЦК и сейчас вполне готов вернуть ушедших и признать коалицию этих ушедших в пределах советов, что следовательно абсолютно ложны речи, будто большевики ни с кем не хотят разделить власти.

3)... За несколько часов до образования правительства ЦК пригласил на свое заседание трех представителей левых эсеров, предложив им войти в СНК, но они отказались. Отказ левых эсеров возлагает ответственность за несостоявшееся соглашение с ними на них самих.

4) ... ЦК заявляет, что земельный закон нашего правительства, целиком списанный с эсеровского наказа, доказал на деле полную и искреннюю готовность большевиков осуществлять коалицию с огромным большинством населения России.

5) ... Вопреки всем трудностям, победа социализма в России и в Европе обеспечивается только неуклонным проведением политики теперешнего правительства.

ЦК выражает полную уверенность в победе этой социалистической революции и приглашает всех скептиков и колеблющихся бросить свои колебания и поддержать всей душой и энергией деятельность этого правительства».

Эта резолюция была принята подавляющим большинством голосов. Ленин, Сталин, Свердлов, весь ЦК, вся партия были единодушны и тверды в борьбе за дальнейшее развитие социалистической революции, были единодушны в резком отпоре капитуляции.

Но Каменев и Зиновьев не подчинились и этому постановлению ЦК и грубо его сорвали при первом же «нажиме».

Когда на заседании ВЦИК левые эсеры, испугавшись твердой линии большевиков, предъявили ультиматум: или большевики идут с меньшевиками и эсерами, или они, левые эсеры, отказываются от дальнейшего сотрудничества с большевиками, Каменев, огласив ре-

волюцию ЦК, прибавил от себя, что фракция ВЦИК этой резолюции еще не обсуждала, и потребовал перерыва для обсуждения резолюции ЦК на большевистской фракции ВЦИК. На заседании фракции он выступил против постановления ЦК. Фракция отклонила постановление ЦК и приняла резолюцию о продолжении переговоров со всеми советскими партиями.

Левые эсеры расценили резолюцию, проведенную Каменевым во фракции, «как шаг в сторону соглашения» и голосовали за нее. Между тем среди самих левых эсеров уже намечался раскол: часть — низы были за ответственность правительства только перед совстами, верхи — за соглашение с правым крылом «демократии». Уступка Каменева укрепила позицию правого крыла, усилила позиции контрреволюции, окрылила ее. Белогвардейщина зашевелилась, возлагая надежды на то, что линия Каменева победит среди большевиков. Сорвав решение ЦК, Каменев отказался защищать диктатуру пролетариата.

Это было неслыханным нарушением всех решений партии.

Большинство ЦК по предложению Ленина обратилось к меньшинству, нарушающему дисциплину партии, с ультимативным заявлением, написанным Лениным и подписанным кроме него Сталиным, Свердловым, Урицким, Дзержинским, Бубновым, Сокольниковым, Мураловым и другими.

> «ЦК объявил изменой делу пролетариата всякую попытку навязать нашей партии уклонение от власти, раз Всероссийский съезд советов эту власть именем миллионов рабочих, солдат и крестьян вручил представителям нашей партии на основе нашей программы. Эта основная линия нашей тактики, вытекающая из всей нашей борьбы против соглашательства и руководившая нами в восстании против правительства Керенского, составляет сейчас революционную сущность большевизма...
>
> ... Представители меньшинства... вели и ведут политику, явно направленную против основной линии нашей партии, и деморализуют наши собственные ряды, поселяя колебания в тот момент, когда необходима величайшая твердость и неуклонность...
>
> ... Неслыханное нарушение дисциплины, совершенное членами ЦК за спиной ЦК после многочасовых прений в ЦК, вызванных этими же самыми представителями оппозиции, делает для нас очевидным, что оппозиция намерена брать партийные учреждения измором, саботируя работу партии в такой момент, когда от ближайшего исхода этой работы зависит судьба партии, судьба революции». [52]

От меньшинства ЦК требовал точного ответа, согласно ли оно подчиниться решению ЦК от 2 ноября, в противном случае большинство вынуждено будет апеллировать к партии, ставя вопрос о немедленном исключении их из партии.

В ответ на обращение большинства ЦК Каменев, Зиновьев, Рыков, Ногин и Милютин 4 ноября подали заявление о своем выходе из ЦК, так как ЦК отвергает «соглашение с партиями, входящими в Совет рабочих и солдатских депутатов, для образования социалистического советского правительства». Они считали, что соглашение необходимо для закрепления позиций, предотвращения дальнейшего кровопролития, надвигающегося голода, разгрома революции и т. д. Политику ЦК они считали

[52] *Ленин*. Соч., т. XXII стр. 38—39, изд. 2-е.

«гибельной, проводимой вопреки воле громадной части пролетариата и солдат, жаждущих скорейшего прекращения кровопролития между отдельными частями демократии».

Оппозиция, уходя из ЦК, считала себя в праве призывать рабочих и солдат поддержать ее клич: «да здравствует правительство из советских партий! [53] Немедленное соглашение на этих условиях».

Каменев, Рязанов и Ларин подали от себя, кроме того, особое заявление, к которому присоединились Милютин и Дербышев. В этом заявлении они отстаивали свое право защищать свои собственные взгляды и не подчиняться решениям ЦК, с которыми они не согласны.

ЦК в ответ на эти заявления, в корне расходившиеся со всеми постановлениями ЦК и взрывающими дисциплину партии, принял новый ультиматум дезертирам.

Он указал им, что они «вносят колебания в ряды борцов незаконченного еще восстания, нарушают партийную дисциплину, взрывают решения партии вне ее рамок, тормозят этим работу ЦК», и предложил им или дать обязательство подчиниться решениям ЦК, или

«отстраниться от всякой публичной партийной деятельности и покинуть все ответственные посты впредь до партийного съезда.

... Отказ дать одно из этих двух обязательств поставит ЦК перед необходимостью поставить вопрос о немедленном вашем исключении из партии».

В тот же день на заседании ВЦИК Ларин выступил с предложением отменить декрет Совнаркома о печати (закрытие буржуазных газет). Левые эсеры поддержали это предложение.

За декрет выступил Ленин:

«Мы и раньше заявляли, что закроем буржуазные газеты, если возьмем власть в свои руки. Терпеть существование этих газет — значит перестать быть социалистом. Тот, кто говорит: откройте буржуазные газеты, не понимает, что мы полным ходом идем к социализму... Нам надо относиться к буржуазным газетам так, как мы относились к черносотенным в феврале — марте».

Резолюция большевиков прошла большинством 34 голосов против 24, причем Рязанов тоже голосовал против. Левые эсеры (Прошьян) заявили, что принятая резолюция о печати — «яркое и определенное выражение системы политического террора и разжигания гражданской войны». Фракция левых эсеров, оставаясь во ВЦИК, «чтобы защищать интересы рабочих и крестьян», но не желая нести ответственность «за гибельную политику террора», отозвала своих представителей из ВРК, штаба и с других ответственных постов.

И вот в такой момент бешеной атаки мелкобуржуазных попутчиков на твердую политику большевиков, на диктатуру пролетариата оппозиция огласила заявление о своем выходе из Совета народных комиссаров, так как она не согласна с политикой Совнаркома,

«ставшего на путь террора ради сохранения чисто большевистского правительства».

[53] Напоминаем, что «советскими» назывались тогда партии, представленные до Октября в советах, куда входили и оборонцы всех мастей, вплоть до близких к кадетам эсеров.

«Мы стоим на точке зрения необходимости образования социалистического правительства из всех советских партий»,

заявляли они. Свои полномочия сняли Ногин, Рыков, Милютин, Теодорович, Шляпников, к ним присоединились: Рязанов, Дербышев, Арбузов, Юренев, Федоров и Ларин. [54]

Левые эсеры воспрянули духом и поставили вопрос о неодобрении линии Совнаркома. На их атаки Ленин ответил:

«Власть принадлежит нашей партии, опирающейся на доверие широких масс. Пусть несколько наших товарищей стали на платформу, ничего общего с большевизмом не имеющую. Рабочие... за ними не пойдут». [55]

Однако, несмотря на уход части народных комиссаров и атаки левых эсеров, ВЦИК принял резолюцию о доверии Совету народных комиссаров.

Итак, в момент, когда борьба за власть советов еще не закончилась в провинции, когда враги революции организовали саботаж и заговоры против советов, когда попутчики большевиков, левые эсеры, колебались в сторону «демократии» и отказа от власти советов, когда нужны были исключительная твердость и сплоченность рядов партии, чтобы отбить все атаки и укрепить власть советов — оппозиция снова открыто выступила против решений партии, нарушая все постановления ЦК.

Уход части большевиков из Совета народных комиссаров вызвал ликованье в стане врагов революции. Меньшевики по словам «Новой жизни» рассчитывали, что этот раскол ослабит позицию «якобинцев» среди большевиков и, наоборот, усилит шансы на соглашение в рядах демократии.

Даже «доблестные союзники» воспрянули духом. Бьюкенен в своих мемуарах пишет:

«Отход столь многих большевистских лидеров приведет более умеренных членов этой партии к соглашению с представителями других социалистических групп» и что «будет организовано правительство без Ленина». [56]

Представители этих «других социалистических групп» были великолепно известны сэру Бьюкенену: Авксентьев, Чайковский, и меньшевики вели с ним весьма задушевные разговоры о подавлении «большевистской авантюры и т. д.

ЦК апеллировал к партии и к массам. В «Правде» появилось обращение ЦК, написанное Лениным, «Ко всем членам партии и ко всем трудящимся классам России».

В обращении говорилось:

«В такой большой партии, как наша, несмотря на пролетарский революционный курс нашей политики, не могло не оказаться отдельных товарищей, недостаточно стойких и твердых в борьбе с врагами народа. Задачи, стоящие перед нашей партией, поистине неизмеримы, трудности огромны, и несколько членов нашей партии, занимавшие раньше ответ-

---

[54] На другой день ушедшие с своих постов народные комиссары взяли свое заявление обратно. Окончательно ушли Ногин, Рыков и Милютин.

[55] *Ленин*. Соч., т. XXII, стр. 46, изд. 2-е.

[56] *Джордж Бьюкенен*. Мемуары дипломата, стр. 275.

ственные посты, дрогнули перед натиском буржуазии и бежали из нашей среды. Вся буржуазия и все ее пособники ликуют по поводу этого, злорадствуют, кричат о развале, пророчат гибель большевистского правительства...

Товарищи, не верьте этой лжи, ушедшие товарищи поступили, как дезертиры... мы решительно осуждаем это дезертирство. Мы глубоко убеждены, что все сознательные рабочие, солдаты и крестьяне, принадлежащие к нашей партии или сочувствующие ей, так же решительно осудят поступок дезертиров.

...Мы заявляем, что ни на минуту, ни на волос дезертирский поступок нескольких человек из верхушки нашей партии не поколеблет единства масс, идущих за нашей партией, и, следовательно, не поколеблет нашей партии.

Ни тени колебания в массах петроградских, московских и других рабочих и солдат нет. Наша партия стоит дружно и твердо как один человек на страже советской власти, на страже интересов всех трудящихся, прежде всего рабочих и беднейших крестьян...

Никогда не уступит наша партия ультиматумам меньшинства советов, меньшинства, давшего себя запугать буржуазии и фактически, на деле, вопреки всем «благим намерениям», выступающего как кукла в руках корниловцев». [57]

Вся партия дружно поддержала Центральный комитет. Рабочие массы встретили дезертирство правых большевиков с негодованием. На заводах и фабриках выносились резолюции протеста против их поведения. К ним отправлялись делегации от Петроградских рабочих и работниц, требовавшие от них подчинения ЦК. Один за другим оппозиционеры вынуждены были отказываться от своих позиций. Первый подал заявление в ЦК Зиновьев, за ним остальные.

Вместо Каменева, проводившего соглашательскую политику в ЦИК, председателем его был избран Яков Михайлович Свердлов, который сразу повел твердую линию, ввел во фракции ЦИК железную дисциплину и, будучи великолепным организатором, проделал громаднейшую работу по созданию аппарата советской власти.

11 декабря, по предложению Ленина, бюро фракции ЦИК было переизбрано. Каменев, Рязанов, Рыков, Ларин, Милютин, Ногин и другие были отстранены от руководства фракцией.

Преданнейшие революционеры, лучшие ученики Ленина — Свердлов, Сталин и другие твердые большевики-ленинцы сплотились вокруг Ленина в ЦК и дружно дали отпор колебаниям правых большевиков.

Под напором масс, под влиянием победы и укрепления советской власти, которое произошло вопреки их мрачным предсказаниям и благодаря твердой линии ЦК, оппозиция была вынуждена подчиниться партии.

Но, как показало дальнейшее, Каменев и Зиновьев до конца сохранили свое меньшевистское неверие в силы пролетариата, в социалистический характер нашей революции, в возможность построения социализма в нашей стране. На перевале 1925 — 1927 гг. они сомкнулись с Троцким на позиции антипартийной и антисоветской борьбы. Прикрываясь тогда «левой» фразой, они ликвидаторски оценивали перспективы нашего социалистического строительства.

[57] *Ленин*. Соч., т. XXII, изд. 2-е.

объявляли нашу социалистическую промышленность и кооперацию госкапитализмом, повели отчаянную борьбу против политики индустриализации, против кооперативного плана Ленина, проводившимися нашей партией во главе с великим продолжателем дела Ленина — т. Сталиным. И наконец, накануне XV годовщины Октября, они скатились к подлой роли пособников белогвардейщины, переродившихся ренегатов, готовивших рабочему и колхознику цепи капиталистической эксплоатации. Партия окончательно изгнала этих изменников и предателей дела рабочего класса из своих рядов. Их октябрьская позиция, как и указывал Ленин, была далеко не случайной. Она вытекала, так же как и дальнейшее позорное ренегатство, из меньшевистской оценки характера и перспектив нашей революции.

Если советская власть смогла окрепнуть, сломить сопротивление классового врага — эксплоататора, преодолеть послевоенную разруху и голод, закрепить тесный союз с крестьянством и вместе с ним двинуться на штурм последних твердынь капитала, то это произошло именно потому, что сама партия была воспитана в духе ленинской непримиримости. Мы победили именно потому, что авангард рабочего класса был спаян железной дисциплиной, беспощадно боролся с оппортунизмом и соглашательством, в своей собственной среде никогда не допускал никаких колебаний, и требовал полного единства действий от своих членов.

Поход Керенского, юнкерское восстание, бесплодность совещаний, созываемых Викжелем, на которых ярко выявилась вся невозможность каких бы то ни было соглашений с меньшевиками и эсерами, споры в ЦИК по вопросу о составе правительства, об уступках «демократии», которых требовали левые эсеры, наконец громадная работа, которую проделала партия по организации масс на борьбу с буржуазией, за закрепление завоеваний пролетарской революции, — все это помогло массам быстро избавиться от мелкобуржуазных демократических иллюзий. Правильная тактика ЦК, кампания разъяснения партийным низам линии партии, борьба с правым уклоном еще теснее сплотили ряды партии вокруг ЦК.

На опыте собственной борьбы самые широкие массы быстро убеждались, что мелкобуржуазная демократия, соглашения и компромиссы с врагами рабочего класса ведут только к закреплению капиталистического рабства, против которого они дружно восстали, что для того, чтобы закрепить за собой плоды победы, итти к полному раскрепощению трудящихся, нужна железная диктатура пролетариата, что

> «диктатура пролетариата есть упорная борьба, кровавая и бескровная, насильственная и мирная, военная, хозяйственная, педагогическая и администраторская, против сил и традиций старого общества». [58]

БОРЬБА С САБОТАЖЕМ

Отбивая атаки явных и скрытых врагов пролетарской революции, пролетариат должен был преодолеть также и грандиозной трудности задачи в области организационной.

[58] *Ленин* Соч., т. XV, стр. 136, изд. 1-е.

«Отличие социальной революции от буржуазной, — говорил т. Ленин, — состоит именно в том, что там есть готовые формы организаций капиталистических, а советская пролетарская революция этих отношений не получает готовыми, если не брать самых развитых форм капитализма, которые в сущности охватили только небольшие верхушки промышленности и совсем мало затронули еще земледелие. Организация учета, контроль над крупными предприятиями, превращение всего государственного экономического механизма в единую крупную машину, хозяйственный организм, работающий так, чтобы сотни миллионов людей руководились одним планом, — вот эта гигантская организационная задача, которая легла на наши плечи. По самым своим условиям она никоим образом не допускала решения на «ура», того решения, которым нам удавалось преодолеть задачи гражданской войны». [59]

Захватив с свои руки власть, пролетариату нужно было прежде всего преодолеть то крайнее разложение, которое внесли во все поры народного хозяйства и управления четырехлетняя война, 8 месяцев топтанья на месте Временного правительства и саботаж промышленников, мечтавших поставить рабочий класс на колени «костлявой рукой голода», нужно было выполнить колоссальной трудности задачу — осуществление точного рабочего контроля над производством и распределением продуктов.

Кроме того, пролетарская революция, в отличие от буржуазной, не может использовать уже готовый аппарат государственного управления, ибо он был создан для подавления трудящихся и был глубоко враждебен им.

«Овладеть государственным аппаратом» и «привести его в движение» пролетариат не может. Но он может *разбить* все, что есть угнетательского рутинного, неисправимо-буржуазного в старом, государственном аппарате, поставив на его место *свой* новый аппарат. Этот аппарат и есть советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов». [60]

«Если бы народное творчество революционных классов, — говорил т. Ленин, — не создало Советов, то пролетарская революция была бы в России делом безнадежным, ибо со старым аппаратом пролетариат несомненно удержать власти не мог бы, а нового аппарата сразу создать нельзя». [61]

Этот старый аппарат был создан еще до Февральской революции. Временное правительство внесло в него мало изменений. Например даже Сенат продолжал благополучно существовать. Это собрание посыпанных нафталином старых вельмож и отставных царских министров продолжало попрежнему получать головокружительные оклады, казенные квартиры, наградные, подъемные, ремонтные и т. д. и... не признало советскую власть «как таковую», когда совершилась пролетарская революция. Однако огласить такой указ «правительственного» Сената и «показать большевикам их место» им не удалось, так как типографские рабочие отказались его печатать.

Даже земские начальники попрежнему получали свои оклады, хотя и находились не у дел. Многие и многие учреждения оставались все 8 месяцев от Февраля к Октябрю в полной неприкосновенности.

---

[59] *Ленин*. Соч., т. XXII.
[60] Там же, стр. 257, «Удержат ли большевики государственную власть».
[61] Там же, т. XXI, изд. 1-е.

Высшие чиновники и служащие были или специально подобраны еще царским правительством, даже Февральскую революцию признали со скрежетом зубовным и охотно оказывали содействие монархическим заговорам; или были поставлены Временным правительством, т. е. были эсерами, меньшевиками и кадетами, ярыми защитниками интересов буржуазии; или сами непосредственно были заинтересованы в сохранении буржуазного господства, как например высшие банковские чиновники, директора заводов и фабрик, члены правлений трестов и т. п., участвовавшие в прибылях предприятий, вложившие в них свои капиталы и имевшие акции, паи и т. д.

Русская буржуазия, в силу ее зависимости от иностранного капитала и необходимости делиться с ним выжимаемой из рабочих прибылью, не могла организовать такую же широкую систему подкупа верхушек рабочего класса, как это делал западно-европейский капитал; но она подкупала зато высокими окладами, премиями, наградными и т. д. обслуживавших ее чиновников, интеллигенцию и служащих, которые привыкли преклоняться перед ее могуществом, заимствовали от нее свои взгляды, ее образ жизни и т. д., гордились ее знаками внимания в виде небрежно протянутых двух пальцев и милостивой улыбки.

Средние слои интеллигенции и служащих тянулись за верхушками, кроме того работа в старых канцеляриях годами воспитывала в них косность и бюрократизм.

В старой России между людьми интеллигентного и физического труда была резкая грань. Интеллигенция привыкла считать себя мозгом страны, ей одной было доступно образование, и она полагала, что без ее благосклонного участия, без ее руководства всякая революция должна неминуемо погибнуть. В творческие силы пролетариата она не верила. Пролетарская революция в ее представлении была разгромом всех учреждений правового государства, повальным дележом всех материальных ценностей, разрушением всех производительных сил и культурных ценностей.

Против советской власти первое время оказались и такие категории служащих и интеллигенции, как например почтово-телеграфные работники, мелкие канцелярские служащие, конторщики, сельские учителя и т. д., которые при буржуазном строе стояли на самом низу социальной лестницы, терпели всяческие унижения и получали нищенские оклады. Эти слои были глубоко убеждены в могуществе буржуазии, не верили в возможность победы пролетариата, боялись неизбежных издержек революции и равенства между людьми умственного и физического труда. Они тоже старались копировать своих господ в одежде, привычках и взглядах.

Они соглашались работать для правительства Романовых, приветствовали Февральскую революцию, аплодировали истерическим выкрикам Керенского. А когда в учреждениях появились комиссары-рабочие с загрубевшими от работы руками, они пришли в ужас и негодование.

Забастовали телефонистки. Напрасно красногвардейцы уговаривали их, убеждая, что при власти буржуазии они терпели нужду и унижения, что власть трудящихся улучшит их положение, они от-

ветили истерическими криками и покинули работу. Пришлось рабочим и матросам самим взяться за телефонные аппараты. 8 телефонисток, оставшихся работать, учили их, как соединять абонентов.

Забастовали телеграф, почтовые служащие, банковские, служащие конторского труда, министерства торговли и промышленности, народного просвещения, земледелия, финансов, внутренних дел, путей сообщения, государственного контроля, социального обеспечения, труда и т. д.

Саботаж охватил все учреждения. Саботажники в банках не выдавали денег на выдачу заработной платы рабочим.

Государственный банк не отпускал денег Совету народных комиссаров и в то же время на оплату саботажников списывались громадные суммы с текущих счетов различных учреждений. Только 17 (30) ноября Совету народных комиссаров удалось получить первые 5 млн. Чтобы получить ключи от банка, пришлось пригрозить директору его расстрелом. Какой вопль о зверстве большевиков тогда поднялся! В ответ на эту принудительную выдачу все чиновники государственного банка ответили забастовкой. Не примкнули к ней только мелкие служащие. Одновременно забастовали служащие всех кредитных учреждений.

Петроградская городская дума грозила 30 октября (12 ноября) в случае «какого бы то ни было умаления своих прав» приостановить работу всех городских учреждений и предприятий, снабжение населения продовольствием, транспортом, светом и пр. 1 (14) ноября губернский продовольственный комитет сложил с себя ответственность за снабжение губернии продовольствием, пока не будет восстановлен «нормальный правопорядок в стране», т. е. буржуазия не вернется к власти.

Всероссийский учительский союз призывал всех учителей (20 ноября) «встать на страже свободы просвещения путем открытого неподчинения советской власти». Забастовали городские учителя народных школ. Верхний слой учительства, который особенно тщательно подбирался еще царским правительством из «благонадежных», по отзыву жандармского управления, элементов, не за страх, а за совесть начал борьбу с советской властью.

Даже врачи и сестры милосердия в ряде лазаретов объявили забастовку и отказывались оказывать помощь больным и раненым солдатам и красногвардейцам.

Саботажники, уходя с работы, уносили с собой ключи от столов и шкафов, иногда даже необходимейшие дела. Графиня Панина, заведывавшая социальным обеспечением, захватила с собой и все суммы, находившиеся в распоряжении этого учреждения. Принимались все меры, чтобы всячески затруднить работу учреждений.

Например в бирже труда была установлена очередь на получение работы. Вследствие саботажа промышленников, локаутов и разрухи безработных была целая армия. Покидая биржу, служащие-меньшевики унесли с собой не только установленные списки, но и канцелярские принадлежности.

В бывшем военном министерстве был отдел справок об убитых, раненых и пропавших без вести на войне. Была громаднейшая кар-

готека, содержавшаяся в строгом порядке. Каждый день целая толпа осаждала этот отдел... Саботажники не только бросили работу, но и перепутали картотеку. Родные мобилизованных осаждали отдел за справками. Дать их было невозможно, не проделав громадной работы разбора картотеки. Саботажники злорадствовали и вели агитацию против большевиков, создавших хаос и анархию. Целыми днями сидели новые работники за работой над этой картотекой. По ночам же чья-то злоумышленная рука снова перепутывала разобранные карточки.

Большевики-комиссары, придя в порученные им учреждения, часто находили только пустые комнаты, запертые шкафы и столы да несколько мелких служащих, которые соглашались работать при советской власти. Иногда оставались одни сторожа и курьеры, которые и старались по мере сил помогать представителям новой власти трудящихся войти в курс работы учреждения. В министерстве народного просвещения например осталось всего четверо служащих.

Высшие чины и администрация руководили забастовкой. В первые дни после восстания она протекала дружно. «Изменникам дела демократии» Комитет спасения грозил всяческими карами. 20 ноября он вынес постановление:

> «Приветствовать служащих в их мужественной борьбе... заявить, что 1) все бастующие служащие считаются состоящими на государственной службе, 2) передача дел в руки захватчиков или подача прошений об отставке является недопустимой, 3) вопрос о штрейкбрехерах будет рассмотрен Союзом союзов [62] и будет представлен на рассмотрение новой власти, когда она будет оформлена».

Саботажем руководили Комитет спасения и меньшевистско-эсеровский ЦИК и оставшиеся на свободе члены Временного правительства под руководством эсеров и меньшевиков. На саботаж были по распоряжению собравшихся в частных квартирах членов Временного правительства отпущены громадные суммы из государственного банка (всего больше 2 млн.). ВЦИК первого созыва из несданных им денег (250 тыс. руб. да процентные бумаги) тоже выдавал на саботаж. Давали деньги и кадеты. Так через Кутлера было получено сначала 540 тыс., потом 480 тыс. для уплаты жалованья забастовавшим банковским служащим. Крупные торговые и промышленные фирмы и частные банки также субсидировали саботажников. Субсидировали саботаж и союзники через Русско-азиатский банк и др.

Всем саботажникам было обещано жалованье за 3 месяца саботажа.

Враги советской власти торжествовали. «Рабочая газета» писала (№ 198, от 28 октября 1917 г.):

> «Новоявленные министры» попросту не могут взять власть. Она ускользает из их рук, потому что вокруг них пустота, созданная ими самими; потому что весь служебный и технический аппарат государства от-

---

[62] Союз союзов был стачечным центром, выделенным забастовавшими служащими государственных учреждений для руководства саботажем.

казывается им служить: и министерские канцелярии, и почта, и телеграф, и железные дороги не желают быть орудием в руках заговорщиков.

Большевики могут сделать все, одно они не могут — овладеть государственной властью: не сегодня-завтра они неминуемо свалятся в пропасть. Заговорщики должны немедленно капитулировать, обратиться к Комитету спасения родины и революции».

7 (20) ноября Военно-революционный комитет дал первое предостережение:

«Богатые классы оказывают сопротивление новому правительству рабочих, солдат и крестьян... Их сторонники останавливают работу государственных и городских служащих, призывают прекращать службу в банках, пытаются прервать железнодорожное и почтово-телеграфное сообщение и пр. Мы предостерегаем их: они играют с огнем... первыми тяготу созданного ими положения почувствуют они сами. Богатые классы и их прислужники будут лишены права получать продукты, все запасы, имеющиеся у них, будут реквизированы. Имущество главных виновников будет конфисковано».

23 ноября появилось новое объявление:

«На фронте голод, верхи чиновничества саботируют... Контрреволюционные чиновники являются самыми бесчестными преступниками по отношению к голодающим и умирающим братьям на фронте. В случае малейшего сопротивления или противодействия с их стороны по отношению их будут приняты меры, суровость которых будет отвечать размерам совершенного ими преступления, вплоть до ареста и заключения в кронштадтские тюрьмы контрреволюционеров, руководивших саботажем». [63]

8 декабря Военно-революционный комитет объявил «всех саботажников-чиновников *врагами народа*, их имена будут опубликованы, и они объявляются под общественным бойкотом».

Ряд крупных чиновников был уволен за саботаж.

Первые шаги советской власти в борьбе с саботажем чиновников носили однако мягкий характер. Случаи арестов были очень редки, и то только высших чиновников, явных врагов пролетариата. По отношению к мелким служащим применялись меры убеждения.

Действительно, чем меньше был чин, тем меньше было и желания активно вести борьбу с большевиками. Постепенно мелкие служащие стали по одиночке возвращаться к работе. Часть мелких служащих не примкнула к забастовке с самого начала.

Чиновники и интеллигенция, даже сочувствующие большевикам, не верили однако в прочность советской власти. Были курьезные случаи, когда тот или другой служащий, соглашавшийся вернуться к работе, в то же время слезно умолял водить его на работу под караулом, так как боялся репрессий, в случае если буржуазия вернется к власти.

Были случаи, когда мелкие служащие протестовали против действий своего начальства, так например младшие служащие государственного казначейства заявили протест против забастовки высших и о своем желании работать под руководством новой власти. 7 (20) ноября мелкие служащие почт и телеграфов прекратили саботаж.

Но громадная часть чиновников, служащих и интеллигенции вернулась к работе только тогда, когда иссякли источники оплаты

[63] «Правда» № 192, от 15 (28) ноября 1917 г.

их саботажа. Постановление Военно-революционного комитета от 1 (14) ноября о неуплате жалованья саботирующим чиновникам и о лишении их права на пенсию не произвело на них впечатления. С национализацией банков и с организацией новых органов управления саботаж служащих был сломлен.

Первое время возвращающиеся в учреждения саботажники пробовали ставить советской власти различные ультиматумы. Например чиновники министерства народного просвещения потребовали, чтобы все привлеченные к работе новые служащие были уволены, приняты на работу все саботажники, с оставлением за ними их прежних должностей и функций. Совет народных комиссаров держал твердую линию — никаких переговоров с саботажниками не вести и принимать их только персонально.

Саботажникам пришлось сдаться. В феврале кончилась забастовка почт и телеграфов, 8 февраля — служащих ведомства путей сообщения. 23 февраля постановили на общем собрании кончить забастовку служащие городских управлений и городские санитарные врачи. Банковские служащие бастовали до 8 апреля. Вообще, по данным кадетов, саботажные забастовки тянулись целых полгода.

Трудно даже учесть весь вред, который принесли государству и всему народному хозяйству эти забастовки. Особенно первое время, пока новый советский аппарат еще не был налажен, а старый вследствие саботажа не работал, вся работа государственных и хозяйственных учреждений остановилась и пришла в полное расстройство. Любопытно, что именно бывшие саботажники впоследствии особенно громко вопили против тех лишений, которые ими же в известной степени были вызваны.

И вернувшись к работе, многие и многие чиновники вовсе не собирались честно работать для рабочих и крестьян. Скрытый саботаж продолжался. На заводах прятались нужные части машин, умышленно сокращалось производство, скрывались запасы сырья, часть высшего инженерно-технического персонала сносилась с своими прежними хозяевами — капиталистами и действовала в их интересах и по их указаниям. На транспорте хлебные грузы злонамеренно задерживались в пути, без толку гонялись туда и обратно, или сосредоточивались в пунктах, находящихся под угрозой захвата их белыми. Чиновники в учреждениях бездельничали, грубым обращением с посетителями-рабочими старались оттолкнуть их от советской власти, умышленно создавали волокиту, бюрократизм и т. д. Некоторые старые педагоги вели в школах антибольшевистскую пропаганду и т. д. и т. д.

Только в 1923 г. основные слои интеллигенции повернулись в сторону советской власти, и только некоторые элементы продолжали скрытый саботаж. Как действовали эти закоренелые враги трудящихся — процессы вредителей дали нам яркие примеры.

Саботаж был главным орудием разбитой в открытом бою буржуазии, но она не учла того громадного энтузиазма, который вызвала пролетарская революция в трудящихся массах. Не учла той массы талантов, творческой энергии, готовности ко всяким жертвам, которые освободила и разбудила революция.

У рабочего класса создался свой аппарат управления, несравненный по своей гибкости и близости к массам — советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Этот аппарат давал возможность большевикам быстро мобилизовать нужные силы и для военного подавления эксплоататоров и для борьбы с саботажем и контрреволюцией и быстрого проведения в жизнь декретов советской власти помимо и вопреки саботирующих государственных учреждений старой власти. Через советы большевики осуществили теснейшую, постоянно возобновляющуюся связь с подавляющим большинством народа — с рабочим классом и крестьянством, с самыми разнообразными профессиями. Советы явились самым демократическим в мире аппаратом управления. Они охватывали широчайшие массы трудящихся, вовлекая их в управление страной и обеспечивая для авангарда рабочего класса возможность воспитывать, подымать, вести за собой даже самые отсталые слои рабочих и крестьян, до этого совершенно чуждых политической жизни.

«Товарищи трудящиеся, — призывал т. Ленин, — помните, что вы сами теперь управляете государством. Никто вам не поможет, если вы сами не объединитесь и не возьмете все дела государства в свои руки. Ваши Советы отныне органы государственной власти, полномочные решающие органы... Арестуйте и предавайте суду народа всякого, кто посмеет вредить народному делу... Берите, храните, как зеницу ока, землю, хлеб, фабрики, орудия, продукты, транспорт, все это отныне будет всецело вашим, общественным достоянием. Постепенно, с согласия и одобрения большинства крестьян, по указаниям практического опыта их и рабочих, мы пойдем твердо и неуклонно к победе социализма, которую закрепят передовые рабочие наиболее промышленных государств». [61]

Саботаж только ускорил разрушение старой государственной машины. Борьба с саботажем заставила советскую власть поставить в порядок дня самое быстрое выдвижение рабочих и крестьян во все органы государственного управления. Петроградский совет 17 ноября вынес постановление, в котором говорилось:

«Вполне выяснилось, что не только капиталисты, но и значительное число тянущих рук буржуазии и связанных с ней тысячами экономических и социальных нитей высших чиновников и служащих в государственных и общественных учреждениях упорно саботируют работу рабочего и крестьянского правительства.

Такое сопротивление делу социализма со стороны буржуазии и ее пособников не является неожиданностью для пролетариата и беднейшего крестьянства, которые никогда не рассчитывали на соглашение с эксплоататорами, а только на преодоление их сопротивления организованной силой миллионов трудящихся и эксплоатируемых.

В Петрограде, как в центре капитализма, в главном центре банков и финансового капитала, в главном центре бюрократии, сопротивление буржуазии и ее пособников особенно сильно.

Поэтому Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов призывает всех рабочих и солдат Петрограда, в особенности всех членов районных советов и Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов

1) Порвать решительно и немедленно с гнилым буржуазным предрассудком, будто управлять государством могут только буржуазные чиновники.

2) Разделить без всякой оттяжки районные и общегородской советы

[61] *Ленин.* Соч., т. XXII, стр. 55, изд. 2-е.

на отделы, из которых каждый берет на себя ближайшее участие в той или иной области государственного управления.

3) Привлечь к каждому отделу наиболее сознательных и способных к организационной работе товарищей с заводов и из полков и направить полученные таким образом силы на помощь каждому народному комиссару.

Советы, партия, профсоюзы, все организации рабочего класса выделяли работников взамен саботажников. Быстро организовывались новые советские учреждения. Так для борьбы с преступными элементами взамен забастовавших судебных работников по почину Выборгского районного совета возникли народные суды.

Петроградский совет, у которого в октябре был только секретариат с секретарем, его помощником и с одним канцелярским работником, после победы в несколько дней вырос, разбился на отделы и брал в свои руки одну за другой все отрасли управления. Старая машина управления, отказавшаяся работать для рабочих и крестьян, ломалась с головокружительной быстротой. Ибо никакого другого пути, кроме разрушения старой государственной машины и замены ее новой — пролетарской, нет и не может быть у борющегося за социализм пролетариата.

Рабочим, посылаемым партией и советами комиссарами в различные учреждения, приходилось преодолевать громадные трудности. Они не могли получить никакой помощи со стороны старых чиновников. Сколько злорадства, сколько издевательства за спиной комиссара раздавалось среди этой публики, когда комиссар в своих приказах допускал грубые грамматические ошибки или обнаруживал незнание самых элементарных правил канцелярской работы. Тяжелую школу пришлось пройти этим первым работникам советского аппарата. Много большевистского упорства и героизма нужно было им, чтобы на практике одолеть трудную науку управления.

Потерпев неудачу в вооруженной борьбе против советов, попытках разложить их гнилыми компромиссами, клеветой в печати, саботажем, контрреволюция не отказалась от попыток свергнуть ненавистную ей советскую власть.

В конце ноября и начале декабря контрреволюция попыталась дезорганизовать революцию — путем спаивания малосознательных солдат. Был разгромлен склад вин в Зимнем дворце. По всему Петрограду прокатился шквал пьяных погромов. Столетия спаивало царское правительство трудящихся водкой, и теперь по мысли контрреволюции алкоголь должен был задушить революцию. Против пьяных погромов были приняты решительные меры. Вопрос о борьбе с ними неоднократно обсуждался на заседаниях Петроградского совета. При Военно-революционном комитете была организована специальная комиссия по борьбе с ними. Было постановлено уничтожить все винные склады, а с погромщиками поступать со всей пролетарской твердостью и решительностью. Кое-где при уничтожении вина приходилось применять оружие. В Зимнем дворце пришлось уничтожить вин на 3 млн. руб.

Ни алкоголь, ни поповская агитация, ни анафема патриарха Тихона не ослабили советскую власть. Но контрреволюция не опу-

стила своей преступной головы. Кадеты, прикрываясь крикливыми выступлениями эсеров и меньшевиков, готовили заговоры против советской власти. Они были объявлены врагами народа. С каждым днем рабочий класс на опыте собственной борьбы убеждался, что с врагами революции нельзя поступать мягко.

17 (30) ноября был объявлен роспуск городской думы и перевыборы. Конфискация типографий и запасов бумаги контрреволюционных газет с корнем вырывала их ядовитые зубы. 21 ноября (4 декабря) при Военно-революционном комитете была организована комиссия по борьбе с контрреволюцией и спекуляцией, превратившаяся впоследствии в Чрезвычайную комиссию, сумевшую нагнать такой ужас на врагов пролетариата.

Потеряв последнюю надежду свергнуть советскую власть внутренними силами в Петрограде и в Москве, контрреволюция все свои надежды возложила на белых генералов, организовавших вооруженное нападение на советы на Юге, и на интервенцию. Кадеты, правые эсеры и меньшевики занялись заговорами против советов и собиранием сил для Каледина и Дутова. Правые эсеры под флагом народного университета стягивали в Петроград контрреволюционные военные силы. Они надеялись использовать их для свержения советской власти в момент открытия Учредительного собрания. Но из этой попытки ничего не вышло, за советами была масса рабочих и крестьян, роспуск Учредительного собрания, этой последней надежды контрреволюции, они приветствовали.

Одной из важнейших задач Октябрьской революции было немедленное заключение мира с Германией и выход из империалистической войны.

Страна переживала величайшую разруху. Трудящиеся массы воевать больше и не могли и не хотели. Вопрос о мире так назрел, что даже буржуазное Временное правительство вынуждено было поднять перед союзниками вопрос о начале мирных переговоров. Но «доблестным союзникам» нужно было русское пушечное мясо, за которое они заплатили, и они погрозили своим верным холопам оккупацией Дальнего Востока Японией. Среди части буржуазии и ее идеологов (напр. Милюков, Рябушинский и другие) уже почти открыто обсуждали вопрос о сепаратном мире с Германией с целью задушить революционное движение. Уже началось осуществление плана расправы с революцией с помощью немецких штыков — сдача Риги, разгром Балтийского флота, этого «гнезда революции», при попустительстве бездействовавших английских судов.

Но ни буржуазное Временное правительство, ни его лакеи-меньшевики и эсеры, оравшие о «защите родины и революции», не могли вывести страну из войны.

Декрет о мире, принятый II съездом советов, и первые же шаги советского правительства к миру вызвали такое горячее сочувствие всей страны, такой взрыв энтузиазма, что даже тупоголовым оборонцам стало ясно, что массы воевать больше не хотят и не будут, и что партии, которая сумеет заключить мир, обеспечена беззаветная поддержка многомиллионных трудящихся масс.

Даже союзники наконец поняли, что Россия действительно

воевать больше не может и дальнейшее продолжение войны грозит катастрофой всему буржуазному миру и их собственному бесконтрольному хозяйничанию в стране. В первые дни после Октября, пока вся буржуазия была еще уверена, что большевики продержатся у власти только несколько дней, английский посол Бьюкенен писал своему правительству в Лондон:

> «Я разделяю взгляд, уже высказанный генералом Ноксом, что мы должны пересмотреть свою позицию. По моему мнению, единственно правильный путь, оставшийся для нас, состоит в том, чтобы взять России ее слово [65]. Моим единственным стремлением было всегда удержать Россию в войне, но невозможно принудить истощенную нацию сражаться вопреки ее воле».

Дальше он выражал надежду, что по собственной воле она сражаться будет.

Согласие на перемирие было послано в ставку генералу Духонину и французским послом. Когда же выяснилось, что большевики и не думают погибать, а наоборот их власть с каждым днем укрепляется и они энергично приближают страну к миру, причем империалистическим хищникам стран Антанты явно поживиться на этом мире не удастся, — позиция союзников изменилась. Нота Духонину была объявлена подложной. Союзники стали всеми мерами противиться заключению мира. На официальное предложение советского правительства начать мирные переговоры они ответили заговором молчания и непризнанием новой власти. А весь аппарат министерства иностранных дел не за страх, а за совесть поддерживал своих настоящих хозяев.

Союзное военное представительство заявило генералу Духонину официальный протест против нарушения Россией обязательств, взятых ею на себя, и пригрозило, «что оно может иметь самые серьезные последствия». [66]

За время войны, особенно во время керенщины союзники имели большое влияние в России. «Подорванная держава», как называли Россию еще при царе союзные дипломаты, находилась в большой зависимости от крупных империалистических хищников.

Увы, осуществить эти угрозы и с помощью интервенции раздавить только что родившуюся, ненавистную советскую власть, посмевшую восстать против империалистов Антанты и дерзко вторгнувшуюся в интересы международного капитала, было невозможно. Как раз в этот момент германские и союзные империалисты сцепились на фронте в последней мертвой схватке. Фронт загораживал советскую Россию от союзников. Германским хищникам тоже нельзя было отвлечься от драки, чтобы задавить большевистскую опасность в самом зародыше.

У союзников оставалась надежда на ставку, на «верность русского командования». Ставка, которая была гнездом самой махровой контрреволюции, всячески противилась заключению мира ненавистными ей большевиками. Генерал Духонин, заменивший бежавшего

[65] Торжественное обещание союзников не заключать перемирия с противником отдельно, данное ими друг другу 5 сентября 1914 г.

[66] *Джордж Бьюкенен.* Мемуары дипломата, стр. 278.

главковерха Керенского, отказался вести переговоры о перемирии. В ставку слетелось черное воронье контрреволюции. Эсеры и меньшевики пытались там же противопоставить советскому правительству «общедемократическое», «социалистическое» и т. д. под перехваченным у большевиков лозунгом мира и передачи земли крестьянам. Кадеты и монархисты вели работу по организации офицерства. Какие цели преследовала эта организация, ясно видно, например, из письма В. М. Пуришкевича, отобранного у него при аресте в ночь на 5 (18) ноября 1917 г. в Петрограде. В этом письме, адресованном генералу Каледину, Пуришкевич писал:

> «Организация, в коей я состою, работает не покладая рук над спайкой офицеров и всех остатков военных училищ и над их вооружением. Спасти положение можно только созданием офицерских и юнкерских полков... Властвуют преступники и чернь, с которыми теперь нужно будет расправиться уже только публичными расстрелами и виселицами. Мы ждем вас сюда, генерал, и к моменту вашего приезда выступим со всеми наличными силами...» [67]

Под давлением большевистски настроенных солдатских масс генералу Духонину пришлось опубликовать приказ о приостановке движения войск на Петроград. Но еще 4 ноября (ст. ст) около Бологова был задержан Красной гвардией блиндированный поезд с офицерами и 72 орудиями, 12 пулеметами, массой винтовок и револьверов. Часть офицеров разбежалась, часть была арестована. Новый поход на Петроград не удался.

Началась борьба за мир.

Эсеры и меньшевики, еще вчера призывавшие к продолжению войны «до победоносного конца», вдруг стали горячими сторонниками мира, уверяя массы, что большевистские мирные предложения повиснут в воздухе, так как союзники не станут даже разговаривать с узурпаторами.

«Новая жизнь» пророчествовала: «Большевики не смогут заключить мир, даже немцы не будут считаться с правительством большевиков, так что большевики даже сепаратного мира с Германией заключить не в состоянии».

Все меньшевистско-эсеровские газеты вопили, что спасти страну от ужасов войны может только такое правительство, которое будет опираться на большинство «демократии», будет признано страной «и иностранными державами».

Под лозунгами земли и мира эсеры пробовали организовать в ставке «общесоциалистическое правительство» во главе с В. М. Черновым.

Всем врагам пролетарской революции важно было вырвать инициативу заключения мира из рук большевиков, чтобы продолжать войну или заключить мир в интересах союзных и русских империалистов и задушить революционное движение.

Но ни травля буржуазии и соглашателей, верящих, что большевики за сепаратный мир с Германией, потому что они изменники и подкуплены германским золотом, ни саботаж ставки, ни угрозы

[67] *В. Владимирова.* Год службы «социалистов» капиталистам. ГИЗ. 1927 г.

союзников не могли поколебать советское правительство в твердом и решительном осуществлении самого заветного стремления рабочих и крестьянских масс.

В ответ на отказ ставки подчиниться новому правительству генерал Духонин был отстранен от должности и заменен прапорщиком Крыленко, и Совет народных комиссаров через ее голову обратился непосредственно к солдатам:

> «Солдаты, дело мира в ваших руках!.. Пусть стоящие на позициях выбирают тотчас же уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем».

О ходе переговоров предлагалось немедленно сообщить Совнаркому. Солдаты с энтузиазмом подхватили этот призыв.

Большевиков не остановили и колючие заграждения.

3 (26) ноября были отправлены парламантеры для переговоров о перемирии. На 2 часа 19 ноября (2 декабря) было назначено свидание мирной делегации с германским командованием.

Одновременно советское правительство предлагало и союзникам начать переговоры о всеобщем демократическом мире или открыто заявить, «во имя какой цели народы Европы должны истекать кровью в течение 4-го года войны».

Союзники продолжали хранить заговор молчания. Оборонцы пугали войной, которую объявят России союзники, и тяжелыми последствиями. «Требуйте прекращения самовластия большевиков, которые ведут страну к гибели!» взывали эсеры к населению. Меньшевики и эсеры толкались в передних союзных послов, уверяя, что большевики не выражают воли большинства народа, который ничего так страстно не желает как поддержать «доблестных союзников», и старались вызвать их на активные действия.

Увы, фронт загораживал молодую и еще не окрепшую Советскую республику от помощи союзников «русской демократии».

Опубликование тайных договоров царского и Временного правительства с союзниками произвело в капиталистических странах впечатление разорвавшейся бомбы. Первая партия была опубликована 10 ноября в «Известиях», и дальше день за днем продолжалось беспощадное разоблачение всех самых сокровенных тайн русской и союзной дипломатии. Вокруг опубликования тайных договоров была ожесточенная борьба. Чиновники бывшего министерства иностранных дел пытались скрыть их от советской власти и только под угрозой расстрела выполнили категорическое требование Совнаркома.

На саботаж союзников Совнарком заявил 16 (29) ноября, что «не считает себя зависимым от согласия или несогласия союзников, и в своей борьбе за мир руководствуется только интересами мирового рабочего класса», и решительно разоблачил политику союзников, противившихся прекращению войны, и ее истинные империалистические цели.

2 (15) декабря в Бресте было заключено, наконец, перемирие до 1 (14) января 1918 г. Договор предусматривал запрещение переброски войск с русского фронта на Западный, в целях усиления последнего. Договаривающиеся стороны обязывались немедленно приступить к мирным переговорам.

Дело мира стало на вполне реальную почву. По всей стране пронесся вздох облегчения.

Опубликование тайных договоров, аннулирование долгов, достигнутое перемирие, грядущий мир и вся международная политика советской власти вызвали громадное замешательство в стране капиталистов — русских и союзных.

Смелость большевиков, их решительность и способность перешагнуть через колючие заграждения произвели громадное впечатление даже на врагов советской власти.

Советская Россия смело и решительно навсегда порвала цепи, приковывавшие ее к интересам денежных мешков международного капитала. Вся внешняя политика России отныне стала вестись в интересах международного рабочего класса.

Русские послы за границей, посланные туда еще царским и Временным правительством и не признавшие Совета народных комиссаров полномочным правительством, были лишены полномочий. Было снято 28 посланников. В командовании армии была произведена основательнейшая чистка.

Советская власть усиливалась с каждым днем.

III съезд советов закрепил постановление второго. В «декларации прав трудящегося и эксплоатируемого народа», принятой на съезде, Россия была объявлена социалистической республикой советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

> «Перед победившим пролетариатом открылась свобода. Раньше весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплоатации. Мы это знаем, и разве во имя этой величайшей исторической задачи не стоит работать, не стоит отдать все силы?» [68]

говорил т. Ленин на III съезде советов, выражая твердую уверенность, что трудящиеся совершат эту титаническую работу, «ибо в них заложены дремлющие великие силы революции, возрождения и обновления», и призывал всех трудящихся «к строительству этого нового здания» и «приложить все силы к организации, закреплению *нашей величайшей победы*».

Октябрьская революция вызвала громадный взрыв энтузиазма пролетариата всего мира.

Победа пролетарской революции в России пробила первую брешь в твердыне мирового капитала, ясно, на примере показала пролетариату всех стран, что победа над капиталом возможна, доказала, что победа социализма возможна и в одной, нашей, стране, что, победив в этой стране, пролетариат может удержать власть и начать строить социализм, а опыт шестнадцатилетней борьбы победившего пролетариата СССР показал, что он не только строит, но и построит новое социалистическое общество.

---

[68] *Ленин*. Соч., т. XV, стр. 94, изд. 1-е.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Партия и рабочий класс от Февраля до июльских дней. *О. Лидак*	3
Июльские события. *О. Лидак*	75
VI съезд партии и курс на вооруженное восстание. *Б. Прокофьев*	102
Петроградский пролетариат и большевистская организация в борьбе с корниловщиной. *А. Павловская*	124
Партия и рабочий класс после корниловщины. *М. Лурье и С. Цукерман*	138
Петроградская военная организация большевиков в 1917 году. *М. Тутов*	186
Партия и октябрьское вооруженное восстание. *Н. Корнатовский*	215
Балтийский флот в дни великого Октября. *П. Дыбенко*	256
Борьба за укрепление диктатуры пролетариата. *Л. Быстрова*	283